

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2025. Том 80

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению Его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
заграницей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2025. № 80

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2025. Nr. 80

Association “Rus” (Chișinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Прешевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plšková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodol'

T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University (Moldova, Pridnestrovie)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University (Moldova, Pridnestrovie)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
История	
Суляк С.Г.	
Василий Кельсиев (1835–1872): жизнь, труды и русинская тематика в произведениях «ренегата» и патриота	10
Карпенко И.В., Крылов Н.Н., Васильева И.Н.	
Из истории медицины Закарпатья в период Средневековье – до 1945 г. История хирургии (сообщение 1)	65
Содоль В.А.	
Румынская оккупация Молдавской ССР 1941–1944 гг.: Бухарестский патриархат и политика румынизации (по материалам Национального архива Республики Молдова)	76
Лингвистика и язык	
Бекасова Е.Н.	
Модификации индивидуально-авторской картины мира в условиях раскола Русской православной церкви	91
Игнатьева Н.Д., Лонкин С.А., Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Росова Н.А., Шкуран О.В.	
Русинские пословицы-библеизмы на восточнославянском фоне	108
Садова Т.С.	
Язык именных указов и грамот Петра I о Мазепе (1708 г.)	132
Ицкович Т.В., Петрикова А.	
Католические и православные венчальные проповеди: аксиологический аспект	147
Архипова Н.Г.	
Явления лексической интерференции в речи старообрядцев – реэмигрантов из Южной Америки на Дальний Восток России	166
Попов С.А.	
Украинское наследие в ойконимии Центрального Черноземья России	185

Филь Ю.В., Алешина О.С.
Глаголы с семантикой неполноты действия в украинском
и русском языках: корпусное исследование 203

Иванова И.Е.
Иноязычная лексика в балладе Д. Балашевича
«Божа по прозвищу Валет» 222

Курьянович А.В.
Славянский культурный код в региональной картине мира
(на материале анализа объектов стрит-арта г. Томска) 238

Карпенко Л.Б.
Проблемы цифровой межкультурной коммуникации
на славянских языках 269

Социология и политология

Казак О.Г.
Компаративный анализ русинского и западнополесского движений
в современной этнополитологии 286

Некролог

В році 30. юбілею кодіфікації русинського язіка на Словакії
навсегда одышов і другий із єго кодіфікаторів: Доц. ПгДр. Василь Ябур, к. н.
(28.10.1936 – † 1.6.2025) 296

CONTENT

Editorial	9
------------------------	----------

History

<i>Sulyak S.G.</i>	
Vasily Kelsiev (1835–1872): Life, works, and the Rusin theme in the oeuvre of a “renegade” and patriot	10

<i>Karpenko I.V., Krylov N.N., Vasilieva I.N.</i>	
On the history of medicine in Transcarpathia from the Middle Ages to 1945: A history of surgery (Report 1)	65

<i>Sodol V.A.</i>	
The Romanian occupation of the Moldavian SSR (1941–1944): The Bucharest Patriarchate and the policy of Romanianization (based on materials from the National Archives of the Republic of Moldova)	76

Linguistics and Language

<i>Bekasova E.</i>	
Modifications of the individual author's worldview under the Schism (Raskol) in the Russian Orthodox Church	91

<i>Ignatyeva N.D., Lonkin S.A., Mokienko V.M., Nikitina T.G., Rosova N.A., Shkuran O.V.</i>	
Rusin proverbs of Biblical origin against the East Slavic background	108

<i>Sadova T.S.</i>	
The language of Sovereign decrees and charters of Peter I concerning Mazepa (1708)	132

<i>Itskovich T.V., Petrikova A.</i>	
Catholic and Orthodox wedding sermons: An axiological aspect	147

<i>Arkhipova N.G.</i>	
Lexical interference in the speech of Old Believers-re-emigrants from South America to the Far East of Russia	166

<i>Popov S.A.</i>	
Ukrainian heritage in the oikonymy of Russia's Central Chernozem Region	185

<i>Fil' Yu.V. Aleshina O.S.</i>	
Verbs with semantics of incomplete action	
in the Ukrainian and Russian languages: A corpus study	203

Ivanova I.E.

Foreign lexis in Đorđe Balašević's ballad "Boža Called the Jack"	222
--	-----

Kurjanovich A.V.

The Slavic cultural code in the regional worldview (based on an analysis of street art objects in Tomsk)	238
---	-----

Karpenko L.B.

Problems of digital intercultural communication in Slavic languages	269
---	-----

Sociology and Political Science

Kazak O.G.

Comparative analysis of the Rusin and West Polesian movements in contemporary ethnopolitology	286
--	-----

Obituary

In the 30th year of the codification of the Rusin language in Slovakia, another of its codifiers has passed away: Assoc. Prof. PhDr. Vasyl Jabur, CSc. (28 October 1936 – † 1 June 2025)	296
--	-----

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

В этом номере журнала «Русин», как и в предыдущем, основную часть статей составляют публикации по материалам докладов, представленных на XI Международной научной конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов», которая была проведена 13–14 мая 2005 г. Томским государственным университетом совместно с редколлегией международного исторического журнала «Русин», а также присланные в редакцию материалы по истории русинов и Карпатской Руси.

Также сообщаем, что в связи с ликвидацией Тараклийского государственного университета, на базе которого проводилась международная научно-практическая конференция «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне» (Чтения памяти И.А. Анцупова) и тяжёлой общественно-политической ситуацией, сложившейся в Республике Молдова, в 2025 г. данное мероприятие не состоится.

**С.Г. Суляк,
главный редактор**

Dear Editorial Board, authors, and readers of the journal,

This second 2025 issue of *Rusin International Journal* is composed primarily of research articles stemming from presentations at the 11th International Conference *Slavic Languages: Responding to New Challenges*, held on May 13–14, 2025, by the National Research Tomsk State University in partnership with our journal. This issue also features independent submissions on the history of the Rusins and Carpathian Rus.

We also regret to announce that, due to the closure of Taraclia State University and the difficult socio-political situation in the Republic of Moldova, the international conference *Inter-Ethnic Cooperation in Areas of Ethnic Contact (The Ivan A. Antsupov Readings)* has been canceled for 2025.

**Sergey G. Sulyak,
Editor-in-Chief**

УДК 94(436+438+470+477+478+342.1+39
UDC
DOI: 10.17223/18572685/80/2

Василий Кельсиев (1835–1872): жизнь, труды и русинская тематика в произведениях «ренегата» и патриота

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Василий Иванович Кельсиев (16(28).06.1835–2(14).10.1872) – общественный деятель, раскаявшийся революционер, бывший политический эмигрант, бывший сотрудник Вольной русской типографии А. Герцена в Лондоне, писатель, журналист, переводчик, историк, этнограф. Происходил из обедневшего дворянского рода. В 1855 г. закончил Петербургское коммерческое училище. После смерти отца в 1852 г. обучение профинансировала Российско-американская компания. Затем ему было предложено изучить китайский и маньчжурский языки. Он стал в 1855–1857 гг. вольнослушателем факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Обучение тоже оплатила компания. Во время обучения проникся либеральными идеями. В 1858 г. В. Кельсиев был командирован Российской-американской компанией на Аляску. Он отправился туда вместе с женой. В мае из-за шторма корабль был вынужден остановиться в Плимуте, где у супруги открылось сильное кровотечение после родов. Ребёнок тоже был болен. Из-за этого он взял отпуск, а потом ушёл из компании и переехал с семьёй в Лондон. Дочь спасти не удалось. В. Кельсиев объявил себя политическим эмигрантом и стал сотрудничать с А. Герценом и Н. Огарёвым. Он пытался привлечь старообрядцев к борьбе с самодержавием. В Лондоне издал «Сборник правительственные сведений о раскольниках» (1860–1862. Вып. 4). В марте–апреле 1862 г. В. Кельсиев нелегально по турецкому паспорту приезжал в Россию, где контактировал с представителями революционных кружков и лидерами раскольников в Москве. Когда летом 1862 г. в Санкт-Петербурге начался процесс по «делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропа-

гандистами» («Дело 32-х»), следствие затребовало Кельсиева. Он не явился. Его приговорили к изгнанию из России и лишению всех прав состояния. С октября 1862 г. по декабрь 1863 г. В. Кельсиев жил в Константинополе (Стамбуле), стараясь объединить антиправительственные силы. Польское восстание 1863 г. заставило его начать пересматривать свои убеждения. В декабре 1863 г. в поселении казаков-некрасовцев в Тульче (Добруджа) его избрали атаманом. Но пропагандистская работа среди ста-рообрядцев потерпела крах. В апреле 1865 г. он с семьёй перебрался в Галац (Румыния). Здесь во время эпидемии холеры умерли его малолетние дети и жена. Весной 1866 г. он прибыл в Вену, где жил около полугода. Он путешествует по Венгрии и Галиции, отправляет путевые очерки, материалы по этнографии и мифологии славян в русские издания. 7 ноября 1866 г. он приезжает в Яссы. 19 мая 1867 г. В. Кельсиев прибыл на российский таможенный пункт в Бессарабии и сдался властям. Находясь под арестом, написал «Исповедь» (13 июня – 11 июля 1867 г.), в которой отрёкся от своей революционной деятельности и попросил у императора помилование. В. Кельсиеву было возвращено право поступать на государственную службу и возможность жить в обеих столицах. Дальнейшая судьба его была тяжёлой. Раскаяние и переход в проправительственный лагерь вызвали двоякую реакцию. Либералы осуждали его как отступника и безнравственного человека, нередко излишне критично и субъективно оценивая его литературные труды. На государственную службу его не приняли. В. Кельсиев смог зарабатывать на жизнь только литературным трудом. В 1868 г. он выпустил книги «Пережитое и передуманное. Воспоминания Василия Кельсиева» и «Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева». В 1870–1872 гг. Кельсиев помещает в «Ниве» и «Семейных вечерах» ряд исторических очерков. Здоровье его было подорвано тяжёлой жизнью в эмиграции и потрясением от потери близких. Планы, которые он строил после возвращения в Россию, не осуществились. В последний год жизни В. Кельсиев предавался апатии. Умер он от паралича сердца. В ряде работ В. Кельсиев поднимает темы Карпатской Руси, русинов и унии, даёт этнографическое описание русинов и общественно-политической ситуации в Галичине, критикует украинофильство. Некоторые его мысли, выводы и предложения не утратили своей злободневности и в настоящее время.

Ключевые слова: Владимир Кельсиев, писатель, этнограф, публицист, русин, руснак, уния, украинофильство, Галичина, Буковина

Vasily Kelsiev (1835–1872): Life, works, and the Rusin theme in the oeuvre of a “renegade” and patriot

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Vasily Ivanovich Kelsiev (June 16 [28], 1835 – October 2 [14], 1872) was a public figure, a repentant revolutionary, a former political émigré, a former employee of Alexander Herzen's Free Russian Press in London, writer, journalist, translator, historian, and ethnographer. He came from an impoverished noble family. In 1855, he graduated from the St. Petersburg Commercial School. After his father's death in 1852, his studies were funded by the Russian-American Company. He was subsequently offered the opportunity to study Chinese and Manchu, becoming an auditor at the Faculty of Oriental Languages of St. Petersburg University from 1855 to 1857, with his tuition again covered by the Company. During this period, he became influenced by liberal ideas. In 1858, Kelsiev was dispatched by the Russian-American Company to Alaska, accompanied by his wife. In May, their ship was forced to dock in Plymouth due to a storm, where his wife suffered a severe postpartum hemorrhage and their child also fell ill. Consequently, he took a leave of absence, subsequently resigned from the Company, and relocated with his family to London. Their daughter could not be saved. In London, Kelsiev declared himself a political émigré and began collaborating with Alexander Herzen and Nikolay P. Ogaryov. He attempted to engage Old Believers in the struggle against the autocracy and published the *Collection of Government Reports on the Schismatics* (1860–1862, 4 vols). In March–April 1862, Kelsiev illegally entered Russia on a Turkish passport, making contact with members of revolutionary circles and leaders of the schismatics in Moscow. When the trial of “the case of persons accused of liaising with London propagandists” (the “Case of the 32”) began in St. Petersburg in the summer of 1862, the investigation summoned Kelsiev. He failed to appear and was sentenced in absentia to exile from Russia and the deprivation of all rights of his estate. From October 1862 to December 1863, Kelsiev lived in Constantinople (Istanbul), striving to unite anti-government forces. The Polish Uprising of 1863, however, prompted a reassessment of his convictions. In

December 1863, he was elected ataman by a community of Nekrasov Cossacks in Tulcea (Dobruja), but his propaganda work among the Old Believers ultimately failed. In April 1865, he moved with his family to Galati (Romania), where his young children and wife died during a cholera epidemic. In the spring of 1866, he arrived in Vienna, residing there for approximately six months. He traveled through Hungary and Galicia, sending travel essays along with materials on Slavic ethnography and mythology to Russian publications. On May 19, 1867, Kelsiev arrived at a Russian customs post in Bessarabia and surrendered to the authorities. While under arrest, he wrote his "Confession" (June 13 – July 11, 1867), in which he renounced his revolutionary activities and petitioned the Emperor for a pardon. His rights to enter state service and to live in both Russian capitals were restored. His subsequent fate was difficult. His repentance and transition to the pro-government camp elicited an ambivalent reaction. He was criticized by liberals as an apostate and an immoral man, and his literary works were often assessed with excessive criticism and subjectivity. He was not accepted into state service and could earn a living only through literary work. In 1868, he published the books *What I Have Lived Through and Reconsidered: The Memoirs of Vasily Kelsiev* and *Galicia and Moldavia: The Travel Letters of Vasily Kelsiev*. From 1870 to 1872, he published a series of historical essays in the journals *Niva* and *Family Evenings*. His health had been undermined by the hardships of emigration and the trauma of losing his family. The plans he had made upon returning to Russia failed to materialize, and he began to drink heavily. In the last year of his life, he was overcome by apathy and died of cardiac paralysis. In a number of his works, Kelsiev addresses themes of Carpathian Rus', the Rusins, and the Union; provides an ethnographic description of the Rusins and the socio-political situation in Galicia; and criticizes Ukrainophilia. Some of his ideas, conclusions, and proposals remain relevant to this day.

Keywords: Vasily Kelsiev, writer, ethnographer, journalist, Rusin, Rusnak, Church Union, Ukrainophilia, Galicia, Bukovina

Василий Иванович Кельсиев родился 16 (28) июня 1835 г. в Санкт-Петербурге в бедной дворянской семье старшего помощника пакгаузного надзирателя петербургской таможни. Дед его был канцелярским служащим в Шацке. Отец умер в 1852 г. [2: 366; 12: 427; 30: 256; 37: 526]. У него был братья Иван (1841–1864), Александр (1846–1885), русский антрополог, хранитель Московского Политехнического музея) и сестра Мария (умерла в Москве в 1862 г.). С сестрой они выросли вместе, играли в детстве, он её очень любил и называл Малушей. В. Кельсиев так же потом звал и свою дочь Марию [4: 668; 14: 174; 15: 292; 29; 37: 526; 52].

В. Кельсиев писал: «...в нашем доме строго соблюдались все постановления и обычай церкви. Посты никогда и ни в каком случае

не нарушались, углы были уставлены иконами, перед которыми теплились неугасимые лампады, в церковь мы ходили, как следует, чуть что не каждый день, молебны и водосвятъя совершались у нас в большие праздники, – я был искренно православным, насколько то было возможно при моем возрасте, но училище сделало меня атеистом» [15: 179].

По легенде, род Кельсиев происходил от мордовских аульных князей. Его прадед князь Ютмек Кельсий принял подданство России при Екатерине II. Его потомок не захотел разыскивать бумаги на наследственный титул и стал называться просто Кельсиевым (по другой версии, его род имеет кавказское происхождение. – С.С.) [28: 609; 32: 481].

По описанию одного из современников В. Кельсиева, «одарённый от природы сангвиническим темпераментом, он и в наружности, и в привычках много выказывал азиатского. Курчавые с лоском волосы; маслянистые, с грустным оттенком глаза; выдающиеся в лице скулы и мягкий, гортанный голос, с прибавкой к этому постоянной наклонности к восточному кайфу и мусульманскому фатализму, – все говорило в нем не за холодную кровь. Пристрастившись ещё с раннего детства к чтению книг, но не имея дельного руководителя в выборе их и с жадностью напав на те пикантные и вредные романы, которыми в 40-х годах иностранные писатели и русские переводчики эксплуатировали юные и горячие головы, – Кельсиев, под диктовку их, рядил себя попеременно то в альмавиву Ринальдини, то в колет мушкетёра, то в компании Плика и Плока пиратствовал в водах океана. Распалённая фантазия, действовавшая под тakt горячего пульса, постоянно рисовала ему жизнь при бенгальском огне, и, волнуя неокрепший ещё мозг и формирующиеся страсти, – постоянно ставила его на ходули с риском при первом faux pas свернуть себе шею. Отрезвить, расхолодить, угомонить бедного юношу было некому: оставшись смолоду без домашнего кровного регулятора, не опекаемый, а чаще распекаемый теми, от кого он зависел и которых поэтому чаще всех бежал, он в ту опасную пору, когда складываются ум, характер и воззрения на жизнь и выбирается торная, испробованная опытом дорога будущей деятельности, строил воздушные замки, или мчался от одной мечты к другой. К счастью, он вскоре был определен в коммерческое училище, где и пробыл около 10 лет. Правильный метод образования и полный надзор за образом мыслей повлияли на него благодетельно» [32: 481–482].

Первоначальное образование мальчик получил в частном пансионе. Закончил Петербургское коммерческое училище (1845–1855) с чином 15-го класса, куда его отдал отец в 10 лет. До смерти отца содержался в пансионе за его счёт. По ходатайству матери, после смерти

отца его обучение оплатила Российско-американская компания (по другой версии – само училище. – С.С.). В. Кельсиев дал обязательство после окончания училища прослужить определённое количество лет в колониях компании. В то время расширялась торговля с Китаем и В. Кельсиеву было предложено изучать китайский и маньчжурский языки. Он стал в 1855–1857 гг. вольнослушателем факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Обучение также оплатила Российско-американская компания. Одновременно он служил в этой компании, переводя коммерческую корреспонденцию с английского и немецкого языков, получая за это 25 руб. в месяц. В начале Крымской войны, под влиянием патриотических настроений, охвативших всю Россию, подал прошение о принятии его на военную службу. Он мечтал стать юнкером, офицером. Однако, когда вышло предписание всех вольноопределяющихся новичков оставить в резерве, он разорвал своё прошение. В. Кельсиев продолжил изучать языки и китайскую философию. Здесь он добился больших успехов. Впоследствии он знал до 25 языков и наречий, на 14 мог говорить [4: 668; 19: 273–276; 28: 609–610; 30: 256–257; 37: 526].

Говоря о том, что он «был захвачен тем оппозиционным движением умов, которое началось у нас вследствие неудач крымской кампании», В. Кельсиев упомянул и другую причину «увлечения молодёжи социализмом и атеизмом». Она, по его мнению, «лежала в весьма плохом устройстве тогдашних средних и высших учебных заведений, в которых учили всему на свете и ничему не выучивали» [15: 177–178]. Он вспоминал, что в училище «о посте в среду и в пятницу я даже забыл», «иконы, которые я так любил и уважал, были в комнатах училища крохотные, загаженные мухами; молитвы перед учением и после учения исправлялись только очевидно для формы. Закон Божий преподавался точно неизбежная излишность. Ничто не дышало тем тихим, ясным, всепрощающим духом христианства, как в английских, в галицких школах. Воспитателей (гувернёров) было у нас восемь человек – и из них только двое русских, а впоследствии даже один. Инспектор и директор также были не православные, – мы смотрели на них, как на развитеих людей и догадывались, что развитие и православие, наука и наша вера не ладят между собою. О вере с нами говорил только законоучитель, да и то раз в неделю, а воспитатели иноверцы невольно должны были обходить молчанием эти вопросы. К этому мы узнавали невольно, что на Западе люди и умнее, и лучше нас, что оттуда идут в Россию все истинны науки и все правила общежития, – вывод был ясен и неизбежен». Позже В. Кельсиев пришёл к заключению, что «в настоящее время вопрос о поддержке православия становится в высшей степени важным, в

виду усиленной деятельности против него и против самого раскола иностранных пропагандистов, которые, как мне кажется, скоро возвьмут верх» [15: 179–180].

Его затронуло «брожение пятидесятых годов», сильное в тех кружках молодёжи, которые он посещал. В «Пережитом и передуманном» В. Кельсиев вспоминал, что «вдруг, ни с того, ни с сего – кто не помнит этого времени – наша молодёжь, и даже не одна молодёжь, восчувствовала какой-то злой восторг от наших крымских неудач». Во время учёбы он сблизился с будущим революционером А.И. Ничипоренко, Н.А. Добролюбовым и братьями В.С. и Н.С. Курочкиными. Вероятно, он участвовал в добролюбовском кружке в Главном педагогическом институте [2: 366; 19: 278–279; 28: 610; 32: 482; 37: 526]. Н.Добролюбов, бывший в 1856–1856 гг. в то время студентом старших курсов Главного педагогического института, писал в своём дневнике о В. Кельсиеве: «Это человек серьёзно мыслящий, с сильной душой, с жаждой деятельности, очень развитый разнообразным чтением и глубоким размышлением... Он не пугается отвлечённых вопросов, но берет их, не разобщая с жизнью. Одно, что мне в нем не нравится, это излишняя прихотливость в отношении к собственной жизни. Может быть, впрочем, что и это в нём есть следствие внутренних сил, которые ищут себе выхода и рвутся в разные стороны» [30: 257].

В 1858 г. В. Кельсиев был командирован Российской-американской компанией в качестве старшего помощника бухгалтера на Аляску в г. Новоархангельск (ныне Ситка). Он отправился туда вместе с женой Варварой Тимофеевной (урождённой Щербаковой). Из-за шторма корабль был вынужден остановиться в Плимуте (Англия), где у супруги открылось сильное кровотечение после родов. В связи с этим он взял отпуск у Российской-американской компании на шесть месяцев. В мае 1859 г. он приехал в Лондон, где сближается с А.И. Герценом и Н.П. Огарёвым. Как вспоминал В. Кельсиев, «когда я приехал в Лондон, я застал Герцена во всём блеске его славы и авторитета¹. Через два года влияние его стало ослабевать, через три года звезда его окончательно померкла» [2: 366; 12: 427; 15: 176, 180; 28: 610; 36: 159; 37: 526].

Он приехал в Лондон с больными ребёнком и женой. Доктора посоветовали вывезти жену на лето в Германию, для чего нужен был паспорт, но он с семьёй был вынужден остаться в Лондоне на всё лето, т. к. не пришёл паспорт из Петербурга. Ребёнку становилось хуже, жена тоже не оправилась от болезни. Наступила осень, отпуск заканчивался. В. Кельсиев должен был ехать в Америку. Он подал прошение на ещё один отпуск на полгода. Ему отказали. Компания предложила либо немедленно ехать, либо уволиться, оплатив все

произведённые на него расходы. В. Кельсиев отдал в распоряжение компании всю свою недвижимость, и попросил, что, если продажа его библиотеки и вещей не покроет долга, то он готов принять меры, чтобы его полностью погасить. Ответ В. Кельсиев не получил. Сам он считал, что причиной этого было то, что он объявил себя политическим эмигрантом. О судьбе семейных бумаг, которые были в его вещах, он так и не узнал. В ноябре В. Кельсиев пошёл в Генеральное Российское консульство и заявил об отказе от карьеры, разрыве всех связей со своим отечеством, родными и близкими [15: 176].

Позже В. Кельсиев так и не смог объяснить причину своего поступка. В «Исповеди» он писал: «Причины, побудившие меня пойти в генеральное русское консульство в Лондоне и заявить, что я отказываюсь от своей карьеры, что порываю все связи с отечеством, с родными, с близкими, заключались в общем тогдашнем настроении русской молодёжи. Герцен и Огарёв долго и упорно уговаривали меня отказаться от моего намерения, – но дух времени сильнее здравого смысла: я остался в Лондоне против их желания, без определенной цели, без выясненной задачи. “Работать нужно, пропагандировать нужно, это священный долг современного русского”, твердил я себе. Мне тогда было 24 года, Россию я видел только от Петербурга до Новгорода, да и то мельком, жизнь я вёл в Петербурге кабинетную; сведения и теории мои были почерпнуты из книжек и из рассказов таких же юношей, каким я тогда был; занятия мои состояли в изучении китайского, маньчжурского, монгольского, тибетского, санскритского языков, да наречий наших финских племён, а лингвистика, разумеется, плохо могла содействовать знанию действительной жизни и общественных отношений. Я даже и общества тогда избегал по крайней застенчивости моего характера: я был человек книжный, кабинетный, я даже в Америку ехал именно для изучения эскимосских и американских наречий, которые меня сильно интересовали, больше, чем заманчивая перспектива сделаться со временем русским консулом где-нибудь в Кантоне или в Шанхае. И вот вместо того, чтобы исполнить своё давнишнее намерение, побывать в русской Америке, повидать племена, живущие по берегам Тихого Океана, изучить их цивилизацию, языки, нравы, предания, верования, – мечта, которую я лелеял с 15-летнего возраста, – я все бросил, от всего отрёкся и сделался пропагандистом. А примирение с Американскою Компанией было возможно, – стоило только обождать выздоровления жены... Я ещё в Петербурге был захвачен тем оппозиционным движением умов, которое началось у нас вследствие неудач крымской кампании. Редкий кто из моих тогдашних сверстников не роптал на правительство; доверие к его способности и благонамеренности падало со дня на день, и молодёжь,

испуганная и оскорблённая за Россию, волей не волей напрягала все свои силы на изучение зла и на отыскание средств к спасению; России же тогда почти никто хорошо не знал, – она вся, со своим настоящем и прошедшим, была покрыта канцелярскою тайной, для изучения её приходилось обращаться к рукописной литературе да к сочинениям об нас иностранцев, то есть к весьма плохим источникам. Но и эти скучные источники были тогда запрещены, что и давало им огромный вес в наших глазах. <...> Последствия были такие, каких и ожидать следовало. Все, что только исходило из правительственной среды, вперёд не пользовалось доверием; все, что заявляло себя против правительства и его действий, вперёд могло рассчитывать на сочувствие и доверие. Запрещённые книги неминуемо стали казаться тогда чуть не откровением свыше <...> Перед нами открывался новый мир, мир, пожалуй, фантастический, возможный только в теории, но неофиты всегда страстные охотники до теорий, а особенно до теорий, преследуемых властью. Возражать нам, вести с нами полемику, переубедить нас – никто не мог, потому что никто, или мало кто, заглядывал тогда в России в эти книги, потому что изучение этих теорий было тогда крайне затруднительно, потому что даже литература не смела говорить о них. Как духовная цензура содействовала развитию у нас всяких религиозных сект, так политическая цензура вызвала, необходимым сделала возникновение той партии, которую впоследствии стали называть нигилистами. <...> “Русский человек”, говорят наши сектанты, “тем не похож на всех других, что он правды ищет” – и действительно, страсть к последовательности, к развитию каждого положения до pes plus ultra, довела простонародье до скопчества, до самосожигательства, до восторженности! – а гимназистов, семинаристов и студентов догнала до таких отрицаний, о каких Западу и во сне не снилось» [15: 176–177].

В «Пережитом и передуманном...» он написал: «Я сделался эмигрантом, потому что не мог им не сделаться. Не было ни малейшего повода отрезываться от России и идти в наше лондонское генеральное консульство и объявлять, что я не считаю себя более русским подданным. Никто меня не знал, ни во что не был и замешан, впереди мне предстояла довольно недурная карьера, совершенно подходящая к моей специальности ориенталиста, впереди неё было светло и даже завидно; но я все бросил; не только без всякой причины, не только без всякого толчка, но даже против советов и против убеждений самих редакторов “Колокола”. <...> Подробного отчёта дать себе я не мог, и в то же время не мог не сделаться эмигрантом, время такое было, таким воздухом пахло» [19: 246–248]. «Я пошёл в наше генеральное консульство добровольно заявить, что я эмигрант, потому что дух

времени был таков, потому что тогда ни я, ни Герцен, ни Огарёв, а вся Россия отыскивала на Западе разрешение всех загадок и отыскивала именно на Западе, потому, что все, что в России говорилось и что из России могло выйти, было загадочно» [19: 311–312].

А. Герцен так описывал В. Кельсиева: «Молодой, довольно высокий, худой, болезненный, с четвероугольным черепом, с шапкой волос на голове, он мне напоминал (не волосами – тот был плешив), а всем существом своим Энгельсона² – и действительно, он очень многим был похож на него. С первого взгляда можно было заметить много неустроенного и неустоявшегося, но ничего пошлого. Видно было, что он вышел на волю из всех опек и крепостей, но ещё не приписался ни к какому делу и обществу – цеха не имел. Он был гораздо моложе Энгельсона, но все же принадлежал к позднейшей шеренге петрашевцев и имел часть их достоинств и все недостатки: учился всему на свете и ничему не научился дотла, читал всякую всячину и надо всем ломал довольно бесплодно голову. От постоянной критики всего общепринятого Кельсиев раскачал в себе все нравственные понятия и не приобрёл никакой нити поведенья. Особенно оригинально было то, что в скептическом ощупывании Кельсиева сохранилась какая-то примесь мистических фантазий: он был нигилист с религиозными приёмами, нигилист в дьяконовском стихаре. Церковный оттенок, наречие и образность остались у него в форме, в языке, в слоге и придавали всей его жизни особый характер и особое единство, основанное на спайке противоположных металлов» [6: 330–331].

В Лондоне Кельсиев сблизился с русскими эмигрантами и польско-английским революционером А.И. Бенни³, принимал участие в работе Вольной русской типографии, печатался в газете «Колокол». По инициативе А. Герцена В. Кельсиев занялся собственным переводом Библии на русский язык. В день смерти своей дочери В. Кельсиев подписал контракт с издателем Трюбнером сначала на перевод «труднейшей» «Книги пророка Исаии» с вознаграждением всего 10 фунтов стерлингов (около 60 руб.). Затем он принялся за перевод «Пятикнижия Моисеева». Он вышел в апреле 1860 г. под псевдонимом Вадим. Позже и сам В. Кельсиев признал перевод неудачным. Однако это ускорило появление синодального перевода Священного Писания [2: 366–367; 15: 189; 27: 163; 37: 526].

По предложению Герцена Кельсиев издал в Лондоне «Сборник правительственныех сведений о раскольниках» (1860–1862. Вып. 4) [22–25], где были впервые опубликованы широко распространённые среди старообрядцев в XIX в. «Собрание от Святого Писания о антихристе и о последнем времени», фрагменты сочинений Евфимия, создателя согласия странников. Одним из первых Кельсиев пытался

обосновать взгляд на раскольников и сектантов как на потенциальную революционную силу. Во вступлении он высказал своё мнение о расколе: «Раскол был протестом не только против правительства, но и против церкви. Он заявил при самом своём рождении, что и правительство, и церковь должны быть народны, должны не вводить новых обычаев, не требуемых народом; и когда он был проклят собором и казнён в лице Никиты, стрельцов, соловецких бунтовщиков – он проклял правительство с его духовенством, ушёл в скиты и стал проповедовать ненависть к ненародным началам. Мы видим в истории великорусов постоянное стремление к независимости, которое поочерёдно выражалось то вечевым порядком, то удельной особенностью, то казачеством и, наконец, приняло форму раскола». Однако глубоких знаний о расколе у В. Кельсиева не было, тщательного изучения данного вопроса он не производил, его наблюдения были поверхностными и субъективными. В 1863 г. в Лондоне увидело свет подготовленное В. Кельсиевым «Собрание постановлений по части раскола» в двух книгах, не утратившее своё значение и в настоящее время [2: 366–367; 20: IV; 37: 526].

В марте–апреле 1862 г. В. Кельсиев нелегально по турецкому паспорту приезжал в Россию для упрочения контактов с революционными кружками и переговоров с руководителями раскола в Москве. Поддельный паспорт был оформлен с помощью нахичеванского купца-армянина при помощи его соотечественников в Константинополе (Стамбуле) на имя уроженца этого города Vasili Jani (Яни – греческое сокращение его отчества Иванов). В. Кельсиев не имел денег заплатить за паспорт. Он обратился за помощью к М.А. Бакунину, «великому мастеру собирать революционные контрибуции». Бакунин нашёл и сказал, что 300 руб. будут переданы в Санкт-Петербурге через А. Ничипоренко. Назвал Бакунин и имя дарителя, но В. Кельсиев, «признаться, на радостях тут же забыл его имя, не русское и очень мудрёное. Впрочем, оно должно быть в показаниях Ничипоренки⁴». Он встречался с единомышленниками Герцена, участвовал в заседаниях революционного кружка Бенни и Ничипоренко, выпускавшего в собственной типографии прокламации «Русская правда». Кельсиев嘗試 распространять прокламации среди старообрядцев, искал среди них союзников, но быстро убедился в несбыточности надежд на их революционность. В июле 1862 г. в Санкт-Петербурге начался процесс по «делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» («Дело 32-х»), в ходе которого стало известно о недавнем пребывании Кельсиева в России. В декабре 1862 г. его затребовали на следствие. Он не явился. 10 декабря 1864 г. сенат приговорил его к изгнанию из России и лишению всех прав состояния.

30 марта 1865 г. приговор утвердил император [2: 367; 15: 211–233; 27: 163; 36: 161; 37: 526].

В «Колоколе» была опубликована только одна его статья «Гонение на крымских татар» (1861. 22 декабря), написанная на основе записи Э.И. Тотлебена о распоряжениях русской администрации в Крыму в 1854–1860 гг. По возвращении из России в 1862 г. он работал вместе с Герценом и Огарёвым над первыми номерами новой газеты «Общее вече»⁵, приложения к «Колоколу». В. Кельсиев пытался использовать её для агитации среди старообрядцев, пытаясь воздействовать их и секстантов в революционном движении. В 1863 г. Пафнутий (Овчинников), епископ Белокриницкой иерархии, после встречи с А. Герценом, Н. Огарёвым, В. Кельсиевым и другими революционерами в Лондоне, запретил пастве контактировать «с этими безбожниками» [2: 367; 15: 244; 36: 161; 37: 526]. Как вспоминал В. Кельсиев, «над названием газеты долго думал Огарёв и, наконец, придумал: «Общее вече». <...> Меня часто потом спрашивали старообрядцы, что значит слово «вече»? – а мы в Лондоне и не знали, что у них совершенно забыты удельные времена!». В. Кельсиев писал, что язык, направление и содержание «Колокола» «недоступны простому народу, упрямый Огарёв стоял на своём – пришлось покориться, да и отказаться от помещения богословских полемических статей». Половина статей В. Кельсиева «была забракована. Статьи самих старообрядцев догматического содержания – тоже не прошли цензуры. Первый номер вышел бесцветным». Во втором номере В. Кельсиев уже не участвовал [15: 244; 36: 161–162].

Неудачная поездка в Россию заставила В. Кельсиева, как он писал в «Исповеди», поехать «в Турцию и в Дунайские Княжества, где живёт огромное множество русских, и откуда я надеялся устроить сношения с Петербургом и с Москвой». Перед этим, в конце августа 1862 г., он посетил Париж, «чтобы собрать кое-какие предварительные сведения» о том, что его там ожидает. У поляков, как он писал, «были сношения с черкесами и старообрядцами, нужно было узнать, в чём они состоят и нельзя ли воспользоваться ими для успеха нашего, тогда уже революционного, дела». Здесь он встречался с польскими эмигрантами, в частности с полковником В. Иорданом, представителем «партии» А. Чарторыйского. Агентом А. Чарторыйского на Востоке был «молодой бердичевский помещик, русский по происхождению, униат по вере, литератор фантаст, Михаил Чайковский» [15: 253–255].

С октября 1862 г. по декабрь 1863 г. В. Кельсиев жил в Константинополе, где попытался объединить антиправительственные силы. Здесь в 1863 г. он выпустил прокламацию на церковно-славянском языке «Слоучная пора приходит...» (газета «България», Стамбул, 1863 г.,

4 марта). Именно в Константинополе В. Кельсиев тесно сошёлся с польскими эмигрантами, в т. ч. с упомянутым М. Чайковским (принявшим в Турции имя Садык-паша), познакомился со старообрядцами, в частности с Осипом (Иосифом) Гончаровым (Гончаром)⁷, которого охарактеризовал, как «замечательного человека». По его словам, это был «человек удивительно деятельный, трезвый, бескорыстный, он всецело предан интересам старообрядчества и ценит все события мира по их выгодности и невыгодности для его церкви». Однако, как позже признал сам В. Кельсиев, ни с черкесами, а позже и со старообрядцами ничего не получилось [15: 254, 264; 28: 610; 36: 162; 37: 526].

В июле 1863 г. в Константинополь приехал его брат Иван, член «Земли и Воли», сбежавший в Москве из-под ареста, а в августе – жена Варвара Тимофеевна с дочерью Марией (Малушей). Из писем к Герцену и Огарёву, написанных в 1863 г., видны его сомнения в правильности революционной борьбы и симпатии к славянофильству [36: 162–163]. Сам В. Кельсиев писал: «Прощанье с Цареградом, в декабре 1863 года, было разрывом с противоправительственной деятельностью, как прощанье с Яссами, в мае 1867 года, было разрывом с эмиграционной жизнью». И далее: «С этих пор я ничего не замышлял и не предпринимал против правительства» [15: 271].

Польское восстание стало для него, как и для Всеволода Крестовского [45: 30–31], тем рубиконом, который изменил его убеждения: «От агитаторства, от всего того, что можно характеризовать общим, хотя не совсем верным, названием революционерства, я был вынужден отречься ещё в Цареграде, в 1862–63 г., когда ход польского восстания и падение наших, так называемых нигилистов, сильно потрясли во мне веру в осуществимость наших идеалов, а близкое столкновение с политическими деятелями и с народом раскрыло мне с беспощадной ясностью невежество одних и неподготовленность других. Ложь стала так ясна, что всякая практическая деятельность под прежним знаменем оказалась для меня невозможной: проповедовать то, чему не веруешь, строить то, чего очевидно нельзя было построить, – было противно, было выше моих сил. Возвратиться в Россию тогда не было возможности: во-первых, меня ожидала бы каторга, а во-вторых, у меня была на плечах семья, которой я был единственной опорой и поддержкой» [19: 4–5].

В. Кельсиев принял предложение Садык-паши стать «казацким головою (казал-бashi), атаманом в Добрудже, за пять турецких лир в месяц (почти 30 р. сер.)». Он «с радостью ухватился за эту должность, которая меня спасала от нищеты и давала мне возможность жить все-таки между русскими, изучить наше простонародье и быть ему полезным». В декабре 1863 г. в поселении казаков-некрасовцев

в Тульче (Добруджа) он был избран атаманом. Братья Кельсиевы распространяли среди колонистов издания Герцена, прокламации «Земли и воли» [3: 911–912; 15: 269; 37: 526].

Вскоре митрополит Белокриницкий Кирилл (Тимофеев) запретил своей пастве общаться с В. Кельсиевым, также у него появились разногласия с атаманом И. Гончаровым. В июне 1864 г. умер от тифа его брат И. Кельсиев. 17 декабря 1864 г. В. Кельсиев в письме Д.В. Аверкиеву пишет о разочаровании в нигилизме и желании печататься в русских журналах. В апреле 1865 г. он с семьёй перебрался в Галац (Румыния). Здесь В. Кельсиев перебивался разными работами, затем получил место «контролёра подрядчика при мщении двух улиц». Во время эпидемии холеры умерли его малолетние дети, сын и дочь «лет пяти, красавица собой, умная и добрая, как её мать». Вскоре скончалась жена [2: 367; 15: 289–290; 37: 526].

Весной 1866 г. В. Кельсиев покинул Галац и прибыл в Вену, где жил около полугода. Здесь он занимается публицистической деятельностью. Пишет в русские журналы и газеты: «Голос» (под псевдонимом И. Ж.), «Петербургские ведомости» (Казакли), «Русский вестник» (Иванов-Желудков (Желудков – девичья фамилия его матери. – С.С.)), «Отечественные записки» (Приславлев). В Вене В. Кельсиев посещал лекции по старославянскому и авестийскому языкам и санскриту. Свободное время он проводил в Императорской библиотеке, изучая «славянские сказки, песни, древнюю историю славянства и народные обычаи»⁸. В Вене он прекратил переписку с А. Герценом. В. Кельсиев вступил в «Славянский клуб», познакомился с ярдом его членов, в основном с галицкими русскими⁹. Он путешествует по Венгрии и Галиции, пишет путевые очерки, материалы по этнографии и мифологии славян в русские газеты и журналы. Автор так объяснил причину своей поездки в Галичину: «С правительством я совершенно примирился и несколько раз порывался просить у Государя помилования, но меня удерживал польский вопрос. Что мне ни говорили галичане, какие ужасы они не рассказывали про поляков, мне все как-то не верилось, потому что между эмигрантами я много наслышался о любви народа к шляхте, об участии мужиков в повстании и никак не мог согласить их рассказов с известиями наших газет и с тем, что слышал от галичан. Если эмигранты были правы и, если Польша возможна, может быть, безвредна для нашего Западного края, тогда наше правительство, разумеется, неправо, и тогда примирение моё с ним было бы невозможно: нельзя же было бы обманывать его на счёт своего образа мнений. Долго я ломал голову над этой дилеммой, пока не решился исполнить просьбу моих приятелей галичан – объездить и описать их край». И далее: «Итак – второй раз в жизни пришлось

мне переродиться. Цареград, бывшая столица Восточной Римской империи заставила меня покинуть борьбу против правительства; Вена, бывшая столица Западной Римской империи сделала меня бойцом за него». Из Галиции он был выслан австрийской полицией, которая приняла его за русского шпиона [2: 367; 9: 212–213; 15: 294–303; 27: 163; 37: 526].

Заподозрив в В. Кельсиеве российского агента, австрийские власти депортировали его в Молдавию. 7 ноября 1866 г. он приезжает в Яссы, где безвыездно живёт до возвращения в Россию. В «Исповеди» он писал: «сама Молдавия имела для меня интерес в научном и в политическом отношении. Изучение её этнографии и древностей необходимо для пояснения многих тёмных вопросов в истории славянства, а соседство её с Россией возлагает на нас обязанность следить за её общественным настроением: к нам она тянет, к Франции или к Австрии? Тишина и непривлекательность ясской жизни, казалось, гарантировали мне успешное окончание моего “Путешествия по Галичине” и опровержение учений Духинского, имеющих такое колossalное влияние на действия против нас поляков и на отношения к нам Западной Европы. Вступить в борьбу с ним я чувствовал себя в силах, благодаря моему близкому знакомству с славянским бытом, языками, преданиями, летописями, а также и знанию восточных языков и цивилизаций, сект, вер, физического отличия урало-алтайского племени от индо-европейского и т. д.» [15: 303].

19 мая 1867 г. В. Кельсиев выехал из Ясс, прибыл на российский таможенный пункт в Скулянах (Бессарабия) и сдался властям. К «неосужденному государственному преступнику» отнеслись очень благожелательно. К примеру, в Бельцах исправник Леонарди оставил его в собственной квартире, т. к. в Кишинёв ехать было поздно. 21 мая где-то в 23 часа он «под конвоем канцелярского Малкоча и пожарного солдата» прибыл в Кишинёв. Его сразу же принял бессарабский губернатор П.А. Антонович. Так как вопрос об отправке в III Отделение, куда хотел попасть В. Кельсиев, решить было невозможно без указания генерал-губернатора (речь идёт о генерал-губернаторе Новороссии и Бессарабии генерале от инфантерии графе П.Е. Коцебу. – С.С.), то ему пришлось со вторника 22 мая побывать в тюремном замке. Там В. Кельсиеву выдали бумагу, и он в среду написал письмо графу Шувалову. В четверг 24 мая министр внутренних дел «вытребовал» В. Кельсиева «телеграфной депешей» в Петербург [15: 307–309]. Сдача В. Кельсиева правительству была первым случаем открытого перехода «революционера» в правительственный лагерь. В «Современном листе» (приложение к журналу «Странник») его возвращение сравнивалось с возвращением в Россию бывшего

иезуита С.С. Джунковского, «воссоединившегося с православием» и вернувшегося в 1866 г. в Россию [30: 253].

Находясь под арестом в столице, В. Кельсиев написал «Исповедь» (13 июня – 11 июля 1867), в которой отрёкся от революционной деятельности, подробно объяснив причины своего решения. В ней он постарался избежать упоминания лиц и событий, неизвестных правительству. В конце «Исповеди» В. Кельсиев обратился к императору: «Исповедь моя кончена, прибавить к ней нечего. Я не скрыл ни одного проступка, не смягчил фактов, я объяснил все, что было. Если правительство сомневается в моей искренности, – проверка моих показаний докажет, что я писал правду. Моя прошлая жизнь теперь известна правительству, равно и мои мнения и взгляды, – я ничего не утаил и показал ему себя без маски, таким, каким сделала меня моя странная жизнь. Я объяснил ему мотивы всех моих поступков, я сделал критику их, и указал, чем хочу и могу загладить увлечения моего прошлого. Государь, нравственными страданиями и дорогими мне потерями искупил я все, что предпринимал против Вас, я страшно наказан; у меня теперь одно стремление – посвятить жизнь

мою и силы мои Вам, посвятить их всецело на службу России. Не оттолкните же, Государь, от ступеней престола Вашего, некогда крамольного, а теперь искренно преданного Вам подданного, и прикажите мне быть Вам полезным. Как стрелец с плахой на шее, так я с повинной, головой Вам сдался, повинную голову меч не сечёт – дайте же мне возможность отслужить Вам за Ваше помилование. В надежде на Вашу милость, Го-

Василий Иванович Кельсиев

Рис. Волковский, грав. Пуч. Источник: [32: 481]

сударь, преступный Кельсиев ждёт покорно своего приговора» [2: 367; 15: 309–310; 27: 163; 37: 526].

Император Александр II прочитал «Исповедь» и даровал автору прощение. Кельсиеву было возвращено право поступать на государственную службу и возможность жить в обеих столицах. Император считал, что В. Кельсиев «по своим познаниям, знакомству с делами о расколе, об униатах, о западных и южных славянах, действительно, может быть с пользою употреблён правительством». 11 сентября 1867 г. публицист вышел из тюрьмы и обосновался в Санкт-Петербурге [2: 367; 27: 163; 30: 259; 37: 526].

Возвращению В. Кельсиева А. Герцен посвятил статью «В.И. Кельсиев» (1868). Вначале он высказал свою точку зрения на его поступок: «Имя В. Кельсиева приобрело в последнее время печальную известность: быстрота внутренней и скорость внешней перемены, удачность раскаяния, неотлагаемая потребность всенародной исповеди и её странная усечённость, бес tactность рассказа, неуместная смешливость рядом с неприличной в кающемся и прощённом развязностью – все это, при непривычке нашего общества к крутым и гласным превращениям, вооружило против него лучшую часть нашей журналистики. Кельсиеву хотелось во что бы ни стало занимать собою публику; он и накупился на видное место мишени, в которую каждый бросает камень, не жалея. Я далёк от того, чтоб порицать нетерпимость, которую показала в этом случае наша дремлющая литература. Негодование это свидетельствует о том, что много свежих, неиспорченных сил уцелели у нас, несмотря на черную полосу нравственной неурядицы и безнравственного слова. Негодование, опрокинувшееся на Кельсиева, – то самое, которое некогда не пощадило Пушкина за одно или два стихотворения и отвернулось от Гоголя за его “Переписку с друзьями”. Бросать в Кельсиева камнем лишнее: в него и так брошена целая мостовая. Я хочу передать другим и напомнить ему, каким он явился к нам в Лондон и каким уехал во второй раз в Турцию. Пусть он сравнит самые тяжёлые минуты тогдашней жизни с лучшими своей теперичной карьеры» [6: 329].

Советский литературовед и историк, участник революционного движения М.М. Клевенский утверждал, что «после Кельсиева немало революционеров отреклось от своего прошлого и перешло в лагерь самодержавия. Почти для всех этих ренегатов характерно то, что после своего обращения они отзывались с резкой враждебностью о своих прежних товарищах и руководителях по революционному делу» [30: 254–255].

После возвращения в Россию В.Кельсиев думал, что его опыт и знания будут востребованы государством. Он хотел стать посредником

между правительством и революционной средой. Предлагал свои услуги, чтобы вернуть на Кавказ некрасовцев, хотел основать газету «Восток», «с русским, патриотическим направлением». В мае 1869 г. В. Кельсиев говорил профессору А. В. Никитенко, что в поисках куска хлеба собирается поехать в Америку читать там лекции о России. В феврале 1870 г. председатель следственной комиссии, которая допрашивала В. Кельсиева в 1867 г., граф П. П. Ланской узнал о его тяжёлом материальном положении, что его не принимают на государственную службу и отказывают в разрешении издавать газету. Он обратился к министру внутренних дел, рекомендовав В. Кельсиева как благонадёжного человека и специалиста по расколу и униатству, предлагая взять его на службу в Министерство. Однако обращение осталось без ответа [30: 260; 37: 526].

Дальнейшая судьба В. Кельсиева была тяжёлой. Его раскаяние и переход в проправительственный лагерь вызвали двоякую реакцию. Представители проправительственных кругов отнеслись к его поступку положительно, либеральные круги устроили ему обструкции. Реакцию последних предсказал Ф. М. Достоевский в письме к А. Н. Майкову 9 (21) октября 1867 г.: «Об Кельсиеве с умилением прочёл. Вот дорога, вот истина, вот дело! Знайте, однако же, что (но говорю уже о полях) все наши либералишки, семинаро-социального оттенка, взъедятся как звери. Это их проймёт. Это им пуще, если б им всем носы отрезали. Ну что им теперь говорить, в кого грязью кидать. Скалить зубы, конечно, можно; у нас только это и умеют. Разве Вы замечали хоть какую-нибудь серьёзную идею в наших либералишках? Одно только скаление зубов. Скаление зубов гимназистам внушает. Но теперь про Кельсиева говорить будут, что он на всех донёс. Ей-богу, помяните моё слово. И точно на них уж можно что доносить? 1) Сами себя компрометировали, а 2) кто ими и занимается-то? Стоят они того, чтоб на них доносить!» [10: 227].

Вначале он стал «героем дня», «модным человеком». Его стали приглашать высокопоставленные чиновники, его приглашали граф А. К. Толстой, князь В. Ф. Одоевский, он познакомился с академиком, профессором А. В. Никитенко. Устраивал приёмы у себя. Женился на Зинаиде Алексеевне, урождённой Вердеревской, по первому мужу Агреневой (1834–1924), сотруднице «Отечественных записок» (1867), «Нивы», «Зари» и «Всемирного труда». По воспоминаниям А. Никитенко, жена В. Кельстева была красавицей и замечательным музыкантом. Увлечение им вскоре прошло. В отношении к В. Кельсиеву появилась холодность, знакомством с ним стали тяготиться [3: 912; 30: 260; 37: 527].

В обществе начали распространяться клеветнические слухи о

«сорока лицах», которых якобы выдал В. Кельсиев [30: 255–256]. Теоретик народничества, русский публицист и критик Н.К. Михайловский вспоминал: «Положение Кельсиева, как и всякого ренегата, было в Петербурге незавидное. В кругу своих новых единомышленников он был ещё совсем чужой и встретил там, вероятно, много для себя обидного под лицою любезности, а к старым знакомым ему, конечно, лучше было бы совсем не являться. Но был ли он от природы бес tacten или сбит с толку новостью своего положения, только он не воздержался от некоторых ненужных визитов» [34: 280].

Либеральная общественность критиковала его как отступника и безнравственного человека, часто излишне критично и субъективно оценивая его литературные труды (А.Н. Пыпин, Н.К. Михайловский, Д.Д. Минаев, П.Н. Ткачёв, Н.И. Утин). А. Герцен, в отличие от Огарёва и других критиков, не стал осуждать В. Кельсиева. В письме к Н. Огарёву от 29 (17) октября 1867 г. он высказал мнение: «Я ещё больше убеждаюсь, что он пакостей политических не наделал». 9–10 марта (26–27 февраля) 1868 г. он пишет Н.А. и О.А. Герцен (жены и дочери) о В. Кельсиеве: «Я видел здесь человека, который знает дело Кельсиева – последний наотрез отказался назвать лиц, находящихся в России, с которыми он был в сношениях. Он назвал только меня и Чернецкого. Граф Шувалов включил это в свой доклад императору, а тот на нём написал: “Передайте ему, что я начинаю уважать его за это!”». Сочувственно отнеслись к нему Н.С. Лесков и Ф.М. Достоевский (В. Кельсиев отчасти стал прототипом Шатова в романе «Бесы») [7: 220, 291; 9: 216–217; 37: 527].

У В. Кельсиева остался только один способ зарабатывать на жизнь – литературная деятельность. Он пишет в проправительственные и славянофильские издания: «Заря» (1869–1871 гг.; «Всемирный труд» (1868–1870 гг.); «Русский вестник» (1869–1870 гг.), «Нива» (1870–1872 гг.), «Семейные вечера» (1870–1871 гг.), «Гражданин» (его «Заметки о татарском влиянии на великоруссов» были опубликованы посмертно в 1873 г.). Сотрудничает с Императорским Русским географическим обществом. В частности, в 1867 г. он выступил с сообщением о малоизученной в то время секте скопцов [2: 367; 28: 611; 30: 263–264; 37: 526].

Его мемуарно-публицистическая книга «Пережитое и передуманное. Воспоминания Василия Кельсиева» (СПб., 1868) является сокращённым вариантом «Исповеди». Она отразила смещение акцентов в идеальной позиции автора. В этой книге и серии очерков «Из рассказов об эмигрантах» (Всемирный труд. 1869. № 1–2; Заря. 1869. № 3; Русский вестник. 1869. № 1, 6, 9, 11; 1870. № 1) Кельсиев показывает политических эмигрантов (М.С. Дубровин, В.А. Эн-

гельсон, П.А. Мартянов, польские эмигранты-дворяне), потерявших связь с реалиями русской жизни. В 1868 г. В. Кельсиев издал книгу «Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева», включившую путевые очерки 1866–1868 гг. из газеты «Голос» [2: 367; 28: 611; 30: 263–264; 37: 526]. В 1976 г. книга была переиздана в США известным карпаторусским деятелем П.С. Гардым. Весь её тираж он передал Карпаторусскому литературному обществу в США.

«Пережитое и передуманное» и «Галичина и Молдавия» были холодно встречены критикой. Вышеупомянутый Н. Михайловский в своей рецензии «Жертва старой русской истории» (декабрь 1868 г.) на два произведения вначале высказался о личности В. Кельсиева: «...странная и пёстрая судьба делает г. Кельсиева очень любопытным психологическим, если не психиатрическим субъектом». Н. Михайловский прямо написал, что «мы будем иметь ввиду именно личность Кельсиева, а не поднимаемые и затрагиваемые им вопросы». О воспоминаниях В. Кельсиева критик написал, что, когда тот их издал, «оказалось, что гора родила мышь». Он же выразил, как представитель либеральной интеллигенции, своё отношение к русинской проблеме: «...г. Кельсиев замечает, что мы, русские, могли бы помочь галичанам, но что “мы знаем всё, кроме того, что творится на великой Руси”. Нет, мы знаем кое-что из того, что творится на великой Руси, и чем ближе мы с ней будем знакомиться, тем меньше у нас, вероятно, будет охоты ехать в Галицию и к братьям-славянам вообще. Но мы бы, разумеется, с удовольствием узнали что-нибудь о наших дальних соплеменниках, хотя бы они нам и приходились седьмой водой на киселе». Далее он критикует его славянофильские взгляды [33: 1, 3].

Другой либеральный критик, Д.Д. Минаев¹⁰ (который в 1862–1863 гг. травил В.В. Крестовского; см.: [45: 21, 30, 67]. – С.С.) в статье «Журнальные арабески» (Неделя. 1869. № 4) раскритиковал Н. Михайловского за то, что, по его мнению, тот пытается сделать из В. Кельсиева «почтенного деятеля», обозвав его рецензию «бестактной» (?! – С.С.). Он, в частности, написал: «На статье “Отечественных записок” о г. Кельсиеве следует на некоторое время остановиться. Статья эта, по крайнему нашему мнению, бестактна, начиная с самого громкого её названия: “Жертва старой русской истории” от первой строчки до последней. В своё время в “Недели” (№ 27, прошлого года) была помещена статья о книге г. Кельсиева, и мы повторять нашего мнения о нем не станем: юродство г. Кельсиева достаточно всем хорошо известно и всеми по достоинству оценено, не исключая даже “Вестника Европы”, в котором, не смотря на всю его сдержанность и равнодушие к полемическим приёмам, была помещена

очень меткая и верная рецензия о литературных изделиях г. Кельсиева. Неизвестный рецензент “Отечественных записок” принимаясь за свою статью, употребляет довольно странный и уклончивый приём. “Мы будем, говорит он, смотреть на г. Кельсиева не с точки зрения какой-нибудь литературной, (?) общественной и политической (?) партии, а просто в качестве психолога: посмотрим, чем, как и при каких обстоятельствах жила душа (!!) г. Кельсиева...”. Приём, поистине, непонятный и фальшивый. Мы ждём от критика журнальной статьи, об общественном деятеле, о писателе, ждём от рецензента или карающего свиста или же строгого приговора, верного известной литературной традиции, а рецензент вдруг становится вне всяких партий, корчит из себя психиатра и хочет толковать о том, чем и как жила душа г. Кельсиева. Принимая журнал за лечебницу для приходящих, за аудиторию, где можно читать лекцию о душевных болезнях, неизвестный психолог с первых же строк попадается впросак, придавая г. Кельсиеву то значение, которого он никогда не имел, и говорит, что последний был недавно “героем дня” и, что “на него обратились все взоры” при возвращении в Петербург [11: 122]. Как вспоминал Н. Михайловский, «выразил всё это Минаев довольно грубо» [34: 281].

В письме к Н. Огарёву от 3 августа (22 июня) 1868 г. А. Герцен пишет: «Дочитал Кельсиева (имеются в виду его мемуары “Пережитое и передуманное”. – С.С.) – я решительно отказываюсь писать, да и тебе не советую. Предоставь это дело нашим милым Сен-Жюстам из Грузии – нашим передованным детям. Я вреда книги не вижу – и спрашиваю, что бы он делал за границей? (разве в тульчинской школе?) – да что и мы делаем? – Мы, по правде, сделали кое-что и были полезны. А вся эмиграция – была нелепость. Гулевич (имеется в виду М.С. Гулевич, член «Земли и Воли», эмигрант, с 1866 г. безуспешно ходатайствовал о возвращении в Россию. В 1874 г. покончил жизнь самоубийством. – С.С.) просил смиренно прощения – а простил его не государь, а эмигранты. Кельсиев сдался, как сумасшедший, – но не изменил» [8: 428]. В письме Н. Огарёву от 4 августа (23 июля) 1868 г.: “Вестник Европы” его ошеломовал мастерски...». Речь идёт о рецензии А.Н. Пыпина, двоюродного брата Н.Г. Чернышевского (под инициалом Д.), «Пережитое и передуманное» (Вестник Европы. 1868. № 7), где он заявил, что книжка В. Кельсиева лишена всякого интереса и представляет собой лишь материал для психологического этюда о личности одного из «маленьких великих людей». Так же А. Пыпин «разоблачил» истинные побуждения В. Кельсиева: «...выгодность сбыта книжки, писанной бывшим государственным преступником», ожидание скандального успеха и «неудержи-

мую страсть выдвигаться вперёд, обращать на себя внимание, быть “предметом”» [8: 429, 730]. В письме Н.А. Тучковой-Огарёвой от 10 ноября (29 октября) 1868 г. А. Герцен упомянул: «Кельсиева в газетах ругают на чем свет стоит. Пришлю образчик» [8: 486].

В 1870–1872 гг. Кельсиев помещает в «Ниве» и «Семейных вечерах» ряд исторических очерков компилятивного характера («Александр Невский и Дмитрий Донской», «Первый русский царь. Иван III Васильевич», «Просветители славян св. Кирилл и Мефодий» и др.). Он пишет, что исторические повести «Москва и Тверь» (Нива. 1870. № 16–34, отд. изд. СПб., 1872, 1909), «На все руки мастер» (Семейные вечера. 1871. № 11, 12; 1872. № 1), «При Петре» (совм. с В.П. Клюшниковым; Нива. 1871. № 38–46, 48–52, отд. изд. СПб., 1872) холодно были встречены критикой как «чисто ремесленнические» произведения, «бледные, растрянутые и скучные» (Санкт-Петербургские ведомости. 1872. 2 июня, 15 октября) [2: 368; 28: 611; 37: 527].

Здоровье его было подорвано тяжёлой жизнью в эмиграции и потрясением от потери близких людей, рухнувшими планами после возвращения в Россию. Весной 1870 г. он, чтобы поправить своё здоровье отправился в Богемию. Там он был около трёх месяцев, изучая этнографию этого края. Возвратившись, он стал помещать свои записки в «Голосе», однако из-за болезни не окончил их. Он расстался с женой. Не выдержав потрясений, стал сильно пить. В последний год жизни его охватила апатия, он стал чуждаться общества [4: 668; 28: 611; 30: 262].

Умер В. Кельсиев 4 (16) октября 1872 г. в возрасте 37 лет от паралича сердца, в крайней бедности, на руках своего старого учителя А.Е. Разина. Знавший его русский правовед, профессор А.П. Чебышев-Дмитриев написал: «Узнав об этом, я невольно порадовался за него: тяжела была ему в последние годы его бесполезная, никому ненужная, разбитая, неудавшаяся жизнь» [30: 262].

Из некролога в журнале «Нива»: «Мир праху твоему, добрый человек! Ты заблуждался, как и другие, но искупил это раскаянием и любовью к отечеству. Ты трудился для общей пользы, как немногие и если не успел выполнить всего задуманного, то, по крайней мере, не щадил своих сил в стремлении к этому» [4: 668].

Основными источниками информации о жизни и творчестве В. Кельсиева являются его автобиографические произведения «Исповедь» [15; 18] и частично с ней совпадающие, являясь другой редакцией, воспоминания «Пережитое и передуманное» [19], его ответы на вопросы следственной комиссии [18: 417–442], письма В. Кельсиева¹¹ (см., например: [31: 29–39; 36: 171–178]), материалы

об участниках общественного движения «шестидесятых годов» [31], письма современников [см., напр.: 7–8; 10] и их воспоминания (см., например: [6; 34]). Его библиография приводится М.М. Клевенским [18: 262–264]. С.А. Венгеров перечисляет ряд работ о В. Кельсиеве, воспоминаний и отзывов о его трудах [5: 52–53]. Информация о нём и его литературном наследии содержится в многочисленных биобиблиографических заметках (см., например: [2; 3; 26, 27; 28; 37]), некрологах (см., например: [4; 32]), предисловиях к его работам (см., например: [14; 30; 36]), монографии В.Я. Гросула «Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.)» [9], в материалах современных исследователей (см., например, работы К.А. Соловьёва [38–41]) и др.

Можно согласиться с мнением К.А. Соловьёва, высказанного в диссертации «Общественно-политические взгляды и деятельность В.И. Кельсиева: 1835–1872» о необходимости пересмотреть «классические» в прошлом темы отечественной историографии, которые активно разрабатывались ранее в рамках марксистско-ленинской идеологии [40]. К таким темам, на наш взгляд, относятся, в частности, оценка общественного движения 60-х гг. XIX в., однобокая интерпретация польского вопроса и многочисленных мятежей польской шляхты, субъективная оценка деятельности органов государственного управления Российской империи, излишне благодушное отношение к деятелям либерального и революционного движения, в т. ч. политическим эмигрантам¹² и переоценка их деятельности, в то же время критическое, порой осуждающее – к их оппонентам (государственникам, славянофилам). Переосмысления заслуживает оценка личности и деятельности самого В. Кельсиева, особенно после возвращения в Россию.

Жизнеописание В. Кельсиева (1835–1872) немного сходно с биографией В. Крестовского (1839–1895) [45]. И тот и другой увлекались в молодости либеральными идеями, нигилизмом (правда, в отличии от В. Крестовского, В. Кельсиев стал политэмигрантом и революционером, борясь против самодержавия). Для обоих переломной точкой, заставившей их отойти от «либеральных ценностей», стал польский мятеж 1863–1864 гг. Оба перешли в проправительственный лагерь. Совсем как в высказывании, приписываемом французскому политическому деятелю А.-П. Батби: «Кто не республиканец в двадцать лет, вызывает сомнения в щедрости своей души; но кто упорствует в этом после тридцати лет, вызывает сомнения в правильности своего ума» (1875). Сам В. Кельсиев писал: «Все мы прошли диалектику нигилизма, славянофильства, украинофильства – и конец концов вышел тот, что надо быть, просто-напросто, русскими» [17: 72]. Оба подверглись травле либеральной и окололиберальной

интеллигенции. Однако В. Крестовский сумел найти себя в армейской среде, у него сохранились друзья и единомышленники, он смог создать и сохранить новую семью, реализовать себя в военной и литературной сферах. В. Кельсиев же в конце жизни остался в одиночестве. Либералы не простили ему «ренегатства», а представители проправительственного лагеря – его прошлой революционной антиправительственной деятельности.

В ряде работ В. Кельсиев поднимает темы Карпатской Руси, русинов и унии [15; 17–19; 21]. Под псевдонимом Иванов-Желудков В.П. он опубликовал рецензию «Униатский агитатор» (Отечественные записки. 1867. Т. 170, кн. 1–2. Январь–Февраль. С. 516–543, 706–725), где даёт сведения об авторе и разбирает его труд «Записки второго поклоннического путешествия з Рима в Иерусалим и по иным месцям Востока, совершенного попом св. словянскокатолической церкви Ипполитом Андреевым Терлецким¹³, врачества и св. богословия доктором. Львов, 1861. (Т. I. стр. 25–39)» [13]. В конце рецензии В. Кельсиев поясняет: «Название русский есть родовое название всех видов восточнославянского племени (состоящего, как указал выше В. Кельсиев, “из двух главных племён, северного (велико и белорусского) и южного (малорусского), которые ветвятся, в свою очередь, на мелкие в разноплемённости, но все называют себя одним именем *русский, русин, русак или, по книжному, россиянин*”. – С.С.), на котором, как и на таждестве истории, законов языка, преданий и даже церковного обряда, основывается союз этих племён в русском государстве» [13: 721].

Некоторые исследователи приписывают авторству В. Кельсиева анонимную статью «Письма из Угорщины» (Отечественные записки. 1867. Т. 171. Апрель. Кн. 2. С. 640–669; Т. 172. Июнь. Кн. 2. С. 745–762) [35]. Однако её нет в перечне его произведений, составленном М. Клевенским [18: 262–264]. Не упоминается она и в многочисленных библиографических заметках. Сама работа была опубликована в апреле и мае 1867 г. в либеральном издании. Напомним: с 7 ноября 1866 г. В. Кельсиев жил в Яссах, откуда 19 мая 1867 г. возвратился в Россию. В начале материала его автор пишет, что, согласно пожеланию редакции, он даёт «краткий статистико-исторический очерк словаков». Также там описывается история словако-венгерских отношений. Другие славяне, проживающие в Венгрии, в т. ч. русины, в материале не затрагиваются.

Касаясь в «Исповеди» положения холмской епархии¹⁴ и западных губерний, В. Кельсиев предложил «превратить все тамошние костёлы в униатские церкви, провозгласив, что, где сельское население русское, там и обряд должен быть русским. Все дворянство

западных губерний из православия через унию перешло в католичество; – воротим его в унию, и оно из католичества перейдёт в православие: оно само будет радо предлогу развязаться с Польшей, не насилия своей совести. Уния в западных губерниях разом заставит тамошних католиков забыть польский язык и польские интересы и разом разрешит вопрос о русских землевладельцах в этом крае, – разрешит прочнее и вернее, чем грозящая нам опасностью – в случае войны с Пруссией – продажа тамошних имений немцам или колонизация Жмуди немцами. Пусть правительство отрежет от Польши Западный Край и начнёт славянить Польшу – повстанья делаются сами по себе невозможны: крохотная Мазовия не в силах будет одна бороться против целого славянского мира, она сама будет искать возможности утонуть в славянстве» [15: 252–253].

Отвечая на вопросы следственной комиссии, В. Кельсиев тоже коснулся темы униатства. Он считал, что если бы не вспыхнуло Польское восстание, то «украинофильское учение довело бы до окончательного разрыва между нашим юго-западным дворянством и Польшей. Оно благодетельно на них действовало, заставляя любить все русское (хоть и малорусское), с его преданиями, песнями, языком и ненавистью к ляхам. Ещё бы несколько лет этого движения, и они даже и с нами, великорусами, помирились бы. Католицизм служил, по их собственному мнению, поводом к их разладу с нами, но они надеялись выхлопотать у правительства разрешение восстановить для них унию, т. е. превратить тамошние костёлы в церкви, чтобы сблизиться с народом даже обрядом богослужения и окончательно забыть польский язык. Одни из них хотели унии с задней мыслью – распространить её и на крестьян, другие же хотели введения её только для того, чтобы не резко перейти в православие, чтобы не заслужить названия ренегатов. <...> Унией они ополячились, унией же мы и располячить их можем, что нам даст огромную массу образованных русских дворян в юго-западном крае и положит конец навеки польским увлечениям. Правительство же русское имеет полное право заменить латинское богослужение славянским, не насилия ничьей совести, так как Рим позволяет переходы с обряда на обряд, считая формы делом второстепенной важности. Уния, принятая сначала неискренно, с умыслом втянуть в неё крестьян, все-таки выучит тамошних католиков нашим молитвам, текстам священного писания и отец церкви, пристрастит к нашему богослужению и затем так же легко исчезнет по первому указу, как исчезло у крестьян в прошлое царствование. Как поляки поступали, так и нам надо поступать; что им помогало, то и нам поможет лучше всяких насильственных продаж имений и затруднений вступать в корон-

ную службу. Настоящие поляки, из Царства, знают эту опасность для них унии и очень боятся, что мы догадаемся заменить ею католичество в Западном крае. Я бы попросил правительство обратиться к г. Головацкому (имеется ввиду Я.Ф. Головацкий (1814–1888), деятель русинского возрождения Галичины. – С.С.), ныне находящемуся в Москве, который, как сам униатский священник и как человек глубоко преданный России и коротко знающий поляков, лучше меня может указать, что следует сделать и как следует сделать. Он разделяет мой взгляд на унию; мы с ним ещё во Львове об этом говорили, так как мне любопытно было узнать от тамошних русских, насколько осуществим этот проект наших украинофилов-католиков. В Галичине, при польском гонении, крестьяне и мещане католики делаются униатами, т. е. русскими» [18: 433–434].

В. Кельсиев предложил следующие меры «к обрушению западного края». Во-первых, обратить все костёлы, как в девяти западных губерниях и внутри России в униатские церкви. «Помещики западных губерний – почти все потомки униатов. Переход на православие сочли бы они ренегатством, тогда как переход на унию, веру отцов их, сближающую их, хоть по обряду, с простым народом, примется ими без больших колебаний; они даже будут льстить себя надеждою, что уния со временем сделается популярной и пособит отделению их от России. Между тем, переход на унию заставит их забыть польский язык и освободит их из-под влияния ксёндов-поляков, а сверх того порвёт связь их с самими поляками, которые не преминут поносить их национальную веру». Во-вторых, «обряд униатский должен различаться от православного единственно поминовением папы на экстениях». «Оргáны, звонки, бритье бород духовенством, принятие святых тайн на коленях и прочие нововведения в унии не допускаются. Но употребление скамеек в церквях должно быть терпимо на первое время. Все это будет охотно принято большинством, которое радо будет возможности, не насиляя своей совести, сделаться хоть наружно русским». В-третьих, «униаты пользуются совершенно одинаковыми правами с православными, по службе и по праву владеть недвижимыми имениями. Не желающие принять унию пользуются правом переселения в Царство Польское». В-четвёртых, «при наречении младенцев разрешается им давать только имена святых, читимых одинаково православною и униатскою церковью». В-пятых, «униатские священники набираются преимущественно из галицких и из угорских русских; первое, потому что они не большие приверженцы унии, а во-вторых, они сумеют, по своей высокой образованности, благодетельно влиять на дворянство, напоминая ему о его русском происхождении. Митрополитом униатским, таким, какого нам

нужно, всего лучше было бы поставить поставить или перемышльского каноника Гинилевича или Юзечинского». В-шестых, «католические семинарии и монастыри обращаются в униатские, равно как и все католические имущества (иезуитские и т. п.) переходят в их ведение, вместе со всеми богадельнями, приютами, школами, общинами сестёр милосердия и т. п.». Эти правила должны распространиться на всю империю, кроме Царства Польского. И в-седьмых, «все торговцы и ремесленники Западного края обязываются на каждого сидельца или подмастерья из иноверных исповеданий (еврейского и лютеранского) брать по одному православному или униату, преимущественно из мальчиков крестьянского происхождения». В. Кельсиев считал, что таким образом «лет через пятнадцать Западный край был бы снабжён средним классом одной веры и одного языка с народом, что много содействовало бы быстроте его обрусения и освободило бы его от монополии евреев и иностранцев. Правило это должно быть применено и ко всем прочим промыслам – к агрономии, к лесоводству, к железным дорогам, винокурению, фабрикам и т. п.» [18: 374–375].

Касается В. Кельсиев вопросов униатской церкви и в книге «Галичина и Молдавия». В частности, разговарившись с о. Иустином Ж., священником из Перемышля, он приводит его слова: «Дворянство наше все перешло в католицизм при помощи унии: остались русским одно духовенство да народ, а здесь сторона аристократическая – кого в Австрии аристократия не представляет, тот ничего не добьётся. Польская аристократия уверяет в Вене, что русские, собственно, за них, но только в духовенстве есть партия, подкупленная нашим правительством, которая сеет раздор и губит дело унии. Их слушают, а нас никто не слышит. Поляки нас теснят, правительство сомневается в нашей преданности – вина наша вся в том, что мы хотим остаться русскими и исправить наш обряд,искажённый латинизацией. Служить польскому делу мы не можем, потому что слишком близко знаем поляков – восстановление Польши будет гибельно для здешнего простонародья» [17: 27–28].

Говоря о униатском духовенстве, о. Иустин отметил: «Положение священника до нельзя униженное. Помещик ушёл в латинство, ксёндз интригует под боком, семья на руках, а тут ещё общее образование распространилось, а с ним и роскошь. Счастье, если попадья удалась хорошая хозяйка: тогда ещё можно кое-как концы с концами сводить, а уважения все-таки нет, потому что русская вера – вера хлопская» [17: 38].

В. Кельсиев полагал, что «уния в старину, уния у нас в Холме и уния в Галичине¹⁵ – понятия совершенно разные. Народ здесь не только не почитает, но даже не любит униатских святых, поборников

Рима и врагов православия. Про Иосафата Кунцевича¹⁶ отзывают-ся, что “он русинов резал”. Максимилиана Рылло¹⁷, несмотря ни на вериги его, ни на мощи, даже и знать не хотят; о нетленности его решают, что “его земля не приймае” [17: 39–40].

Автор посчитал, что в Галичине на 3 млн населения образован-ных русинов будет чуть более 8 тыс. Цифру он вывел следующим образом: в Галичине действовало 2 100 греко-униатских приходов, в них служило 2 100 священников, столько же дьячков, сельских учителей и т. д. Если на каждую священническую семью добавить по сыну гимназисту или студенту – тоже 2 100. И 2 тыс. чиновников, учителей, художников и т. д. [17: 142].

В. Кельсиев обратил внимание на высокий уровень образования местных греко-католических священников: «В самом деле, в Ав-стрии школьное дело стоит несравненно выше, чем у нас. Чтобы сде-латься священником, надо пробыть четыре года в нормальной шко-ле, восемь лет в гимназии, да четыре года в семинарии. Правда, все здешнее образование вертится на латыни и греческом языке, круг сведений их, относительно говоря, ограничен; но зато я не замечаю в них нашей энциклопедической распущенности, этого ученья “че-му-нибудь и как-нибудь”. У них есть большая привычка к серьёзному умственному труду, а следовательно, к полному изучению каждо-го представляющегося вопроса, что очень много значит. Салонное, поверхностьное воспитание поляков, так похожее на наше, разуме-ется, не в силах соперничать с этим классицизмом. Поляк засыпал их фразами, забивал изяществом манер, бойкостью своих силлогиз-мов, и верил, что молчание есть знак согласия, тогда как молчали они просто по застенчивости. Стоит читать польских публицистов и даже учёных чтоб эта поверхность бросилась в глаза. Припом-ню только, их толки о славянах и о чуди... Вот в чем лежит одна из причин их политического бессилия. Люди, которых они хотят вести, развитее их самих» [17: 44–45].

Упоминает В. Кельсиев о перемышльском греко-униатском епи-скопе Иоанне Снегурском (1784–1847; поставлен епископом в 1818 г.): «Этот архиерей был действительно отцом своей епархии. Священники так его любили, что приезжавший из села в город счи-тал грехом не навестить владыку; быть в Перемышле и у владыки не побывать считалось тогда несообразностью. В этом kraе – так владыка умел привязать к себе всех и каждого. Любимый и ува-жаемый всеми Иоанн первый заговорил с своими подчинёнными по-русски – это была великая новость; русский язык считался до того мужицким, что священники даже азбуку русскую не всегда знали, и в церквях не редкость было видеть требники и евангелия, в которых

над церковными буквами священник надписывал польскими, что и как нужно ему выговаривать. Слабо, робко стало припоминать духовенство точно сквозь сон, что не всегда ж в этом краю язык народа считался хлопским, что до завоевания Галичины Казимиром в XIV веке, в ней были свои князья, даже, наконец духовенство стало смутно догадываться что быть *русином* вовсе не стыдно. До литературы, до театра было ещё далеко – об этом тогда наверно сам владыка не мечтал: ему хотелось только нравственно поднять вверенный ему клир, вразумить его об его обязанностях к церкви и к народу, остановить латинизацию обряда и полонизацию народа» [17: 52–53]. Епископ открыто заявил, что «униатская церковь – церковь не *польская*, а *русская*» [17: 55]. Благодаря деятельности Иоанна Снегурского на перемышльской земле начался процесс русинского возрождения, охвативший затем всю Галичину и населённую лемками часть Галиции.

Упомянул В. Кельсиев и об «обрядовом движении» в Галичине, движении, возникшем в 1860-х гг. как попытка очистить обряд униатской церкви от позднейших католических наслоений и искажений. Возникло оно в ответ на попытки поляков ввести в униатскую церковь новые латинские обряды, польский язык в народные школы, изгнать русскую церковную и гражданскую азбуку и пропаганду польского патриотизма в среде галичан. Движение стало массовым. «Обрядовцы стали затворять царские врата во время богослужения (у униатов царские врата никогда не затворяются), отпустили волосы по плечам, усы, бороды, понадевали рясы и камилавки; но поляки сделали на них донос в Рим и из Рима было предписано держаться латинизма. Граф Голуховский, бывший и тогда наместником Галичины, отдал русское духовенство под надзор полиции, и полицейские агенты бунтовали хлопов против священников, внушая народу, что попам ничего не следует платить за требы. Жандарм стоял на паперти церкви и наблюдал, звонят ли колокольчики, играет ли орган, не затворяются ли царские врата, не стоя ли причащаются. Хлопство, несмотря на свой глубокий индифферентизм в деле обряда, все-таки, смотрело и смотрит на священников, как на единственных своих руководителей и своих бескорыстных друзей. Несмотря на запрещение платить за требы, хлопы тайком носили священникам хлеб, мёд, полотна, водку, так же как носили отцы их. Польша не могла переменить народных обычаем, но вмешательство поляков в дело веры, в язык, их стремления ополячить русских удесятерили ненависть к ним всего, что было лучшего в Галичине» [17: 179–180].

Писатель заметил, что, «не будь на галицких польных и горных церквях осьминогиных крестов, а воткни на них петухов, я принял бы эти церкви за финские, шведские и норвежские кирки. Странное

дело, я не знаю ни одного племени, которое, своим костюмом, своей архитектурой, так напоминало бы скандинавов, как галичане. Варяги ли сюда занесли этот строй, или сами они принесли его в Скандинавию с Руси, но сходство между Скандинавией, а особенно Финляндии с Галичиной в глаза бьёт. В галицких реках вымываются те же кресты, которые датские учёные считают исключительно скандинавскими; кольчуги точно такие же; те же крыши на церквях, напоминающие тарелку блинов, по выражению Гоголя; те же клапани, те же сукни... Я не беру на себя смелости дать объяснение, но что связь существует, пусть неверующий отправится и убедится» [17: 251].

В предисловии к своей «Галичине и Молдавии» В. Кельсиев написал: «Представляя читателям собрание моих писем из путешествия по Галичине и Молдавии в 1866–1867 гг., я считаю не лишним сказать несколько предварительных слов. То, что я рассказываю об этих странах, вынесено мною не из библиотек, а из личных наблюдений. Я рассказываю о Галичине и Молдавии так, как я сам к ним мог отнестись, и мой читатель волей-неволей заметит, что я относился к ним настолько искренно, насколько это было возможно. Я рисую картину того, что видел, и рассказываю то, что понял». И далее: «Если на меня станут нападать за то, что в моей книге нет последовательности, что первые главы полны археологическими и библиографическими заметками, а в последних нет ни того ни другого, то происхождение её, как отдельных писем, корреспонденций в газету, объясняет её недостатки. Я не знаю, лучше ли бы я поступил, предав забвению эти письма, чем поступаю теперь, отпечатывая их отдельной книгой; но знаю только то, что если бы я не перепечатал моих писем, то у нашей русской публики не было бы *ровно ничего, ровно ни одной книги о Галичине*, об этом совершенно для русской публики неведомом русском крае. Я был в нем тем, что называется на дальнем западе Америки *пионером*; я дорогу проложил, пусть идёт теперь по ней кто хочет и пусть пишет о Галичине книгу дальше и серьёзнее моей. Я первый обрадуюсь тому, если этот забытый и забитый край русской земли вынырнет из омута неизвестности и из тины нелепого и бестолкового сочувствия. Сочувствие kraju может основываться только на знании его. У нас сочувствуют Галичине, как сочувствуют всем славянам, не зная, о чём идёт дело, не понимая её болей, не зная её скорбей» [17: I–III].

В самой книге автор поднимает «ряд вопросов: о Польше, о южно-русском народе, о евреях, о церкви и о костёле – вопросов, которые решим не мы, люди XIX века, но над которыми не ломать голову мы не можем»¹⁸ [17: IV].

В. Кельсиев рассуждает о судьбе малорусского (русинского) на-

речия: «Два это языка, севернорусский и южнорусский – или один? Мне кажется, что они находятся теперь в том периоде, когда могут и слиться, и разделиться без особых усилий. Хотя и стоит ли того разделяться и нужно ли это разделение я сильно сомневаюсь, помимо всяких соображений о единстве Русского Государства. Близки эти языки так, что если мне нужна неделя чтобы заговорить по-чешски или по-сербски, то едва ли в полгода перейму я южнорусский выговор. Я с первого раза понимаю все, что мне говорят, и меня с первого раза понимают: разница только в произношении гласных, да в употреблении десятка-другого слов. Вообще же не раз высказывали галичане, что они понимают нас лучше, когда читают, чем когда слушают. А затем, если б они, как и все вообще южнорусы, пошли по дороге, указанной сербами, то литературное единство русских наречий, разумеется, порвалось бы. Сербы так очистили свой язык от примеси всех других славянских наречий, так строго приняли в основание своего книжного языка язык своих песен и сказок – что теперь не понимают наших книг. Галичане вообще владеют политическим тактом и избегают этого отчуждения от прочей Руси. Они говорят и пишут по-своему, но приняли такую орфографию, что и мы можем понимать их, и они выучиваются читать по-нашему. <...> Любовь к своему языку и лингвистическая последовательность – вещи очень хорошие, но расчёт должен стоять выше всего. Разойтись можно легко, но не лучше ли тысячу раз подумать, прежде чем из любви к грамматике решиться на этот шаг?» [17: 15–16].

Во время общения с жителями с. Вышатичи В. Кельсиев заметил: «Язык их такая же путаница, как и церковь. Если из него повыкидывать польские слова, например: *кепский, певный, первый, егомость, шкода, коштувати* и т. п., то он сведётся прямо на язык наших лептотипий и будет разниться от северных русских наречий только произношением некоторых гласных. Впрочем, в конструкции, как и в употреблении слов, осталось у них много следов польского владычества: это очень заметно, когда прислушиваешься к их фразам. Образованные люди пишут здесь латинскою конструкцией и чрезвычайно хвалят слог докарамзинских писателей: говорят, что он им понятнее, чем новый. Это и не удивительно. На образование слога XVIII века сильно влияли южнорусы, и в нем попадается много польских и малороссийских оборотов» [17: 42].

Писатель отметил, что Вена в благодарность за поддержку в 1848 г. разрешила, чтобы «и здесь и в Венгрии, в гимназиях появился *ruthenische sprache* – руский язык (с одним с), явилась литература, журналы стали выходить, пока ни появилась система Баха с свою германизациею, которая в сущности не была опасна для русских –

даже выгодна, потому что она не давала польскому элементу никакого перевеса над русским. Литература шла слабо, но, все-таки, шла, школы и церкви заводились, польского ничего не было, но и не было определено, что такое у них эта *руссость*, как они выражаются что именно значит, что они *русины*, как относятся они к другим народностям, называющим себя тоже русскими. Точно также не было у них решительного мнения об унии: держаться её или не держаться, для неё трудиться или против неё. Этой определённости и до сих пор я не вижу...». В то же время «поляки на львовских сеймах и везде, где они могли заявить свой голос, удивительно обрусили этот край. Не будь на русских польского гоненья – русские спали бы сном непробудным» [17: 57].

Будучи во Львове, он написал, что местные русины говорят «помалорусски, западным наречием, более близким к нашему книжному языку, чем украинский. Существенная разница между здешним и нашим московским говором состоит только в произношении *ъ* всегда как *и*, *ы*, почти, как *и*, и *о*, иногда, как *и*. Будь только в этом вся разница между нашим и галицким наречием – легко было бы их понимать и легко было бы писать по книжному, но географическое соседство их с поляками и историческое преобладание над ними поляков да к тому же немецко-классическое устройство их гимназий и семинарий удерживают их язык в доломоносовских формах. Полонизмы на каждом шагу...» [17: 64–65].

Говоря о письменном языке украинофилов, В. Кельсиев заметил: «Нестор никогда не писал бы *Велике Князтво Київське*, как пишут украинофилы; а Нестор в Киеве жил. Украинофильство есть отречение от истории во имя ультрачистоты провинциального говора. Оно оборвалось в Галичине именно по своей исключительности, потому что оно отрицает прошедшее южнорусского народа и отрезывает его не только от нас, но и от всего славянства. Его здесь за врага приняли, потому что оно хотело разделить славянские силы, когда только в единстве их и видится спасение. Отказаться от книжного языка украинцу так же необходимо, как и тамбовцу. В Темниковском уезде (Тамбовской губернии. – С.С.) есть удивительно хорошая форма третьего лица множественного числа притяжательного местоимения: “*их* брат, *иха* сестра, *ихи* жены”, кроме многих других весьма недурных особенностей, из которых Темниковский уезд имеет полное право создать свой особенный язык. Здесь, в Галичине, издавалась “Мета”, тоненький орган украинофильской партии. “Мета” мне очень нравится: в ней хорошо все, начиная от антиславянской орфографии, до браны на *москалів* и до чисто украинских слов, происхождение которых относится к таким доисторическим временам,

что ни один филолог не отыщет им даже корня. Такое хорошее слово стоить даже на обертке “Меты” – грязть, должно быть в смысле “оглавление” иди “содержание”; откуда оно взялось, решительно не могу понять, хотя я и смыслю кой-что в славянской филологии. Язык “Меты”, как и язык всех подобных попыток, имеет одинаковое происхождение с галицким литературным языком 1848–49 года, когда здесь все пробудилось и все бросилось писать по-русски, а по-русски никто не знал» [17: 69–70].

В. Кельсиев считал, что «единий возможный и единий популярный язык в Галичине – наш книжный; другого здесь быть не может, потому что даже у украинофилов, что ни писатель, то своя грамматика, что ни книга, то своя орфография. Желание изучить и усвоить книжный язык видно у всех, а основывается оно на том, что история этого языка тождественна с историей русского народа, где бы он ни жил, и, как общий всем русским племенам, он один может иметь прочную будущность. Будь в Галичине возможность получать русские книги, иначе сказать, будь русская почта по-европейски устроена – через год наша литература обогатилась бы новыми писателями и новыми деятелями» [17: 75].

Автор серьёзно отнёсся к вопросу «о правописании и об украинском наречии» [17: 75]. Он считал, что «первым последствием введения кулишёвки был бы разрыв между народом и церковью. Народ перестал бы понимать церковный язык. <...> Разрыв с общерусским правописанием повёл бы к разрыву с церковью, воротил бы южноруссов к их так называемой национальной вере – унию. Стоило бы новому поколению южнорусских мужиков перестать понимать, что читается в церкви, то они все, разумеется, ринулись бы в унию, потому что оторвались бы от родного гнезда, оторвались бы от тех традиций, которые целые тысячи лет свято и благочестиво хранили их предки» [17: 77–78].

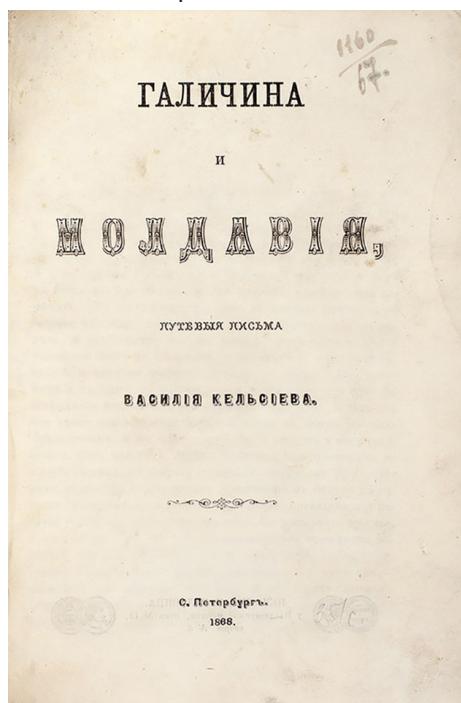
Говоря о галицко-русском литературном языке (смеси народного языка со церковнославянским и с использованием русского литературного языка, т. н. язычии, в интерпретации украинофилов. – С.С.), В. Кельсиев отметил: «Обвиняют галицких литераторов, зачем они пишут таким варварским языком. Я уже не в первый раз привожу примеры их языка, который, между нами будь сказано, возмущает меня до мозга костей моих. Как им иначе писать, когда даже я, в те четыре недели, что в Галичине, то и дело борюсь с полонизмами; когда здесь никто не учился в школах общерусскому литературному языку, и когда подле них шумит молодёжь, увлечённая казацкими преданиями и доносит на них, что они москали! Не потому г. Головацкий, Петрушевич, Дедицкий, Гушалевич и проч. и проч., пишут

безобразно, что они не умели выразиться иначе, а потому, что публика их не привыкла ещё говорить по-книжному, да и не для всех есть решён вопрос; один народ южноруссы и великоруссы, или два» [17: 94].

Поднял он вопрос и о едином русском литературном языке: «Украинофилы возражают на этот вопрос обыкновенно тем, что деревенские мальчишки книжного языка не понимают, и что если их учить по-книжному, то, разумеется, развитие южнорусского народа страдает. Да будет мне позволено этому не поверить! Целые тысячи лет и серб, и великорус, южнорус учились и учатся по церковным книгам, а церковный язык не совсем понятен каждому, кто не вырос на церковных книгах. Южнорус, белорус, серб, болгарин до сих пор все свои сведения почерпали из этого церковного языка, и хотя каждый говорил по-своему в своём домашнем быту, но церковный язык все таки был единственным средством развития и цивилизации. <...> Немцы превосходно справляются с своим книжным языком, который так мало походит на *plattdeutsch* или на какие швабские или тирольские наречия. У итальянцев то же самое. Венецианское, сицилийское и неапольское наречия разнятся от итальянского книжного языка больше, чем южнорусский разнится от нашего книжного, а все примиряются на одном общепринятом итальянском языке. Нет спору, что в *plattdeutsch* и в венецианском наречии есть выражения сильнее и даже изящнее тех, которые приняла немецкая и итальянская литература, но из этого ещё вовсе не следует, что в Венеции образовалась бы литература своя, в Неаполе своя, в Гамбурге своя, в Мюнхене опять-таки своя. Разумеется, на это можно возразить, что южнорусский народ не какая-нибудь Сицилия, не какой-нибудь берег немецкого моря, а что это народ в пятнадцать миллионов, и что язык (если его только можно назвать языком) этих пятнадцати миллионов имеет полное право на то, чтобы к нему относились с уважением, и то чтобы он сделался литературным языком пятнадцатимиллионного племени. Спрашивается, насколько это пятнадцатимиллионное племя свободно от своих преданий. Пятнадцатимиллионный народ может или отрешиться от всего своего прошедшего и во имя того, чтобы каждый полуграмотный человек возымел бы право писать все, что ему угодно, следуя ли, чтобы целое племя отказалось от своей литературы, которую оно само создало. Может ли пятнадцатимиллионный народ отречься от своего прошлого и начать жизнь заново? Были в Киеве писатели, в Остроге библия печаталась. Может ли и благоразумно ли поступит этот народ, если он во имя интересов цивилизации плюёт на все своё прошлое и дойдёт до того, что перестанет понимать, что пи-

сали отцы его, что язык отцов его станет ему чуждым? До сих пор была литература русская, принадлежавшая одинаково как северным, так и южноруссам. Выкинуть всю эту литературу за ворота, пожалуй, можно. Сербы сумели это сделать. Начать жизнь заново – но кто же поведёт эту жизнь заново? Если даже мужик южнорусский на подобную проделку и согласится, то чем же гг. агитаторы подобной проделки заменят ему то, что у него уж есть» [17: 82–83].

Само украинофильство, как писал В. Кельсиев, «вышло из России; до шестидесятых годов об нем никто здесь и понятия не имел. Вдруг, во время повстания, здешняя молодёжь заговорила о казачине, стала одеваться как-то по-казацки и стала пить горивку: упомянутое об этом обстоятельстве нарочно. Казачество было, разумеется, хорошим явлением в истории Южной Руси, но казачество можно толковать, как угодно. Турецкие украинофилы, казаки Садык-паши, усвоили себе только казацкую удаль – грабят и пьянятся, как настоящие запорожцы, хоть в состав их входят и не одни русские: там найдёте поляков-католиков, цыган без всякой веры, болгарских и сербских гайдуков и даже сынов Израиля офицерами и солдатами. Но там украинофильство дело искусственное; почему же в Галичине оно приняло тот же самый оборот? Украинофилами явились

здесь студенты, и весь их антимоскальский патриотизм выразился в пении народных песен и в пьянстве: ни одной жизненной идеи оно не вынесло. Серьёзные люди (сами *entre nous soit dit хохлы*) к нему не пристали, а почему именно не пристали – я до сих пор не могу добиться. «Мы получили основательное образование в австрийских учебных заведениях, говорят они; мы уважаем науку и ее орган – наш общий язык; мы не хотим разрывать с нашим целым прошедшим во имя од-

Титульный лист
книги «Галичина и Молдавия.
Путевые письма
Василия Кельсиева» (СПб., 1868).

ногого периода нашей истории – с великим княжеством киевским, за велике князтво київске...” Не знаю хорошоенько их доводов – у меня времени нет изучать отдельные здешние вопросы – но будь я сила и власть в России, я перехватал бы завтра всех наших украинофилов и сослал бы их в Галичину месяца на два, на три. Пусть потолкуют там с своими земляками, с учёными, которые даже и по-москальски не знают, а говорят какой-то украинской мовой! Началось с того, что молодёжь вдруг облеклась по-казацки, запела, запила, принялась ругать москалей и мечтать об образованы не то отдельного малороссийского государства, не то малороссийского государства под скипетром австрийского дома, не то в союзе с Польшей, не то с Турцией. Украинофильство есть, а идеи украинофильской нет; да и быть не может. <...> Украинофильство оборвалось как сила – оно стало работать, как идея и появилось в образе “Меты”, органа южно-русской народности. “Мету” следовало бы перепечатать в России и распространить как можно шире, если думают, что украинофильство имеет какую-нибудь будущность. Характеристикою этого единственного органа русского сепаратизма, можно указать то, что в нем нет ни одной дельной статьи. Все какие-то пробы пера разных гимназистов и студентов. “Мета” войну объявляет москалям – и не приводит ни одного довода, почему именно Малоруссии не нужны москали и почему она с ними жить не может. Она прямо говорит, что рассчитывает только на студентов и чуждается стариков и вообще зрелых людей... то есть, всего, что знакомо с жизнью не по теориям, а на практике, что идёт за реальным, а не за фантазией. Понятно, что такие партии не могут держаться, потому что каждый приходит в зрелый возраст и каждый, рано или поздно, получает возможность опытом убедиться, насколько всеспасительны и приложимы его юношеские утопии. Пусть южнорусская молодёжь украинофильствует, носит шаровары в Черное Море, пьёт горилку и поет гайдамацкие песни – молодое пиво перебродит, только бы не фанатизировать его преследованиями и гонениями. “Мета” продержалась всего один год (1865), да и то не целый. Г. Ксенофонт Климкович, видавец и редактор, задолжал евреям и втих куда-то в деревню, оплакивать равнодушие Руси к судьбам Руси! тем все дело и кончилось» [17: 73–75].

В Вышатичах (в 1,5 милях (около семи вёрст (одна верста – 1,06 км) от Перемышля. – С.С.) В. Кельсиев попросил местного священника о. Максимилиана, швагера (зятя) о. Иустина, поводить его «по халупам: мне хотелось познакомиться с архитектурою и костюмом здешних русских». Зайдя в дом лучшего на селе газды (хозяина. – С.С.), автор обратил внимание, что «всё очень и очень бедно»: «Халупа деревянная, но построена не так, как великорусская изба, не венцами и

не ключ, а бревна вкладываются в пазы боковых столбов, обтесаны с боков, вымазаны глиною и выбелены. Стреха из соломы скошена не с двух сторон, а со всех четырех. Внутренность делится на *сени*, на *пекарню*, на *светлицу* и на *комору*. Пекарня с печью, перед которойю *припечка* (огнище у словаков, болгар, сербов). Трубы нет – дым дверью выходит. Курные избы не вывелись здесь до сих пор. Пекарня есть собственно жилая изба здешнего крестьянина, но у богатых как у этого хозяина, есть ещё *светлица*, с кафельною печью, окруженною скамейками, на которых и спать можно. Стена против двери украшена образами, но ни над окнами, ни в красном углу их не ставят – это уже напоминает южных славян, как и отсутствие всяких привесок, голубей, яиц, лампад, кивотов. Затем, красный угол совершенно загорожен столом, который прижат к окну одною стороною, а другою примыкает к большой скрыне на ножках, которая может служить продолжением этого стола в случай нужды. Скрыня эта, в свою очередь, жмется к постели. Пол мазаный. На столе каравай хлеба, покрытый куском холста, тут же и соль – это символ гостеприимства, и таков обычай у всех здешних русских, даже и в Венгрии. Балка, идущая под потолком, изукрашена цветами и резьбою – это должно быть весьма древний славянский обычай: я его встречал у всех племён. Здесь на ней вырезают кресты, а у богатого крестьянина, к которому меня водил отец Максимилиан, даже была надпись сделана церковными буквами, которую я, увы! оплошал списать; что-то вроде: *да будет благословение Божие на создателя дома сего Феодора и Марию и на чад их – по крайней мере, смысл таков. Вырезано очень красиво и грамотно* [17: 34, 40–41].

«Комора, – пишет автор, то, что у нас клеть. Тёмная комната без печи, где хранят всякий домашний скарб, и где стоять сусеки с хлебом. Кругом всего здания халупы идёт обыкновенная южнорусская призба, то же что наша завалинка. Лохань – по-ихнему цебрик, ступица колеса – голова, бок телеги (воза) – драбина или литерка». Особенностью здешней архитектуры являются плетни: «...делают их из лозы, – работа мелкая, частая и подогнана в рисунок, полосами, с большим вкусом; концы веток идут то в одну сторону, то в другую; сам плетень состоят из горизонтальных полос, а верх из вертикальных». Сараи (*топы, стодолы*) делаются тоже из плетня, что «снова напоминает южных славян. Плетнёвые квадратные щиты прижимаются деревянными щеколдами к столbam, и сарай готов – стоит только соломенную стреху навести. Эта архитектура носит следы глубокой древности; она напоминает кочевой быт» [17: 41–42].

В. Кельсиев обратил внимание, что «расшивка сорочек красными нитками встречается редко; когда встречается, то шитье всегда четырехугольниками, т. е. народное северно-славянское; травчатого и

здесь нет. Византия с её малоазийскими вкусами мало имела влияния на русских. Мужчины носят длинные волосы, спереди в скобку, сзади по плечам; вообще, покрой сорочек, причёска, лица сильно сбивают на румынские, и мне кажется, что славянский элемент румын состоял именно из южноруссов» [17: 42].

В своих письмах В. Кельсиев указал «не замеченную, кажется, ни одним этнографом разницу между русинами и руснаками, между жителями поля и гор, между хлопами и мужиками». Об этой разнице он пообещал изложить «в отдельном иллюстрированном сочинении, в которое войдут мои археологические и этнографические исследования» [17: 139]. К сожалению, осуществить задуманное не удалось. Мужиками и руснаками он назвал жителей Буковины, где не было крепостного права: «У русинов только хлопы, у руснаков только мужики; язык руснаков изо всех южнорусских наречий ближе к великорусскому» [17: 288].

Когда его везли через Буковину для депортации в Молдавию, В.И. Кельсиев спрашивал у ямщиков, обыкновенно руснаков (второй этноним у русинов. – С.С.), какая у них церковь. На это они отвечали: молдавская, а вера – русская, молдавская. Касательно национальности они отвечали, что руснаки, не молдаване. Исследователь считал, что, когда в Буковину в конце XVI – начале XVII в. стала проникать уния под именем «русская вера», руснаки её отвергли. А так как «уния сделалась верой русской, но руснаки принять её не хотели, и поэтому, свою веру, т. е. восточную, стали называть молдавскою. Это чрезвычайно усилило в Буковине молдавский элемент. Чтобы быть православным, нужно было не держаться русской веры и перестать быть русским; поэтому, руснаки и стали делаться молдаванами. Там, где теперь сохранилось православие – а это в большей части Буковины – в церквях церковный язык произносится точно так же, как у нас, т. е. говорят: «Gospody», а не «Hospodi», говорят: «veruji», а не «viriжу», – униат произносит церковные слова по-южнорусски» [17: 288–289].

Позже, в очерке «Румуны» (Нива. 1871. № 1) он несколько конкретизирует понятие «молдаванская вера»: «В переводе на общепринятый язык это значит, что он не униат, потому что уния стала там считаться верою русскою, а молдованская вера, т. е. православная – верою национальной, и потому бедный буковинский мужик ходит в церковь, где служат по-румунски (по-румынски. – С.С.)» [21: 6]. К такому же выводу пришёл В. Крестовский, который считал, что «противники русского народа стараются ввести в этот народ название “воловская церковь”, “воловская вера” (в данном случае слова «молдавская» и «воловская» выступают синонимами. – С.С.) вместо

“православная вера” и “русская церковь”, убеждая тёмных крестьян, что это-де всё равно». В результате по данным переписей растёт численность румынского и польского населения, а русского сокращается [45: 55–56]. Об этом же писал А.С. Будилович, тоже обративший внимание на то, что все буковинские гуцулы – православные, а не униаты: «Зовут же они себя и волохами, но не русскими... потому что “волох” действительно ещё упорней в православии, чем русский» [44: 172].

В очерке «Румуны» В. Кельсиев поднял вопрос о влиянии славянского фактора в истории Молдавии и продолжающейся ассимиляции малороссов: «До XIV века нынешняя Молдавия вся говорила по-славянски, а до XVII, почти даже до XVIII века славянский язык, смесь болгарского с малорусским, в ней не заглушил; это доказывается множеством церковных книг и всякого рода рукописей, находящихся в настоящее время в разных монастырях и церквях земли молдавской. Славянский язык, наречия весьма близкого к русскому, господствовал по Дунаю, но в XIV веке, вследствие разных политических потрясений, румуны (после объединения Дунайских княжеств (Валахии и части Молдавии, без Буковины и Бессарабии в единое государство в России её местное население, как и в самих княжествах, стали называть румунами (румынами). – С.С.) двинулись на восток и стали обрумунивать местное славянское население. Обрумунивание это продолжающееся до нашего времени, – факт чрезвычайно странный и замечательный». Он обратил внимание, что в Молдавии и Валахии можно встретить довольно большое количество малороссов (русинов. – С.С.), которые сбежали от своего пана, польского штяхтича. Причём они уже не могут «объясняться с вами по-русски, или по-малорусски; лет в пять русский язык делается для него вовсе чужим, и если он называется ещё, как один из знакомых пишущему эти строки, Василем Рус, то тем не менее, его костюм, его манеры, самая пища его уже вовсе не русские». В то же время, отметил автор, «великорусы удерживаются пред подавляющим влиянием этой румунской национальности». По мнению В. Кельсиева, это происходит из-за того, что «его борода, его рубаха с косым воротом, его обряды сильно препятствуют его слиянию с другими народностями». А «бритый и усатый малорус без большой борьбы и без всякого сопротивления надевает стёганную ватную румунскую куртку – и так же легко делается румуном, совершенно забыв все своё прошлое; начинает ходить в румунскую церковь, так что его отличить от кровного румуна даже нельзя будет». Румыны (валахи, волохи. – С.С.), спустившись с Карпат и встретившись с малороссами, заставили их говорить по-своему без всякого усилия – и

довели до того, что ныне почти вся Молдавия и половина Буковины говорит не по-малорусски, а по-молдавски» [21: 6].

Коснулся В. Кельсиев и судьбы Буковины: «Буковина – край до такой степени забытый Россией (хотя давным-давно там живёт почти исключительно русский народ, и почти в каждом селе услышите русский язык), что до сих пор ни в литературе русской, ни в обществе русском, ещё ни где не раздался голос о том, что этот край следовало бы нам воротить, точно также как Галичину, и что там борьба русского элемента с румунским идёт не на живот, а на смерть, и что там австро-мадьярское правительство делает все возможное для поддержки этого румунского элемента, с целью разрушить все русское» [21: 6].

В заключение очерка В. Кельсиев написал: «В настоящее время княжества Молдавия и Валахия соединились под общим именем Румунии и ждут, что к ним присоединится ещё Трансильвания (а ещё и Буковина с Бессарабией. – С.С.). Мы можем пожелать им всякого успеха и всякого блага, но не можем мы не отнестись скептически к возможности такого соединения, потому что знаем ту глубокую ненависть, которую питает в душе каждый молдованин (начиная от боярина) к валаху, и то гордое презрение, с которым относится к нему австрийско-трансильванин» [21: 6].

В. Кельсиев один из первых в России поднял тему русского населения Галичины, донеся до читателей информацию «о неведомом русском krae¹⁸» [17: II]. Некоторые его мысли, выводы и прогнозы не потеряли значимости и сегодня. К сожалению, В. Кельсиеву не удалось завершить ряд исследований, в т. ч. по истории происхождения русского народа и этнографических отличиях русских галичан и буковинцев.

Примечания

1. В. Кельсиев в «Исповеди» упоминает, что к Герцену часто приезжали из России высокопоставленные лица и «тайна свидания их с ним так и остаётся тайной на долгое время, когда выйдут в свет не изданные главы его записок “Былое и Думы”, которые много прольют свет на историю этого периода. Собственные имена в доме Герцена не произносились, или произносились очень редко. <...> Кого только не перебывало при мне у Герцена! – бывали губернаторы, генералы, купцы, литераторы, дамы, старики и старухи бывали, студенты, – точно панорама какая-то проходила перед глазами, точно водопад лился, и это не считая тех, с которыми он виделся с глазу на глаз. <...> Серьёзные свидания составляли, как я сказал, тайну Герцена и Огарёва; свидания и приёмы не серьёзные делались раз в неделю

(впоследствии два раза), в назначенный день, обыкновенно в воскресенье, с пяти часов вечера. Тут-то и была каторжная работа обоим издателям “Колокола” – занимать гостей, быть любезными со всеми, выслушивать всякий вздор и не показывать вида, что скучно. А не принимать тоже было нельзя; каждый приезжий все-таки привозил какие-нибудь новые сведения, да и в интересах пропаганды необходимо было знакомиться с каждым ищущим знакомства» [15: 180–181].

Говоря о т. н. партии беспорядка, В. Кельсиев отметил, что «официальные сведения о ней неверны, потому что составители официальных записок всякого рода (как я убедился, сличая изданные мною официальные записки о расколе с тем, что есть на деле), всегда преувеличивают опасность, по весьма естественному желанию и отличиться перед начальством усердием, и подделаться под его личный взгляд, а, пожалуй, ещё и из страха навлечь на себя ответственность, если из партии, которая поручена им для исследования, вдруг и в самом деле возникнет что-нибудь опасное. То же надо заметить и о показаниях, даваемых обвиняемыми при следствиях: они запутывают дело или по незнанию, или умышленно, чтоб отвертеться; фанатики из них преувеличивают опасность из хвастовства, пли из желания стяжать мученический венец; малодушные, блудливые как кошки и трусливые как зайцы, попав в руки правительства, пугаются своей участи и, чтоб спастись, начинают каяться в тюрьме, – а это уж самый неблаговидный мотив раскаяния, – и плетут на своих товарищей все, что попало, из страха и из желания подслужиться следователям и судьям. Затем, сочинения и прокламации самих деятелей оппозиции также не заслуживают доверия, – это я уж по личному опыту знаю. Когда мне пришлось сделаться агитатором, как это расскажу впоследствии, я сплошь и рядом должен был привирать о располагаемых мною средствах; я должен был, как это ни было мне противно, туманить глаза людей, на которых приходилось действовать преувеличенными рассказами о силе и значении нашей партии в России. Политические и религиозные агитаторы, революционеры, социалисты, иезуиты, молокане, спириты, все прибегают к этому способу; – послушать любого из них, то мир только его сторонниками и держится, а будущность цивилизации только его секте или партии и принадлежит, тогда как на деле-то оказывается, что история человечества идет по диагонали двух сил: силы предания или привычки и силы толчка, даваемого ей новыми учениями, – поэтому ни одна партия и ни одна секта никогда не достигают своей цели» [15: 182].

2. Имеется ввиду Владимир Аристович Энгельсон (1821–1857), русский революционер, публицист, эмигрант, сотрудник А.И. Герцена.

3. Артур Вильям Бенни (1839 или 1840–1867) родился в Томашове-Мазовецком Царства Польского. Он был сыном лютеранского священника Яна Якова Бенни, полунемецкого–полуитальянского происхождения (предки которого были евреями), женившегося на англичанке Мери Уайт.

Дома они говорили по-английски: после окончания польской гимназии в Петркове, Артур уехал к родственникам в Англию для продолжения образования. Там, по его собственному свидетельству, он целый год посвятил изучению славянских и восточных языков (в том числе монгольского и «сибирского») в Британском музее. Бенни стал британским подданным, получил место в Военном министерстве и работал в Лондоне, затем в его окрестностях, в Вулвичском Арсенале. Ещё до переезда в Лондон он заинтересовался Герценом. В ноябре-декабре 1858 г. познакомился в А. Герценом. В июле 1859 г., оставив государственную службу, Бенни переехал за город и стал служить секретарём у некоего английского аристократа. В 1860 г. познакомился с В. Кельсиевым. В ноябре 1860 г. приезжает в Париж изучать медицину. Там знакомится с русскими (в частности, с И.С. Тургеневым, князем П.В. Долгоруким) и представителями других славянских групп, проживавших в Париже. В конце июня 1861 г. приезжает в Санкт-Петербург. Он привёз с собой рекомендательное письмо В. Кельсиева к члену организации «Земля и воля» А.И. Ничипоренко, который познакомил его с Н.С. Курочкиным, С.С. Громекой и Н.В. Альбертини. В Москве он сблизился с Н. Лесковым. Вскоре появились слухи, что А. Бенни является агентом III Отделения. В жизни Бенни важную роль сыграли два адреса императору, написанные в 1861 г.: о введении конституции (по свидетельству Кельсиева, был составлен и распространялся Бенни) и написанный Тургеневым, вероятно, в конце 1861 г. (в конце документа есть примечание: «Проект адреса Государю, писанный в 1860-м году. Он был вручен Бенни, но вследствии истреблен»). В 1862 г. А. Бенни выпускает две прокламации от имени «тайного общества „Русская правда“» (в нём было четыре человека вместе в Бенни). В них критиковалось правительство, предсказывалась революция и выражалась симпатия к полякам. Правда, в конце 1863 г. он разочаровался в польском восстании. Последние два года жизни Бенни в России были омрачены клеветой и финансовыми затруднениями. Н. Лесков помогал ему в поисках переводов и поселил у себя. За долги А. Бенни посадили в долговую тюрьму. Он также был приговорён к трехмесячному заключению и высылке из России навечно за несообщение сведений о прибытии в Санкт-Петербург В. Кельсиева, «неосуждённого государственного преступника». После изгнания из России Бенни в 1865 г. сотрудничал в английских газетах и журналах. После прощения В. Кельсиева и разрешения ему жить в России А. Бенни тоже обратился через И. Тургенева и П. Анненкова к начальнику жандармерии, начальнику III Отделения и шефу корпуса жандармов графу П.А. Шувалову с письмом, в котором умолял позволить ему возвратиться в Россию и дать возможность «стать истинным и преданным подданным русского царя <...> полезным членом великой русской семьи». П. Шувалов наложил резолюцию: «Повременить впредь до востребования». А. Бенни поехал корреспондентом английской газеты в Италию, сопровождал гарибальдийские отряды в

их втором походе на Рим, попал в плен. 8 декабря 1867 / 9 января 1868 г. А. Бенни умер от смертельной раны, полученной в битве у Ментаны [51: 617–622, 631–633].

4. 28 июля 1862 г. А. Ничипоренко был арестован по делу «о сношениях с лондонскими пропагандистами» («Дело 32-х»). В ходе следствия он дал признательные показания.

5. Точка зрения о материалах В. Кельсиева в газете «Общее вече», приложении к «Колоколу», изложена в статье «Новые подвиги наших лондонских агитаторов»:

«В мелких статьях *Общего веча* предлагают такие известия, над которыми вдоволь нахочется простонародье, если дойдут до него листки г. Кельсиева. Так, например, известно, что на Нижегородскую ярмарку нынешнего года был командирован генерал фон-дер-Лауниц (Владимир Фёдорович фон дер Лауниц (1855–1907) – генерал-майор, тамбовский губернатор (1902–1905), санкт-петербургский градоначальник (1905–1906), убит революционером-террористом двумя выстрелами в голову во время торжественного освящения новой клиники Петербургского института экспериментальной медицины. – С.С.) для наблюдения за действиями местной полиции на ярмарке и в приволжских губерниях. Мы знаем о действиях генерала Лауница, знаем, что первостатейное русское купечество, а также Армяне и подданные бухарского эмира благодарили его адресами за охранение порядка на ярмарке. Известно и то, что дела нынешней ярмарки, вопреки ожиданиям, были несравненно лучше, чем в последние годы. А г. Кельсиев говорит, что “нижегородскую ярмарку оцепили войском, под командою генерала Лауница”, что “Нижегородская губерния в самое рабочее и прибыльное время будет разорена постоем, а торговля на ярмарке сгнетена военно-полицейскими притеснениями”, что “ярмарка, на которую сбиралось купечество и крестьянство со всех концов России, где торговый человек и рабочий человек находили дело и прибыль, – ярмарка, которая в этом году безденежья и обеднения хотя бы сколько-нибудь да поправила торговые дела и поддержала людей, её то именно в этот год правительство и вздумало сгубить военною осадой середь мира”. Действительно, на нижегородскую ярмарку и в нынешнем году собиралось купечество и крестьянство со всех концов России и во все концы России разнеслась весть, что дела торговые на ярмарке 1862 года шли лучше чем в прежние годы, что с генералом Лауницием не то что корпуса, но и роты солдат не было, что лишнего постоя в Нижегородской губернии не было, что никакого осадного положения не было, что больше всего не поздоровилось на ярмарке ворам и мошенникам, обыкновенно съезжающимся к Макарью; они действительно были сгнэтены и бежали с ярмарки ради самосохранения, вследствие чего не было воровства на ярмарке и не слышно было казённой песни. Кому больше поверит русское простонародье: этим ли господам, проживающим в Лондоне, или

полумиллиону своей братии, бывшей на ярмарке и видевшей что там происходило? И поверит ли оно известиям, сообщённым *Общим вечем*, когда издатели его говорят такую наглую ложь, как осада ярмарки целым корпусом войска, разорение ярмарочных торговцев постоеем и военно-полицейскими притеснениями и проч. Свидетелей, что все это умышленная ложь, полмиллиона, если не более, людей, собиравшихся на устье Оки со всех концов России» [12: 436–437]. В своё время И. Кант в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» (1797) подверг критике мнение французского философа Б. Констана, высказанное в статье о политических столкновениях мысли, что «говорить правду есть обязанность, но только в отношении того, кто имеет право на такую правду, которая вредит другим». И. Кант написал, что «священная, безусловно повелевающая и никакими внешними требованиями не ограничиваемая заповедь разума: во всех показаниях быть правдивым (честным)» [16: 292, 294].

6. Чайковский Михаил Станиславович (Садык-паша, 1804–6(18).01.1886) – общественно-политический деятель, писатель, участник польского восстания 1830 г., офицер турецкой армии. Родился в с. Гальчин Гальчинец Житомирского уезда Волынской губернии (ныне село Бердичевского района Житомирской области) в польско-малороссийской шляхетской семье, униат. По семейному преданию, по материнской линии был потомком кошевого атамана Запорожской Сечи, гетмана Его Царского Пресветлого Величества Войска Запорожского Ивана Брюховецкого. Участвовал в Польском восстании 1830–1831 гг., после поражения которого эмигрировал во Францию. Сотрудничал с польским эмигрантом князем Адамом Чарторыйским. По его поручению возглавил восточное агентство в Стамбуле (1841 г.), откуда координировал подрывную деятельность в южных регионах Российской империи. Принял турецкое подданство и перешёл в ислам (1850). Во время Крымской войны 1853–1856 гг. организовал и возглавил казацкий полк, участвовавший в военной кампании 1854 г. К Польскому восстанию 1863 г. М. Чайковский отнёсся отрицательно. В 1873 г. попросил помилование у императора Александра II, вернулся в Россию и обратился в православие. Покончил жизнь самоубийством. Оставил две книги воспоминаний и многочисленные литературные труды [43].

7. Гончаров [Гончар, Ганчар] Иосиф [Осип] Семёнович (3.11.1796–1879) – атаман некрасовцев (потомков донских казаков, раскольников-поповцев, удалившихся после Булавинского бунта под предводительством атамана Некраса сначала на Кубань, а потом в Турцию, в Добруджу), старообрядческий деятель, способствовал учреждению Белокриницкой иерархии. Пользуясь уважением односельчан, был ходатаем по общественным делам. В 1829 г. И. Гончаров с частью старообрядцев переселился в Россию, в окрестности Измаила, где наряду с основанной ранее Старой Некрасовкой появилась Новая Некрасовка, был выбран поверенным по делам некрасовцев и бе-

глопоповцев в Измаиле. В результате разногласий с некрасовцами в 1837 г. вернулся в Сарикёй, занимался торговлей, ходатайствовал о некрасовцах перед турецким властями. На И. Гончарова обратил внимание М. Чайковский (Садык-паша), который хотел привлечь старообрядцев на борьбу против России. В ноябре 1847 г. несогласные с принятием белокриницкого священства некрасовцы из селений Сарикёй и Слава написали властям донос, в котором утверждали, что жители с. Журиловка и И. Гончаров «присоединились к грекам» и могут быть опасными для турецкого правительства. Рукоположенные митрополитом Амвросием для задунайских некрасовцев духовные лица (епископ Аркадий (Дорофеев), иеромонах Евфросин и диакон Иаков) и несколько мирян, в их числе и И. Гончаров, были посажены в тюрьму. Ему пришлось просидеть 7 месяцев в заключении. Вышел благодаря хлопотам М. Чайковского. И. Гончаров поселился в Стамбуле. Султан Меджид приглашал его для обсуждения русско-турецких дел. Из Франции к нему приезжали А. Мицкевич и князь В. Чарторыйский. Во время Русско-турецкой войны 1853–1856 гг. помогал М. Чайковскому в формировании отряда султанских казаков. После окончания войны вернулся в Добруджу. В 1862 г. ездил в Париж для встречи с русскими и польскими эмигрантами, которые рассчитывали использовать казаков-старообрядцев в борьбе против России. Переписывался и в Лондоне встречался с А. Герценом и Н. Огарёвым. Надежды эмигрантов не оправдались: казаки-старообрядцы отказались выступить против России. В 1864 г. И. Гончаровоказал важную услугу некрасовцам: ходатайствовал у турецкого правительства отмену казацкого положения, т. е. освободил их от бесплатной казацкой службы и, наравне с прочими христианскими подданными султана, они были обязаны вносить ежегодно в казну денежную рекрутскую повинность. Несмотря на неоднократные приглашения русского правительства, И. Гончаров отказывался от переезда в Россию. Но уже в преклонном возрасте он с Высочайшего разрешения поселился в Хвалынске, в окрестностях которого находятся известные старообрядческие скиты. Перед смертью принял там монашество с именем Иоасафа. Погребён там же. В окрестностях г. Измаила (Одесская область) сохранилась память о И. Гончарове. Некоторые старики в некрасовских сёлах в начале XXI в. называли себя «гончаровцами», считая его своим дальним родственником [1].

8. В. Кельсиев в «Исповеди» писал: «Месяца в два мне удалось проверить мои прежние выводы и убедиться, что открытый мною метод может повести к колоссальным результатам, что есть возможность определить домашний и политический быт и верования славян в VII, VIII и IX веках, а равно и указать на связь нашу с Индией в какие-то, до сих пор неизвестные мне времена. По крайней мере, я нашёл в “Ведах и в Пуранах” прямые указания, что санскриты знали о нашем существовании на северо-западе от Индии, и что были очень высокого мнения о нашей образованности. Затем я невольно

пришёл к заключению, что предания и сказания наши древнее германских и сохранились в более первобытной чистоте, что сказки, которые у нас каждый ребёнок знает, суть отрывки из древней, всем индоевропейцам общей поэмы о сотворении мира, которая даже у санскритов и греков не сохранилась в такой первобытной форме, как у нас. В связи с этими исследованиями, я занимался сравнением славянских наречий и быта отдельных племён, что дало мне возможность разъяснить их древнюю историю и указать на происхождение каждого. Так, я имею теперь положительные данные, что мы, великорусы, вовсе не происходим от финнов и татар, как утверждают поляки, и что в быте нашем татарщина не оставила никаких резких следов; а что, напротив того, нигде славянство не сохранилось в такой чистоте, как у нас; – о чём и думаю написать серьёзное исследование в ответ Духинскому, Мицкевичу, Henri Martin, Viquesnel и прочим шарлатанам науки» [15: 294–295]. К сожалению, исследование он так и не закончил.

9. В. Кельсиев в «Исповеди» упоминает, что он не понравился галицким русским: «Мои “беспристрастные” суждения о поляках и о малорусах сильно их рассердили, так что они стали упрекать меня в украинофильстве и в полонофильстве. Я спорил, говоря, что каждая народность должна иметь права на независимое существование, развивать свой язык, жить по своим обычаям – короче, я говорил тоже самое, что проповедовала наша литература в 1862 году, когда я, с отъездом моим в Цареград, перестал следить за нею. Галичане и русские угры держались другого мнения. Русское государство, говорили они, вырабатывает язык и право обязательное для всего славянства, а тем более для русских племён. Оно одно представляет реальную силу славянства, и, как всякие швабы, фризы, тирольцы, стремятся к слитию с Пруссией, создавшейся на границах германского мира, так и славяне не могут не тянуть к России, возникшей на крайнем рубеже славянства. В этом одно их спасение от ненавистного славянскому духу германизма, и потому всякое слово против расширения языка, права и границ России – измена славянству; а поляки и украинофилы преступники против него, так как они стремятся к сепаратизму. Взгляд этот разделяли все славяне...» [15: 295–296].

10. В 1868 г. Д. Минаев написал статью «Наши призраки (журнальные размышления и выводы)» (Неделя. 1868. № 32, 34). В ней он осудил «Преступление и наказание», «Идиот» Ф. Достоевского и «Дым» И. Тургенева. В них он увидел «полнейшую проституцию мысли», «пасквиль на все молодое, на все, что работает, думает, учится» [8: 749].

11. До революции были опубликованы письма В. Кельсиева к Д.В. Аверкиеву (Русская старина. 1882. № 9. С. 634–637) и к архимандриту Кириллу (Православный собеседник. 1867. № 2. С. 114–120) [36: 165].

12. По словам В. Кельсиева, «большинству эмигрантов жить было нечем, за работу же эмигранты принимаются очень неохотно, в ожидании, что не сегодня завтра снова заварится каша, тунеядничают, интригуют и кончают

обыкновенно очень плохо» [15: 183]. Говоря о А. Герцене и Н. Огарёве, он отметил: «В 1860 году каждый приезжий слушал их с благоговением, в 1861 начали робко возражать им, в 1862 с ними уже спорили и прямо в глаза им говорили, что они забыли Россию. Даже мне наедине жаловались на промахи и на политическую несостоятельность Герцена и Огарева» [15: 187].

13. Терлецкий Ипполит (в монашестве – Владимир; 1808–17.01.1888) – церковный деятель, доктор богословия (1843). Родился в Староконстантиновском уезде Волынской губернии в ополяченной малороссийской семье. Род ведёт своё происхождение из Галичины. Участвовал в польском восстании 1830–1831 гг. Был членом тайной организации «Содружество польского народа». После подавления восстания эмигрировал в Краков, где получил степень доктора медицины и женился на польской поэтессе Анне Шугт. После смерти жены в 1835 г. переехал во Францию, где вошёл в круг общения князя А. Чарторыйского. В 1842 г. окончил духовную академию в Риме, принял духовный сан. Разработал проект сближения восточной православной церкви с римско-католической. По согласию с Папой Римским Пием IX перешёл в греко-католический обряд. В 1848 г. нелегально побывал во Львове, где пытался выяснить отношение греко-католических епископов Галиции к планам сближения восточной и западной церквей и привлечь польские политические круги к активному участию в общеславянском движении (миссия оказалась безрезультатной). С 1857 г. проживал в Австрии, вследствие чего переехал в Закарпатье. В 1858 г. вступил в орден василиан, был игуменом Мало-Березнянского и Краснобродского монастырей. Поддерживал тесные контакты с А. Духновичем. В марте 1862 г. переехал в Галицию, где под наблюдением полиции находился в Онуфриевском (Львов) и Гошевском монастырях. Был одним из инициаторов обрядового движения, которое стремилось к очищению обрядов греко-католической церкви от латинских влияний. Польская пресса обвинила его в распространении схизмы (православия) и в июле 1863 г. он был депортирован в Мукачево. Из-за преследований венгерских властей обратился с письмом к императору Александру II и в сентябре 1872 г. вернулся в Россию. Перешёл в православие, вскоре получил титул архимандрита. Жил в Киевском Свято-Михайловском Златоверхом монастыре, затем в Житомире и Одессе. Написал ряд работ, в т. ч. мемуары (вышли после его смерти) и брошюру «Угорская Русь и возрождение сознания народности между русскими в Венгрии» (1874) [41].

14. Некоторые идеи В. Кельсиева уже к тому времени осуществлялись. К примеру, на Холмщине в результате договорённостей Ф.Г. Лебединцева появилось большое количество священников из Галичины. Благодаря деятельности русской администрации, школьных дирекций в местах компактного проживания русинов (во главе с Ф.Г. Лебединцевым, Е.М. Крыжановским), призванных священников из Галичины и части местного духовенства произошло возрождение греко-униатского населения края, которое привело в

1875 г. к воссоединению холмских греко-униатов с православной церковью. После воссоединения многие выходцы из Галичины продолжали нести здесь свою службу (см., например: [46–49]).

15. Говоря о Галичине и её русском (русинском) населении, в «Пережитом и передуманном» В. Кельсиев дал верное объяснение термина «Галичина»: «Галицией я называю западную часть польских земель, доставшихся Австрии, т. е. все пространство от реки Сяна (“знай Ляше – по Сян наше”) на север до Krakова, где города исключительно польские или, пожалуй, еврейские. Ту же часть страны, которая лежит от реки Сяна на юг вплоть до Буковинской границы я называю Галичиной» [19: 391–392]. В «Галичине и Молдавии» он подчеркнул: «В первых моих письмах я писал “Галиция”, но благо есть русская форма этого слова Галичина – другой здесь и не знают – то я не вижу, зачем употреблять латинскую» [17: 39]. О терминологии см.: [50: 276].

16. Иосафат (при рождении Иван (Ян) Гаврилович) Кунцевич (1580–1623) – епископ Русской униатской церкви, архиепископ Полоцкий (с 1618 г. до своей смерти), основатель монашеского ордена Василиан. При привлечении к унион православного населения часто использовал силовые методы, за что получил в православной среде прозвище «душехват». В католической церкви прославлен как мученик и святой.

17. Максимилиан Станислав Рылло (1802–1848) – выходец из бедного шляхетского рода, уроженец деревни Подороск Волковысского уезда Гродненской губернии, миссионер на Ближнем Востоке и в Африке, востоковед, археолог, ректор Папского Урбанианского университета.

18. В своих письмах В. Кельсиев уделяет много места своим встречам с галичанами, в т. ч. со священниками, вопросам унион, украинофильства, кулишовки, началу русинского возрождения с 1848 г., пишет о деятелях русинского движения (в частности о Я.Ф. Головацком, о. Иоанне Наумовиче и др.), упоминает Дом Народный во Львове, украинофильскую и русскую прессу, рассказывает о тяжёлом положении крестьян (хлопов), высказывает своё мнение о славянском единстве. По его мнению, «вся цель и идеал славянства состоит в том чтобы слиться, во что бы то ни стало, воедино; слиться в один народ, возьмет один язык, одну азбуку, одну церковь, так, чтоб чех считал бы себя в Москве так же дома, как великорус будет считать себя дома в Праге» [17: 81] и т. д. К сожалению, в данной статье всё это изложить не представляется возможным из-за большого объёма информации.

Литература

1. Агеева Е.А. Гончаров [Гончар, Ганчар] Иосиф Семёнович // Православная энциклопедия. Т.12: Гомельская и Жлобинская епархии – Григорий Пакурин. М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2006. С. 81–83.

2. Агеева Е.А. Кельсиев Василий Иванович // Православная энциклопедия. Т.32: Катехизис – Киево-Печерская икона «Успение Пресвятой Богородицы». М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2013. С. 366–368.
3. В.К. [Василий Карцев]. Кельсиев (Василий Иванович, 1835–72) – писатель // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона (ЭСБЕ). Т. XIV^А: Карданахи – Керо. СПб.: Типолитография И.А. Ефона, 1895. С. 911–912.
4. Василий Иванович Кельсиев (некролог) // Нива. 1872. № 42. 16 октября. С. 667–668.
5. Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей: в 4 т. Т. 3: Карамышев – Ломоносов. Петроград: Типография Императорской академии наук, 1914. [4], 524 с.
6. Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 11: Былое и думы, ч. 6–8. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 815 с.
7. Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 29: Письма 1867–1868 годов, кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 399 с.
8. Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 29: Письма 1867–1868 годов, кн. 2. М.: Наука, 1964. 456 с.
9. Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинёв, 1973. 540 с.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 28. Кн. 2. Письма 1860–1868 / текст подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто и др. Ленинград: Наука. Ленинград. отделение, 1985. 616 с.: ил.
11. Д.М. [Минаев Д.Д.]. Журнальные арабески // Неделя. 1869. № 4. 12 (24) января. С. 119–123.
12. Д.П. Новые подвиги наших лондонских агитаторов // Русский вестник. 1862. Т. 41. Сентябрь. С. 425–438.
13. Иванов-Желудков В.П. Униатский агитатор // Отечественные записки. 1867. Т. 170. Кн. 1–2. Январь–Февраль. С. 516–543, 706–725.
14. Исповедь В.И. Кельсиева. Вступительные замечания // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Т. XI. Берлин, 1923. С. 169–174.
15. Исповедь В.И. Кельсиева // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Т. XI. Берлин, 1923. С. 175–310.
16. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 292–297.
17. Кельсиев В.И. Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. [3], IV, 351 с.
18. Кельсиев В.И. «Исповедь». Письмо В.И. Кельсиева шефу жандармов графу П.А. Шувалову. 24–25 мая 1867 г. // Литературное наследство. Кн. 41–42. М., 1941. С. 265–470.
19. Кельсиев В.И. Пережитое и передуманное. Воспоминания Василия Кельсиева. СПб.: печатня В. Головина, 1868. [4], 443 с.

20. Кельсиев В.И. Предисловие // Сборник правительенных сведений о расколе. Лондон: Trübner & C°, 1860. Вып. 1. С. III–XL.
21. Кельсиев В.И. Румуны // Нива. 1871. № 1. С. 4, 6.
22. Кельсиев В.И. Сборник правительенных сведений о раскольниках. Вып. 1. Лондон: Trübner & C°, 1860. XL, 223 с.
23. Кельсиев В.И. Сборник правительенных сведений о раскольниках. Вып. 2. Лондон: Trübner & C°, 1861. XX, 299 с.
24. Кельсиев В.И. Сборник правительенных сведений о раскольниках. Вып. 3. О скопцах. Исследование о скопической ереси. Сочинение Н.И. Надеждина и др. Лондон: Trübner & C°, 1862. 392 с.
25. Кельсиев В.И. Сборник правительенных сведений о раскольниках. Вып. 4. Лондон: Trübner & C°, 1862. [2], 344 с.
26. Кельсиев, Василий Иванович // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%B2,_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87) (дата обращения: 12.05.2025).
27. Кельсиев Василий Иванович // Деятели революционного движения в России. Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Ч. 2: Шестидесятые годы / сост. А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Главлит, 1928. С. 162–164.
28. Кельсиев Василий Иванович // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 8: Ибак – Ключарев / издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1897. С. 609–611.
29. Кельсиев Иван Иванович // Деятели революционного движения в России. Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Ч. 2. Шестидесятые годы / сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Главлит, 1928. С. 164–165.
30. Клевенский М. «Исповедь» В.И. Кельсиева. Вступительная статья и комментарии // Литературное наследство. Кн. 41–42. М., 1941. С. 253–264.
31. Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По неизданным документам с портретами. СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1908. 510, II с., 4 л. портр.
32. Л-ев В. В.И. Кельсиев // Нива. 1873. № 31. 6 августа. С. 481–483.
33. Михайловский Н.К. Жертва старой русской истории // Сочинения Н.К. Михайловского. Издание редакции журнала «Русское богатство». Т. 4. СПб.: Типолитография Б.М. Вольфа, 1897. С. 1–32.
34. Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995. 588 с.

35. Письма из Угоршины // Отечественные записки. 1867. Т. 171: Апрель, кн. 2. С. 640–669; Т. 172: Июнь, кн. 2. С. 745–762.
36. Рындзюнский П.Г. В.И. Кельсиев – Герцену и Огарёву. Приложение: Письма Филарета Захаровича к В.И. Кельсиеву и Н.П. Огарёву / публ. П.Г.Рындзюнского // Литературное наследство. Т.62: Герцен и Огарёв. [Кн.] II / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. / ред. В.В. Виноградов (гл. ред.), И.С. Зильберштейн, С.А. Макашин, М.Б. Хапченко. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 159–218.
37. Соколов Н.П. Кельсиев Василий Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. Т. 2: Г–К. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1992. С. 526–527.
38. Соловьев К.А. Василий Кельсиев: путь интеллигента в революцию // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 88–97.
- 39 Соловьев К.А. Внешнеполитическая концепция В.И. Кельсиева и попытки её практической реализации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 244–248.
40. Соловьев К.А. Общественно-политические взгляды и деятельность В.И. Кельсиева: 1835–1872: дис.... канд. ист. наук. М., 2010. 392 с.
41. Соловьев К.А. Предисловия В.И. Кельсиева к «Сборнику правительственных сведений о раскольниках» и народническая историография раскола // Вестник Российской государственной гуманитарного университета 2011. № 12 (74). Серия: Исторические науки. С. 38–48.
42. Стеблій Ф.І. Терлецький Іполіт // Енциклопедія історії України. Т. 10: Т–Я / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2013. С. 62–63.
43. Стеблій Ф.І. Чайковський Міхал // Енциклопедія історії України. Додатковий том. Кн. 1: А–Я / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін; НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2021. С. 705.
44. Суляк С.Г. А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. 2017. № 2 (48). С. 166–181. doi: 10.17223/18572685/48/12
45. Суляк С.Г. Всеолод Крестовский (1840–1895): жизнь, труды и русинская тематика в произведениях русского писателя и офицера // Русин. 2025. № 79. С. 15–80. doi: 10.17223/18572685/79/2
46. Суляк С.Г. Деятельность Ф.Г. Лебединцева в Холмщине // Русин. 2023. № 74. С. 35–108. doi: 10.17223/18572685/74/3
47. Суляк С.Г. Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья // Русин. 2022. № 70. С. 104–147. doi: 10.17223/18572685/70/7
48. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Ч. 1. Биография // Русин. 2020. № 62. С. 32–49. doi: 10.17223/18572685/62/3
49. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Ч. 2. Карпатская Русь в научном наследии учёного // Русин. 2021. № 63. С. 81–137. doi: 10.17223/18572685/63/6

50. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. doi: 10.17223/18572685/55/16
51. Эджертон В. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов (о реальной основе «некуда» и «загадочном человеке» // Неизданный Лесков. М.: Наследие, 1997. Кн. 1. (Литературное наследство. Т.101). С. 614–637.
52. Geni. Александр Иванович Кельсиев. URL: <https://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%9A%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%B2/6000000177534585827> (дата обращения: 02.05.2025).

References

1. Ageeva, E.A. (2006) Goncharov [Gonchar, Ganchar] Iosif Semenovich. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 12. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 81–83.
2. Ageeva, E.A. (2013) Kelsiev Vasilii Ivanovich. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 32. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 366–368.
3. Anon. (1895) V.K. [Vasiliy Kartsev]. Kel'siev (Vasiliy Ivanovich, 1835–72) – pisatel' [Kelsiev (Vasiliy Ivanovich, 1835–72) – writer]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brockgauza i Efrona (ESBE)* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XIV. St. Petersburg: I.A. Efron. pp. 911–912.
4. Niva. (1872) Vasiliy Ivanovich Kel'siev (nekrolog) [Vasily Ivanovich Kelsiev (obituary)]. 16th October. pp. 667–668.
5. Vengerov, S.A. (1914) *Istochniki slovarya russkikh pisateley: v 4 t.* [Sources for the Dictionary of Russian Writers: In 4 vols]. Vol. 3. Petrograd: Imperial Academy of Sciences.
6. Herzen. A.I. (1957) *Sobranie sochineniy v tridtsati tomakh* [Collected Works in Thirty Vols]. Vol. 11. Moscow: USSR AS.
7. Herzen. A.I. (1963) *Sobranie sochineniy v tridtsati tomakh* [Collected Works in Thirty Vols]. Vol. 29(1). Moscow: USSR AS.
8. Herzen. A.I. (1964) *Sobranie sochineniy v tridtsati tomakh* [Collected Works in Thirty Vols]. Vol. 29(2). Moscow: Nauka.
9. Grosul, V.Ya. (1973) *Rossiyskie revolyutsionery v Yugo-Vostochnoy Evrope (1859–1874 gg.)* [Russian Revolutionaries in Southeastern Europe (1859–1874)]. Chișinău: [s.n.].
10. Dostoevskiy, F.M. (1985) *Polnoe sobranie sochineniy v tridtsati tomakh* [Complete Collected Works in Thirty Volumes]. Vol. 28(2). Leningrad: Nauka.
11. D.M. [Minaev, D.D.]. (1869) Zhurnal'nye arabeski [Journal Arabesques]. *Nedelya*. 12th (24th) January. pp. 119–123.
12. D.P. (1862) Novye podvigi nashikh londonskikh agitatorov [New Feats of Our London Agitators]. *Russkiy vestnik*. 41. pp. 425–438.

13. Ivanov-Zheludkov, V.P. (1867) Uniatskiy agitator [Uniate Agitator]. *Otechestvennye zapiski*. 170. pp. 516–543, 706–725.
14. Anon. (1923) Ispoved' V.I. Kel'sieva. Vstupitel'nye zamechaniya [The Confession of V.I. Kelsiev. Introductory Remarks]. In: *Arkhiv russkoy revolyutsii, izdavaemyy I.V. Gessenom* [Archive of the Russian Revolution, published by I.V. Gessen]. Vol. XI. Berlin: I.V. Gessen. pp. 169–174.
15. Kelsiev, V.I. (1923) Ispoved' [Confession]. In: *Arkhiv russkoy revolyutsii, izdavaemyy I.V. Gessenom* [Archive of the Russian Revolution, published by I.V. Gessen]. Vol. XI. Berlin: I.V. Gessen. pp. 175–310.
16. Kant, I. (1980) *Traktaty i pis'ma* [Treatises and Letters]. Translated from German. Moscow: Nauka. pp. 292–297.
17. Kelsiev, V.I. (1868) *Galichina i Moldaviya. Putevye pis'ma Vasiliya Kel'sieva* [Galicia and Moldavia. Travel Letters of Vasily Kelsiev]. St. Petersburg: Pechatnya V. Golovina.
18. Kelsiev, V.I. (1941) "Ispoved'" Pis'mo V.I. Kelsieva shefu zhendarmov grafu P.A. Shuvalovu. 24–25 maya 1867 g. ["Confession." A Letter from V.I. Kelsiev to the Chief of Gendarmes, Count P.A. Shuvalov. May 24–25, 1867]. *Literaturnoe nasledstvo*. 41–42. pp. 265–470.
19. Kelsiev, V.I. (1868). *Perezhitoe i peredumannoe. Vospominaniya Vasiliya Kelsieva* [What Was Lived and Reconsidered. The Memoirs of Vasily Kelsiev]. St. Petersburg: Pechatnya V. Golovina.
20. Kelsiev, V.I. (1860) *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskole* [Collection of Government Reports on the Schism]. Vol. 1. London: [s.n.]. pp. V–XL.
21. Kelsiev, V.I. (1871) Rumuny [Romanians]. *Niva*. 1. pp. 4, 6.
22. Kelsiev, V.I. (1860) *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskol'nikakh* [Collection of Government Reports on the Schismatics]. Vol. 1. London: Trübner & C°.
23. Kelsiev, V.I. (1861) *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskol'nikakh* [Collection of Government Reports on the Schismatics]. Vol. 2. London: Trübner & C°.
24. Kelsiev, V.I. (1862a) *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskol'nikakh* [Collection of Government Reports on the Schismatics]. Vol. 4. London: Trübner & C°.
25. Kelsiev, V.I. (1862b) *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskol'nikakh* [Collection of Government Reports on the Schismatics]. Vol. 1. London: Trübner & C°.
26. Kelsiev, Vasily Ivanovich. (n.d.). In: *Wikipedia, the free encyclopedia*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BB%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%B2,_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Accessed: 12th May 2025).
27. Anon. (1928) Kelsiev Vasilii Ivanovich. In: Shilov, A.A. & Karnaukhova, M.G. (eds) *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii* [Figures of the Revolutionary Movement in Russia]. Vol. 1(2). Moscow: Glavlit. pp. 162–164.
28. Anon. (1897) Kelsiev Vasilii Ivanovich. In: Polovtsov, A.A. (ed.) *Russkiy*

- biograficheskiy slovar* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 8. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. pp. 609–611.
29. Anon. (1928) Kelsiev Ivan Ivanovich. In: Shilov, A.A. & Karnaukhova, M.G. (eds) *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii* [Figures of the Revolutionary Movement in Russia]. Vol. 1(2). Moscow: Glavlit. pp. 164–165.
30. Klevensky, M. (1941) “Ispoved” V.I. Kelsieva. *Vstupitel’naya stat’ya i kommentarii* [The “Confession” of V.I. Kelsiev. Introductory Article and Commentary]. *Literaturnoe nasledstvo*. 41–42. pp. 253–264.
31. Lemke, M.K. (1908) *Ocherki osvoboditel’nogo dvizheniya “shestidesyatikh godov.” Po neizdannym dokumentam s portretami* [Essays on the Liberation Movement of the “Sixties”]. St. Petersburg: O.N. Popova.
32. L-ev, V. (1873) V.I. Kelsiev. *Niva*. 6th August. pp. 481–483.
33. Mikhaylovskiy, N.K. (1897) *Sochineniya N.K. Mikhailovskogo* [N.K. Mikhaylovskiy’s Works]. Vol. 4. St. Petersburg: TB.M. Volf. pp. 1–32.
34. Mikhaylovskiy, N.K. (1995) *Literaturnaya kritika i vospominaniya* [Literary Criticism and Memoirs]. Moscow: Iskusstvo.
35. Anon. (1867) Pis’ma iz Ugorshchiny [Letters from Hungary]. *Otechestvennye zapiski*. Vol. 171. pp. S. 640–669; Vol. 172. pp. 745–762.
36. Ryndzyunskiy, P.G. (1955) V.I. Kel’siev – Gertsenu i Ogarevu. *Prilozhenie: Pis’ma Filareta Zakharovicha k V.I. Kel’sieu i N.P. Ogarevu* [V.I. Kelsiev – To Herzen and Ogaryov. Appendix: Letters of Filaret Zakhapóvich to V.I. Kelsiev and N.P. Ogaryov]. In: Vinogradov, V.V. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 62. Moscow: USSR AS. pp. 159–218.
37. Sokolov, N.P. (1992) Kelsiev Vasily Ivanovich. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 2. Moscow: The Great russian encyclopedia. pp. 526–527.
38. Soloviev, K.A. (2011) Vasiliy Kel’siev: put’ intelligenta v revolyutsiyu [Vasily Kelsiev: An Intellectual’s Path to Revolution]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 28. pp. 88–97.
- 39 Soloviev, K.A. (2014) *Vneshnepoliticheskaya kontseptsiya V. I. Kel’sieva i popytki ee prakticheskoy realizatsii* [The Foreign Policy Concept of V.I. Kelsiev and Attempts at its Practical Implementation]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2. pp. 244–248.
40. Soloviev, K.A. (2010) *Obshchestvenno-political’nye vzglyady i deyatel’nost’ V.I. Kelsieva: 1835–1872* [The Socio-Political Views and Activities of V.I. Kelsiev: 1835–1872]. History Dr. Diss. Moscow.
41. Soloviev, K.A. (2011) *Predisloviya V.I. Kelsieva k “Sborniku pravitel’stvennykh svedeniy o raskol’nikakh” i narodnicheskaya istoriografiya raskola* [V.I. Kelsiev’s Prefaces to the “Collection of Government Reports on the Schismatics” and the Populist Historiography of the Schism]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 12(74). pp. 38–48.

42. Stebliy, F.I. (2013) Terlets'kiy Ipolit [Terletskyy Ipolt]. In: Smoliy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukrayini* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 10. Kyiv: Naukova dumka. pp. 62–63.
43. Stebliy, F.I. (2021) Chaykovskiy Mikhail. In: Smoliy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukrayini* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka. p. 705.
44. Sulyak, S.G. (2017) A.S. Budilovich and Carpathian Rus'. *Rusin.* 2(48). pp. 166–181 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/48/12
45. Sulyak, S.G. (2025) Vsevolod V. Krestovsky (1840–1895): Life, oeuvre, and Rusin themes in the writing of a Russian author and officer. *Rusin.* 79. pp. 15–80 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/79/2
46. Sulyak, S.G. (2023) Feofan Lebedintsev and his activities in Chełm Land. *Rusin.* 74. pp. 35–108 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/74/3
47. Sulyak, S.G. (2022) Evfimy Kryzhanovsky on the Rusins-Uniates of the Russian Zabuzhie. *Rusin.* 70. pp. 104–147 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/70/7
48. Sulyak, S.G. (2020) I.P. Filevich and Carpathian Rus'. Part 1. Biography. *Rusin.* 62. pp. 32–49 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/62/3
49. Sulyak, S.G. (2021) I.P. Filevich and Carpathian Rus'. Part 2. Carpathian Rus' in the Scholar's Scientific Legacy. *Rusin.* 63. pp. 81–137 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/63/6
50. Sulyak, S.G. (2019) On the Terminology of Carpathian Rus'. *Rusin.* 55. pp. 272–316 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/55/16
51. Egerton, W. (1997) Leskov, Arthur Benny i podpol'noe dvizhenie nachala 1860-kh godov (o real'noy osnove “nekuda” i “zagadochnom cheloveke”) [Leskov, Arthur Benni, and the Underground Movement of the Early 1860s (On the Real Basis of “Nowhere to Go” and “The Enigmatic Man”)]. In: Bogaevskaya, K.P. (ed.) *Neizdannyy Leskov* [The Unpublished Leskov]. Vol. 1. Moscow: Nasledie. pp. 614–637.
52. Geni. (n.d.). *Aleksandr Ivanovich Kelsiev*. [Online] Available from: <https://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%9A%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%B2/6000000177534585827> (Accessed: 2nd May 2025).

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 61(091)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/3

Из истории медицины Закарпатья в период Средневековье – до 1945 г. История хирургии (сообщение 1)

И.В. Карпенко¹, Н.Н. Крылов², И.Н. Васильева³

^{1,2,3} Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)
Россия, 119991, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2

¹ E-mail: karpenko.iv@bk.ru

² E-mail: nnkrylov01@yandex.ru

³ E-mail: therapy@rmevent.ru

Авторское резюме

Рассматривается история развития хирургии в Закарпатье. Представлены сведения, касающиеся хирургической помощи как наиболее значимых населённых пунктов региона, в первую очередь таких, как Ужгород, Мукачево, Хуст, так и сельского населения. Отмечено, что наиболее ранние данные об организации хирургической помощи населению связаны с деятельностью монахов ордена тамплиеров, который функционировал на территории Закарпатья с начала XIII в. Сделан вывод о том, что организационные формы оказания хирургической помощи этого региона совершенствовались в общем русле развития европейской медицины. Наиболее характерными ее чертами на раннем этапе были монастырская медицина и цеховая организация хирургов, а в заключительном периоде – государственные медицинские учреждения, укомплектованные средним медицинским персоналом и квалифицированными врачами-хирургами с университетским образованием.

Ключевые слова: медицина Закарпатья, история хирургии, хирурги-цирюльники Закарпатья

On the history of medicine in Transcarpathia from the Middle Ages to 1945: A history of surgery (Report 1)

Igor V. Karpenko¹, Nickolay N. Krylov²,
Inna N. Vasilieva³

^{1,2,3} I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health
of the Russian Federation (Sechenov University)
8 Trubetskaya Street, Building 2, Moscow, 119991, Russia

¹ E-mail: karpenko.iv@bk.ru

² E-mail: nnkrylov01@yandex.ru

³ E-mail: therapy@rmevent.ru

Abstract

This article examines the development of surgery in Transcarpathia from its origins to the mid-20th century. It analyzes the provision of surgical care in key population centers, including Uzhhorod, Mukachevo, and Khust, as well as among rural population. The research identifies the earliest organized surgical care with the activities of the Templar monks in the early 13th century. The authors conclude that the region's surgical services evolved in line with European medicine, beginning with monastic and guild-based structures and culminating in state institutions staffed by mid-level medical personnel and qualified university-educated surgeons.

Keywords: Transcarpathia medicine, history of surgery, surgeons-barbers of Transcarpathia

Цель нашей статьи – осветить основные этапы становления и развития хирургии в Закарпатье в период Средневековья и до 1945 г. Задачами исследования стало изучение истории организации хирургической помощи населению Закарпатья в исследуемый период, а также её форм и методов.

Хорошо известно, что медицина играет важную роль в жизни людей, обеспечивая не только лечение заболеваний, но и поддержание здоровья и качества жизни. С такой позиции изучение исторического опыта развития медицины в различных регионах мира (в данном случае Закарпатья) представляет значительный научный и общественный интерес.

Наиболее ранние письменные источники о попытках организации медицинской помощи в Закарпатье относятся к XIII в. [1: 26]. Они были связаны с деятельностью ордена тамплиеров, монахи которого осели в XIII в. в с. Середне Ужгородского района и действовали там до распада ордена в 1312 г. [2]. Деятельность церкви, связанная с идеей заботы о ближнем, к этому времени привела к созданию при монастырях приютов для убогих, нищих и калек, а также заболевших путников. В таких приютах (гр. *ксенодохии*) можно было получить защиту от непогоды, также здесь осуществлялась простейшая медицинская помощь, которая заключалась главным образом в уходе за больными. Некоторые духовно-рыцарские ордена специально создавались для этой цели, например Орден Св. Лазаря (отсюда – *лазарет*) [5: 248]. Такие приюты и стали предтечей современных больниц. Скорее всего, именно в этом ключе и заключалась лечебная деятельность монахов-тамплиеров. Для лечения монахи могли использовать лечебные травы, которыми так богата флора Закарпатья.

Если этот ранний этап был связан с медициной, которую в медицинской историографии принято называть монастырской, то следующим стал этап светской медицины. Рост городов в Европе в период XIV–XVII вв. привел к созданию городских госпиталей. Как и их предшественники – монастырские приюты, госпитали выполняли функции приюта и больницы с тем лишь различием, что функция больницы была в них более выражена. Надо признать, что различия эти были весьма условны и в госпиталях забота о духовном здоровье больных была на первом месте.

Исследователи отмечают, что впервые на Закарпатье подобные госпитали появились в XIV в. в Ужгороде и Мукачево [2]. Они неоднократно упоминаются на протяжении практически всего XVII в. В одном из документов отмечается, что в 1747 г. в Ужгороде сгорела больница, хотя есть предположение, что в данном случае речь идет о приюте для бедных.

В отношении госпиталя в Мукачево известно, что медицинскую помощь в нем оказывали монахини, большое участие в благоустройстве госпиталя принимала супруга мukачевского князя Ф. Кориатовича Доминика [2]. Городской староста Мукачева М. Чех в своем докладе, датированном 1649 г., отмечал, что «на реке Лотарице имеются две мукомольные мельницы, одна в верхнем конце города... доход этой мельницы приходящий с субботы утра, до воскресенья вечера, полагается для содержания бедных больных мukачевского шпиталя (госпиталя. – И.К., Н.К., И.В.)» [2: 153]. В документах за 1748 г. Мукачевский госпиталь упоминается как ранее существовавший.

Одной из особенностей медицины Средневековья стали кардинальные противоречия между хирургами и остальными врачами. Врачом в период классического Средневековья можно было стать, окончив медицинский факультет университета. В отличии от врачей, хирурги университетского образования не имели. Хирургия в этот период не считалась медицинской профессией. Обучались хирурги у своих коллег по принципу ремесленного ученичества. Одновременно начиная с XV в. в Европе появляются низшие хирургические школы. В обязанности хирургов входило умение проводить кровопускание, лечить раны, удалять зубы, изготавливать и накладывать пластиры. В соответствии со своим опытом и умением хирурги разделялись на банщиков, которые умели только срезать мозоли, цирюльников, умевших лечить раны и делать кровопускания, и собственно хирургов, которые уже могли выполнять несложные оперативные вмешательства. Для защиты своих прав хирурги объединялись в цеха по типу цеховых объединений ремесленников средневекового города – кузнецов, гончаров, ткачей и т. д. На ранних стадиях развития этого ремесла хирурги-цирюльники занимались также стрижкой и бритьём своих пациентов.

В период Средневековья в Закарпатье сведений о деятельности врачей, получивших университетское образование, не обнаружено. В 1648 г. мукачевский князь целую неделю ждал прибытия вызванного издалека врача. В 1661 г. хустский граф отправил на лечение свою больную жену, которая умерла, не доехав до врача. Зато цех хирургов в Ужгороде был известен с XVII в. Хирурги – цирюльники Закарпатья получили название «барболи». Е.И. Вереш так объясняет происхождение этого слова: латинское *barbitonsor* (брадобрей) в венгерском языке трансформировался в *barbely*. От последнего в русинский язык вошло *барбиль*, что означало «брадобрей». В 1665 г. хирурги-барболи Ужгорода получили княжескую грамоту, определяющую правовой статус их профессионального цеха [2]. В соответствии с требованиями цехового устава, полноправным его членом считался хирург, получивший определённую подготовку, сдавший профессиональный экзамен и обладающий практическим опытом. Хирурги имели своих помощников (подмастерьев), а самую низшую категорию составляли ученики. Во главе цеха стоял цехмистр, которых в Ужгороде было два (они поочередно исполняли свои обязанности). Уставом цеха запрещалось переманивание больных от одного хирурга к другому. Существовало также правило, согласно которому за неэффективное лечение больной мог не только не заплатить хирургу, но и требовать от него компенсацию. Строго установленной платы за лечение не было, но бритьё и стрижка долж-

ны были выполняться всеми членами цеха по одинаковым ценам. Мастер-хирург обычно держал при себе ученика, которого обучал своему ремеслу. Большинство хирургов в Ужгороде были немцами или венграми, хотя формально ими могли быть и местные выходцы. Регулярно проводились цеховые собрания, на которых были обязаны присутствовать все хирурги цеха. Среди прочих на собраниях обсуждался вопрос о приеме новых членов в цеховое сообщество. Претендент на звание хирурга должен был показать свою профессиональную пригодность. Как было указано выше, в набор профессиональных навыков хирурга в этот период входило также и парикмахерское искусство.

В начале XVIII в. происходит упадок цеховой деятельности хирургов. Это объясняется тем, что хирургия как академическая дисциплина начинает преподаваться в университетах. Следует отметить, что хирургия в то время делилась на «рукодеятельную» и «медицинскую» [7]. Под первой понимались преимущественно оперативная техника, техника перевязок и вправление вывихов. «Рукодеятельная» хирургия в большинстве европейских университетов в первой половине XVIII в. практически не изучалась. Как было отмечено выше, хирурги, владеющие приемами «рукодеятельной» хирургии, обучались у своих наставников путем ремесленничества и университетского образования не имели. В большинстве университетов в то время читалась хирургия «медицинская». В ходе изучения хирургии «медицинской» преподавали лишь теорию этой науки. В то же время во второй половине XVIII в. в университетах началось преподавание всего объёма хирургии [8: 20]. Хирургия стала изучаться и в университете в Венгрии, открытом в 1770 г. Появление хирургов с университетским образованием положило конец лечебной деятельности хирургов-барболов в Закарпатье. Теперь их уделом осталось только бритьё и стрижка. В то же время дефицит образованных хирургов в Закарпатье способствовал тому, что ужгородский цех хирургов-барболов продержался до 1872 г., когда в законодательном порядке были ликвидированы все цеховые объединения Венгрии [2]. Цеха хирургов-барболов имелись и в других городах Закарпатья, так, например, в Мукачево цех хирургов состоял из трёх мастеров; имелся такой цех и в Берегово.

Лечение в это время было платным, хотя далеко не всё население было платежеспособным. Беднейшие слои населения прибегали к услугам народных целителей – знахарей. Этому способствовали богатые природные условия Закарпатья. В лесах и горных районах Закарпатья произрастало много лекарственных растений, которые служили сырьем для производства различных мазей, бальзамов и

т. д. Среди занятых этим ремеслом была категория олекаров (лат. *olearii* – продавцы масла). Они занимались приготовлением и продажей бальзамов, наиболее известным из которых был Карпатский бальзам (*Balsammum Carpathian*), приготовленный из пихты. Бальзам был широко известен в Европе и под этим названием вошел во многие европейские языки. Другая разновидность народных знахарей – бабки-повитухи, которые занимались акушерской практикой.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Закарпатье насчитывалось семь военных фельдшеров. Известно, что это были дипломированные специалисты, которые, скорее всего, получили образование в основанной в 1785 г. в Вене Медико-хирургической академии императора Иосифа. В академии существовало два курса – малый и большой. На малом курсе обучались молодые люди с законченным средним образованием в течение полугода. По окончании малого курса выпускники поступали в войска на должность ротного хирурга [9]. В течение XVIII в. в городах Закарпатья появляется фигура штатного городского хирурга, получающего зарплату от городского магистрата. Так, например, известно о наличии штатного хирурга в Ужгороде, Мукачево, Берегово. Труд хирургов в отличие от врачей оплачивался весьма скромно. Так, хирург в имении графов Шенборнов И.Г. Штирль получал 40 золотых форинтов в год, в то время как писарь имения получал 50 форинтов [2].

Первым дипломированным врачом, получившим университетское образование, работающим с 1775 г. в Закарпатье на постоянной основе, стал Т. Сикора. Ему было положено жалование в 295 золотых форинтов в год, а также конюшня для его лошадей при выезде в отдаленные населённые пункты. Главный врач жупы (административной области Венгрии) именовался жупным физиком. В 1770 г. поступило распоряжение укомплектовать все жупы медицинской администрацией. Известно, что в 1780 г. Бережской жупе имелся один врач – жупный физик и два хирурга. В 1788 г. здесь числился жупный физик – врач Ш. Илошва, его заместитель хирург и еще четыре хирурга. В Мукачево с 1758 г. функционировала небольшая аптека, с 1785 г. здесь начал работать зубной врач. В штате медицинской администрации каждой жупы кроме врачей и хирургов предусматривалась жупная повивальная бабка, иногда в штате числились цирюльники.

В XIX в. количество врачей в Закарпатье увеличилось ненамного. Так, в Мукачево в 1876 г. работали 6 врачей и один хирург, в Виноградово в 1879 г. – 4 врача и 4 хирурга, в Берегово в 1887 г. – 5 врачей и один хирург, в с. Косино – 3 врача и 3 хирурга. В то же время этого количества врачей и хирургов было явно недостаточно.

Так, например, в Закарпатье только 14 % врачебных участков были обеспечены врачами [6]. Это приводило к тому, что даже во второй половине XIX в. самостоятельной лечебной деятельностью продолжали заниматься цирюльники. Мукачевский городской врач Янош Гофман в докладной записке жаловался на цирюльников, которые занимались в городе врачеванием. С 1881 по 1892 г. в Мукачево длился судебный процесс, в ходе которого цирюльник Калман Дирак протестовал против решения суда, запрещающего ему заниматься зубоврачебной деятельностью [6].

В это время в Закарпатье появляются первые больницы. Их было к 1869 г. уже 4 (Ужгород, Мукачево, Берегово и Виноградово) [6]. В 1876 г. в Австро-Венгрии был принят закон, согласно которому больницей могло называться медицинское учреждение, в котором оказывали помощь больным любого профиля. В Ужгородской больнице в 80-е гг. XIX в. было 100 коек, в Мукачевской в 1881 г. – 30 коек. В текущем столетии количество коек возросло, увеличивался и объём медицинской помощи. Так, в Мукачевской больнице в 1887 г. за год пролечились 287 человек, в 1891 г. – 691. Хирургических операций в ней было выполнено в 1883 г. – 96, в 1891 г. – 187 операций. Всего в 1891 г. из больницы было выписано с выздоровлением – 67,58 %, с улучшением – 10,3 %, без улучшения – 3,9 %, умерло 7,8 % [6: 78]. В 1890 г. при Ужгородской больнице было открыто акушерско-гинекологическое отделение на 15 коек, а также были созданы трехмесячные курсы подготовки акушерок. Беднейшие слои населения лечились бесплатно, для этого им было необходимо предоставить соответствующее свидетельство. По своему социальному положению пациенты этой больницы за 1892 г. распределились следующим образом: батраки – 219, служанки – 180, мастеровые – 100, безработные – 80, военные – 31 [6: 78].

Несмотря на эти, казалось бы, положительные сдвиги в области здравоохранения в Закарпатье, в целом регион оставался наиболее депрессивным в этом плане. Так, например, в конце XIX в. в Закарпатье на 10 тыс. населения приходилось 5,6 койки, в то время как в Венгрии этот показатель был почти в 3 раза больше и составлял 18,0 [6].

В период Первой мировой войны практически во всех больницах было увеличено количество хирургических коек, что было связано с лечением раненых австро-венгерской армии. Так, например, в больнице Берегово 60 коек было выделено для обслуживания военнослужащих; из 363 находящихся на лечении в Виноградовской больнице 177 человек составляли солдаты.

После окончания Первой мировой войны Закарпатье оказалось включенным в состав Чехословацкой республики. Были проведены

определенные реформы в организации здравоохранения. Для руководства медициной Закарпатья был создан земский реферат по здравоохранению. В его состав входили: руководитель, врач-эпидемиолог, инспектор по здравоохранению, секретарь. В городских больницах Мукачево и Берегово были построены новые корпуса. В оснащении больницы Берегово входили электрические часы и телефоны, в палатах – умывальники с теплой и холодной водой, в больничных отделениях имелись кухни с паровой плитой для подогрева и двумя электрическими плитами для приготовления пищи. Также в каждом отделении была оборудована ванная комната с обычной и сидячей ваннами, умывальниками и регулярной подачей теплой воды [10]. Некоторые больницы получили рентгенодиагностическую аппаратуру.

В 1931 г. в Ужгороде был построен и открыт новый родильный дом, а при нем – годичные курсы для акушерок. В Мукачево на базе ранее существовавшего приюта для детей – подкидышей и сирот в 1931 г. был построен новый четырёхэтажный корпус на 200 коек. Здесь разместилась первая в Закарпатье детская больница. Была сделана попытка наладить профилактику детской заболеваемости. С этой целью в Ужгороде, Мукачево и Берегово были открыты детские консультации, кроме этого, чехословацкий Красный Крест открыл ряд диспансеров в населённых пунктах Закарпатья (Ясения, Рахов, Солотвино, Свалява, Хуст и др.).

В то же время, несмотря на предпринимаемые меры в целом, Закарпатье отличалось худшими показателями заболеваемости и смертности по стране, в том числе от хирургических заболеваний [3].

Такое положение сохранялось до начала Второй мировой войны. Ничего не изменилось в этом отношении и в период 1939–1945 гг., когда Закарпатье находилось в составе Словакии. Такое положение сложилось вследствие того, что, «несмотря на то, что русинское меньшинство было неотъемлемой частью словацкого населения, оно страдало экономической, социальной и культурной отсталостью» [4: 217].

Таким образом, в статье проведен анализ развития хирургии в Закарпатье в период от Средневековья до 1945 г. Для этого было рассмотрено становление организационных форм и методов оказания хирургической помощи населению Закарпатья в указанный период. Отмечено, что хирургия Закарпатья развивалась в контексте развития европейской медицины с присущей ей характерными чертами. В наиболее ранний период это была монастырская медицина и цеховая хирургия, в последующем квалифицированная медицинская помощь оказывалась квалифицированными хирургами в государ-

ственных медицинских учреждениях. Несмотря на определенный вклад в развитие хирургической помощи со стороны центральных властей, в целом Закарпатье оставалось наиболее депрессивным в этой сфере районом страны.

Литература

1. Андрух М.А., Васильев К.К. Историки медицины Закарпатья и их труды // Труды по истории медицины: Альманах РОИМ. Вып. 2. М., 2017. С. 20–27.
2. Вереш Е.И. Очерки по истории развития родовспоможения в Закарпатье: дис. ... канд. мед. наук. Винница, 1971. 629 с.
3. Микулинец С.Н. Из истории здравоохранения в Закарпатской области до воссоединения с Украинской Советской Социалистической Республикой: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Киев, 1955. 17 с.
4. Пекар М. Под давлением словацких националистов: статус и политическая активность русинов в Словакии в 1939–1945 гг. // Русин. 2023. № 47. С. 216–235.
5. Сорокина Т.С. История медицины: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2004. 560 с.
6. Сопко В.С. Развитие хирургии и хирургической помощи в Закарпатской области: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Ужгород, 1974. 26 с.
7. Сточик А.М., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. М.: Медицина, 1996. 386 с.
8. Сточик А.М., Затравкин С.Н. Реформирование практической медицины в процессе научных революций XVII–XIX вв. М.: Шико, 2012. 128 с.
9. Чиж И.М., Карпенко И.В. Сравнительный анализ системы подготовки военно-медицинских кадров в России и в Европе в XVIII–XIX вв. // Сеченовский вестник. 2016. № 4 (26). С. 4–9.
10. Береговская больница – яркий представитель чехословацкого функционализма. URL: <https://arch-heritage.livejournal.com/2104112.html> (дата обращения: 23.01.2025).

References

1. Andrukh, M.A. & Vasiliev, K.K. (2017) Istoriki meditsiny Zakarpatt'ya i ikh trudy [Historians of Transcarpathian medicine and their works]. *Trudy po istorii meditsiny: Al'manakh ROIM*. 2. pp. 20–27.
2. Veresh, E.I. (1971) *Ocherki po istorii razvitiya rodovspomozheniya v Zakarpatt'e* [Essays on the history of obstetrics in Transcarpathia]. Medicine Cand. Diss. Vinnytsia.

3. Mikulinets, S.N. (1955) *Iz istorii zdravookhraneniya v Zakarpatskoy oblasti do vossoedineniya v Ukrainskoy Sovetskoy sotsialisticheskoy respublikoy* [From the History of Healthcare in the Transcarpathian Region before its Reunification with the Ukrainian Soviet Socialist Republic]. Abstract of Medicine Cand. Diss. Kyiv.

4. Pekár, M. (2023) Under pressure from Slovak nationalists: The status and political activity of Rusins in Slovakia in 1939–1945. *Rusin.* 47. pp. 216–235 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/74/10

5. Sorokina, T.S. (2004) *Istoriya meditsiny* [The History of Medicine]. Moscow: Akademiya.

6. Sopko, V.S. (1974) *Razvitiye khirurgii i khirurgicheskoy pomoshchi v Zakarpatskoy oblasti* [Essays development of surgery and surgical care in Transcarpathia]. Medicine Cand. Diss. Uzhhorod.

7. Stochik, A.M. & Zatravkin, S.N. (1996) *Meditinskii fakul'tet Moskovskogo universiteta v XVIII veke* [The Medical Faculty of Moscow University in the 18th century]. Moscow: Meditsina.

8. Stochik, A.M. & Zatravkin, S.N. (2012) *Reformirovanie prakticheskoy meditsiny v protsesse nauchnykh revolyutsiy XVII–XIX vv.* [The reform of practical medicine during the Scientific Revolutions of the 17th–19th Centuries]. Moscow: Shiko.

9. Chizh, I.M. & Karpenko, I.V. (2016) Sravnitel'nyy analiz sistemy podgotovki voenno-meditsinskikh kadrov v Rossii i v Evrope v XVIII–XIX vv. [Comparative analysis of the military medical training system in Russia and Europe in the 18th–19th centuries]. *Sechenovskiy vestnik.* 4(26). pp. 4–9.

10. Pan_baklazhan. (2015) *Beregovskaya bol'nitsa – yarkiy predstavitel' chekhoslovatskogo funktsionalizma* [The Berehove Hospital – A Prominent Example of Czechoslovak Functionalism]. Online] Available from: <https://arch-heritage.livejournal.com/2104112.html> (Accessed: 23rd January 2023).

Карпенко Игорь Владимирович – профессор, доктор медицинских наук, профессор Института социальных наук Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовского Университета) (Россия).

Igor V. Karpenko – I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) (Russia).

E-mail: karpenko.iv@bk.ru

Крылов Николай Николаевич – доктор медицинских наук, профессор, профессор Института социальных наук Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовского Университета) (Россия).

Nickolay N. Krylov – I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) (Russia).

E-mail: nnkrylov01@yandex.ru

Васильева Инна Николаевна – кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры поликлинической терапии Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовского Университета) (Россия).

Inna N. Vasil`eva – I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) (Russia).

E-mail: therapy@rmevent.ru

УДК 271.2-054(478)"1941-1944"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/80/4

Румынская оккупация Молдавской ССР 1941–1944 гг.: Бухарестский патриархат и политика румынизации (по материалам Национального архива Республики Молдова)

В.А. Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107
E-mail: sodol_slv@mail.ru

Авторское резюме

Неотъемлемой частью оккупационной политики румынской администрации на территориях губернаторств Бессарабия и Транснистрия была румынизация их населения. Активным проводником румынизации стало духовенство Румынской православной церкви, численно превалировавшее над представителями местного клира и установившее господство над ним и верующими. Целям румынизации служили общеобразовательные школы, средние и высшие духовные учебные заведения, а также т. н. очаги культуры. Духовенство создавало румынские националистические организации и издавало газеты, журналы и брошюры националистического и профашистского антиславянского толка. Часть священников были вовлечены в осуществление политического надзора. Несмотря на прилагавшиеся усилия, население теряло доверие к священникам – румынским миссионерам. Цели румынизации в период румынской оккупации Бессарабии и Транснистрии 1941–1944 гг. достигнуты не были.

Ключевые слова: Бессарабия, Транснистрия, Румынская православная миссия, Бухарестский патриархат, румынизация, оккупация

The Romanian occupation of the Moldavian SSR (1941–1944): The Bucharest Patriarchate and the policy of Romanianization (based on materials from the National Archives of the Republic of Moldova)

Veaceslav A. Sodol

T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University

107 October 25th str., Tiraspol, 3300, Pridnestrovie, Moldova

E-mail: sodol_slv@mail.ru

Abstract

The main goal of the occupation policy of the Romanian administration in the Governorates of Bessarabia and Transnistria was the Romanianization of their population. The clergy of the Romanian Orthodox Church became an active agent of Romanianization; they outnumbered the local clergy and established dominance over them and the believers. They established their dominance over the priests from Bessarabia and Transnistria, as well as the believers. General education schools, secondary and higher theological institutions, as well as so-called “cultural centers” served the goals of Romanianization. The clergy introduced Religion and Christian morality lessons in secondary schools, accompanied by reading Romanian chauvinistic literature. A theological seminary was opened in Dubossary, and a department of theology was opened at Odessa University. These institutions had libraries of books with Romanian nationalist content. The clergy created Romanian nationalist organizations (*Romanians from Bug*) and published newspapers, and magazines (*Sunday, Transnistria Christina*) of nationalist and pro-fascist anti-Slavic content. Some priests (at least 56 in Bessarabia and 19 in Northern Bukovina) were involved in political surveillance. Despite the efforts made, the population was losing trust in the Romanian missionary priests. The goals of Romanianization during the Romanian occupation of Bessarabia and Transnistria in 1941–1944 were not achieved.

Keywords: Bessarabia, Transnistria, Romanian Orthodox Mission, Bucharest Patriarchate, Romanianization, occupation

Проведение политики румынизации на захваченной румынскими вооруженными силами в ходе Великой Отечественной войны территории Молдавской ССР и пограничных областей Украинской ССР является предметом изучения ряда исследователей Молдавии, России, Украины и Приднестровья. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесли такие исследователи, как И.Э. Левит [3; 4], П.М. Шорников [19–21], С.М. Назария [7], Н.И. Михайлуца [5], Н.В. Бабилунга [1] и др. Освещая интересующие нас вопросы, эти ученые не могли пройти мимо использования румынской оккупационной администрацией в своих целях структур и институтов Румынской православной церкви, являвшейся частью административного аппарата Румынского королевства.

Этими исследователями были затронуты такие аспекты, как идеология Румынского государства, цели Румынии в войне против СССР, ряд аспектов конкретной деятельности румынских священников по реализации поставленных правительством И. Антонеску целей по денационализации покоренных народов, с одной стороны, и румынизации части населения оккупированных территорий – с другой.

Несмотря на наличие целого ряда работ по данной проблематике, нельзя признать настоящий уровень разработанности вопросов использования структур Румынской православной церкви в целях румынизации покоренного населения Молдавской ССР достаточным.

В то же время материалы Кабинета по администрации Бессарбии, Буковины и Транснистрии Национального архива РМ (Ф. 706) позволяют в значительной степени детализировать имеющуюся картину, а также оценить результативность проводившихся оккупационными властями мероприятий данной политики. Например, в нем хранятся планы реализации оккупационных мероприятий по различным отраслям хозяйственной, общественной жизни, по установлению идеологического контроля над населением. В частности, весьма примечателен «План работы дирекции национальной пропаганды по организации румынской пропаганды в “Транснистрии” на 1942 г.» [11]. Результаты деятельности оккупационной администрации представлены в отчетах административного отдела, например о деятельности губернаторства «Транснистрия» с 1941 по 1943 г. [9]. Особый интерес представляет и единственный отложившийся в данном фонде отчет митрополита Виссариона (Пую) маршалу И. Антонеску о деятельности православной миссии в Транснистрии в 1942–1943 гг. [10]. Наконец, проследить обратную связь от реализации мероприятий оккупационных властей позволяет такой уникальный источник, как докладные записки и донесения резидентов, агентов специальной службы информации (далее ССИ) из

населённых пунктов оккупированных румынами территорий. Типовыми разделами таких докладных записок и отчетов, в частности, являются: «Состояние духа населения (в городах и селах)», «Политическая ситуация» (движение коммунистов, украинское движение, евреи, легионеры), «Культурная ситуация» (церковь, школы, культурные проявления, пропаганда), «Циркулирующие слухи» и др. [12].

Непосредственно накануне нападения фашистского блока на СССР румынские экуменические круги руководствовались тезисом о том, что украинские, русские и другие славяне являются народами одного вероисповедания. Но этот тезис впоследствии стал противоречить официальной политике королевской Румынии, которая утверждала расистскую идеологию. Заместитель председателя Кабинета министров Румынии и министр иностранных дел М. Антонеску заявлял, что уничтожение коммунизма и славянства необходимо, поскольку они «создают угрозу алтарям, собственности, семьям и нашей вере». Если в начале войны раздавались обещания по предоставлению права населению на отправление культа на родном языке, то со временем акценты стали ставиться на «рекхристианизации» и воспитании населения в румынском христианском духе. Затем стала реализовываться программа полного церковно-религиозного подчинения местного клира и верующих Румынской патриархии. Даже тогда, когда немцы на первых порах смотрели сквозь пальцы на попытки украинских сил возродить свою национальную церковь в западных и центральных украинских областях, румыны выступали против образования и существования в губернаторстве Транснистрия украинских церквей [5: 100]. Результатом такой религиозной политики, исходя из долгосрочных аннексионистских планов Румынии на эти земли, должен был стать переход украинского населения, как и других народов, населявших губернаторство, под омофор Румынской православной церкви [5: 101].

После отступления из Молдавии Красной армии вместе с румынскими и немецкими войсками в Кишинёв вернулся местоблюститель митрополичьей кафедры Ефрем (Енэкеску), явившийся в 1939–1940 гг. в Бессарабии церковным наместником Румынии. По словам священника Варлаама (Кирицы), он успел стяжать себе в Бессарабии «недоверие и холодность духовенства», поскольку «в монастырях протежировал и выдвигал отъявленных негодяев»; верующие называли его Ефрешкой [19: 213]. 12 января 1944 г. он стал архиепископом Кишинёвским и митрополитом Бессарабским. Возглавлять другие бессарабские епархии в 1941 г. были назначены приехавшие из Румынии архиереи: Четатя-Албскую и Измаильскую кафедру занял Поликарп (Морушка), епископом Хотинским и Бельцким стал Партеней (Чиорпон) [16: 236].

19 августа 1941 г. И. Антонеску издал декрет, на основании которого на оккупированной румынскими войсками территории между Днестром и Бугом под руководством полномочного представителя Румынии профессора Г. Алексяну создавались 5 дирекций, одной из которых была дирекция просвещения, культов и пропаганды [17: 304]. Незамедлительно сюда была направлена церковная миссия, которая первоначально обосновалась в Тирасполе, а в октябре перебралась в Одессу. О создании миссии, подборе для нее миссионеров и об осуществлении их деятельности указания давал лично румынский диктатор [19: 223]. В территориально-административном отношении Миссия включала 13 окружных благочиний и одно городское (для Одессы), им подчинялись 64 районных благочиния (в румынской традиции «субпротопопии»). Первым главой миссии стал архимандрит Юлий (Скрибан), профессор богословского факультета Бухарестского университета, его викарием был архимандрит Антим (Ника) [16: 236].

В нормативных документах, издававшихся румынским правительством и оккупационными властями, неоднократно подчеркивалось, что «кардинальной задачей политики правительства является румынизация отвоеванных провинций» [4: 262]. Особую роль в достижении этой цели отводилось области между Днестром и Бугом, никогда ранее не входившей в состав Румынского королевства и отличавшейся наиболее пестрым национальным составом. Разговаривая с министром культуры Румынии И. Петровичем И. Антонеску заявил: «Мы ведем в Транснистрии титаническую борьбу... Не секрет, что я не намерен упускать из рук то, что приобрел. Транснистрия станет румынской территорией, мы ее сделаем румынской и выселим оттуда всех иноплеменных» [6: 103].

Особая роль в достижении этих целей отводилась румынской церкви. Выступая в апреле 1942 г. в г. Бельцы, И. Антонеску отчеканил: «В церкви правительство видит, прежде всего, орган национальной пропаганды» [22: 166]. Руководящие круги Румынии провозглашали, что «в первую очередь необходимо внедрять идею о существовании единого румынского государства и единой румынской народности, проживающей на территории всей страны...» [6: 113].

Тезис о принадлежности молдаван к румынской нации румынские власти сами рассматривали как цель, которой необходимо добиваться, а не как реальность. «Бессарабский крестьянин, – в июне 1942 г. отмечал заместитель директора ведомства пропаганды губернаторства “Бессарабия” Д. Мыцулеску, – всегда считал себя молдаванином, а не румыном, и смотрел на выходцев из Старого королевства с некоторым пренебрежением, что является следствием

того, что он находился в составе великой империи» [20: 278–279]. Оккупанты проводили политику «национального перевоспитания» молдаван в духе румынизма. Живший в Кишинёве уроженец Олтении Сабин Попеску-Лупу в статье «Национальное перевоспитание», еще раз отметив отсутствие у молдаван румынского национального сознания, сформулировал задачу румынских властей так: «Сформировать национальное сознание всего молдавского народа Бессарабии... и его следует научить мыслить по-румынски» [20: 280]. В целях формирования у молдаван духовных связей с Румынией учитель К.В. Пушкашу в 1942 г. в статье «Как их приблизить к нам?» предложил сочетать пропаганду и репрессии. Главную ставку он рекомендовал сделать на колонизацию области румынами и ассилияцию местного населения. Эти идеи учитывались политическим руководством Румынии [20: 280].

С особым усердием проводилась в губернаторствах кампания по румынизации имен и фамилий молдаван. В октябре 1941 г. после очередной инспекционной поездки кондуктора по Бессарабии, в ходе которой он установил наличие в этом губернаторстве якобы «славянизированных румын», появилась директива, в которой говорилось: «Его высочество приказал, чтобы через соответствующие органы сообщить этим лицам: или они становятся румынами и, следовательно, принимают румынские фамилии, делаются настоящими румынами, или же они являются и остаются чуженационалами, и тогда к ним будут относиться соответственно» [4: 281].

Особая роль в процессе румынизации имен и фамилий населения на захваченных территориях отводилась церкви. Директива губернатора Бессарабии, изданная 6 июня 1942 г., предписывала: «В сельской среде священники, учителя и все государственные служащие должны действовать силой убеждения, доказывая селянам, что являются румынами и использование русских имен – недостойный и позорный поступок. Священники и учителя должны проникнуться этим высоким национальным долгом и действовать вдохновенно и старательно... Священники не будут крестить детей с чисто русскими именами (Всеволод, Игорь, Татьяна, Люба и т. д.) или с румынскими русифицированными именами» [6: 115].

В июне 1943 г. священник с. Буруяны Хотинского уезда Василе Мафтея опубликовал собственную программу румынизации местных руснаков, отдававших предпочтение даже не «русской мове», а литературному русскому языку. Расходясь во взглядах с самим «правителем», он выступил даже против использования в богослужении церковнославянского языка: «Главное звено румынизации – школа. Но какая от нее польза, если изгнанный из примарии и школы ино-

странный язык найдет прибежище в церкви?» [19: 218]. Преимущество церкви в осуществлении языковой дискриминации он усматривал в том, что использование румынского языка в богослужении не может вызвать недовольства даже в селе, населённом «самыми фанатичными украинцами».

Важнейший участок своей деятельности оккупанты в рясах усматривали в воздействии на детские умы. Как отмечалось в отчете губернаторства Транснистрия, «для продвижения религиозного обучения и образования введено в начальное, среднее и высшее обучение изучение религии и христианской морали. В университете создана кафедра богословия» [9: 176]. В школах они «работали» как с учащимися, так и с педагогами. Было введено преподавание Закона Божия, причем уроки эти «миссионеры» сопровождали чтением румынской шовинистической литературы и заучиванием румынских националистических гимнов и стихотворений. У детей, которым пришлось учиться по новым румынским образовательным программам, о процессе обучения сохранились малоприятные воспоминания. Так, уроженец с. Белочи Г.И. Пономарь отмечал: «Нас, детей, насильно заставляли учить Закон Божий и молитвы на румынском языке» [8: 388]. Улита Григорьевна Шаповалова из с. Кицканы уточняла: «Учителя над нами издевались любыми методами.... Каждое воскресенье нас гоняли насильно в церковь на молитву, и я до сих пор помню “Татэл ностру...”» [8: 397].

Особое внимание военно-фашистское правительство уделяло румынизации сирот, в связи с чем в Тираспольском районе, например, по приказу претора учителям и священникам в срочном порядке было вменено в обязанность составлять на беспризорных детей-молдаван списки, чтобы затем отправить их в «Страну» и вырастить в румынском духе [2: 36].

14–15 декабря 1941 г. в Тирасполе состоялись торжества по случаю открытия Национального научного института румын Транснистрии. В торжествах участвовали Г. Алексяну, делегат Румынской Академии П. Халиппа, профессор университета г. Клуж-Сибиу О. Гибу, президент Ассоциации заднестровских румын Е. Смокинэ. В своем отчете информатор ССИ, присутствовавший на этом мероприятии, зафиксировал: «Господин Никулеску, ревизор школ Транснистрии говорил о Церкви и школе. Благодарил Министра просвещения за полученные книги (28 тыс.), которые были распределены по селам и городам... Господин Ильин призвал учить детей обычаям и колядкам святых праздников. Господин Никулеску ревизор школ довел до сведения, что дано распоряжение об этом. Потом взял слово священник, происходящий из Транснистрии, который говорил о Церкви и вере» [12: 379].

В Одесском университете была учреждена кафедра богословия, располагавшая библиотекой книг румынского националистического и профашистского антиславянского, антирусского и антиукраинского толка. Студентов обязали слушать курс богословия, который читал румынский архимандрит Антоний (Харгел). Летом 1942 г. для педагогов были организованы богословские курсы, в Одессе их посещали 200, а в Тирасполе 150 учителей [19: 226].

30 ноября 1942 г. в Дубоссарах была открыта Духовная семинария, ректором которой был назначен румынский священник Димитру Христеску. На обучение было принято 80 человек. Семинария должна была обеспечить румынизацию церковной жизни и населения губернаторства Транснистрия, поэтому занятия в ней проводились на румынском языке [21: 185].

В Одессе, Тирасполе, Рыбнице, Балте и ряде других городов были открыты «дома христианской культуры» – церковно-политические клубы, где «миссионеры» проводили собрания верующих, лекции, вечера с пением румынского гимна. Согласно отчету губернаторства Транснистрия, «Службой культуры народа субдирекции пропаганды организованы на данный момент 13 уездных Центров культуры – в каждом уездном центре, 80 Очагов культуры молдавских в общинах с 86% молдавским населением и 34 Очага культуры немолдавских. Каждый Центр культуры и каждый Очаг культуры, молдавский или немолдавский управляет румынским государственным служащим – школьным инспектором, протоиереем, врачом, учителем, священником, примаром и т. п.» [9: 191]. В Бессарабии общее число «очагов» уже в апреле 1942 г. было доведено до 607, что почти в два раза превысило число этих учреждений в 1930-е гг. Как отмечал в августе 1943 г. губернатор О. Ставрат, деятельность учреждений национальной пропаганды на 80 % обеспечивалась священниками [19: 216]. В селах священники создавали религиозные «кружки культуры». Объектами внимания румынских миссионеров являлись также тюрьмы, трудовые и концентрационные лагеря, лагеря для военнопленных [19: 225]. На предприятиях члены румынской церковной миссии читали лекции, сопровождаемые чтением стихов на румынском языке, пением румынских песен, исполнением румынской музыки.

Одним из добровольных проводников румынизации стал Варлаам (Кирица), с февраля 1942 г. работавший миссионером-благочинным Бершадского района Винницкой области. Находясь на этой должности, он создал антисоветскую румынскую националистическую организацию «Румыны с Буга», ставившую своей задачей румынизацию украинского населения. Он стал издателем журнала «Вос-

кресенье» на русском и молдавском языках, в котором наряду с сугубо религиозными статьями помещались статьи на исторические темы, в которых говорилось, что земля, лежащая между Днестром и Бугом, издавна принадлежит румынам и теперь пришло время воссоединения ее в одном румынском государстве [14: 192]. Аналогичный характер и содержание имели и издававшиеся Румынской православной миссией журнал «Транснистрия христианская» и еженедельный листок «Христианская жизнь» [12: 161]. Глава православной миссии в Транснистрии Виссарион (Пую) констатировал в своем отчете: «Для активизации и духовного руководства населения (осуществляется. – В.С.) ... публикация брошюр и статей, призывающих к лучшей общественной жизни, обновленной христианством, пробуждение вновь через духовенство национального чувства в румынских селах, совершающего благотворительностью, помогая приютам и больницам и поддерживая больных, старых и нищих» [10: 4].

Постоянно пополнялся румынскими священнослужителями клир. В губернаторстве Транснистрия из 461 священника, проводивших службу к концу 1942 г., 265 были румыны; к октябрю 1943 г. число священников-румын достигло 328 [20: 277]. Как следует из отчетов ССИ с мест, румынские священники превалировали в районах и населенных пунктах с преобладанием немолдавского населения. Так, по Рыбницкому району в 1941–1942 гг. из 12 священников 9 были румынами, 3 – украинцами [13: 68]. Спустя некоторое время это соотношение стало еще более разительным: «Священников 20, из них 16 румын прибывших из Страны и 4 украинца из региона» [13: 46]. В Каменском районе из 6 священников 5 были румынами, лишь один – украинец [13: 38]. Отчет субцентра ССИ Тирасполя за февраль 1943 г. констатировал: «В Раздельнянском районе в 80 коммунах и селах всего 6 церквей, из которых религиозные службы проводятся только в 3, в остальных трех священникам запрещено проводить службы, потому что они были местными и они не смогли доказать документально свой сан» [12: 21].

К лету 1943 г. в Бессарабии насчитывалось около 1 196 священников [19: 216]. При этом румынские иммигранты составили более трети. В частности, из 85 священников, служивших к началу 1944 г. в Кагульском уезде, 32 являлись уроженцами «остальной страны», т. е. Румынии, 49 – «бессарабскими румынами», т. е. молдаванами, и лишь 4 принадлежали к национальным меньшинствам [19: 216].

По инициативе Антима (Ника) Измаильской епархией в начале 1944 г. была учреждена комиссия по проверке документов у священников-русских и украинцев, бежавших из губернаторства Транснистрия и опасавшихся наказания за сотрудничество с врагом.

Тех, кого уличали в нежелании проводить румынизацию населения, комиссия передавала румынской жандармерии для отправки их в концлагеря. Русских и украинских священников не допускали к занятию приходов, лишали их права церковного служения [19: 231].

Часть священников была вовлечена в осуществление политического надзора. По предложению И. Антонеску накануне войны органами ССИ были созданы секретные команды миссионеров, укомплектованные священниками, учителями, врачами и призванные вести скрытую «пропаганду и контрпропаганду» и выявлять противников оккупационного режима. На каждое предприятие с числом работников 200 и более человек надлежало внедрить одного «миссионера» [19: 217]. Летом 1941 г. в Бессарабию были направлены первые 56 «миссионеров», а в Северную Буковину – 19. По записям из церковных книгах румынская полиция с ведома священников разыскивала крещёных евреев [22: 169].

Таким образом, Румынская церковь приняла деятельное участие в пропагандистском обосновании агрессии против СССР. В оккупированных областях она действовала как оккупационное учреждение, проводя политическую пропаганду и оказывая содействие политической полиции. Деятельность Румынской церкви на оккупированной территории Молдавии была направлена на установление духовного контроля над населением и его румынизацию.

Каковы же были результаты процесса румынизации, проводившейся на протяжении почти трех лет? Судя по сообщениям агентов ССИ, а также признанию руководителей оккупационной администрации, результаты эти были ничтожными. Так, в марте 1942 г. губернатор Бессарабии К. Войкулеску констатировал: «Мало-помалу возобновилась старая система исключения румынского языка из обращения государственными служащими... На улицах, в магазинах, общественных местах русский язык преобладает. Что особенно прискорбно, установлены случаи, когда священники уступают настоящим верующим и проводят службу на русском языке» [18: 252]. По признанию одного из официальных печатных органов оккупационной администрации, «поучительные и вызывающие наилучшие духовные эмоции в сердцах верующих богослужения, протекают при очень малом количестве молящихся, особенно прискорбно отсутствие учащейся молодежи высших, средних и низших школ» [15: 47].

Агенты сигуранцы сообщали: «На совершение религиозных служб приходят большей частью старые женщины и немного детей, молодежь исключена совершенно. Нельзя констатировать, что что-то делается для приближения молодежи к церкви... О миссионерской деятельности можно сказать речь не идёт. Священники утвержда-

ют, что население их спрашивает: какая существует разница между румынами и большевиками, если под румынами: религиозная свобода ограничена, по праздникам и особенно воскресеньям они работают в поле, торговля не свободная, налоги платятся и натурой. На эти вопросы священники отвечают по случаю, что не удовлетворяет население» [12: 70]. «Церковь не может выполнить свою миссию», – констатировал глава Рыбницкого отделения ССИ [13: 162]. Следовательно, цели румынизации населения оккупированной румынами территории Молдавии достигнуты не были.

Литература

1. *Бабилунга Н.В.* Бессарабия под румынским правлением. История края в жизнеописании его оккупационных правителей в первой половине XX в. Тирасполь, 2020. 184 с.
2. *Гратинич С.А.* На левом берегу Днестра (Страницы совместной борьбы трудящихся смежных районов Молдавии и Украины против немецко-румынских фашистских захватчиков. 1941–1944). Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1985. 188 с.
3. *Левит И.Э.* Крах политики агрессии диктатуры Антонеску (19.XI.1942–23.VIII.1944). Кишинёв: Штиинца, 1983. 376 с.
4. *Левит И.Э.* Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация (1.IX. 1939 – 19.XI.1942). Кишинёв: Штиинца, 1981. 392 с.
5. *Михайлуца Н.И.* Деятельность Румынской православной миссии в губернаторстве «Транснистрия» (осень 1941 – весна 1944 годов) // Забытый агрессор. Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии: сб. ст. М., 2010. С. 90–111.
6. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза: в 2 т. Т. 2. Кишинёв: Штиинца, 1976. 676 с.
7. *Назария С.М.* Холокост. Страницы истории (на территории Молдовы и в прилегающих областях Украины, 1941–1944). Кишинёв, 2005. 304 с.
8. «Натиск на Восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время: сб. ст., док. и воспоминаний. Тирасполь; Бендери: Полиграфист, 2011. 608 с.
9. Национальное Архивное Агентство (НАА). Ф. 706. Оп. 1. Д. 518. Отчет о деятельности губернаторства «Транснистрия» с 19 августа 1941 по 1 августа 1943.
10. НАА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1049. Докладная митрополита Виссариона маршалу Антонеску о деятельности православной миссии в «Транснистрии». 5–16 января 1943.

11. НАА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1109. План работы дирекции национальной пропаганды в «Транснистрии». Газеты и журналы, издаваемые в «Транснистрии». 25 апреля – 28 ноября 1942.
12. НАА. Ф. 706. Оп. 3.Д. 4. Отчеты, докладные записки, информационные донесения агентов о морально-политическом состоянии населения Тираспольского уезда. Списки коммунистов, советских активистов и религиозных сект. 20 ноября 1941 – 4 июня 1943.
13. НАА. Ф. 706. Оп. 3. Д. 5. Докладные записки и донесения агентов о морально-политическом и экономическом состоянии населения «Транснистрии». Списки украинских националистов и советских активистов. 31 декабря 1941 – 25 февраля 1943.
14. Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собрание документов: в 4 т. Т. 1. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2009. 823 с.
15. Реакционная роль религии и церкви. Архивные документы о деятельности священнослужителей в Молдавии. Кишинёв: Картия молдовеняскэ, 1969. 256 с.
16. Святыни русского православия юга Украины и Молдавии. Историко-документальный фотоальбом. Тирасполь, 2016. 400 с.
17. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы: в 3 т. Т. 1. Киев: Наукова думка, 1985. 520 с.
18. Шорников П.М. Война режима Антонеску против русского языка // Натиск на Восток: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время. Тирасполь; Бендери: Полиграфист, 2011. С. 250–254.
19. Шорников П.М. Молдавия в годы Второй мировой войны. К 70-летию Великой Победы над фашизмом. Кишинэу, 2014. 448 с.
20. Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во Приднестров. ун-та, 2007. 400 с.
21. Шорников П.М. Народное православие в Молдавии. Тирасполь: ИСПИРР, 2018. 232 с.
22. Шорников П.М. Церковная агрессия Румынии. 1941–1944 гг. // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI вв.). М.: РИСИ, 2011. С. 162–187.

References

1. Babilunga, N.V. (2020) *Bessarabiya pod rumyanskim pravleniem. Istorya kraja v zhizneopisanii ego okkupatsionnykh praviteley v pervoy polovine XX v.* [Bessarabia under Romanian Rule. The History of the Region in the Biography of its Occupation Rulers in the First Half of the Twentieth Century]. Tiraspol: [s.n.].
2. Gratinich, S.A. (1985) *Na levom beregu Dnestra (Stranitsy sovmestnoy bor'by trudyashchikhsya smezhnykh rayonov Moldavii i Ukrayiny protiv nemetsko-*

rumynskikh fashistskikh zakhvatchikov. 1941–1944) [On the left bank of the Dniester (Pages of the joint struggle of workers from adjacent regions of Moldova and Ukraine against the German-Romanian fascist invaders. 1941–1944)]. Chișinău: Kartya moldovenyaske.

3. Levit, I.E. (1983) *Krakh politiki agressii diktatury Antonesku (19.XI.1942 – 23.VIII.1944) [The Collapse of the Aggression Policy of the Antonescu Dictatorship (November 19, 1942–August 23, 1944)].* Chișinău: Shtiintsa.

4. Levit, I.E. (1981) *Uchastie fashistskoy Rumynii v agressii protiv SSSR. Istoki, plany, realizatsiya (1.IX.1939 – 19.XI.1942) [The Participation of Fascist Romania in the Aggression against the USSR: Origins, Plans, Implementation (September 1, 1939 – November 19, 1942)].* Chișinău: Shtiintsa.

5. Mikhaylutsa, N.I. (2010) *Deyatel'nost' Rumynskoy pravoslavnnoy missii v gubernatorstve "Transnistriya" (osen' 1941 – vesna 1944 godov) [The Activity of the Romanian Orthodox Mission in the Governorate of 'Transnistria' (Autumn 1941 – Spring 1944)].* In: Dyukov, A.R. (ed.) *Zabytyy agressor. Rumynskaya okkupatsiya Moldavii i Transnistrii [The Forgotten Aggressor. Romanian Occupation of Moldova and Transnistria].* Moscow: [s.n.]. pp. 90–111.

6. Levit, I.E. (ed.) (1976) *Moldavskaya SSR v Velikoy Otechestvennoy voynе Sovetskogo Soyuza [Moldavian SSR in the Great Patriotic War of the Soviet Union].* Vol. 2. Chișinău: Shtiintsa.

7. Nazariya, S.M. (2005) *Kholokost. Stranitsy istorii (na territorii Moldovy i v prilegayushchikh oblastyakh Ukrayny, 1941–1944) [The Holocaust. Pages of history (in Moldova and adjacent regions of Ukraine)].* Chișinău: [s.n.].

8. Babilunga, N.V. (ed.) (2011) *"Natisk na Vostok": agressivnyy rumynizm s nachala XX veka po nastoyashchee vremya [The "Onslaught on the East": Aggressive Romanianism from the early 20th century to the present].* Tiraspol; Bender: Poligrafist.

9. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). *Otchet o deyatel'nosti gubernatorstva "Transnistriya" s 19 avgusta 1941 po 1 avgusta 1943 [Report on the Activities of the Governorate "Transnistria" from August 19, 1941, to August 1, 1943].* Fund 706. List 1. File 518.

10. The National Archives Agency (NAA). *Dokladnaya mitropolita Vissariona marshalu Antonesku o deyatel'nosti pravoslavnnoy missii v "Transnistrii". 5–16 yanvarya 1943 [Report from Metropolitan Vissarion to Marshal Antonescu on the Activities of the Orthodox Mission in "Transnistria." January 5–16, 1943].* Fund 706. List 1. File 1049.

11. The National Archives Agency (NAA). *Plan raboty direktsii natsional'noy propagandy v "Transnistrii". Gazety i zhurnaly, izdavaemye v "Transnistrii". 25 aprelya – 28 noyabrya 1942 [Work Plan of the Directorate of National Propaganda in "Transnistria." Newspapers and Magazines Published in "Transnistria." April 25 – November 28, 1942].* Fund 706. List 1. File 1109.

12. The National Archives Agency (NAA). *Otchety, dokladnye zapiski, informatsionnye doneseniya agentov o moral'no-politicheskem sostoyanii naseleniya Tiraspol'skogo uezda. Spiski kommunistov, sovetskikh aktivistov i religioznykh sekt. 20 noyabrya 1941 – 4 iyunya 1943* [Reports, Memoranda, Informational Agents' Dispatches on the Moral and Political Condition of the Population of the Tiraspol District. Lists of Communists, Soviet Activists, and Religious Sects. November 20, 1941 – June 4, 1943]. Fund 706. List 3. File 4.
13. The National Archives Agency (NAA). *Dokladnye zapiski i doneseniya agentov o moral'no-politicheskem i ekonomicheskem sostoyanii naseleniya "Transnistrii." Spiski ukrainskikh natsionalistov i sovetskikh aktivistov. 31 dekabrya 1941 – 25 fevralya 1943* [Memoranda and Agents' Dispatches on the Moral, Political, and Economic Condition of the Population of "Transnistria." Lists of Ukrainian Nationalists and Soviet Activists. December 31, 1941 – February 25, 1943]. Fund 706. List 3. File 5.
14. Pasat, V. (ed.) (2009) *Pravoslavie v Moldavii: vlast', tserkov', veruyushchie. 1940–1991. Sobranie dokumentov* [The Orthodoxy in Moldavia: The Power, the Church, and Believers. Collected Documents]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
15. The Central State Archives of the MSSR. Archival Administration under the Council of Ministers of the MSSR. (1969) *Reaktsionnaya rol' religii i tserkvi. Arkhivnye dokumenty o deyatel'nosti svyashchennosluzhiteley v Moldavii* [The reactionary role of religion and the Church. Archival documents on the activities of the clergy in Moldova]. Chișinău: Kartya moldovenyaske.
16. Transnistria. (2016) *Svyatyni russkogo Pravoslaviya yuga Ukrayiny i Moldavii: istoriko-dokumental'nyy fotoal'bom* [Shrines of Russian Orthodoxy in the South of Ukraine and Moldova: a historical and documentary photo album]. Tiraspol: [s.n.].
17. Nemyatyy, V.N. (ed.) (1985) *Sovetskaya Ukraina v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945. Dokumenty i materialy* [Soviet Ukraine during the Great Patriotic War. 1941–1945. Documents and materials]. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka.
18. Shornikov, P.M. (2011) *Vojna rezhima Antonesku protiv russkogo jazyka* [The Antonescu regime's war against the Russian language]. In: Babilunga, N.V. et al. (2011) "Natisk na Vostok": agressivnyy rumynizm s nachala XX veka po nastoyashchhee vremya [The "Onslaught on the East": Aggressive Romanianism from the early 20th century to the present]. Tiraspol; Bendery: Poligrafist. pp. 250–254.
19. Shornikov, P.M. (2014) *Moldaviya v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Moldova during the Second World War]. Chișinău: [s.n.].
20. Shornikov, P.M. (2007) *Moldavskaya samobytnost'* [Moldovan Identity]. Tiraspol: Pridnestrovian University.
21. Shornikov, P. (2018) *Narodnoe pravoslavie v Moldavii. Ocherki istorii* [People's Orthodoxy in Moldova. Essays]. Tiraspol: Poligrafist.

22. Shornikov, P.M. (2011) Tserkovnaya agressiya Rumynii. 1941–1944 gg. [The Church aggression of Romania. 1941–1944]. In: Kashirin, V.B. (ed.) *Vostochnaya politika Rumynii v proshlom i nastoyashchem (konets XIX – nachalo XXI vv.)*. [Eastern Policy of Romania in the Past and Present (Late 19th – early 21st Centuries)]. Moscow: RISI. pp. 162–187.

Содоль Вячеслав Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института государственного управления и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Республика Молдова, Приднестровье)

Veacheslav A. Sodol – T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University (Republic of Moldova, Pridnestrovie).

E-mail: sodol_slv@mail.ru

УДК 81: 271.22-9

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/5

Модификации индивидуально-авторской картины мира в условиях раскола Русской православной церкви

E.H. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет

Россия, 460014, Оренбург, Советская, 19

E-mail: bekasova@mail.ru

Авторское резюме

Русская языковая картина мира с приходом христианства складывается как диалистическая не только в связи с осложнением её религиозно-философскими и религиозно-нравственными категориями и смыслами, но и потому, что сакральные тексты на старославянском языке, близком в структурном и системном отношении к восточнославянскому языку, позволяли сложиться особому мировоззрению и генетически неоднородному литературному языку, находящемуся в постоянном взаимодействии с церковнославянскими текстами. Гетерогенность усугублялась религиозно-политическими спорами XV–XVI вв., представляющими разные модели соотношения вселенского и национального, а также церковного и государственного устройства, что в условиях церковной реформы середины XVII в. вызвало раскол сознания русского общества. Весьма показателен в этом плане анализ сочинений наиболее значимых деятелей периода реформы Русской православной церкви – патриарха Никона и протопопа Аввакума, имеющих общие корни в Нижегородской губернии, сходство взглядов в начале церковных преобразований и подвергшихся опале, несмотря на диаметрально противоположные установки в развёртывании церковной «справы». При этом особо значимыми в репрезентации индивидуально-авторской картины мира следует признать их членитные царю Алексею Михайловичу. Казусная и мотивирующая части членитной позволяли автору излагать свои жалобы, просьбы и пожелания с предельной индивидуальностью, а в обращении к одному и тому же адресату прослеживаются не только цели членитчиков (для Никона – улучшение условий ссылки, для Аввакума – возвращение «древнего благочестия»), но и максимально проясняются значительные расхождения опальных

священников в концептуализации мира, его оценках, что отражается в их языковой картине, представляющей, с одной стороны, «вещное» восприятие мира, а с другой – порождение мыслительной и языковой деятельности в условия эсхатологического восприятия мира.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, религиозная дискурсивная картина мира, индивидуально-образная картина мира, раскол Русской православной церкви, протопоп Аввакум, патриарх Никон, царь Алексей Михайлович

Modifications of the individual author's worldview under the Schism (Raskol) in the Russian Orthodox Church

Elena N. Bekasova

Orenburg State Pedagogical University
19 Sovetskaya Street, Orenburg, 460014, Russia
E-mail: bekasova@mail.ru

Abstract

The Russian language picture of the world, following the adoption of Christianity, developed as a dualistic construct. This duality arose not only from the increasing complexity of its religious, philosophical, and ethical categories but also because sacred texts in Old Church Slavonic—a language structurally and systemically related to East Slavic languages—facilitated the development of a unique worldview and a genetically heterogeneous literary language. The heterogeneity was exacerbated by the religious and political disputes of the 15th–16th centuries, which presented conflicting models for the relationship between the universal and the national, as well as for church-state relations. These tensions, under the conditions of the church reform in the mid-17th century, culminated in a schism within the consciousness of Russian society. An analysis of the works by the most prominent figures of this period in the Russian Orthodox Church—Patriarch Nikon and Archpriest Avvakum—is particularly revealing. Despite their shared roots in the Nizhny Novgorod province, similar initial views on church reform, and shared experience of disgrace, they held diametrically opposed positions regarding the implementation of church “truth.” Their petitions to Tsar Alexei Mikhailovich are of particular significance for representing their individual

worldviews. The causus and motivational sections of these petitions allowed them both to express his complaints, requests, and desires with utmost individuality. By appealing to the same addressee – with Nikon seeking improved conditions of exile and Avvakum advocating for the return of “ancient piety” – their profound divergences in conceptualizing and evaluating the world are laid bare. This is reflected in their distinct linguistic worldviews: one representing a “material” perception of reality, and the other generating mental and linguistic activity conditioned by an eschatological perception of the world.

Keywords: picture of the world, language picture of the world, religious discursive picture of the world, individual-figurative worldview, the Schism (Raskol) of the Russian Orthodox Church, Archpriest Avvakum, Patriarch Nikon, Tsar Alexei Mikhailovich

Начиная с работ В. Гумбольдта и особенно с введения Л. Вайсгербером понятия «языковая картина мира» в современной лингвистике идёт активный поиск моделей концептуализации мира, взаимодействия языковой картины мира с объективной действительностью, осуществляется установление связей национальной и универсальной языковой картины мира, специфики её отражения в менталитете народа и др. Значимость и актуальность исследований языковой картины мира в парадигме современной лингвистики обусловлены «активно проявляемой общей тенденцией к экспланаторности лингвистических исследований, к выходу в поиски внешних детерминаций различных сфер языкового существования, с одной стороны, и с другой – к возвращению языка в позицию средства исследования, материала постижения феноменов, ему в определенной степени внеположенных» [8: 6]. При этом осмысление языковой картины мира как когнитивного, психолингвистического, лексико-семантического и лингвокультурологического феномена [11] требует, по справедливому утверждению З.И. Резановой, «аспектированного исследования, выделения разных сторон его онтологии и функционирования и их относительно обособленного, но в то же время соотнесённого анализа» [8: 6].

В этом плане выделяются исследования, касающиеся представления индивидуально-авторской картины мира, особенно в условиях «слома» окружающего мира, что не укладывается в привычное его восприятие и осознание, в том числе и в координатах родного языка. К таким периодам в русской общественной жизни, бесспорно, относится время трагических событий и духовно-политических споров XVII в., решавших судьбу государства в Смутное время и приведших не только к расколу русской церкви, но и внёсших «разнствие

и великий раздор» в сознание людей, поскольку, по справедливо-му утверждению А.Ю. Большакой, в Древней Руси «архетип *Раско-ла* занимает одно из ключевых мест в общей иерархии архетипов» [3: 14]. Однако суть данных сдвигов в обществе, в той или иной степе-ни завязанных на русском теократическом идеале, коренилась, на наш взгляд, прежде всего в особом вхождении восточных славян в новую веру.

С приходом христианства в Древней Руси внедряется новая те-ологическая картина мира, сформировавшаяся в течение длитель-ного периода времени в других, территориально и хронологически отстоящих культурно-исторических условиях. Более того, благодаря старославянским текстам, которые со временем своего появления на Руси воспринимаются, судя по констатации летописца Нестора в нача-ле XII в., как нечто единое с восточнославянским языком – «а сло-венский язык и русский одно есть», – сложившаяся в них доступная славянам языковая картина мира начинает распространяться с раз-ной степенью интенсивности в соответствующих группах насе-ления, так или иначе захватывая все слои вступивших в православие людей и позволяя им принять и осознать высокий уровень религи-озно-философского и религиозно-нравственного восприятия мира, выработанного в течение тысячелетия «великими языцами». Сме-на жизненных парадигм определяла тот тип идущих в «обновление жизни» «новых людей», которых прославляет митрополит Иларион, а затем и Нестор.

Достаточно чётко об этом феномене присвоения, освоения и прет-ворения в собственную новую языковую картину мира высказался в своей знаменитой лекции И.И. Срезневский: «...от самого прилива новых идей с христианством должны были измениться прежние по-нятия обо всем; таким образом, понятие и вся образованность на-рода должна сильно поколебаться и по тому самому должен был начать сильно изменяться строй языка» [16: 106], а за развитием языка «в его материальной форме» шло развитие «мысли, выражющейся в языке» [16: 99]. По Срезневскому, расхождение сакральных тек-стов и народного языка, имеющих различия не только в назначении, но и во времени и пространстве, постепенно увеличивалось в связи с «необходимою неподвижностью языка, освящённого церковью» и развитием языка народного – «более богатого жизнью, но зато более связанного с мелочами жизни», идущего «всё далее по пути изменений в своём составе и строю» [16: 37].

Сложная и до сих пор окончательно не исследованная языковая ситуации в Древней Руси обуславливает особый процесс соотноше-ния, корреляции и взаимодействия сложившихся, нередко диаме-

трально противоположных фрагментов складывающейся языковой картины мира, основанной на сакральных текстах и исконной концептуализации действительности и их интерпретации через призму родного языка.

Безусловно, взаимовлияние данных феноменов было неоднозначным для различных социальных групп, особенно в разделении на «мир» и «клир», которые сочетают их по-разному. Весьма показательно свидетельство «Повести временных лет» о поведении только что крестившегося Владимира Святославича, когда его правление «в страсе Божьи» настолько ослабило Русь, что священники были вынуждены скорректировать его понимание «новой» жизни, после чего Владимир «отверг виры, нача казнити разбойники» [7: л. 44]. Владимир Мономах представляет уже достаточно осмысленную модель восприятия мира древнерусским человеком: призывая соблюдать по мере возможности христианские заповеди, он подчёркивает значимую разницу между монахами и мирянами, которые, не ленясь, могут «малым деломъ улучти милость Божью» [10: л. 79 об.]. Однако религиозная картина мира вносила коррективы, поскольку, как справедливо отмечает А.М. Панченко, «древнерусский человек в отличие от человека просветительской культуры жил и мыслил в рамках религиозного сознания. Он “окормлялся” верой как наущенным хлебом» [12: 65–66].

Результаты корреляции языковой картины мира были наиболее значимы в среде священничества, при этом сразу возникла особенно проявившая себя в духовных спорах XV–XVI вв. дилемма установления жизни – или на основе евангельских заветов, или вселенскому предпочтеть национальное. Извечная проблема противоречия земной и небесной жизни не только не была решена в едином ключе, но и усугубилась крайностями взглядов в стремлении нестяжателей к аскезе, а иосифлян – к богатой церкви.

Однако, как отмечает В.В. Колесов, «профессия определяет мировоззрение», поэтому, с одной стороны, «нестяжательство, труд и стремление к нравственному совершенствованию были программой строительства личной души у Сергия Радонежского» [9: 564], подавшего свой личный пример монашества, а с другой стороны, уже Иван IV констатирует разрушение монастырского уклада и установление мирских обычаем даже в авторитетных и прославленных на Руси монастырях, что достойно «плача и скорби»: «Надобе четки не на скрижалех каменных, но на скрижалех сердец плотян. Я видал – по четкам матерны лают!» [13: 183]. Иван IV четко разводит мирское и монашеское, которое невозможное соединить: «И только намъ благоволить Богъ у васъ пострищися, ино то всему

царьскому двору у вась быти, а монастыря уже и не будет. Ино почти в черынцы, и какъ молвити “отрицаюся мира и вся, яже суть в мире”, а миръ весь в очех?» [13: 166]. В этом не только проявляются различия бытия и быта, но и разные принципы их концептуализации, переработки знаний о мире и их осознания. Но реалии корректируют текст, противоречия сглаживаются, телесное превалирует, чему способствует не только жёсткая иерархия церковных чинов, сконцентрированность или, наоборот, территориальная разобщённость священничества, но и постепенное движение государственной власти к осознанию себя выше священничества.

В этих условиях постепенно трансформируется сложившееся восприятие мира, отражающее существующие и усиливающиеся противоречия внутри религиозного сознания, наслаждаемые на выбор вселенского или национального, что в результате непродуманных действий обеих ветвей власти приведёт, по мнению А.В. Карташева, к «столь же потрясающей и неожиданной операции для русского самосознания, как и последующая Петровская реформа» [7: 175]. В связи с этим изменяется и языковая картина мира Древней Руси, в той или иной степени вобравшая в себя феномен греко-славянского культурного мира, поскольку формируется новая культурная система и иной тип человека, рефлексирующего, прежде всего, над собственными культурными ценностями (подробнее см.: [5: 319–343; 12: 13–278]). При этом активная полемика вокруг вопросов веры и власти формировала новую языковую реальность, которая внедрялась в определенную часть общества, формируя его «софийное» сознание, т. е. язык некоторым образом «перекраивал» и сознание, и действительность. Вместе с тем до предела обострился дуализм восприятия и концептуализации мира священничеством, включая градацию монашеского жития и специфику бытия рядового духовенства, что так или иначе вошло в традиционную картину мира.

Вследствие этого особый интерес представляет исследование презентации фрагментов индивидуально-авторской картины мира у противоборствующей части духовенства в условиях оппозиции веры. Особенно это показательно у непримиримых противников – Никона и Аввакума, земляков, служивших одно время в Нижегородских пределах и действовавших изначально в одном поле русской мыслительной традиции. В подтверждение их мировоззренческой близости достаточно привести тот факт, что Аввакум подписал просьбу об избрании Никона патриархом.

Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович вместе начинали церковную реформу: две ветви власти, какими бы они доводами ни прикрывались – земными или божественными, – сначала объ-

единились, но затем произошло не столько разделение, сколько устранение избыточного властолюбия в выстраиваемой структуре государства.

Разведенные расколом, но оказавшиеся вне церкви и государства, опальный Аввакум и низложенный патриарх Никон через послания и челобитные не оставляют попыток общаться с царём. Сохранилось 5 челобитных протопопа Аввакума (1663–1669 гг.): Первая и Пятая челобитные сохранились в автографе, остальные – в копиях XVII в., составленных в среде староверов, в том числе сподвижников Аввакума. Послания и челобитные патриарха Никона царю Алексею Михайловичу (48 проанализированных единиц) относятся к периоду его ссылки: от Воскресенского периода (1658–1666 гг.) дошли автографы, а в Ферапонтовский период (1667–1675 гг.) Никон, как правило, диктует и нередко сам правит текст. Выбор челобитных и частных посланий определяется тем, что такие памятники письменности демонстрируют высокую степень авторской свободы и дают возможность проследить практически все стороны духовной и физической жизни авторов в конкретном личном преломлении (Н.Н. Оглоблин, С.С. Волков, Д.В. Руднев, Т.С. Садова и др.), что с большой долей вероятности позволяет выявить их субъективно-личностные представления о мире. Кроме того, проведённое нами исследование языка челобитных Аввакума и патриарха Никона царю Алексею Михайловичу не выявило различий генетического фона их текстов, а следовательно, показало, что разошедшиеся в вопросах веры и правки богослужебных книг опальные священники действовали в рамках уже сложившегося русского литературного языка [17].

Следует отметить, что челобитные и послания царю Алексею Михайловичу являются только частью произведений символических фигур русского раскола. Сочинениям Аввакума посвящена значительная научная литература, включая исследования его челобитных (Д.С. Лихачев, Н.В. Понырко, А.М. Панченко, А.Н. Робинсон, В.В. Колесов, И.П. Еремин, Н.С. Демкова, Б.А. Успенский, Е.С. Отин и др.), в меньшей степени изучено письменное наследие Никона (В. Туминс, С.К. Севастьянова, В.В. Шмидт, Н.В. Воробьев и др.). В последнее время появились исследования, связанные с языковой личностью и языковой картиной мира периода раскола (Л.Ю. Мирзоева, А.В. Загуменнов, Л.С. Соболева, О.Ю. Осьмухина, Л.А. Климкова и др.). В нашем исследовании впервые представлен сопоставительный анализ особенностей индивидуально-авторской картины мира Аввакума и Никона в текстах, адресованных царю Алексею Михайловичу.

Аввакум, безусловно, является цельной фигурой с таким мощным религиозным мировоззрением, которое под влиянием внешних

обстоятельств и его коммуникативной деятельности проповедника разворачивается, расширяется и углубляется, но только в направлении, связанном с его основными религиозными позициями и ценностями, базирующимися на предшествующем опыте православного подвижничества. В его системе оценок и образных представлений о мире телесному и вещному миру предоставлена исключительно вспомогательная роль для утверждения своей правоты в условиях утраты «церковной благости». В «канун конца света» Аввакум берет на себя ответственность истинного священника, а мятущийся мир воспринимает его как пророка: «...ему даётся авторитет священно-мученичества, ибо он “омыл” своих пасомых не только слезами, но и кровью. Он власть имеет и анафематствовать и повелевать» [7: 221].

В этих условиях разворачивается деятельность гениального Аввакума, у которого, как совершенно справедливо отмечает А.М. Панченко, «был совершенно исключительный дар слова – и, следовательно, дар убеждения» [12: 371]. Этому дару подчиняется всё личное – оно становится только иллюстрацией его главной идеи о недопустимости разорения православия. Показателен виртуальный диалог Аввакума с Алексеем Михайловичем в его Первой челобитной к царю: «Изволишь, государь, с долготерпением послушать, и я тебе, свету, о своих бедах и напастех возвещу немного» – «Не скучно ли тебе, государю-свету?» – «Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю: не тогда мне говорить, как издохну!» (160, 161, 163, здесь и далее страницы указываются по [2]).

Иронично подчеркивая: «скорбно тебе, государю, от докуки нашей», Аввакум разворачивает мартиролог, включающий почти все страдания и мучения, кроме пока не свойственной русской жизни огненной казни. После общей фразы «Не сладко и нам, егда ребра наша ломают и, розвязав, нас кнутъем мучат и томят на морозе гладом. А все Церкви ради Божия стражем» (160) Аввакум с трагической обыденностью перечисляет, как был «удавлен» в Нижегородском уезде ради церкви Божия; в Москве «топтан злых человекъ ногами, и дранъ за власы руками», в том числе и Никоном; возили его с «чепью» в изодранных одеждах распятого – «о сих всех благодарю Бога» (161); сажали в земляную яму без еды и пищи; «живучи на востоке в смертях многих», потерял двух сыновей, одевался в бересту, испытал «кнутное биение», шесть лет ел «не по естеству пищу: вербу и сосну, и траву и коренье, и мертвяя мяса зверины, а по напраснству и по прилукаю – и кобылие» (162).

Формирующее эсхатологическое сознание начинает воспринимать атрибуты земной жизни через призму жизни небесной, поэтому в челобитных даже необходимые для поддержания физического

существования вещи встраиваются в особую систему символов и смыслов – нижний слой поддержания человеческого существования (кора, травы, кореня, мертвичина и пр.) рассматриваются как Божий дар, усмиряющий плоть и поднимающий дух. Повседневная крестьянская еда возвышается или до высоких человеческих даров – «Боярона пожаловала, прислала сковородку пшеницы, и мы куты наелись» (81), или до Божьего промысла – «Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, Божиим повелением нужде нашей помогая; Бог так строил» (81). Показателен в этом отношении эпизод, когда после трех дней голода и жажды к измученному Аввакуму пришел «не вемь – ангель, не вемь – человекъ и, взявъ меня за плечо, с чепью к лавке привель и посадил, и лошку в руки дал и хлебца немношко и штецъ дал похлебать – зело привкусны, хороши!» (72). Простая и умеренная снедь воспринимается как божественная, переданная через ангела благодать, при этом не качество и не размер, а её значимость для поддержания духа определяется особым отношением через уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Описывая в своих челобитных самые тяжёлые времена ссылки, Аввакум испытывает муку не столько от голода и мороза, сколько от невозможности исполнять свой христианский долг как положено, а не совмещая его с физическими трудами: «...идучи, или нарут волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, а самъ и правило в те поры говорю», «на сошке складенки поставя, правильца поговорю» (89). Аввакум концептуально утверждает выбор между телесным и духовным: «Яко же тело алчуще желает ясти и жаждуще желает пити, тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желает; не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад великий человеку – Бога не моля, жити» (89). Вода и хлеб становятся символами духовного обращения к богу, и если появляется другая пища, не сопряженная с духовной ипостасью, то она представляется как мирские соблазны: «Не игрушка душа, что плотским покоем ея подавлять! Да переставай ты и медокъ попивать. Нам иногда случается и воды в честь, да живем же» (213). Языковая картина мира в отношении пищи коррелируется с религиозной и фольклорной в избегании конкретики, поскольку главное – дать благопотребное плоти так, как в своё время кормился Иисус. Более того, для Аввакума духовное и земное неразрывно соединяются: «Я веть богат: рыбы и молока много у меня Христовою благодатию и пречистый Богородицы милостию и всех святых молитвами» [6: 293]; «Я поехал от вас с Москвы паки по городом и по весем словесныя рыбы промышлять» [6: 235].

Осуждение вещного мира приводит к сужению его контуров до слов-концептов, несущих значимую религиозно-идеологическую нагрузку для характеристики праведного и неправедного житья: «И ныне много таких; всяк Иуда, иже льстит и обманывает, любя тленные вещи и сребро паче души своея» [6: 151].

По-другому выстраивается языковая картина мира «извергнутого» из патриаршества Никона. Судя по его посланиям и челобитным царю Алексею Михайловичу, Никон только в начале ссылки в Ферапонтов монастырь пытается доказать свою правоту (1667 г.), но затем тема раскола поднимается лишь в аспекте претензий к своим гонителям, которые не признают реформы, что используется автором как очередной укор царю [1]. Отринув от себя религиозно-политические споры, Никон пытается убедить в своей правоте только царя: для него не важен раскол общества и церкви – важно, что «возрасте меж нами великая смута, великая» (Н462, здесь и далее страницы указываются по [14]). Не простив царя в послании 1667 г. – «ждать суда Божия» (Н441), Никон не простит Алексея Михайловича и после его смерти. Но при этом бывший патриарх постоянно ищет в своих посланиях царского снисхождения и милости, потому что быстро утратил настрой нового мученика, когда «лишение слуг, пищи и пития, и прочих – поминаю Лазаря убогого и Иова многострадального и веселюсь... может вода утолита жажду, и глад – хлеб. Аще ли и сих повелиши лишите – скорее; скорее к надеемым благим пристроюсь» (Н440).

В посланиях Никона на смену религиозной риторике приходит реальный мир: клопы и блохи, чад и смрад, зной и холод; сам затворник «оцынжал и одряхлел» (Н472), «ободрался и обносился» (Н525), «и от юности такие бедности не видал» (Н525). Описание физических страданий занимает значительное место в письмах Никона, и при типичных формулировках типа «бос и наг», «помираю от голода и без платья», «окован нищетою, паче железы» можно встретить подробности ослабления некогда физически мощного мужчины: «...ходил я, богомолец твой, на поварню есть сварить про себя, и пал на лесницу, а с лесницы выше сажени летель, и разбрзлся весь, ходить и делать ничего не могу» (Н522); «обжегся и обносился до нага, и креста на мне нете третей год; руки больны, левая не подымается, очи чадом и дымом выело, и есть на них белма, из зубове кровь идет смердящая, ноги пухнуть» (Н463) и под. С одной стороны, такие подробности, иногда весьма личные, должны вызывать жалость у царя и способствовать облегчению физических страданий узника, не забывающего ни на секунду о своей былой безграничной власти и богатой жизни, которые может вернуть ему только Алексей Ми-

хайлович. С другой стороны, ощущается более глубокое погружение Никона, свободного от других раздумий, кроме как о себе, в мирскую жизнь с её тщательно проработанной системой вещей, которые были ему знакомы и понятны. В отличие от Аввакума, у которого проповедь и молитва всегда были на первом месте при исполнении хозяйственных дел, Никон вспоминает об этом изредка, чтобы пожаловаться или на свою немощь, или на отсутствие нужной для этого вещи – «часищек», печатных книг, риз, церковных сосудов и пр.

Представляется, что Никон и Аввакум направляли свою неукротимую энергию на то, что соответствовало их особому восприятию действительности и осознанию своего места в ней: для неистового протопопа этим до конца жизни стало «слово Божие проповедати и учити по градом и везде» (87), а «богатырский напор и увлечение, буйный темперамент и неумереннаяластность» Никона [7: 141] нашли своё применение в церковном и государственном строительстве, а в заточении – в обустройстве собственного быта. И здесь Никон ведет себя как крепкий хозяин монастырского подворья: он просит, требует и даже приказывает царю. Он отчитывается перед царем, скрупулезно перечисляя присланное («пожаловали прислали... две ковришки пряных пшеничных, да две жъ ковришки сахарных, да тысячю двести яблок, да двадцать два арбуза белого-роцких и тамбовских» (Н497); со знанием дела проверяет росписи («и в росписех отписал... указал лошадей моим и коровам из монастырей сена имати в год: на лошадь – по четыре копны мерных, на корову – по три копны, на быковъ и на нетелей – по две копны, на малых телят – по копне сена мерных же» (Н540)) и др. Он же царя отчитывает: за соболи меха, не по размеру присланные; за то, что «было ожыдал к себе и овощей, винограду в паток и яблочек, и сливи, и вишенок, только вам Господь Богъ о том не известил» (Н531); за невыполнение царских указов на местах и под. Особенno показательно Послание 1675 г., где Никон в тонкостях разбирается в «хлебных, и столовых, и рыбных запасах, и дровах, и сене» (Н540), в хранении овощей, грибов и мяса; в кузнечном, бочарном, сапожном и портновском деле и пр. При этом патриарх указывает великому государю на те хитрости, к которым прибегают государевы люди, меняя качественные продукты на негодные. Никон, как рачительный хозяин, всё контролирующий и во всё вникающий, входит в мир того натурального хозяйствования, который был ему уже знаком, но теперь он становится для него не только главным, но и единственным, отсюда и лексика, свойственная росписям, приказам и актам того времени, например, в заказе для келейного обустройства: «... гвоздя кровельного пришлють, какъ купять, а крюков, де, оконных и

дверных, и петель закладных, и на опушки полстей, и кож, и гвоздья, и на окончины слюды и железа» (Н519).

Такой же вещный мир с особыми подробностями вспоминается Никону из его прошлой жизни – роскошные часы (серебряные, по-золоченные, в хрустале, с каменьями и пр.) и богато украшенные книги (Н505). Действительно, тяжёлые условия содержания узника не стёрли у человека, до последнего именующего себя патриархом, воспоминаний об украшении не только церквей, но и своего великого государева жития, более того, утвердили его на устроение практически натурального хозяйства, которым жила низовая братия обедневших монастырей. В этой жизни Никон не мог пойти на аскетическое подвижничество – он бился за каждый аршин и вершок осетров, за четверти и осьмины зерновых, за меру сена в копнах, каждый раз мотивируя размеры и объёмы или царскими приказами, или хозяйственными нуждами, нередко ставя на место самого царя за незнание, например: «А мех государя царевича и великого князя Петра Алексеевича не в нашу меру: из него платна не будете – длины надобе два вершка в прибавку, а в подоле мех ево, государева, жалованья с четвертью три аршина, а нам шьетца платно в полпята аршина, а по-оскуду с четвертью в четыре аршина, а здесь на дополньку прикупить к нему негде, и кровли, подобные ему, добыть негде же» (Н476).

Безусловно, узник, просящий пожаловать себе рыбки и икорки, винограду и арбузов, соболей на варежки и пр., несмотря на тяжелый быт и изнурительные болезни, был не только далёк от известной ему аксиомы, что «христиане не вещь чтуще, но образ», но и не мог понять и принять той модели христианского мира, которую проповедовал Аввакум.

Таким образом, формирование русской языковой картины мира в развитии Русского государства и обслуживающего его языка оставляли некий дуализм и колебания в её отдельных фрагментах, что усиливалось активными духовно-политическими спорами священничества в XV–XVI вв. и стремлением светской власти подчинить церковь в XVII в. Реформа Русской православной церкви, до предела обострившая накопившиеся проблемы в осмыслении вселенского и национального, раскололо общество, в котором наиболее активная часть, прежде всего священничество, реализует собственное видение окружающей действительности в той языковой картине мира, которая внедряется в сознание общества или через проповедь, или через формирующиеся государственные механизмы. Раскол мира обусловливал и разную ориентацию в нем.

Челобитные Аввакума убедительно показывают его последовательный уход в аскетическое отречение от реальности [4: 35], в

результате чего систематизация языковых средств усиливает религиозно-философскую значимость слова, конкретная сущность которого сохраняется в виде некоего покрова для необходимого определения земных реалий, подготавливающих человека к жизни вечной в условиях гибели русской церкви.

Челобитные и послания Никона убедительно показывают, что они олицетворяют те тенденции, которые обусловили выход Московской Руси «из-под купола средневекового теократического мировоззрения» [7: 197] и восприятие мира через мирской практицизм, который, по всей видимости, направлял патриарха Никона в его деятельности строительства монастырей и церквей, решения государственных и церковных нужд. В ссылке масштабы его деятельности сузились, но низверженный патриарх не утратил хозяйствской хватки, при этом его погружённость в вещный мир, когда он был полностью занят ведением своего небольшого хозяйства, осозаемого им вплоть до мелочей, видимо, позволяла Никону не терять ни присущей ему напористости в повседневной суете, ни надежды на возвращение к былой деятельной жизни и другому вещному миру.

Если у Аввакума тело и душа разграничиваются до стадии приятия физического естества только в самых необходимых проявлениях, которые были присущи и Иисусу Христу, то Никон, вынужденно ограничиваясь малым, притягивает земное в полном убеждении в своей правоте и верит, что может вернуть свою некогда беспредельную земную власть. Судя по челобитным Никона, вещный мир для него реальнее мира идей и людей, поэтому он с особой теплотой вспоминает конкретные предметы, значимые для него именно потому, что он ими обладал. Они его притягивают как знак той, достойной его жизни, которая осмысливается не столько духовно, сколько осозаемо – в предметах, их количестве и качестве.

Отсюда и расхождения у некогда близких по служению церкви Аввакума и Никона той системы смыслов, которая интерпретирует реальность. Концептуализация мира Аввакума лежит в плоскости того, что важно для души, остальное вытесняется на уровень подсознательного и не требует дифференциации и отдельного названия. Поэтому для Аввакума значимы гиперонимы, например хлеб и вода как образы, которые одновременно обозначают и земные, и духовные сущности.

Никон также пользуется достоянием религиозно-философской мысли, но в ссылке для него оказалось важнее то, что фиксируется в росписях как конкретном и детальном перечне каждого из предметов. В связи с этим у Никона и Аввакума работают разные регистры языковой картины мира. Например, рыба воспринимается

Никоном как продукт разного качества и размеров, с детальными наименованиями от осётров до «ершичек», а Аввакум, также сведущий в видах рыб и даже особо отмечающий их богатство в Даурах (*осётры, таймени, стерляди, омули, сиги и пр. родов много*), прежде всего осознает рыбу как символ христианства, что позволяет ему в своём подвижничестве «словесные рыбы промышлять». Никон просит у царя «яблочек, а я того благословения Божия седьмой год не едал» (Н497), и радуется, получив 1200 яблок. Аввакум, признавая яблоко как «красную и добрую снедь», напоминает, что это «уморивший плод» Адама и освящать его может только Вселенский российский собор, а не пьяные разумом никониане [15: 884].

Индивидуально-авторские картины мира опальных церковных деятелей, представленные в членобитных царю Алексею Михайловичу, отражают задействованные в религиозно-идеологическом и религиозно-политическом противостоянии изменения фрагментов дискурсивной религиозной картины мира периода раскола, где на основе личностной рефлексии усиливается или её мирская часть, соответствующая нарастающим светским притязаниям (Никон), или ее духовная составляющая в эсхатологическом преломлении (Аввакум).

Литература

1. Бекасова Е.Н. Дискурсивные практики царского членобитчика патриарха Никона: между возгоржением и смирением // Уральский филологический вестник. 2021. № 2 (30). С. 89–104.
2. Библиотека Древней Руси. Т. 17 (XVII в.) / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 2013. 662 с.
3. Больщакова А. Архетип раскола в древнерусской литературе // Polylogue. Neophilological Studies. 2018. № 8. С. 5–16. doi: 10.34858/polilog.8.2018.001
4. Бубнов Н.Ю. Протопоп Аввакум и патриарх Никон: Жизнь и служение глазами старообрядцев // Российский журнал истории Церкви. 2022. Т. 3. С. 17–37. doi: 10.15829/2686-973X-2022-84
5. Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Яз. славян. культуры, 2002. 758 с. (Studia philologica) (Язык. Семиотика. Культура).
6. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под общ. ред. Н.К. Гудзия; подг., ком. Н.К. Гудзия, В.Е. Гусева, А.И. Мазунина, А.С. Елеонской, Н.С. Сарафановой. М.: ГИХЛ, 1960. 479 с.
7. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА-TERRA, 1992. 569 с.

8. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 354 с. (Серия: Монографии. Вып. 10).
9. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Бытие и быт. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 400 с.
10. Лаврентьевская летопись. 1377 г. URL: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (дата обращения: 24.04.2025).
11. Обухова О.Н., Оношко В.Н., Березина, Ю.В. Подходы к исследованию картины мира // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 10. С. 96–104.
12. Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.
13. Послания Ивана Грозного / подг. текста Д.С. Лихачева, Я.С. Лурье; под ред. В.П. Андриановой-Перетц (репринтное воспроизведение издания 1951 г.). СПб.: Наука, 2005. 716 с.
14. Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты / науч. ред. Е.К. Ромодановская. М.: Индрик, 2007. 776 с.
15. Сочинения Аввакума // Русская историческая библиотека, т. XXXIX. Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. I, вып. I. Л.: АН СССР, 1927. 960 с.
16. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка / вступ. ст. С.Г. Бархударова. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007. 136 с. (История языков народов Европы).
17. Bekasova E.N. Genetically correlative reflexes of proto-slavic combinations in Avvakum and Nikon's Petitions // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Philological Readings. P. 294–302. doi: 10.15405/epsbs.2020.04.02.32

References

1. Bekasova, E.N. (2021) Diskursivnye praktiki tsarskogo chelobitchika patriarkha Nikona: mezhdu vozgorzheniem i smireniem [Discursive practices of the royal petitioner Patriarch Nikon: Between excitement and humility]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik*. 2(30). pp. 89–104.
2. Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A. & Ponyrko, N.V. (eds) (2013) *Biblioteka Drevney Rusi* [Library of Old Russia]. Vol. 17. St. Petersburg: Nauka.
3. Bolshakova, A. (2018) Arkhetip raskola v drevnerusskoy literature [The archetype of schism in Old Russian literature]. *Polylogue. Neophilological Studies*. 8. pp. 5–16. doi: 10.34858/polilog.8.2018.001
4. Bubnov N.Yu. (2022) Protopop Avvakum i patriarch Nikon: Zhizn'i sluzhenie glazami staroobryadtsev [Archpriest Avvakum and Patriarch Nikon: Life and

service through the eyes of Old Believers]. *Rossiyskiy zhurnal istorii Tserkvi*. 3. pp. 17–37. doi: 10.15829/2686-973X-2022-84

5. Zhivov, V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Research in the History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

6. Gudziy, N.K. (ed.) (1960) *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* [The life of Archpriest Avvakum, written by himself, and his other works]. Moscow: GIKhL.

7. Kartashev, A.V. (1992) *Ocherki po istorii russkoy tserkvi: v 2-kh t.* [Essays on the History of the Russian Church: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: TERRA.

8. Rezanova, Z.I. (ed.) (2005) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya vyazyke i tekste* [Pictures of the Russian World: Axiology in Language and Text]. Tomsk: Tomsk State University.

9. Kolesov, V.V. (2004) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Bytie i byt* [Old Rus': Heritage in the Word. Being and Way of Life]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

10. Russia. (n.d.) *Lavrent'evskaya letopis', 1377 g.* [The Laurentian Codex, 1377]. [Online] Available from: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (Accessed: 24th April 2025).

11. Obukhova, O.N., Onoshko, V.N. & Berezina, Yu.V. (2017) Podkhody k issledovaniyu kartiny mira [Approaches to the study of the picture of the world]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10. pp. 96–104.

12. Panchenko, A.M. (2000) *O russkoy istorii i kul'ture* [About Russian History and Culture]. St. Petersburg: Azbuka.

13. Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (2005) *Poslaniya Ivana Groznogo (reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1951 g.)* [Messages of Ivan the Terrible (reprint reproduction of the 1951 edition)]. St. Petersburg: Nauka.

14. Sevastyanova, S.K. (2007) *Epistolyarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami: issledovanie i teksty* [Patriarch Nikon's Epistolary Legacy. Correspondence with Contemporaries: Research and Texts]. Moscow: Indrik.

15. Archpriest Avvakum. (1927) Sochineniya Avvakuma [Works of Avvakum]. In: Platonov, S.F. (ed.) *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XXXIX. Leningrad: USSR AS.

16. Sreznevskiy, I.I. (2007) *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts on the History of the Russian Language]. Moscow: KomKniga.

17. Bekasova, E.N. (2020) Genetically correlative reflexes of proto-slavic combinations in Avvakum and Nikon's Petitions. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Philological Readings*. pp. 294–302. doi: 10.15405/epsbs.2020.04.02.32

Бекасова Елена Николаевна – доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (Россия).

Elena N. Bekasova – Orenburg State Pedagogical University (Russia).
E-mail: bekasova@mail.ru

УДК 81.26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/6

Русинские пословицы-библеизмы на восточнославянском фоне^{*}

Н.Д. Игнатьева¹, С.А. Лонкин², В.М. Мокиенко³,
Т.Г. Никитина⁴, Н.А. Росова⁵, О.В. Шкуран⁶

¹ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, корп. 6
E-mail: nataliagashewa@yandex.ru

^{2,3,5} Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

² E-mail: st121223@student.spbu.ru

³ E-mail: mokienko40@mail.ru

⁵ E-mail: natalia_kuzmina@list.ru

⁴ Псковский государственный университет
Россия, 180000, г. Псков, пл. Ленина, 2

⁴ E-mail: cambala2007@yandex.ru

⁶ Российский университете дружбы народов (РУДН)
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
E-mail: oksana.shkuran@mail.ru

Авторское резюме

Русинский язык, как известно, занимает и равное, и особое место в семье славянских языков. Принадлежность к восточнославянскому языковому ареалу и соседство с западнославянским языковым миром накладывает отпечаток на все системные уровни, особенно на его лексику и фразеологию. Знаковыми стали и сходства, и различия в сакральной сфере, т. е. в воспроизведении текста Библии средствами русинского языка. Здесь прецедентные тексты, с одной стороны, обнаруживают

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

большое сходство благодаря сакральности первоисточника, с другой – некоторые специфичные особенности, вызванные различием перевода Священного Писания и лингвостилистическими потенциями русинской языковой системы. Сопоставление таких текстов с другими восточнославянскими языками вскрывает особую градацию таких общностей и различий, значимую для понимания специфики русинского языка. В статье представлены предварительные результаты работы над проектом РНФ «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)». Авторы-составители этого словаря предлагают анализ нескольких типов русинских пословиц библейского происхождения в ракурсе сопоставления с близкородственными белорусским, русским и украинским языками, выявляя при этом как сходства, так и различия в передаче исходного сакрального текста.

Ключевые слова: русинский язык, библейские крылатые слова, библеизмы, пословицы, поговорки

Rusin proverbs of Biblical origin against the East Slavic background*

Natalia D. Ignatyeva¹, Stepan A. Lonkin²,
Valerii M. Mokienko³, Tatiana G. Nikitina⁴,
Natalia A. Rosova⁵, Oksana V. Shkuran⁶

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moyka Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia

E-mail: nataliagashева@yandex.ru

^{2,3,5} St. Petersburg State University
11 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

² E-mail: st121223@student.spbu.ru

³ E-mail: mokienko40@mail.ru

⁵ E-mail: natalia_kuzmina@list.ru

⁴ Pskov State University

2 Lenin Square, Pskov, 180000, Russia

* This research was funded by the Russian Science Foundation grant (Project No. 23-18-00252, implemented at St. Petersburg State University), “The Biblical Heritage of the East Slavic Languages in Linguocultural and Lexicographic Interpretation (Large Russian–Belarusian–Ukrainian–Rusin Dictionary of Biblicisms)”.

E-mail: cambala2007@yandex.ru

⁶ Peoples' Friendship University of Russia

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

E-mail: oksana.shkuran@mail.ru

Abstract

The Rusin language holds a distinct yet integral position within the Slavic language family. Its belonging to the East Slavic subgroup and its proximity to the West Slavic linguistic area have left a mark on all levels of its system, particularly in its vocabulary and phraseology. This is evident in the sacred sphere, specifically in how the text of the Bible is rendered in Rusin. Here, precedent texts exhibit significant similarities due to the sacred nature of their source, while also displaying specific features arising from differences in Scriptural translation and the linguo-stylistic capacities of the Rusin language. A comparison with other East Slavic languages reveals a nuanced gradation of these commonalities and differences, which is crucial for understanding the specificity of Rusin. This article presents preliminary results from the Russian Science Foundation project "The Biblical Heritage of the East Slavic Languages in Linguocultural and Lexicographic Interpretation (Large Russian–Belarusian–Ukrainian–Rusin Dictionary of Biblicisms)." The compilers of this dictionary analyze several types of Rusin proverbs of Biblical origin, comparing them with their closely related Belarusian, Russian, and Ukrainian counterparts to reveal both similarities and differences in conveying a sacred textual source.

Keywords: Rusin language, Biblical winged words, Biblicisms, proverbs, sayings

Введение

Русинский язык – один из самых молодых литературных языков. Молодость всегда связана с особой жизнеспособностью и динамизмом, что проявляется в активной варьируемости на всех языковых уровнях, и пока еще недостаточной кодифицируемостью. Этому способствует и территориальная разномасштабность русинского языка, порождающая значимые контакты с языками соседних народов. Особенно, пожалуй, эти особенности проявляются во фразеологии, ставшей неким языковым «зерцалом» русинской специфики [5]. При недавней кодификации в то же время русинский язык заслуживает (как это ни кажется парадоксальным) и статуса одного из древнейших славянских языков, ибо диахронический анализ вскрывает в нём фонетические и лексические особенности, которые

этимологами реконструируются как праславянские [7]. Особенности древнего мифологического сознания видны и в паремиологической рефлексии таких сакральных концептов, как «Бог» и «Дьявол» [4; 8].

Тем самым русинский язык занимает и равное, и особое место в семье славянских языков. Принадлежность к восточнославянскому языковому ареалу и соседство с западнославянским языковым миром накладывают отпечаток на все системные уровни, особенно на его лексику и фразеологию. Знаковыми стали и сходства и различия в сакральной сфере, т. е. в воспроизведении текста Библии средствами русинского языка. Здесь прецедентные тексты, с одной стороны, обнаруживают большое сходство благодаря сакральности первоисточника, с другой – отражают и некоторые специфические особенности, вызванные различием перевода Священного Писания и лингвостилистическими потенциями русинской языковой системы. Сопоставление таких текстов с другими восточнославянскими языками вскрывает особую градацию общностей и различий, значимую для понимания специфики русинского языка.

Выявлению таких сходств и различий посвящен проект РНФ «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)», над которым работает группа представителей ларинской лексикографической школы (Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина, СПбГУ). Авторы – составители этого словаря предлагают анализ нескольких типов русинских пословиц библейского происхождения в ракурсе сопоставления с близкородственными белорусским, русским и украинским языками, выявляя при этом как сходства, так и различия в передаче исходного сакрального текста.

Изложение основного материала исследования

Разумеется, общий текст Священного Писания и его старославянский «извод» становятся источником достаточно многих почти полных сходений библейского паремиологического наследия в четырех языках. И чем ближе та или иная пословица к старославянскому прототипу, тем разительнее такое сходжение и сходство. Такова судьба церковнославянизма **И в нюжε мερу мεрните, возмεрится вам:**

Русин.: (Мф. 7: 1–2) Не судите, обы вы не судимі были. Яким бо судом судите, посудат и вам и в ту же мѣру что мѣрите, возмѣрится и вам.

Рус.: (Мф. 7: 1–2) Не судите, да не судимы будете; Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить.

Бел.: (Мц. 7: 1–2) бо якім судом судзіце, такім вас судзіць будуць; і якою мераю мерыцце, такою і вам будуць мерыць.

Укр.: (Мат. 7: 1–2) Не судіть, щоб і вас не судили; бо яким судом судити будете, таким же осудяте і вас, і якою мірою будете міряти, такою і вам буде відміряно.

Подобные сходжения обнаруживают и другие библейские паремии во всех четырех восточнославянских языках, например:

Русин.: Запретный плод все солодкий – бел.: Забаронены плод салодкі; укр. Заборонений плід солодкий; рус.: Запретный плод сладок.

Русин.: Од плодов іх спознаєте іх – бел.: Па іхніх пладах познаєте іх; укр. По їхніх плодах ви пізнаєте іх; рус.: По плодам их узнаете их.

Русин.: Просить, и дастъ ся вам – бел.: Прасеце, і дасца вам; укр.: Просіть – і буде вам дано (і дастися вам); рус.: Просите и дастся вам.

Русин.: Неиспытані суды ёго, и неизслѣдовани путь ёго – бел.: Неіспавядзімы пуці гасподнія; укр.: Недосліджені дороги його (невідомі присуды господни); рус.: Неисповедимы пути господни.

Русин.: Ниء пророка в своюю отциznині – бел.: Не бывае (няма) прарока ў сваёй айчыне; укр.: Пророка нема тільки в вітчизні своїй (немає пророка на батьківщині); рус.: Нет (несть) пророка в своём отечестве.

Русин.: Што посіеш, то й пожнеш – бел.: Што пасееш, тоє і вырасце (пажнеш, сажнеш); укр.: Що посіє, те саме й пожне (що посіеш, те й пожнеш); рус.: Что посеешь, то [и] пожнешь.

Такое сходство закреплено и употреблением соответствующих паремий в современных литературных языках:

Русин.: Запретный плод все солодкий:

Бел.: ** Дарослыя нам забаранялі гэта рабіць, часцяком праганялі, але забаронены плод робіцца яшчэ смачней (С. Давідовіч. Замалёўкі).

Укр.: ** Річ не тільки в тому, що заборонений плід солодкий, навіть не лише в тому, що «егоїзм удвох», до якого часто схиляє забороняюче тлумачення вірности, прикрашає людей загалом не набагато більше, ніж егоїзм наодинці (В. Малахов. Труд любові та сімейна злагода. 2002).

** Нехай це суперечить приказці про те, що заборонений плід завжди солодкий, але, коли було оголошено сухий закон, дійсно дуже різко підвищився рівень здоров'я населення, знизився травматизм (Газета «День». 2002).

**** Спрацювало одвічне «заборонений плід – солодкий» і радянське – «раз забороняють, значить – щось хороше» (Онлайн-ЗМІ «Unian.net». 2020).**

Рус.: ** Как бы ни запрещали, всё равно ваша дочь... будет думать о Боге, быть может, даже больше, чем думает теперь... Недаром говорится, что *запретный плод сладок* (В. Тендряков. Чрезвычайное).

**** Да, с 1983 года у нас в стране каратэ существует официально только в спортивном обществе ЦСКА и «Динамо» <...> все остальные закрыты. Однако, несмотря на запрет, а отчасти и благодаря ему (ведь *запретный плод сладок*), этот вид единоборства продолжает пользоваться большой популярностью (Правда. 1987. 13 дек.).**

**** Дочка читает Мопассана... Ну, и что делать? Наказать? Отнять книгу? Так ведь *запретный плод ещё сладок!* (Л. Жуховицкий. При соучастии Джека Лондона // Юность. 1977. № 6).**

Русин. Од плодов їх спознаєте їх:

Русин.: (Мф. 7: 15–16–17) Внимайте же от лживых пророков, которые приходят к вам во одеждах овчих, внутри же суть волки хищники. От плодов їх спознаєте їх. Та собирают ли от терніл грезна винограда, или из рѣпъи сливы? Так всякое дерево доброє, плоды добрі творит, а злое дерево, плоды злі творит.

Бел.: (Мц. 7: 15–16–17) Асьцерагайцесь ілжывых прарокаў, якія прыходзяць да вас у авечай адзежы, а ўсярэдзіне – ваўкі драпежныя; *на іхніх пладах пазнаеце іх*. Ці ж зъбіраюць зь цярноўніку вінаград, альбо зь дзядоўніку смоквы? Так усякае добрае дрэва родзіць і плады добрыя, а благое дрэва родзіць і плады благія <...>.

Укр.: (Мат. 7: 15–16–17) Стережіться фальшивих пророків, що приходять до вас ув одежі овечій, а всередині – хижі вовки. *По іхніх плодах ви пізнаєте їх*. Бо хіба ж виноград на тернині збирають, або фіґи – із будяків? Так ото родить добрі плоди кожне дерево доброє, а дерево зле плоди родить лихі.

**** «*По плодах пізнаєте древо*», – попереджував Учитель (О. Бердник. Альтернативна еволюція (збірка)).**

**** – Бачиш, *по плодах пізнаєте їх* (М. Гретковська. Пристрасний коханець).**

**** «*По плодах пізнаєте їх*» (Р. Малко. Зі щитом чи на щиті).**

Рус.: (Мф. 7: 15–16–17) Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: *По плодам их узнаете их*. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброє приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые.

**** <...> Яростно клялись [депутаты от «Демократической России»] в верности принципам справедливости, Закону, талантливо и ярост-**

но обличали коррупцию, произвол властей. Минул год, год тяжёлый и сложный; истекли ещё полгода <...> Вступил в действие неумолимый библейский критерий: «по плодам их – узнаете их» (СПб Ведомости. 1993. 13 фев.).

Русин.: Просить, и дастъ ся вам:

Русин.: (Мф. 7: 7) «Просіть, и дастся вам, ищите, и обращете, толкайте, и отверзется вам. <...>».

Тоже в той книзі записано: стучите отвориться вам, просите – дастся вам. Так и вы дайте народу, доки просит, бо если народ зачне требовати, то вам буде за поздно давати (Карпатска Русь. 15.II.1952).

Бел.: (Мц. 7: 7) *Прасце, і дасца вам; шукайце, і знайдзе;* стукайтесь, і адчыняць вам.

Укр.: (Мат. 7: 7) *Просіть – і буде вам дано, шукайте – і знайдете, стукайте – і відчинять вам.*

** I тут він прочитав такого вірша: «*Просіть – і буде вам дано, шукайте – і знайдете*» (Жуль Верн / пер. В. Омельченко. Таємничий остров).

** – Шукайте – і знайдете, просіть – і дастся вам (Р. Іваничук. Вода з каменю).

Рус.: (Мф. 7: 7) *Просите и дастся вам, ищите и обрящете, толците и отверзется вам.* (Ср. русск. просите и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам.)

Просите и дастся вам – формула мощи магнитности сердца (Б. Абрамов. Границы Агни Йоги (НКРЯ)).

Способ по теории нишней братии: *Просите и дастся вам* (А. Чехов. К сведению мужей (НКРЯ)).

Русин.: Неиспытані суды ёго, и неизслѣдовані пути ёго:

Русин.: (Рим. 11: 33) О, глубина богатства, и премудрости, и разума Божия; як *неиспытані суды Ёго, и неизслѣдовані пути Ёго.*

Бел.: (Рым. 11: 33) О, бездань багацьця і мудрасьці і веданьня Божага! якія *нестасьцігальныя суды Ягоныя і недасъследныя шляхі Ягоныя!*

** Сказаў Галіне Уладзіміраўне, якая глядзела на яго запытальна: – *Неіспавядзімы пуци гасподнія.* Яна не зразумела (Іван Шамякін. Атланты і карыятыды).

Укр.: (Рим. 11: 33) О глибино багатства, і премудрости, і знання Божого! Які недовідомі присуды Його, і *недосліджені дороги Його!*

** Воістину, *невідомі присуди Господні, й недосліджені дороги Його...* (Л. Дереш. Нора-Друк. 2013).

Рус.: (Рим. 11: 33) О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и *неисповедимы пути Его!*

** Говорят, что *пути господни неисповедимы.* Какая любопытная, захватывающая картина явилась бы нам из-под пера того, кому

удалось бы проследить судьбу каждого из нас так, как сложилась она от рубежа, помеченного тридцатым годом, до нынешних дней! (М. Алексеев. Драчуны).

** Эта повесть была подготовлена к печати также «Книжным обозрением», но военная цензура запретила её публикацию, разрешив то же самое сделать «Неделе». Поистине, *неисповедимы пути господни!*.. (Книжное обозрение. 1989. 26 мая).

** *Неисповедимым путям всеохраниющего Провидения угодно было, чтобы селедки, плавая в молоке, в желудках милых дам и благородных мужчин греческой фаланстеры не причиняли ни малого вреда питавшимся ими деятелям* (Н. Лесков. Загадочный человек).

Русин. *Ниε пророка в своїй отцюзнії:*

Русин.: (Мф 13, 54–58) И пришедши во Отечество Своє, учив їх на сонмищі їх, что прийшлось удивлятися їм, и глаголати «Откуду Сему дана премудрость сіа и такі сили? Не Сей ли єсть тектонов (столарів) Сын, не Мати ли Его нарицається Mariam, и братіл Его, Іаков, и Іосій, и Симон, и Іуда? И сестры Его не всі ли в нас суть? Откуду же Сему дано сіє всьо? И соблазналися о Нем. Іисус же рече їм «*Не єсть пророка без чести, лем во Отечествії своєм, и в дому своєм!*! И не сотворив туй силы многі, за невѣрство їх.

** Чкода, же не пушла за ним наша так називана інтелігенція у межівийновий час, воївала за язык Пушкіна, Шевченка, намісто того, жебы обробляти жывый язык карпатських Русинув. Чом, не слухали *пророка у своїй отцюзнії?* (М. Капраль. Кодіфікація модерного русинського літературного языка в Мадярщині // Русин. 2016. № 1).

Бел.: ** I ў пакаранне за іхняе бязвере Ён не стварыў там шматлікіх цудаў. *«Не бывае прарока ў сваёй айчыне»*. Дыспутант (прыперты да мура, але пагрозліва): Дык ты ў догмат непарочнасці Дзевы Марыі не верыш? (У. Каараткевіч. Чорны замак Альшанскі).

** Так фармуляваны, например, тэмы для стылістычных работ у Алферава: Ці праўда, што адзін у полі не ваяка? Ці праўда: мэта апраўдвае сродкі? *Няма прарока ў сваёй айчыне – чаму?* Элемент пытання ў тэме ў большай ступені выклікае работу мыслі (Я. Колас. Методыка роднай мовы).

Укр.: (Мат. 13: 54–58) I прийшов Він до Своєї батьківщини, і навчав їх у юхній синагозі, так що стали вони дивуватися й питати: «Звідки в Нього ця мудрість та сили чудодійні? Чи ж Він не син теслі? Чи ж мати Його не Марію звесься, а брати Його – Яків, і Йосип, і Симон та Юда? I чи ж сестри Його не всі з нами? Звідки ж Йому все оте?» I вони спокушалися Нім. А Іисус їм сказав: *«Пророка нема без пошани, – хіба тільки в вітчизні своїй та в домі своім!»* I Він не вчинив тут чуд багатьох через юхню невіру.

** Справді, немає пророка у своїй Вітчизні (О. Пономарьова. Українська літературна цивілізація О. Пахльовської).

** І мужньо змирилися з мудрим євангельським висловом: «*Немає пророка у своїй вітчизні*» (О. Муратов. Четвертий вимір).

** Розвиток села Анастасівка в периметрі легендарних Ромен на Сумщині ніби спростовує суть відомого вислову «*немає пророка в своїй вітчизні*». (Інтернет-газета «День». 2021).

Рус.: (Мф. 13: 54–58) И пришед в отечество Свое, учил их в синагоге их, так что они изумлялись и говорили: откуда у Него такая премудрость и силы? Не плотников ли Он сын? Не Его ли Мать называется Мария <...> Иисус же сказал им: *не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своём и в доме своём.* И не совершил там многих чудес по неверию их. Ср.: *Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своём и у сродников и в доме своём* (Марк. 6: 4); *Никакой пророк не принимается в своём отечестве* (Лука. 4: 24); *Пророк не имеет чести в своём отечестве* (Иоанн. 4: 44).

Почти полное структурно-семантическое и компонентное сходство обнаруживают библеизмы, ставшие, по сути дела, народными пословицами. Показательно, что статус их народности нередко подчеркивается в соответствующих контекстах:

Русин.: Што посіеш – то й пожнеш (Ю. Чорі. Фразеологізми русинського языка).

(Гал. 6: 7–8) Не заблуждайтесь, Бог поругаемый не бывает; то что *посєєт* *человєк, то и пожнет;* бо съющий в плоть свою, от плоти пожнет истлініє: а съющий в Дух, от Духа пожнет Живот Вѣчный.

На яр, газдо, на пецу не леж, бо що *посіеш, то і збереш* (В. Хомик. Наши народни приповідки о ярі // Ватра. 2007. № 2 (57)).

Бел.: (Гал. 6: 7–8) Ня крывеце душою: Бог паганьёны ня бывае. *Што пасее чалавек, тое і сажне:* хто сее ў плоць сваю, ад плоці пажне прахласьць; а хто сее ў Дух, ад Духа пажне жыцьцё вечнае.

** Не верце вы ні ў якую гітлерайскую зямельную рэформу, не слухайце абарматаў, якія селі на вашу шыю. Ведайце, што Чырвоная Армія ўжо блізка і нядоўга немцу асталося таптацца на нашай зямлі. Не дажджэ ён забраць наш ураджай! Не слухайце яго, тое, *што пасеецце – тое пажнече самі* (К. Чорны. Немцы ўстанаўляюць паншчыну).

** Антон (сам себе). Думаю, што цяпер можна і газнічку запаліць. Не так вусцішна будзе. (Запальвае газнічку.) Вось так, Андрэй, не хацеў уважыць маю просьбу – *пажынай, што пасеяў* (Н. Гілевіч. Мы скора завітаем зноў).

Укр.: (Гал. 6: 7–8) Не обманюйтесь, – Бог осміяний бути не може. *Бо що тільки людина посіє, те саме й пожне!* Бо хто сіє для власного

тіла свого, той від тіла тління пожне. А хто сіє для Духа, той від Духа пожне життя вічне.

** Ти ж знаєш народну поговірку: «що посіеш, те й пожнеш» (З. Дідич. Фіалки тюремних мурів).

** Не забудь, бо що посіеш, те і вродить, – він піддав жеребця каблуками (Б. Харчук. Волинь).

** Я не прихильник містки, але переконаний, що закон «що посіеш – те й пожнеш» обійти не може ніхто (Інтернет-газета «Високий замок». 2004).

***Що посіеш, те й збереш*, або й менше (Г. Пагутяк. Магнат. 2013).

**– Житте як поле: як зореш, так і вродить, що посіеш, такий і спін буде (В. Лис. Із сонцем за плечима. Поліська мудрість Пелагеї).

Рус.: (Гал. 6: 7–8) Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет; Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную.

** Ты пренебрег моими советами и с упорством продолжал держаться своих ложных взглядов; мало того, в свои заблуждения вовлек также сестру <...> Теперь вам обоим приходится нехорошо. Что ж? *Что посеешь, то и пожнёш!* (А. Чехов. Моя жизнь).

** – Вы должны понять, что ваша игра проиграна, – холодно сказал Иван Васильевич <...> Вы же умный человек... Знаете пословицу: «*Что посеешь, то и пожнёшь*». Сейчас пришла пора собирать урожай (Г. Матвеев. Тарантул).

** Время шло, упустили зиму, приступили наконец уже к севу. А вы лучше меня знаете: *что посеешь, то и пожнёшь*. Если колхоз провалит сев, весь хозяйственный год загублен (В. Овечкин. Трудная весна).

Нередко различия в компонентном составе таких паремий весьма мала, незначительны, проявляясь, по сути, в вариировании одного из компонентов паремии. Показательно при этом, что именно в русинских библеизмах отражается подобное вариирование, регистрируемое в разных восточнославянских языках. Так, сентенция *Світ в злі лежить* в русинской церковной литературе допускает и замену слова *світ* на слово *мир*:

(1 Ін. 5: 19–20) Знаєме, же мы от Бога єсьме, и *мир* весь во злѣ лежит. Знаєме же, что Сын Божий прийшов и дав нам свѣт и разум, обы мы познали Бога истинного, и мы єсьме в Истинному, – в Сынѣ Ёго Іисусѣ Христѣ Сей есть истинный Бог и Жизнь Вѣчная.

На тім світі часто ся стрічаме з проявами тілесной і духовной смерти. Многими способами можеме ся пересвідчити о правдивости слов апостола Йоана: «Цілий світ лежить в злі». Посолство Священного Синоду Православной церкви в чеських землях і в Словакії. Пасха Христова 2022.

Возможно, предпочтение слова *мир* в русинском евангелическом тексте вызвано стремлением переводчика разграничить омонимы *свѣт* ‘лучистая энергия, воспринимаемая глазом, делающая окружающий мир видимым’ и *свѣт* ‘вселенная’. Тем более что если в евангельском тексте пара *мир* – *свѣт* лексически представлена, то в церковном контексте представление о *свѣтѣ* органически объединяет как *цѣлый свѣт*, т. е. ‘вселенную’ во всей её полномасштабности, так и *той свѣт*, т. е. ‘мир потусторонний’.

В белорусском же и украинском языках библейская сентенция выражается с помощью лишь одного компонента – *съвет, свѣт*:

(1 Ін. 5: 19–20) Мы ведаем, што мы ад Бога, і што ўвесь *съвет ляжыць у зыле*. Ведаем таксама, што Сын Божы прыйшоў і даў нам (*съятло і*) разум, каб спазналі (Бога) сапраўднага <...>.

Съвет створаны Богам, але «у зыле ляжыць», столькі ў ім трэба папраўляць (К. Бандарук. Адзінае на патрэбу).

(1 Ів. 5: 19–20) Ми знаємо, що ми від Бога, і що ввесь *свѣт лежить у злі*. Ми знаємо, що Син Божий прийшов, і разум нам дав, щоб пізнати Правдивого, і щоб бути в правдивому Сині Його, Ісусі Христі. Він – Бог правдивий і вічне життя!

Не слід також забувати, за свідченнями Святого Письма, що «*свѣт лежить у злі*», а рай на землі збудувати неможливо (Інтернет-газета «Високий замок». 2002).

Ми знаємо, що ми від Бога, і що увесь *свѣт лежить у злі* (О. Гижка. Біблія. 2013).

– *Весь свѣт лежить у злі* (С. Талан. Замкнене коло. 2013). В русском же языке новозаветный афоризм употребляется последовательно с компонентом *мир*:

(1 Ин. 5: 19–20) Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле. Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам (свет и) разум, да познаем Бога истинного.

«*Мир во зле лежит*», – говорит Иоанн Богослов, зло – это состояние, в котором пребывает природа личных существ, отвернувшихся от Бога (В. Лосский. Очерк мистического богословия Восточной Церкви).

Мир во зле лежит <...> не нами началось, не нами и кончится. Надо терпеть: такова уж людская судьба (П. Мельников-Печерский. В Лесах).

Не то, что *мир во зле лежит*, не так, – // Но он лежит в такой тоске дремучей. // Всё сумерки, а не огонь и мрак, // Всё дождичек – не грозовые тучи (Е. Кузмина-Караваева. Не то что мир во зле лежит...).

В последнем поэтическом контексте подчёркнуто выделена лишь одна семантическая доминанта русского слова *мир* – ‘вселенная, окружающее пространство’ в отличие от омонима ‘согласие, отсутст-

вие разногласий, вражды, ссоры, войн'. Русинский же библеизм *Світ в злі лежить и Мір весь во злѣ лежит* как бы «перекидывает мостик» между этими двумя словами, использованными при переводе евангельского текста. Тем самым дифференцируется семантический синкетицизм, вызванный древним дуализмом, заложенным в слово *мир*, которое обозначает и 'дружеские согласные отношения между кем-л., отсутствие разногласий, вражды или ссоры', и 'людей, население земного шара' и 'вселенную в ее совокупности, систему мироздания как единое целое'. В своей реконструкции русского менталитета, опиравшейся на исходное значение слов и историческую последовательность их развития, В.В. Колесов в «Словаре русской ментальности» [2] обращается к этимологии праславянской лексемы **mirъ*. Этот значимый концепт он комплексно определил так: «МИР – разнообразное проявление **бытия**, направленного сверхсистемным **началом** в сторону органического **единства**; в частности, **покой** и **согласие как проявление внутреннего спокойствия и согласованности в чувствах, мысли и действиях**.

Народное **представление** о Мире рано было расширено за счет заимствованных из христианской книжной культуры **понятий** о Мире как пространственном размещении всех одновременно живущих на **земле людей** (перевод греч. *ἔγρημος*), что затем снова сузилось до представлений о согласии между близкими (*миръ* 'община'), потому что в значении *ἔγρημος* у русских всегда было слово *свѣтъ*: **свет** – это видимый Мир, Мир вообще, но всё же по преимуществу – совокупность и множество **лиц**, проходящих перед **глазами** человека в его земной **жизни**. Несводимость <света> и <мира> в русском сознании определялась (и сейчас ощущается) различным их восприятием: свет – **движение**, резко очерченное и обычно враждебное, чужое и чуждое **поле** бытия, тогда как **Мир** – покой и спокойствие, полусвет и полутона в мягких красках, где всё своё, привычное и спокойное. **Свет** всегда воспринимался как отмеченный член противопоставления: *на весь свет ославить, – но на миру и смерть красна, высший свет – но народный мир*, даже *Новый Свет народ* называл *Новый Mir*, а в фиксированных **признаках** определений, создававшихся долгое время и не сразу, отразилось это расхождение между коренным значением слова *мир* и вторичными его концептами: **мирный** 'спокойный', **мирской** – уже 'светский', **мировой** же ближе всего относится к **мысли** о всесветном (*космос*)» [2, 1: 445].

Первоначально общеславянское слово **mirъ* обозначало 'согласие, полюбовный союз', а затем – др.-рус. 'мирное состояние' (996), 'покой, тишина' (1057), 'мирный договор' (1148), 'отсутствие разногласий' (XIII в.), 'примирение сторон в тяжбе' (1567), 'документ о

примирении' (1642); 'вселенная' (1057), 'человечество (люди)' (1076), 'среда мирян' (XI в.), 'община' (XVI в.). (ср. [11, 1: 534]). **Мир** как 'мирное состояние' обычно противопоставлен **войне** как 'состоянию вражды', с чем связаны и его привычные эпитеты: *благодатный, вечный, всеобщий, длительный, долгий, нерушимый, полный, прочный, священный, справедливый, твердый, устойчивый, целый.*

Как видим, семантический дуализм концепта «Мир» в русском языке В.В. Колесов возводит к «несводимости <света> и <мира> в русском сознании». **Мир** – покой и спокойствие – оказывался в такой семантической парадигме противопоставленным **Свету** как чуждому полю бытия.

Семантический дуализм слова *мир* в русском языке обогащается еще и третьим значимым компонентом. Семантика 'человечество (люди)', как мы видели, сузилась здесь уже в XI в. до обозначения 'среды мирян' и, далее, – 'общины'. И эта «общинная» семантика широко демонстрируется традиционными русскими пословицами и поговорками типа *На миру и смерть красна* 'Не страшно умереть на людях, в круге своих' и *всем миром* 'всем вместе, всей общиной', *пойти по миру* 'обеднев, начать побираться' и под.

Семантическое «триединство» слова *мир* наложило свой опечаток и на его употребление, и на трудности перевода идиом и паремий, в которые он входит, и на специфику его концептной и аксиологической интерпретации. И, как мы видели, «двуединый» русинский перевод библеизма *Cvít v zlí лежить* и *Mír věc̄ во злѣ лежит* являет собой попытку максимально точно дифференцировать семантику слов *cvit* и *Mir*.

Сопоставление русинских паремий с другими восточнославянскими пословицами-библеизмами убедительно свидетельствует, что русинский перевод Священного Писания, как и русский, тяготеет к церковнославянскому образцу. Типичный пример – устаревшая крылатая фраза Иисуса Христа *Пусть мёртвые хоронят своих мертвцевов*. Это – своеобразный обнадеживающий призыв потерявшему волю к жизни: несмотря ни на что нужно жить. В русинском переводе Нового Завета оно звучит так:

(Мф. 8: 22) Іисус же рече єму «Гради по Мнѣ, и оставь мертвых погрѣбати своїх мертвцевов!»

Белорусский и украинский переводы отражают тенденцию передачи библейского текста средствами своих современных литературных языков, близких к народной речи:

(Мц. 8: 22) Але Ісус сказаў яму: ідзі за Мною, і пакінь мёртвым хаваць сваіх памерлых.

(Мат. 8: 22) А Ісус йому каже: Іди за Мною, і зостав мертвим ховати мерців своїх!

Именно в такой форме эта сентенция воспроизводится в современных украинских контекстах:

Ліпше не видобувати на денне світло деякі факти і події... Є таке прислів'я, точніше, афоризм: *Хай мертві ховають своїх мерців*, треба думати про живих. Якщо ви скажете це північанинові, він зразу уявить собі нещасний випадок, де один убитий... (Л. Шиша / пер. А. Перепадя, В. Шовкун // Кожному свое. 1983).

Але не дивись – навіщо? *Нехай мертві ховають своїх мертвих*. Молоді мерці – своїх, старі – своїх. Хіба мерці можуть пам'ятати, якщо вони мерці? (Журнал «Всесвіт». 1991).

Тільки слова «свобода» прагне навіть тоді, коли в сліпоті й безумстві бореться з Богом. Тому нехай «мертві ховають мерців», облишимо цей безрадісний пошук квадратури кола, яким неодмінно стає кожна спроба поставити і вирішити (Т. Різун. Свічадо. 2007).

В русском же синодальном переводе эта пословица сохраняет следы старославянского текста и потому обнаруживает большее сходство с русинским переводом:

(Мф. 8: 22) Но Иисус сказал ему: иди за Мною и предоставь мертвым погребать своих мертвцев.

Ср. также: (Рим. 6: 11) Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем.

Бел.мёртвым хаваць сваіх памерлых и укр.мертвим ховати мерців своїх, как видим, отличаются от русин. *Оставь мертвых погрѣбать своих мертвцевов* и рус. *Предоставь мертвым погребать своих мертвцевов*. И дело здесь не только и не столько в торжественной стилистике русинско-русского библеизма, сколько в большем сходстве его компонентного состава в этих двух языках. Это сходство и отражает общую тенденцию соответствующих переводов Священного Писания и их восприятия в восточнославянских литературных языках.

Приводимая пословица, конечно, универсальна по смыслу, ибо подчёркивает первенство высшего духовного долга перед мирскими заботами. Слово *мёртвый* в Библии часто употребляется в переносном значении 'глухой к чему-л., не воспринимающий чего-л.' Эта семантика ощущается и в проведенных контекстах. Ср. также:

Ты хочешь умереть, а я хочу тебе дать жизнь. <...> Там, за этой Норой, Мария, целый мир, прекрасный, вечно юный; там – поля, леса, там реки свежие, моря и люди, там божий мир: я весь его тебе открою. Кто ошибается, любя, тот всех способней с любовью ж поправлять сам ошибки. Пусть мёртвые хоронят своих мертвцевов, но ты жива, и жива душа моя, чтобы оставить тебя. Тебе не за что умереть (Н. Лесков. Островитяне).

Близка ситуация и с русинским крылатым библейским выражением Блажен муж иже не иде на совет нечестивых. Оно, в сущности, – точное воспроизведение сентенции из церковнославянского текста Псалтыри.

(Пс. 1: 1) **Блажен муж иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста** (в рус. переводе: Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных).

В такой же форме она воспроизводится и в русском литературном языке:

** Замятня-Опалев <...> узнав, что простой мясник, Козьма Сухорукой, наименован таким же, как он, думным дворянином, ускакал назад в свои вотчины, повторяя с важным видом любимое своё изречение: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых* (М. Загоскин. Юрий Милославский).

** Стариk не согласился даже запросто побывать у Тугута, для объяснений хотя бы словесных, о чём не раз намекал ему граф Разумовский, русский посланник в Вене. – Андрей Кириллович! – отвечал обыкновенно на эти намёки Суворов, – ведь я не дипломат, а солдат... русский... Куда мне с ним говорить? Да и зачем? Он моего дела не знает, а я его дела не ведаю!.. Знаете ли вы, Андрей Кириллович, первый псалом? «*Блажен муж иже не иде на совет нечестивых!*» (В. Крестовский. Деды).

** Часто звучит мнение, что совершенно не нужны Соборы, нечего ездить к этим экуменистам, «*блажен муж, иже не иде на совет нечестивых*», хорошо, что ничего не состоится (А. Данилова, В. Легойда. Владимир Легойда: На сегодняшний день я не вижу угроз единству Вселенской Церкви (2016.06) // Правмир. 2016 (НКРЯ)).

При этом в некоторых современных контекстах прямо эксплицируется источник этой цитаты:

** Вспомните псалом Давиду: «*Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе*» (Е. Ройzman, Г. Чхартишвили. Три личных правила (11.12.2017) // Сноб. 2017 (НКРЯ)).

В некоторых русских контекстах, конечно, можно найти попытки «осовременить» церковнославянскую канву библеизма, но она всё равно явственно пропадает в такого рода вариантах:

** И по Писанию, блажен тот муж, кто к нечестивым на совет не ходит (А. Островский. Кузьма Захарыч Минин-Сухорук).

** – *Блажен, блажен, кто не ходит на совет нечестивых!* – начал он [граф Хвостиков] мелодраматическим голосом. – Пока я не воился с мошенниками, было всё хорошо; а повёлся – сам оказался мошенником (А. Писемский. Мещане).

*** Не ходите на совет нечестивых, не верьте Трульстра, Каутскому и т. д. и т. п. (В.И. Ленин. Письмо А. Шляпникову).*

*** Эх, что толку после драки кулаками махать! Крепок русский мужик, да только задним умом. Да и Г. Зюганов пусть не обижается: нечего ему пока в министрах ходить. Жизнь учит: коммунист остаётся верным идеалам Иоанна Крестителя, когда идёт вместе с народом. Как только он садится в руководящее кресло, мгновенно превращается в бюрократическую скотину с заплывшими глазками, похожую на «мальчиша Плохиша». «Блажен муж, да не идет в Совет нечестивых» (Правда. 1993. 29 дек.).*

В последнем контексте любопытно стилистическое скрещение советизма *мальчиш Плохиш* (персонаж сказки А. Гайдара «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове») с верхозаветным библеизмом. Оно кажется тем более диссонансным, что опубликовано в «Правде» и приравнивает коммунистическое учение к идеалам Иоанна Крестителя.

В белорусском и украинском языках старославянская архаика снимается уже в национальных переводах Священного Писания:

(Пс. 1: 1) *Псальма Давідава. Дабрашасны той муж, што ня ходзіць на раду бязбожных, і не стаіць на дарозе грэшных, і не сядзіць на зборні распустаў <...>*

(Пс. 1: 1) *Блажен муж, що за радою несправедливих не ходить, і не стоїть на дорозі грішних, і не сидить на сидінні злоріків...*

Естественно поэтому, что и в литературных контекстах эта сентенция воспроизводится именно в таком варианте. Хотя возможна, как в украинских текстах, апелляция к церковнославянскому первоисточнику:

З Біблії або Книг Святого Письма Старого й Нового Заповіту: *Блажен муж, що за радою несправедливих не ходить, і не стоїть на дорозі грішних, і не сидить на сидінні злоріків, та в Законі Господнім його насолода, і про Закон Його вдень та вночі він роздумує!* (В. Радуцький. Псалми Давидові Тараса Шевченка, 1994).

Блажен муж, іже не іде на совіт нечестивих (В. Гоголь-Яновський. Простак... 1891).

Аналогична судьба и другого библеизма с компонентом-словосочетанием *блажен муж*:

Русин. Блажен муж иже и скоты милует.

Бел.: *Праведны дбае і пра жыцьцё быдла свайго.* Ср.: *Праведны дбае і пра жыцьцё быдла свайго,* а сэрца бязбожных жорсткае.

Укр.: *Праведний піклується життям худоби своєї.* Ср.: *Піклується праведний життям худоби своєї,* а серце безбожних жорстоке.

В русском литературном языке также либо полностью воспроизводится церковнославянская форма выражения, либо допускается лишь его незначительная вариативность:

** – Кто Богу не грешен, царю не виноват, – отвечал Белоус. – *Блажен муж, иже милует и скоты!* (В. Даль. Сказка о Рогвальде).

** Сколько им от меня внушений было, на голове зарубил, что *блажен человек, иже и скоты милует* <...> ничего в толк не берут! (А. Писемский. Леший).

В русинском языке встречаются оригинальные варианты перевода библейских сентенций, отсутствующие в других славянских языках. Так, словарь Ю. Чорі «Фразеологізми русинського языка» [12, 2: 297] фиксирует известную паремию **Тко возьме меча – од меча й загыне** (пример даётся в том виде, в котором он отмечен в словаре. – Авт.) в, так сказать, ее классической форме, где представлено такое воинское оружие, как меч, которым ученик Иисуса, апостол Павел, отрубил ухо раба первосвященника (по Иоанну Богослову, раба звали Малх). Именно меч фигурирует в соответствующих белорусском, украинском и русском переводах Библии:

Бел.: (Мц. 26: 51–52) I вось, адзін з тых, што былі зь Ісусам, працягнушы руку, дастаў меч свой і, ударышы раба першасвятаровага, адсек яму вуха. Тады кажа яму Ісус: вярні меч твой у месца ягонае, бо ўсе, што возьмуць меч, ад мяча і загінуць.

(Адкр. 13: 10) хто вядзе ў палон, той сам пойдзе ў палон; хто мечам забівае, той сам будзе забіты мечам. Тут цярплівасць і вера съвятых.

Укр.: (Мат. 26: 51–52) А ось один із тих, що з Ісусом були, витягнув руку, і меча свого вихопив та й рубонув раба первосвященика, – і відтяв йому вухо. Тоді промовляє до нього Ісус: «Сховай свого меча в його місце, бо всі, хто візьме меч, – від меча і загинуть».

Рус.: (Мф. 26: 51–52) И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященника, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут.

Не случайно именно в такой форме слова Иисуса приобрели широкую известность в русском и других языках благодаря кинофильму «Александр Невский» (вышел на экраны в 1938 г.), где они, в несколько измененном виде, вложены в уста Александра Невского: «Кто с мечом к нам войдёт, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет Русская земля».

Именно слово «меч» представлен во всех переводах на славянские и другие европейские языки этого важного эпизода Евангелия:

Болг.: *Който вади меч, от меч ще загине;* *Който с меч дойде при нас, от меч ще загине;* мак.: *Кој се фаќа за меч, од меч и ќе погине;*

польск.: *Kto mieczem wojuje, od miecza ginie*; серб.: *Ко се мача лаћа, тај од њега и погиба*; слов.: *Kto mečom bojuje, mečom zahynie*; словен.: *Kdor prime za meč, bo z mečem pokončan*; *Kdor za meč prime, bo z mečem pokončan*; хорв.: *Tko se mača laća (hvata), od mača i gine*; *Tko se mača laća (hvata), od mača će poginuti*; чеш.: *Kdo mečem bojuje, mečem zahyne*. Cp.: англ.: *All they that take the sword shall perish with the sword; Live by the sword, die by the sword; He that strikes with the sword, shall perish with the sword*; исп.: *Quien a hierro mata, a hierro muere*; ит.: *Chi di spada ferisce, di spada perisce*; нем.: *Wer das Schwert nimmt, wird durch das Schwert umkommen*; *Wer zum Schwert greift, wird durch das Schwert umkommen*; фр.: *Qui use du glaive périra par le glaive*; *Qui se sert de l'épée périra par l'épée*; швед.: *Alla som griper till svärd skall dödas med svärd* [3, 1: 277–281].

В русинском же переводе этого евангельского текста слово «меч» заменяется словом «нож»:

(Мф. 26: 51–52) **И се ёден от сущых из Іисусом, простер руку, извлек нож свой, и ударив раба архіереева, и одрѣзав ему ухо. Тогда глагола ему Іисус «Возврати нож твой в мѣсто его, бо всi, взлавшiй нож, ножем погибнут <...>**

Такая замена, несмотря на ее уникальность, в какой-то мере логична: ведь апостол Павел не был воином, а был до встречи с Иисусом рыбаком Симоном, которого его Учитель призвал «уловлять людей». Именно «уловлять», а не убивать или калечить мечом. А такое орудие, как нож, у него могло быть и при сопровождении своего Учителя на Голгофу.

При этом, несмотря на наличие в русинском переводе Библии слова *нож*, все современные литературные контексты воспроизводят наше выражение в его традиционной компонентной форме:

**** Бийте врага безпощадно! Враг вдерся в наш край з мечом и от меча он згине!** (Карпатска Русь. 7.III.1944).

**** Встає учений і повідат, що в библиї також написано – «кто мечом воює, от меча гине...»** (Карпатска Русь. 2.XI.1945).

Ср. также вариант этого выражения, зафиксированный в словаре Ю. Чори: *Яким мечом войовав – от такого й погыб* [12, 2: 477].

Общность восточнославянского паремиологического пространства, созданного на основе библейских представлений, проявляется не только в непосредственном воспроизведении крылатых выражений из Священного Писания, но и в освоении паремий, близких им по смыслу и – частично – по форме. Такова, например, устаревшая книжная пословица *Надежда не постыжает*, употребляющаяся как призыв не терять надежду в трудном положении, не отчаиваться. Это известные слова апостола Павла:

(Рим. 5: 3–5) <...> От скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда. А *надежда не постыжает*, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам.

Ср.: (Пс. 21: 6) К Тебе взывали они и были спасаемы, на Тебя упирали и не оставались в стыде.

В русинском переводе Библии церковнославянский глагол *постыжать* переводится словом *посрамляти* с тем же значением и с той же высокой книжной стилистикой, а из синонимической пары **надъѣда и упованіе** в данной паремии избирается именно **упованіе**, видимо, с целью повышения стилистического регистра текста:

(Рим. 5: 3–6) Не столько же сим, но и хвалимся, будучи в скорбях, зная, же скорбь – терпение выносливость создает, терпение же искусство опыта, искусство же – надежду и упование; упование же не посрамит,бо любовь Божия изоллился в сердца наши Духом Святым, данным нам тогда, коли еще Христос, за нас, сущих немощных, по времени заместь нечестивых умер.

В церковных текстах пословица уже передается средствами народной речи – как *надія не заганьブルє*:

Любопытно, что такой перевод соответствует и белорусскому воспроизведению библейской сентенции – *надзея не ганьбует*:

(Рым. 5: 3–5) <...> ад жальбы ідзе цярплівасьць, ад цярплівасьці дась-
ведчанасьць, ад дасьведчанасьці надзея, а надзея не ганьбуе, бо любоў
Божая вылілася ў сэрцы нашыя Духам Святым. Які дадзены нам.

В украинском же переводе крылатых слов апостола Павла используется глагол *засоромитися*, аналогичный русинскому глаголу в сочетании *упованіє же не посрамит*:

(Рим. 5: 3–5) І не тільки нею, але й хвалимось в утисках, знаючи, що утиски приносять терпеливість, а терпеливість – досвід, а досвід – надію, а надія не засоромить, бо любов Божа вилилася в наші серця Святым Духом, даним нам.

Ср.: (Пс. 21: 6) До Тебе взвивали вони – і спасені були, на Тебе надялися – і не посорошились.

Именно лексический бином *надія – сором* (*сорошимтися*) воспроизводится и в литературных контекстах с этим библейским выражением:

** А ті, хто надію складає на Господа, вони як Сіонська гора, яка не захитається, яка буде стояти повік, «*а надія не засоромить*» (Д. Тупало, В. Шевчук. Житія святих. 2008).

** Не такої невістки вона *надіялась*, та й сором їй було, щоб єї син сестрину наймичку брав (Н. Кобринська. Воєнні новели (збірка). 1918).

Приведенная устаревшая сентенция могла бы остаться на периферии литературного употребления. Но ее «воскресению» способствовало появление новой пословицы с близким значением, смысловым центром которой оказалось слово *надежда*: *Надежда умирает последней*. Этот афоризм также оказалсяозвучным евангельскому пониманию надежды как одной из главных христианских добродетелей, соотносимой с Верой. Ср.:

(Притч. 14: 32) Праведный и при смерти своей имеет надежду.

Бел.: (Высл. 14: 32) За ліха сваё бязбожны будзе адкінуты, а праведны і пры съмерці сваёй мае надзею.

Укр.: (Прип. 14: 32) Безбожний у зло свое падає, а праведний *п ovenий надії й при смерті* своїй.

Эта пословица лишь недавно завоевала литературное и публицистическое пространство: так, в русском языке она зафиксирована лишь с 90-х гг. прошлого века:

** Через некоторое время доктора сообщили Кешке, что *надежда умирает последней*, но шансов получить мать обратно у него почти нет (Д. Донцова. Эта горькая сладкая месть).

** Он также не высказал оптимизма в отношении будущего завода «Старорусприбор», заметив, однако, что *надежда умирает последней* (Ю. Никулин. Воспоминания о будущем (15.03.2013) // Новгородские ведомости. 2013 (НКРЯ)).

** Давай за удачу! *Надежда умирает последней!* Они чокнулись и допили свои рюмки (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011) (НКРЯ)).

Именно в это время она зафиксирована и в народной речи, окававшись в фольклорных сборниках лишь XXI в.: *Надежда умирает последней* [9: 321; 10: 78].

Украинские контекстные иллюстрации также свидетельствуют о том, что эта пословица воспринимается уже как народная и вошла в активный паремиологический фонд современной речи:

** Народна мудрість гласить, що *надія помирає останньою*, то чому така значна частина людей так легко, у зародку, вбиває надію на зміни, на краще життя, здається без бою? (Інтернет-газета «Високий замок». 2004).

** У життя і кіно все-таки є одна спільна риса – і там і там *надія помирає останньою* (О. Волков. Емісар. 2011).

** Як говорив психолог Михайло Литвак: «Надія помирає останньою, але її треба вбивати першою» для того, щоб почати діяти (Онлайн-ЗМІ «Прочерк. Інфо». 2017).

Столь же активна эта пословица *Надія умерать послідньов* и в русинском литературном языке: не случайно, что именно она используется в современном переводе Ф. Кафки:

** Но, надія умерать послідньов; аж си нашпорув доста гроши, убы м (пример дан без изменений: м <быть.1sg.prs>. Вероятно, имеется в виду «убы могут». – Авт.) муг уплатити то, што му родаки довжні языке – щи треба поробити пять-шість рокув – набізувно тото вчиню! Тоды ся и розлучиме навхтема. Заты шак мушу уставати, поїзд ми рушать у пять» (Ф. Кафка. Переміна (пер. Ю. Капац)).

Пословицы с подобным смыслом давно известны славянским языкам –ср.: чеш.: *Dokud člověk ústy zívá, nech všeňo naději mívá*; пол. *Póki jedno człowiek ziewa, wszystkiego sie niech spodziewa*; *Doufej směle, dokud duše v těle*; пол. *Spodziewaj się śmiele, póki dusza w ciele* [13: 198]. Автор же пословицы *Надежда умирает последней* или ее точный языковой источник тем не менее неизвестен, но заложенный в ней смысл обнаруживается в высказываниях античных авторов: у Цицерона (*Aegroto dum anima est spes esse dicitur* ‘Пока у больного есть дыхание, говорят, есть и надежда’), у Сенеки (*Omnia homini dum vivit speranda sunt* ‘Пока жив человек, он всё должен надеяться’, *Dum spiro, spero* ‘Пока живу, надеюсь’) и под. Ср.: *Век живи, век надейся* [6, 1: 172; 1, 1: 674]. Не случайно эта пословица известна и в неславянских языках, например в немецком, где *Die Hoffnung stirbt zuletzt*. стала названием популярного в Германии фильма (2002 г. реж. Марк Ротемунд). При всей этой непростой истории пословицы о надежде нельзя не признать, что на ее активизацию могли оказывать влияние как библейские реминисценции, так и культурный и языковой контакт со славянской и неславянской Европой.

Заключение

Как видим, судьбы библейских паремий, восходящих к Священному Писанию, в русинском языке не всегда прямолинейны, но всегда являются подтверждением древнего и длительного влияния традиций восприятия старославянского сакрального текста. Сопоставление русинских паремиологических библеизмов с белорусскими, украинскими и russkimi обнаруживает, естественно, большое сходство в их «окрылении». В то же время «генетический код» русинского языка нередко диктует свои правила передачи библейского наследия, воссоздавая и создавая национальную окра-

ску древних христианских сентенций. Словарные статьи «Большого русско-белорусско-украинско-русинского словаря библеизмов», составляемого представителями ларинской лексикографической школы, фиксируют и характеризуют как сходства, так и различия восточнославянских языков в восприятии и адаптации их общего сакрального наследия.

Литература

1. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. Т. I: А–М. 658 с.; Т. II: Н–Я. 656 с. / под ред. С.Г. Шулежковой. 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск: МагУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.
2. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 1: А–О. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.; Т. 2: П–Я. СПб.: Златоуст. 592 с.
3. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под общ. ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко; авт.-сост.: З.К. Адамия, А.С. Алёшин, Д. Балакова, Х. Вальтер, Н.Ф. Венжинович, М.С. Гутовская, Д.Дракулич-Прийма, Е.Е. Иванов, Э. Коморовска, Э. Кржишник, А.С. Макарова, В.М. Мокиенко, А. Морпурго, Н. Прасолова-Милчовска, Н. Райнохова, М. Руис-Соррилья, А. Саркисян, Ж. Финк-Арсовски, протоиерей М. Чабашвили, Я. Шиндлеражрова. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2018. Т. 1: А–О. 316 с.; Т. 2: П–Я. 336 с.
4. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Концептуальная дихотомия «Бог» – «дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 55–62. doi: 10.17223/15617793/447/7
5. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Очерки русинской фразеологии. М.: РУДН, 2021. 97 с.
6. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб.: [Печатан в типографии Академии наук], 1902. Т. 1. 779 с.; 1903. Т. 2. 580+250 с.
7. Мокиенко В.М. Праславянский след в русинской лексике и паремиологии: потря // Русин. 2021. № 66. С. 119–148. doi: 10.17223/18572685/66/8
8. Мокиенко В.М. Русинский Бог в пословицах и поговорках // Русин. 2023. № 71. С. 163–182. doi: 10.17223/18572685/71/7
9. Соколова М.И. Народная мудрость. Пословицы и поговорки. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2009. 622 с.
10. Соловьева Л.В. Не в бровь, а в глаз. Пословицы и поговорки Псковской и Ленинградской области. Бабушкины байки. Гатчина: СЦДБ, 2001. 128 с.

11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1: А–Пантомима. 622 с.; Т. II: Панцирь–Ящур. 560 с. М.: Русский язык, 1993.
12. Чорі Йо. Фразеологізми русинського языка: в 2 т. Ужгород, 2015. Т. 1. 594 с.; Т. 2. 499 с.
13. Čelakovský František Ladislav. Mudrosloví národu slovanského ve příslivích. Připojena jest sbírka prostonárodních českých pořekadel. Uspořádal a vydal František Lad. Čelakovský. Praha: nakl. Vyšehrad, 1949. 922 s. (Čel.) (1-e изд. 1852).

References

1. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2008–2009) *Bol'shoy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy russkogo yazyka* [Large Dictionary of Winged Words and Expressions of the Russian Language]. 2nd ed. Magnitogorsk: MaGU; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität.
2. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoy mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. St. Peterburg: Zlatoust.
3. Ivanova, E.E. & Mokienko, V.M. (eds) (2018) *Lepta bibleyskoy mudrosti: russko-slavyanskiy slovar' bibleyskikh krylatykh vyrazheniy i aforizmov s sootvetstviyami v germaneskikh, romanskikh, armyanskom i gruzinskem yazykakh* [A Grain of Biblical Wisdom: A Russian-Slavonic Dictionary of Biblical Winged Expressions and Aphorisms with Equivalents in Germanic, Romance, Armenian, and Georgian Languages]. Mogilev: Mogilev State University.
4. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019) The conceptual dichotomy “God” – “Devil” in Russian phraseology and paroemiology (against the Slavic background). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 447. pp. 55–62 (in Russian). doi: 10.17223/15617793/447/7
5. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2021) *Ocherki rusinskoy frazeologii* [Essays on Rusin Phraseology]. Moscow: RUDN.
6. Mikhelson, M.I. (1902–1903) *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy* [Russian Thought and Speech: The Native and the Foreign. An Experience in Russian Phraseology. A Collection of Figurative Words and Idiomatic Expressions]. St. Peterburg: imperial Academy of Sciences.
7. Mokienko, V.M. (2021) Proto-Slavic trace in Rusin lexis and paremiology: Potya. *Rusin*. 66. pp. 119–148 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/66/8
8. Mokienko, V.M. (2023) The Rusin “Bog” in proverbs and sayings. *Rusin*. 71. pp. 163–182 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/71/7
9. Sokolova, M.I. (2009) *Narodnaya mudrost'. Poslovitsy i pogovorki* [Folk Wisdom. Proverbs and Sayings]. Novosibirsk: Ofset.
10. Solovieva, L.V. (2001) *Ne v brov', a v glaz. Poslovitsy i pogovorki Pskovskoy*

i Leningradskoy oblasti. Babushkiny bayki [Not in the eyebrow, but in the eye. Proverbs and Sayings from the Pskov and Leningrad Regions. Granny's Yarns]. Gatchina: STsDB.

11. Chernykh, P.Ya. (1993) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennoogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.

12. Chorí, Yu. (2015) *Frazeologízmy rusins'kogo yazyka* [Phraseologisms of the Rusin Language]. Uzhhorod: [s.n.].

13. Čelakovský, F.L. (1949). *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prostonárodních českých pořekadel*. Praha: Vyšehrad.

Игнатьева Наталья Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Россия).

Natalia D. Ignatyeva – Herzen university (Russia).

E-mail: nataliagashewa@yandex.ru

Лонкин Степан Андреевич – магистр Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Stepan A. Lonkin – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: st121223@student.spbu.ru

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Valerij M. Mokienko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru

Никитина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор Псковского государственного университета (Россия).

Tatiana G. Nikitina – Pskov State University (Russia).

E-mail: cambala2007@yandex.ru

Росова Наталья Александровна – старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Natalia A. Rosova – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: natalia_kuzmina@list.ru

Шкуран Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель Российской университета дружбы народов (РУДН) им. Патриса Лумумбы (Россия).

Oksana V. Shkuran – Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

E-mail: oksana.shkuran@mail.ru

УДК 811.161.1'373.6

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/7

Язык именных указов и грамот Петра I о Мазепе (1708 г.)*

Т.С. Садова

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
E-mail: tatsad_90@mail.ru

Авторское резюме

Исследуется язык пяти деловых текстов 1708 г. – двух царских именных указов и трех грамот, связанных с весьма драматичным для Петра I событием – переходом гетмана Войска Запорожского И.С. Мазепы на сторону шведского короля Карла XII, противника России в Северной войне. Подчеркивается высокий риторический пафос этих документов, их публицистичность и явный идеино-пропагандистский характер. Описываются языковые средства, оформляющие воздействующие свойства исследуемых текстов. Рассматриваются негативные оценочные номинации Мазепы (*вор, изменник, проклятый / богоотступный изменник* и др.), используемые во всех пяти документах, а также контекстное окружение, призванное актуализировать и интенсифицировать их исходную негативную оценочность. Отмечается намеренная лексическая и грамматическая славянизация ряда указов как прием, позволяющий усилить назидательную функцию царского документа, а также обеспечивающий ему авторитетность, присущую книжному тексту. Отдельное внимание уделяется именному указу Петра I от 12 ноября 1708 г. «О предании за измену Малороссийского Гетмана Мазепы проклятию...», в котором лексические средства (торжественные именования царствующих особ, религиозная терминология и фразеология, сложные слова и др.) придают деловому тексту указа, имеющему исходно информативную и императивную функции, высокое учительное звучание. Подчеркивается, что царские указы Петровской эпохи во многом заимствуют просветительские, назидательные, убеждающие

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00325, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) «Печатные указы петровского времени как источник изучения русского языка XVIII века».

функции, характерные прежде всего, для текстов религиозного содержания. Обращается внимание на относительно небольшое количество лексических заимствований, на преимущественно разговорный стиль данных текстов, что делает доступными восприятие этих указов и грамот людьми самых разных сословий.

Ключевые слова: деловой стиль XVIII в., указы Петра I, Иван Мазепа, риторичность делового текста, славянизация деловой речи XVIII в.

The language of Sovereign decrees and charters of Peter I concerning Mazepa (1708)*

Tatiana S. Sadova

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: tatsad_90@mail.ru

Abstract

The article examines the language of five official texts of 1708 – two royal decrees and three charters – pertaining to a pivotal event for Peter I: the defection of Hetman of the Zaporizhian Host Ivan S. Mazepa to the side of Charles XII, the King of Sweden and Russia's adversary in the Great Northern War. The analysis highlights the high rhetorical pathos, publicistic nature, and overt ideological and propagandistic character of these documents. The study describes the linguistic means that shape the persuasive properties of these texts. It scrutinizes the negative evaluative epithets applied to Mazepa (such as “thief”, “traitor”, “cursed/apostate traitor”), which are consistent across all five documents, as well as the contextual environment designed to amplify their inherent negative connotations. The author notes the deliberate lexical and grammatical Slavicization in several decrees as a technique to enhance the didactic function of the sovereign’s document and to endow it with the authority of a bookish, high-style text. Special attention is paid to Peter I’s personal decree of November 12, 1708, “On the Anathematization of the Little Russian Hetman Mazepa for Treason...”, in which lexical means (ceremonial titling of monarchs, religious terminology and phraseology, and compound words) imbue the official text, which inherently serves informative and

* The study is funded by the Russian Science Foundation (Project No. 24-28-00325, at St. Petersburg State University), “Printed Decrees of the Petrine Time as a Source for Studying the Russian Language in the 18th Century”.

imperative functions, with a profoundly didactic tone. It is emphasized that the royal decrees of the Petrine era extensively appropriate the educational, edifying, and persuasive functions characteristic primarily of religious texts. The article also notes the relatively limited number of lexical borrowings and the predominantly vernacular style of these texts, which were aimed at ensuring the accessibility of the decrees and charters to people of all social estates.

Keywords: official style of the 18th century, decrees of Peter I, Ivan Mazepa, rhetoric of official text, Slavicization of official speech of the 18th century

Введение

Указы и грамоты Петра I, созданные в год ухода гетмана И.С. Мазепы из-под протектората Российского государства (1708 г.) и посвященные этому событию, очень интересны с точки зрения языка и того риторического пафоса, который в них заключен.

В поле нашего внимания – пять царских документов: два именных указа Петра I – «О продолжении верной службы почепских казаков» (31 октября 1708 г.) и «О предании за измену Малороссийского Гетмана Мазепы проклятию...» (12 ноября 1708 г.), а также три грамоты, обращенные соответственно к Запорожскому войску (1 ноября 1708 г.), гетману Ивану Скоропадскому (7 ноября 1708 г.), Малороссийскому народу (9 ноября 1708 г.) [12: 423–432].

Деяниям и личности И. Мазепы, в том числе в период его гетманства под протекцией российского государя (1687–1708 гг.), посвящена обширная исследовательская литература [2; 9; 11; 18; 20 и др.], в которой по-разному и весьма неоднозначно оценивается его переход на сторону короля Карла XII, случившийся, как известно, в период острого военного противостояния России и Швеции в Северной войне, причем в нарушение присяги, данной Мазепой русскому государю [13].

В статье специально не затрагиваются дискуссионные вопросы, связанные с мотивами, историческими условиями и причинами поступка Мазепы, наш предмет – языковое своеобразие указов Петра I, созданных в это время и посвященных данному событию.

Сугубо лингвистический интерес к указанным документам связан, прежде всего, с решением общих вопросов становления русского делового (официального) языка в период кардинальных, а в некоторых областях – сокрушительных реформ Петровской эпохи. Как следствие, важным оказывается лингвистический взгляд на яркую социокультурную примету этого времени – формирование принципиально нового

типа общения власти и народа, при котором власть в лице государя «впервые демонстрирует развёрнутое идеологическое оправдание своих задач и своего призвания» [17: XXXIII]. Иными словами, требуют лингвистического описания те признаки делового текста Петровской эпохи, которые давно отмечаются литературоведами, – явная (в современном понимании) публицистичность, его пропагандистский и воздействующий характер [4: 75; 8: 8]. Добавим, что эти признаки присущи практически всем текстам, вышедшим из-под пера Петра I, причем независимо от их жанра и назначения. Известно, что наиболее важные, поистине судьбоносные указы и распоряжения Петр писал сам [6: 40], лишь отчасти прибегая к редакторской помощи профессиональных служащих своей канцелярии (Кабинета), поэтому в этих текстах так отчетливо проявляется личность государя-реформатора [17]. Представляется необходимым также прояснить особенности функционирования языковых единиц, маркирующих деловой текст этого времени (формулы именования, клише, лексические заимствования), которые используются в разных pragmatischenkých условиях и с разной коммуникативной целью: указы и грамоты-обращения Петра I к малороссийскому народу в период острых политических и глубоких человеческих переживаний государя – благодатный для рассмотрения этих вопросов материал.

Отобранные для анализа пять документов, характеризующихся единством адресанта, общностью темы, созданных в течение десяти дней одного (очень важного для Государства Российского) года, представляют собой цельный цикл текстов, способных свидетельствовать как о формировании специфических черт делового стиля эпохи Петра I, так и о становлении нового типа государственной коммуникации этого времени в целом.

Номинации И.С. Мазепы в царских указах и грамотах (октябрь–ноябрь 1708 г.)

Именование человека в распорядительном тексте XVII–XVIII вв. имело не только личностно-идентификационную, но и социально-идентификационную функцию: форма выражения имени человека (полуимя, имя-прозвище, официальное титулование, диминутивное имя и др.) во многом выражала и место поименованного в социальной иерархии общества, и отношение к нему официальной власти. Поэтому вполне ожидаемой представляется смена номинаций Ивана Мазепы в официальных документах царской канцелярии – до и после событий осени 1708 г. Так, еще в Указе от 1 марта 1708 г. Петр I обращается к нему должным образом – титульно, с полным

трехкомпонентным личным именованием: «Гетман и Кавалер Иван Степанович Мазепа» [15: 402]. В указных текстах после октября того же года гетмана, разумеется, показательно называют иначе – только по фамилии, с неизменными уточнениями – *вор, изменщик, богоотступный изменник, проклятый изменник, бывший Гетман и др.*:

И дабы упредить сие злое намерение того богоотступного изменника Мазепы, и ко исполнению онаго и Малороссийского краю до раззорения, того ради посланы от Нас <...> Наши указы (здесь и далее в цитатах выделено мной. – Т.С.) [15: 424];

И того изменщика Мазепы прелести и замыслы пресечь и упредить, и тако свою отчизну от всяких опасностей и раззорения избавить и освободить [15: 425];

Лещинской Шведу уступить обещал, оному сей Малороссийской край завоевав отдать, а изменника Мазепу в Украине самовластным князем над вами учинить, в чем он от него, изменника богоотступного, бывшаго Гетмана Мазепы был обнадежен [15: 425].

«Изменник» и «изменщик», активно используемые для именования Мазепы, – безусловно, социально значимые отрицательные номинации-характеристики; эпитет «богоотступный» убедительно усиливает их негативную оценочность. Сочетание «богоотступный изменник» – одно из наиболее частотных двусловных номинаций Мазепы во всех пяти рассматриваемых текстах.

Весьма актуальным наименованием гетмана в этих документах оказывается слово «вор». Исследователями отмечается, что уже с XVI в. оно становится родовым для целого ряда других атропонаименований по признаку «специализации» злостных преступлений: «злодей», «тать», «мошенник», «жулик», а также «богоотступник», «еретик», «самозванец» [3: 188]. В Словаре Академии Российской фиксируются два значения слова «вор», красноречиво свидетельствующих о его гиперонимических свойствах: «1. Тать, похититель, хищник; 2. Лукавец, хитрец, тот, который имеет способность других обманывать» [16: 495]. Очевидно, что в начале XVIII в. семантическая связь слова «вор» с производящим глаголом «врать» еще ясно осознается – это «преступник, который похищает чужое, прежде всего, действуя словом <...>. Вор нарушает слово и обольщает словом (*врет*), заметая следы» [10, I: 129]. Семантика слова «вор» (и его производных), близкая к «врать» ('намеренно суесловить, лгать, обольщать' [16: 528]), подчеркивается использованием в одном с ним контексте существительных с близким значением (*обман, лесть*), а также других слов, входящих в поле говорения, речи и слушания:

А вам, верным нашим подданным города Почепа <...> повелеваем, дабы к воровству того изменника, бывшаго Гетмана, не приставали

и его ни в чем не слушали, но служили по-прежнему Нам, Великому Государю, верно [15: 423];

Бывший Гетман, вор и изменник Мазепа изменил и переехал к Королю Шведскому, забрав с собою Генеральную Старшину и трех Полковников <...> большая часть от него изменника обманом заведены, и о его изменничьем намерении были несведомы [15: 425].

Показательно, что слово «вор» при именовании Мазепы часто и последовательно употребляется в паре со словом «изменник» – характерная судьба гиперонима, призванного в «сочетаниях типа “род – вид”» выявлять актуальное для данного контекста значение – в нашем случае *вор ‘обманщик, лжец’ как изменник ‘предатель, отступник’* [10, I: 129]:

Бывший Гетман, вор и изменник Мазепа, забыв страх Божий и присягу свою, при крестном целовании Нам, Великому Государю, в верности учиненную, Нам, Великому Государю, изменил и переехал к Королю Шведскому [15: 425].

В приведенном фрагменте указанное значение пары лексем *вор* и *изменник* вполне отчетливо раскрывается следующим за ними контекстом, как бы расшифровывающим и растолковывающим обобщенный образ *вора-изменника*. Здесь содержательно мотивированы и с точки зрения воздействия на адресата весьма уместны: 1) книжные устойчивые формулы – «(забыть) страх Божий» (калька с гр. φόβος τοῦ Θεοῦ [10, II: 342]), «крестное целование» (в значении «обряд присяги; вид божбы, клятвенного заверения» [19: 577]); 2) важное для документного языка XVIII в. указание на бывший и навсегда утерянный высокий титул изменника (*бывший Гетман*); 3) многословная фразеологизированная структура со значением степени духовного падения Мазепы-христианина, забывшего присягу, *при крестном целовании в верности учиненную*; 4) тавтологическое сочетание *изменник изменил*, весьма характерное для народной речи, призванное усилить актуальное для текста значение ключевой номинации.

Семантика коварного лжеречения-измены присутствует и в других текстах, в которых используется пара *вор – изменник*: это и упоминание о прелестных письмах, и предостережение от прелестей неприятельских, и запрещение слушать прелестные универсалы¹ и подсылки²:

Повелеваем, напоминаем и престерегаем <...> дабы сих прелестей неприятельских, тако ж богоотступного изменника Мазепы прелестных писем не слушали <...> [15: 430];

Тако ж ежели какие прелестные универсалы или подсылки от бывшаго Гетмана, богоотступного изменника Мазепы явятся; и тех бы отнюдь яко изменничых, не слушали, и по них не исполняли. За веру православную, за святыя церкви и за отчизну свою мужественно

против оных стоять <...> ни по каким универсалам Короля Шведского и **вора изменника Мазепы** на продажу и так не привозили [15: 431].

Отмечается также, что лживыми речами и уверениями Мазепа завел ничего не подозревающих казаков в «неприятельские руки»:

Милосердя о тех подданных своих, которые изменюо вора Мазепы заведены в неприятельския руки, объявляем сею Нашею, Царскаго Величества, грамотою: дабы оные <...> от него вора изменника отлучались [15: 425].

Показательно, что шведский король – как равный Петру I по статусу – ни в одном из текстов не называется оскорбительно или уничижительно: он – *Государев недруг, общий неприятель, Наш враг, Король Шведский/Свейский*. Ему в противоположность гетман именуется то презрительно по-холопски *Ивашка Мазепа*, то торжественно осуждающе – *враг креста Христова, коварственный Наш неприятель*.

Таким образом, для документов, созданных в течение десяти дней одного 1708 года – с 31 октября по 12 ноября, характерно последовательное стилистическое снижение номинаций Мазепы и сгущение в них семантики измены и богоотступничества: *Гетман Мазепа, изменник, помянутый изменщик* (Указ от 31 октября); *Бывший Гетман Мазепа, богоотступный изменник, изменщик* (Грамота от 1 ноября); *Бывший Гетман, вор и изменник, вор* (Грамота от 7 ноября); *изменник, богоотступный изменник, проклятый изменник, коварственный неприятель, бывший Гетман, вор изменник* (Грамота от 9 ноября); *бывший Гетман Ивашка Мазепа, враг креста Христова* (Указ от 12 ноября).

Публицистичность и риторичность царских документов, освещавших предательство И. Мазепы

Неоднократно отмечалось, что с Петровской эпохи практически все царские указы прочно приобретают «объяснительную модальность» [14: 184]. Действительно, в текстах большинства петровских указных документов отмечается устойчивое употребление синтаксических конструкций, оформляющих эту «доказательную» модальность – таковы, например, многочисленные предложения с союзами и союзными словами «того ради», «ибо», «понеже», «дабы»:

*И дабы упредить сие злое намерение того богоотступного изменника Мазепы, и ко исполнению онаго и Малороссийского краю до раззорения, церкви же святыя до осквернения и превращения в Римскую веру и Унию не допустить: **того ради** посланы от Нас <...> Наши указы <...> **дабы** съезжались на избрание нового Гетмана [15: 424];*

Вы верные Наши подданные <...> по тем указам немедленно ко избранию нового Гетмана приступите, и <...> на гетманство немедленно

изберете, **понеже** нынешний случай ускорения того дела требует, **дабы** единодушно против общаго неприятеля Короля Шведского стать [15: 424] и т. п.

В рассматриваемых пяти текстах применяются известные риторические приемы, служащие тем же задачам – разъяснить, убедить «людей всех чинов» в правоте царских решений, в т. ч. царских оценок «Мазепиных злых намерений и измены».

Во-первых, довольно подробно описываются в четырех из них действия Мазепы, которые освещаются с точки зрения их официальной квалификации и оценки, – измена царю и Российскому государству. Присутствует в документах и религиозно-нравственная оценка действий гетмана (богоотступничество, нарушение крестного целования, обман товарищей «при нем будущих»):

<Мазепа> забыв страх Божий и присягу свою при крестном целовании Нам, Великому Государю, учиненную и превысокую к себе Нашу милость, без всякой данной к тому причины, изменил и перешел к Королю Шведскому, объяяя наперед о себе, Генеральной Старшине и Полковникам при нем будучим, будто имеет Наш Царскаго Величества указ, идти против неприятеля для воинскаго промысла с несколькими компанейскими полками; и когда перешел реку Десну, то приближаясь к войску Шведскому, поставил войско при нем будучее в строй к баталии и потом объявил Старшине злое своё намерение, что пришел не биться с оными, но под протекцию Его Королевскую, когда уже то войско, по его соглашению, от Шведа окружено было [15: 427].

Такое «фактологическое» повествование демонстрирует довольно умелое использование суггестивных свойств текста, содержащего информацию о действиях, исходно осуждаемых и порицаемых обществом, тем более обществом религиозным: забыть милость государеву, забыть страх божий, «без всякой причины» изменить присяге, перейти на сторону врага и т. д. Неслучайно самое подробное повествование о действиях Мазепы в период его перехода на сторону Карла XII содержится в Грамоте от 9 ноября 1708 г., обращенной к широкому и самому заинтересованному в происходящих событиях адресату – «верным Нашим подданным, войска Запорожского Генеральной Старшине, Полковникам, Ясаулам, Сотникам и куренным Атаманам и казакам и всякаго чина гражданскаго и купеческаго людям и поселянам и всему Малороссийскому народу» [15: 426].

Во-вторых, всячески подчеркивается царское приятие («милость») малороссийского народа и запорожских казаков, не пошедших за Мазепой и оставшихся верными присяге. Создается отчетливая текстовая оппозиция как отражение оппозиции политической, идеоло-

гической: Мазепа – изменник противопоставлен малороссийскому народу – «коллективному верноподданному» русского царя.

В неэмоциональное размеренное течение деловой речи включаются языковые единицы, имеющие выразительный характер: используются выразительные эпитеты, книжная метафорика, образные сравнения, присутствуют апелляции к известным (прецедентным) выражениям:

Нам известно учинилось, како неприятель Наш Король Шведской, видя изнеможение сил своих и не имея надежды оружием противо численных Наших храбрых Великороссийских и Малороссийских войск стояти <...> [15: 426];

Может каждой разумной из Малороссийского народа признать, что некоторый народ под солнцем такими свободами и привилегиями и легкостию похвалитися не может, как по Нашей Царскаго Величества милости, как Малороссийской, ибо не единаго пеньяза в казну Нашу во всем Малороссийском краю, с них братъ мы не повелеваем; но милостиво их призираем <...> от бусурманского и еретического наступления обороняем [15: 431].

«Приятие» народа выражается и в том, что основной строй указных текстов этого цикла – разговорный, доступный для восприятия самым широким адресатом. Так, вопреки устоявшемуся мнению о многочисленности заимствованной лексики в разностильных текстах петровского времени [1] отчетливо заметно, что в рассматриваемых документах заимствования представлены весьма скучно и тематически однообразно. Прежде всего, это «заморские титулы», звания чиновников и военных (*президент, министр, бурмистр, генерал*), а также некоторые иноязычные слова, обозначающие различные и вполне обычные общественные явления. Интересно при этом, что входящие в русский оборот иностранные слова довольно часто используются в одном тексте со своими русскими аналогами (*протекция/рука, канцелярия/приказ, привил(ег)ия/вольность, тиран/злодей, фальшивый/ложивый*). Вполне объяснимы и ожидаются в этих текстах полонизмы, украинизмы и редкие германизмы, отражающие реалии описываемых событий: *пеньязь, сотник, шляхта, гетман, шкода, универсал, кирха, рейтар* и др. Однако эти заимствования никак не влияют на общий собственно русский, приближенный к разговорному язык царских документов этого цикла. Также немногочисленны деловые клише и устойчивые формулы, «усушающие» царственный диалог со своими подданными. Отдельные примеры их использования (*известно учинилось, во знак верности, отставить тягости, приступить к избранию, приходить под Высокодержавную руку и др.*) – тому ясное подтверждение.

Власть словно намеревается быть отчетливо понятой: минимальное количество книжных грамматических конструкций, почти полное отсутствие лексических заимствований, строго функциональное и сознательное использование архаизмов всех уровней – таковы языковые черты этих текстов, призванные привлечь самые широкие слои населения к позиции власти.

В-третьих, всячески подчеркивается религиозный умысел «злых намерений» Мазепы. Во всех рассматриваемых текстах очевидна сквозная тема богоотступничества гетмана, его желания отказаться от православия в пользу всякого «еретичества». Видимо, предполагалось, что такое разоблачение «Мазепиных прелестей» будет воспринято религиозным малороссийским народом предельно эмоционально и окончательно отвратит его от гетмана, «учинившего измену» не только русскому царю, но, прежде всего, православной вере:

Гетман Мазепа <...> обманул с собою Старшину и 3 Полковников, и отдав их в руки неприятелю, ради особливого интереса своего, с таким умыслом, дабы народ Малороссийской предать в порабощение и под владение Польское и церкви Божия и святые монастыри во осквернение во Унию [15: 423];

<Изменник Мазепа, хотящий> церкви святая и весь сей Малороссийской край благочестия лишить и поработить, всякую шкоду приключать, и загонами и по лесам и переправам людей их побивать, и за веру православную, за святая церкви и за отчизну свою мужественно против оных стоять [15: 431].

В-четвертых, активно используются в исследуемых указах и грамотах архаичные, преимущественно церковнославянские по происхождению, лексические (в т. ч. фразеологические) и грамматические средства. Намеренная славянизация и окнижение деловой речи петровского времени – распространенный прием, призванный усилить ее воздействующую функцию: славянизмы и книжная лексика неизбежно привносили в строгий деловой текст «приподнято-торжественный тон» и одновременно подчеркивали высокий авторитет царского документа [7: 125]:

Неприятель Наш Король Шведской <...> по гордому своему предвосприятию, над оными, также и над землями Нашиими получити, когда по претерпенном многом уроне войск своих у Смоленского рубежа <...> скорым и коварным своим походом хотя упередить войско Наше в Малороссийской край [15: 426];

И во знак той непременной верности своей к Нам, Великому Государю, сами и войску казацкому велели целовать крест в том, что служить вам, Нам Великому Государю, по-прежнему <...> при прежних вольностях своих непоколебимо, со всякою усердною верностию [15: 423];

То самая явная ложь, и токмо ради возмущения, всеенные неприятельския плевелы <...> и можем непостыдно рещи [15: 431].

В ряду рассматриваемых текстов особой риторической силой обладает именной указ Петра I от 12 ноября 1708 г., в котором объявляется о том, что «Преосвященные Митрополиты и Архиепископы и со всем Освященным Собором» предали Мазепу «проклятию и анафеме вечно» [15: 432].

В этом указе, как бы завершающем «цикл» царских документов 1708 г., посвященных Мазепе, уже нет развернутого повествования об «изменничих намерениях» и «коварственных» действиях гетмана, его тайном переходе на сторону неприятеля, «введении в обман» товарищей-казаков и т. д.

Событийный и оценочный (с позиций царского осуждения) планы указанного повествования сменяются планом осмысления свершившихся событий и поступка Мазепы с духовно-религиозной точки зрения. В тексте указа Мазепа не просто «изменник», он – «враг креста Христова», сотворивший «богомерзкое непотребное дело»: он не только забыл о присяге, презрев «страх Божий», он самовольно отдал себя «погубителю душ», он не умрет смертью христианина, он навечно будет «предан проклятию и анафеме».

Язык этого документа более остальных намеренно и чрезвычайно насыщен архаизмами – грамматическими и лексическими, впервые здесь используются библейские цитаты, правда, в несколько вольном и компилиативном изложении:

А по молебном пении, бывшаго Гетмана Ивашуку Мазепу, которой по внешнему образу был сосуд потребен, а потом явился сосуд дьявол <...> он оставил свет, возлюбих тьму, от нея же внутренния ослепости ему зеницы, и в той слепоте, с праваго пути совратясь и отъехав ко мрачной адove пропасти, пристал к Его, Государеву недругу Свейскому Королю [15: 432].

Лексический состав этого указа во многом обусловлен его темой (предание Мазепы проклятию и анафеме), поэтому здесь особенно многочисленны славянизмы, причем как «генетические», так и «стилистические» [7: 122]: благоволение, благородный, претерпенный, благочестие, богоотступный, порабощение, предпомянутый, бого мерзкий, непотребный, всегубитель и др.

Учитывая особое значение формы именования человека в деловом тексте XVIII в., следует заметить, что в рассматриваемом тексте полными именами обозначены знатные царские вельможи, бывшие при «молебном пении» и объявлении о предании Мазепы проклятию и анафеме: Князь Петр Иванович Прозоровский, Князь Михаило Александрович Черкасской, Генеральный Президент и Московский Комендант

и Сибирских провинций Судья Князь Матвей Петрович Гагарин и др. Именуется полным именем новоизбранный гетман «Малороссийского и Запорожского войск, обеих сторон Днепра Иван Ильин сын Скоропадского, Стародубской Полковник» [15: 432]. Важным компонентом именного царского указа является и титульное именование царственных особ, субъектов властных текстов, в данном случае это «Великий государь, Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, сын его Государев, Благородный Государь, Царевич и Великий Князь Алексей Петрович» [15: 431]. Тем самым специально подчеркивается официальный характер документа, его высокий государственный статус.

Заключение

Царские указы и грамоты 1708 г., связанные с именем И. Мазепы, демонстрируют очевидные сдвиги, произошедшие в языке деловой сферы петровского времени. Исходно информативные, повелительные тексты государевых указов при Петре I приобретают явные признаки идеино-просветительских и пропагандистских текстов. Новой власти важно не только повелевать, но и объяснять, убеждать, доказывать. К тому же осенью 1708 г. повод для привлечения на свою сторону «всех чинов людей» у русского царя – чрезвычайный, судьбоносный, драматичный: близится решающая битва со шведами в затянувшейся Северной войне, а один из соратников и, как казалось Петру, верных его подданных гетман Мазепа переходит на сторону врага. Поэтому так риторичны и выразительны эти документы, так ясен и эмоционален слог и логична структура каждого из них.

Основной речевой строй рассмотренных грамот и указов – живой, народно-разговорный, в чем угадывается сознательное желание авторов (автора) царских регулов приблизить язык власти к языку народа. Тайный переход Мазепы на сторону врага России, его обманные действия по отношению к царю, которому присягал, к своим товарищам, которые в его изменничестве намерении были несведомы, корыстные устремления бывшего гетмана, обиравшего свой народ (*многие поборы наложил ради обогащения своего*), призывы показать верность Великому государю – сквозные темы всех пяти документов, оформленных по преимуществу ясным русским языком, приближенным к разговорному. Прием окнижения этой речи применяется намеренно и с полным пониманием воздействующей силы высокого слога: книжный текст, безусловно, имеет неизменно больший авторитет, чем «повседневный». Таков по стилю Указ от 12 ноября 1708 г., в котором бывший гетман предается православной церковью проклятию анафеме.

Желание донести царскую волю и царские идеи до широкого адресата потребовало от создателей этих текстов взять за основу народно-разговорную речь, которая была в ряде случаев (функционально оправданно) изящно окнижена. Деловая речь в жанре царского указа постепенно приобретает качества государственного красноречия.

Примечания

1. «...нем. Universale, от лат. universalis, всеобщий, относящийся ко всем. Указ малороссийского гетмана, а также грамота его на недвижимое имение» [12:684].
2. «Подсыл [подсылка] – подосланная обманом вещь для поклённой улики и подосланный человек, лазутчик» [5: 208].

Литература

1. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1972. 432 с.
2. Брайчевський М.І. Мазепа: правда і вигадки. Київ: Веселка, 1992. 132 с.
3. Генералова Е.В., Щёкин А.С. По следам вора // Русская историческая лексикология и лексикография. 2008. № 7. С. 187–193.
4. Грушкин А.И. Публицистика Петровской эпохи // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Наука, 1941. Т. III. Ч. 1. С. 75–96.
5. Да́ль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 2000. Т. III. 555 с.
6. Епифанов П.П. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого М.: Гос. библиотека им. В.И. Ленина, 1946. С. 5–42.
7. Замкова В.В. Славянизмы в деловом языке середины XVIII века // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1969. С. 121–129.
8. Западов А.В. Русская журналистика XVIII века. М.: Наука, 1964. 226 с.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Альфа-книга, 2019. 1198 с.
10. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. I. 592 с.; Т. II. 592 с.
11. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 т. М.: Книга и бизнес, 1992. Т. 3. 358 с.
12. Михельсон А.Д. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. М.: «Русская типография» А.О. Лютецкого, 1883. 752 с.
13. Ростунов И.И., Авдеев В.А., Осипова М.Н., Соколов Ю.Ф. История Северной войны 1700–1721 гг. М.: Наука, 1987. 217 с.

14. Руднев Д.В. Язык Генерального регламента 1720 года (к 300-летию первого издания) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 178–191. doi: 10.17223/18137083/78/13
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 4. 883 с.
16. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822. Ч. 1. 634 с.
17. Сыромятников Б.И. От редактора // Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I: в 3 т. М.; Л.: АН СССР, 1945. Т. I. С. XXXIII–XLIV.
18. Таирова-Яковleva Т.Г. Мазепа. М.: Молодая гвардия. Серия «Жизнь замечательных людей», 2007. 273 с.
19. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. М.: Топикал, 1995. 608 с.
20. Шамбаров В.Е. Царь Петр и гетман Мазепа. М.: Родина, 2023. 352 с.

References

1. Birzhakova, E.E., Voynova, L.A. & Kutina, L.L. (1972) *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka* [Essays on the Historical Lexicology of the Russian Language in the 18th Century]. Leningrad: Nauka.
2. Braychevskiy, M.I. (1992) *Mazepa: pravda i vigadki* [Mazepa: Truth and Guesses]. Kyiv: Veselka.
3. Generalova, E.V. & Shchekin, A.S. (2008) Po sledam vora [On the trail of a thief]. *Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya*. 7. pp. 187–193.
4. Grushkin, A.I. (1941) Publitsistika Petrovskoy epokhi [Journalism of the Petrine era]. In: *Istoriya russkoy literatury* [History of Russian Literature]. Vol. 3. Moscow, Leningrad: Nauka. pp. 75–96.
5. Dal, V.I. (2005) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.
6. Epifanov, P.P. (1946) *Voennye ustavy Petra Velikogo* [Military Regulations of Peter the Great]. Moscow: Lenin State Library. pp. 5–42.
7. Zamkova, V.V. (1969) *Slavyanizmy v delovom yazyke serediny XVIII veka* [Slavicisms in the business language of the mid-18th century]. In: *Ocherki po istorii russkogo yazyka i literatury XVIII veka* [Essays on the History of Russian Language and Literature of the 18th century]. Kazan: Kazan State University. pp. 121–129.
8. Zapadov, A.V. (1964) *Russkaya zhurnalistika XVIII veka* [Russian Journalism of the 18th Century]. Moscow: Nauka.
9. Klyuchevskiy, V.O. (2019) *Kurs russkoy istorii* [Russian History]. Moscow: Al'fa-kniga.

10. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoy mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. St. Petersburg: Zlatoust.
11. Kostomarov, N.I. (1992) *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavnayshikh deyateley* [Russian History in the Biographies of its Most Important Figures]. Vol. 3. Moscow: Kniga i biznes.
12. Mikhelson, A.D. (1883) *Ob"yasnitel'nyy slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s ob"yasneniem ikh korney* [Explanatory dictionary of foreign words that have entered into use in the Russian language, with an explanation of their roots]. Moscow: The A.O. Lyutetsky Russkaya tipografiya.
13. Rostunov, I.I., Avdeev, V.A., Osipova, M.N. & Sokolov, Yu.F. (1987) *Istoriya Severnoy voyny 1700–1721 gg.* [History of the Northern War 1700–1721]. Moscow: Nauka.
14. Rudnev, D.V. (2022) Language of the General Regulations of 1720 (on the 300th anniversary of the first edition). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 1. pp. 178–191 (in Russian). doi: 10.17223/18137083/78/13
15. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Complete Laws of the Russian Empire. First Part: From 1649 to December 12, 1825]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
16. Russian Imperial Academy of Science. (1822) *Slovar' Akademii Rossiyskoy po abzuchnomu poryadku rastpolozhennyy* (1806–1822) [Dictionary of the Russian Academy in alphabetical order]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
17. Syromyatnikov, B.I. (1945) *Ot redaktora* [Editorial]. In: Voskresenskiy, N.A. *Zakonodatel'nye akty Petra I* [Legislative Acts of Peter I]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. XXXIII–XLIV.
18. Tairova-Yakovleva, T.G. (2022) *Mazepa*. Moscow: Molodaya gvardiya.
19. Fedorov, A.I. (1995) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII–XX vv.* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the late 18th–20th Centuries]. Moscow: Topikal.
20. Shambarov, V.E. (2023) *Tsar'Petr i getman Mazepa* [Tsar Peter and Hetman Mazepa]. Moscow: Rodina.

Садова Татьяна Семёновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Tatiana S. Sadova – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: tatsad_90@mail.ru

УДК 94(437.6)+241.8+281+282

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/8

Католические и православные венчальные проповеди: аксиологический аспект*

Т.В. Ицкович¹, А. Петрикова²

¹ Уральский федеральный университет

Россия, 620062, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

E-mail: tatiana.itckovich@urfu.ru

² Прешовский университет

Словакия, 08078, г. Прешев, ул. 17 ноября, 1

E-mail: anna.petrikova@unipo.sk

Авторское резюме

Изучение жанров религиозного дискурса в аксиологическом аспекте – важное направление современной лингвистики. Актуальность темы обусловлена как собственно лингвистическими аспектами (исследование способов экспликации ценностей в религиозных текстах, изучение жанра проповеди), так и теолингвистическими (выявление взаимосвязи между каноническими требованиями конкретной конфессии и их языковым воплощением в тексте). Проповедь как жанр задает критерии аксиологического идеала, под которым понимаются догматически обусловленные представления о норме, должном поведении, которыми должны руководствоваться верующие. Материалом исследования послужили тексты современных католических и православных венчальных проповедей. Целью является выявление и сопоставление аксиологических предпочтений в каждой конфессии. В католической церкви догматически принятые компоненты, характеризующие семью, каждый из которых, кроме «гражданское воспитание детей, которое осуществляют родители», отражен в анализируемых текстах. Ценности «тайства брака» и «взаимная любовь супругов» связаны с любовью к Богу. «Плодотворная любовь супругов, которая открыта для принятия детей» фиксирует христианское представление о детях как благословении Божием. В текстах православных проповедей на первое место выходят взаимоотношения супружеских пар, идея тяжести брака, роль терпения и смиренния в семейной жизни,

* Работа выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта VEGA 1/0242/24 «Literature as means for developing empathy in readers».

неразрушимость брачных уз. Выделяются семейные роли: власть мужа и послушание жены. Акцент делается на необходимости сохранения света и радости, полученных во время таинства венчания. Католические и православные проповеди опираются на прототекст Священного Писания, на первое место ставится божественная природа брака, его роль в достижении цели христианской жизни. В католических проповедях существенное место занимает воспитание детей, в православных делается акцент на роли мужа и жены в браке.

Ключевые слова: аксиолингвистика, теолингвистика, религиозный дискурс, ценности, аксиологический идеал, жанр, проповедь, католичество, православие, венчание

Catholic and Orthodox wedding sermons: An axiological aspect*

Tatiana V. Itsikovich¹, Anna Petrikova²

¹ Ural Federal University

19 Mira Street, 620062 Ekaterinburg, Russia

E-mail: tatiana.itckovich@urfu.ru

² University of Prešov

1 17 Novembra Street, Prešov, 08078, Slovakia

E-mail: anna.petrikova@unipo.sk

Abstract

The axiological study of religious discourse genres represents an important area of contemporary linguistics. The relevance of this research is determined by both linguistic factors – such as the investigation of how values are explicated in religious texts and the analysis of the sermon genre – and theolinguistic aspects, particularly the identification of relationships between the canonical requirements of specific confessions and their linguistic realization in texts. As a genre, the sermon establishes criteria for an axiological ideal, which is understood as a dogmatically conditioned set of norms and models of appropriate behaviour that believers are expected to follow. This study analyses modern Catholic and Orthodox wedding sermons with the aim of identifying and comparing the axiological preferences within each confession. In the Catholic texts, dogmatically accepted components characterizing the family are

*The work was carried out as part of a research project VEGA 1/0242/24 "Literature as means for developing empathy in readers".

consistently reflected. Alongside the “civil upbringing of children, which is carried out by parents,” the values of “the sacrament of marriage” and “the mutual love of spouses” are explicitly linked to love for God. The concept of “fruitful love of spouses, which is open to accepting children” encapsulates the Christian view of children as a divine blessing. In the Orthodox sermons, the focus shifts towards the relationship between the spouses themselves. Key themes include the gravity and responsibility of marriage, the role of patience and humility in family life, and the indissolubility of marital bonds. Family roles are more distinctly delineated, emphasizing the husband’s authority and the wife’s obedience. There is also a pronounced emphasis on preserving the spiritual light and joy received during the Sacrament of Marriage. Both Catholic and Orthodox sermons draw upon the prototext of Sacred Scripture, with the divine nature of marriage and its role in achieving the goal of Christian life being paramount. In Catholic sermons, a significant focus is placed on the upbringing of children, while Orthodox sermons emphasise the roles of husband and wife within marriage.

Keywords: axiolinguistics, theolinguistics, religious discourse, values, axiological ideal, genre, sermon, Catholicism, Orthodoxy, weddings

Введение

Ценности являются одним из важнейших антропологических феноменов, которые человек осознает с самого начала своего существования. Изучение способов вербализации ценностей в языке сегодня – одно из актуальных направлений лингвистических исследований, аксиологический анализ позволяет выявить «ключевые культурные доминанты, заложенные в системе ценностей народа» [8: 500].

Аксиолингвистика опирается на философские труды, в которых на первое место выдвигается понятие «ценность», связанное с миром должного (Г. Лотце), философия может существовать «лишь как учение об общезначимых ценностях» (В. Виндельбанд). В рамках западноевропейской средневековой философии Бог рассматривался как наивысшая ценность, как вечное и постоянное бытие. Для мыслителей данного периода «сущностное бытие Бога было также одним из знаков Божьего совершенства, высочайшей ценности Бога. Для них, как и для Платона и Аристотеля, онтология была одновременно и аксиологией, то есть познанием ценностей» [26: 433]. Согласно блаженному Августину, автору трактатов «Исповедь» (первый памятник исповедального жанра), «О Троице» [1], Бог как наивысшая ценность является одновременно и «наивысшим, абсолютным бытием – *summa essentia*» [16: 704]. Таким образом, в философских размышлениях

ранних эпох ценности воспринимались как неотъемлемая часть духовного миропорядка, тесно связанная с пониманием места человека в мире.

Понимание ценности трактуется по-разному. Так, в «Философском энциклопедическом словаре» подчеркивается, что объектом оценивания может выступать «все многообразие человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений», а ценности при этом выступают «ориентирами в деятельности человека» [23: 732]. «Ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка» [13: 5]. Ценности определяются как «изначальные высшие принципы» [15: 28]; обобщенные представления о том, что является должным, правильным, «социально желанным» в различных сферах общественной жизни [12: 410; 27: 289]; как устойчивые убеждения, которыми руководствуется человек или социальная группа, предпочитая тот, а не иной тип поведения [31: 12–26].

Ценностные установки человека особенно активно проявляются в семейной сфере. Сегодня семья рассматривается как социокультурный феномен, источник формирования базовых ценностей и основа бытия человека [2; 4; 21]. Семейные ценности в определенных социальных стратах опираются на религиозные принципы. В христианстве семья понимается как малая церковь, где муж служит посредником между Богом и остальными домочадцами, проводником божественной благодати, жена в духовной иерархии занимает подчиненное положение, что закреплено в чине венчания. Дети должны расти в послушании родителям, которые отвечают не только за их физическое развитие, но и, прежде всего, за духовное становление личности ребенка [19; 22].

Религиозные установки, касающиеся семьи, которые можно считать аксиологическим идеалом, закреплены как в прототексте Евангелия: первое чудо, сотворенное Иисусом Христом, произошло во время брачного пира, так и в текстах Священного Предания, учении святых отцов церкви, житиях святых, проповедях священнослужителей.

Проповедь как жанр [6] задает критерии аксиологического идеала, под которым понимается догматически обусловленные представления о норме, должном поведении, которым должны руководствоваться верующие. Понятие аксиологического идеала соотносится с аксиологической реальностью, исследование которой в православии и католичестве см. в [14]. Ключевым для настоящей работы является понятие *аксиологема*, которое трактуется «как вербальная номинация ценности, являющейся базовой для индивида; для социальной

группы; для национальной лингвокультуры в целом. В речи отдельные слова, словосочетания, являющиеся аксиологемами, могут приобретать аксиологическую маркированность» [11: 51]. Аксиологемы выделяются на категориально-текстовых основаниях, так как категории оценочности и темы в текстах проповеди взаимосвязаны. Методология категориально-текстового анализа разработана в Уральской научной школе лингвокультурологии и стилистики и доказала свою объективность при анализе текстов, принадлежащих к различным функциональным стилям и дискурсам, в том числе к религиозному [3; 7; 9; 20].

Цель работы – выявление и сопоставление аксиологических семенных предпочтений в каждой конфессии.

Гипотеза исследования заключается в предположении о влиянии конфессиональных догматов на формирование аксиологического идеала.

Материалом исследования послужили тексты современных католических и православных венчальных проповедей, принадлежащих авторитетным в религиозной среде священнослужителям. Католические венчальные проповеди священников западного и восточного обряда опубликованы в сборнике «Sobášne Homílie» [33] и включают 35 текстов. Православные проповеди (21 текст) извлечены из сети Интернет, при этом аудио- и видеозаписи 19 проповедей составляют в совокупности 5 часов 45 мин, опубликованы в виде текста 2 проповеди. В Словакии проживает значительная по величине диаспора русинов, чья конфессиональная принадлежность представляет интерес для исследования. В связи с трудностями получения материалов русинских венчальных проповедей в настоящей работе привлекается текст русинского «Малого требника», опубликованного в Словакии, тексты которого используются в венчании.

Результаты исследования

Религиозная ситуация с русинами в Словакии. Русины представляют одно из национальных меньшинств Центральной Европы, которое проживает и на территории всей Словакии, особенно на северо-востоке. Национальную идентичность русинов можно проследить с опорой на данные, предоставленные Статистическим управлением Словацкой Республики. По данным переписи населения с 1991 г., численность русинов постепенно увеличивается. В 1991 г. они составляли чуть больше 0,3 % населения страны, в 2001 г. – более 0,4 %, а в 2011 г. – уже больше 0,6 %. Таким образом, за 20 лет (с 1991 по 2011 г.) доля русинского населения в Словакии заметно возросла [32].

В 2021 г. первый раз в истории переписи народа в Словакии появилась возможность выбрать две национальности. Статистическая

экспертиза показывает, что русинскую национальность в качестве второй национальности выбрали приблизительно 40 000 жителей Словакии.

Религиозная идентичность русинов в Словакии формировалась под воздействием различных исторических, политических и культурных обстоятельств. В XX в. значительную роль в этом процессе сыграли события периода коммунистического режима. В 1950 г. в Чехословакии деятельность греко-католической церкви была приостановлена в результате так называемого Прешевского собора, проведенного при поддержке государства, часть верующих и священников была переведена в православную церковь. Несмотря на то что в 1968 г. греко-католическая церковь была восстановлена, последствия этого вмешательства отразились на конфессиональной структуре русинского населения. Согласно данным переписи населения, среди представителей русинской национальности, главным образом на северо-востоке Словакии, преобладает принадлежность к греко-католической церкви (57,6 %), при этом заметна также доля верующих, относящих себя к православной церкви (24,8 %). По результатам переписи 2021 г., православная церковь является пятой по численности церковью в Словакии [32]. Наибольшая концентрация православных верующих отмечается в районах Прешовского края вдоль границы с Польшей – в округах Медзилаборце, Свидник и Снина.

Об этом свидетельствует и система патротинариев ряда церквей в регионах, где традиционно проживают русины, например, греко-католический храм Покрова Пресвятой Богородицы в селе Руске Пекляны (Chrám ochrany Presvátej Bohorodičky, Ruské Pekľany), православный храм Святого Архангела Михаила (Pravoslávny chrám svätého Michala) в деревне Руский Поток (Ruský Potok); в селе Руска Воля (Ruská Voľa) расположен православный храм Святого Иоанна Крестителя (Pravoslávny chrám svätého Jána Krstiteľa); православный храм Святого Георгия Великомученика (Pravoslávny chrám svätého Juraja Veľkomučeníka) расположен в селе Руский Грабовец (Ruský Hrabovec) и т. д.

После признания русинского языка в качестве литературного в 1995 г. возникла острая проблема его использования в церковной практике, поскольку священники-русины понимали это с точки зрения сохранения и развития культурной и религиозной идентичности русинов. Инициатором внедрения и поддержки русинского языка в церковном богослужении выступают греко-католический священник Франтишек Крайняк [10], а также православный священник Штефан Пружинский.

Франтишек Крайняк занимается переводом богослужебных книг на русинский язык. До сегодняшнего дня на русинский язык были

переведены следующие книги: Євангелія і апостолы на неділі і свята цілого року, Тайна Крещіння, Міропомазаня, Вінчаня, Олієпомазаня, Малый требник – Благословліня і посвячіння, Молебен священому-ченикови Василёви Гопкови, Акафіст священомученикови Павлови Петрови Гайдичови, Погріб, Тетраєвангеліє.

Ф. Крайняк, отмечая важность сохранения церковнославянского языка, признает миссионерскую функцию перевода Священного Писания на русинский: «У нас есть литургия, и, если вы не понимаете церковнославянский, пусть она будет на нашем родном языке – примите ее на родном языке, а не на другом» [10: 197].

В настоящее время русинский литературный язык постепенно внедряется в церковную жизнь через катехизисы, литургические песнопения и проповеди вне зависимости от принадлежности к греко-католической или православной церкви. Малый требник (2013) используется во время обряда венчания.

В тексте требника в обряде обручения перед венчанием присутствуют, например, церковнославянизмы, динамическая возвратная частица *-ся*, ритуализированная форма обращения в религиозной коммуникации:

- элементы церковнославянизмов: *раба Божа, раб Божий; отче;*
- возвратная частица *-ся* и дательный падеж *іншій жені* (*ти ся не обіцяв іншій жені*), характерная как для словацкого, так и для русинского языка;
- прошедшее время русинского глагола совершенного вида – *обіцяв;*
- инфинитив совершенного вида (взять) – *взяти;*
- форма вежливого обращения к священнику – *Мам, достойний отче;*
- вопросительная частица – *чи* (*ли* в русском языке);
- окончание русинского имени прилагательного – *добра* (*добру і неприньовану волю*);
- русинское имя прилагательное – *певный* (твёрдый);
- русинское местоимение с предлогом – *при собі* (*у себя, в значении перед собой*).

Что касается использования литературного русинского языка в качестве богослужебного, то нам неизвестен ни один православный приход (церковная община) в Словакии, где бы использовался русинский язык как литургический язык, за исключением проповедей. Проповеди обычно бывают на русинском (вероятно, лишь диалектном, а не литературном) или на словацком языке. Православная литургия и другие богослужения совершаются на церковнославянском языке, в некоторых случаях – частично на словацком (например, в право-

славной церковной общине в городе Кошице). Данный факт может стать отправной точкой для дальнейшего исследования статуса литературного русинского языка в православной литургической практике.

Католические венчальные проповеди. Оценочные суждения находят своё проявление в различных аспектах человеческой жизни, включая семейные отношения, которые особенно важны для анализа в контексте религиозной коммуникации, особенно в разных культурах и языках. В современной Словакии в обществе мы наблюдаем все больше нападок на традиционную семью и ее ценности. Йозеф Миклошко указывает на высмеивание семьи, но, «несмотря на эти тенденции, которые проявляются и в Словакии, классическая семья – это единственное место, где решается будущее Словакии, Европы и мира» [29: 5].

Словацкий католический теолог Ян Дюрица отметил, что семья берет своё начало в Боге. Апостол Павел говорит ключевые слова о глубине семейных обязательств в Послании к Ефесянам (5:21-6:4). Семья также представляет собой человеческую среду, в которой формируется «внутренний человек». Укрепление его силы – это дар Отца и Сына в Святом Духе [25: 238].

«Катехизис католической церкви» определяет семью как первичную ячейку общественной жизни. Это естественное сообщество, в котором «мужчина и женщина призваны отдавать себя в любви и в даре жизни». Авторитет, стабильность и жизненные отношения в семье формируют основы свободы, безопасности и братства в обществе. Семья – это сообщество, в котором с детства можно приобрести нравственные ценности, начать чтить Бога и правильно пользоваться свободой. Семейная жизнь – это введение в жизнь общества» [30]. Семья, созданная однажды, считается пожизненной.

Католическая церковь рассматривает христианскую семью как домашнюю церковь. Второй Ватиканский собор 1962 г. восстановил понятие «*Ecclesia domestica*», известное еще с 4-го в. от рождества Христова. На страницах догматической конституции о Церкви «*Lumen Gentium*» [28] в параграфе № 11 говорится: «В семье, которую можно назвать домашней Церковью, родители должны быть словом и примером, первыми провозвестниками веры своим детям, и должны культивировать призвание, присущее каждому из них, и, с особой заботой, духовное призвание» [28]. Согласно учению Собора о христианской семье, характер «домашней Церкви» определяют следующие компоненты: таинство брака [28, 11:41]; взаимная любовь супругов и сотрудничество всех членов семьи [28, 11:41, 48]; плодотворная любовь супругов, открытая для принятия детей [28, 11:41]; христианское воспитание детей, за которое несут ответственность родители

[28, 11:41], и гражданское воспитание детей, которое осуществляют родители [28, 11].

Рассмотрим, как эти стереотипные компоненты находят своё отражение в текстах католических венчальных проповедей, что позволяет углубить понимание роли этих аспектов в контексте христианского брака.

Компонент «тайство брака» (*tajomstvo manželstva*).

Примеры: Čo môže byť **tajomstvom** tohto vášho **manželstva**, vášho vytrvania v spoločnom živote? Bezpochyby je to **silné puto lásky a porozumenia**, ktorému dáva pevnosť sám Pán Boh. Aby manželstvo vytrvalo taký dlhý čas, musí byť **založené na vzájomnej hľbokej láske a láske k Bohu** [33: 90] / Neostáva nám nič iné, iba mlčať pred **tajomstvom**, ktoré sa nazýva **manželská láska** [33: 109].

Первый стереотипный компонент «**tajomstvo manželstva**» (тайство брака) активизирует супружество как ценность, закрепленную в языке. Согласно Ю.Долнику, с выражением «**tajomstvo manželstva**» (тайство брака) «ассоциативно связана конвенционализированная предикация ценности» [24: 49]. Ценность «**тайства брака**» представлена через проповедь «*silné*» (сильное) «*proto lásky a porozumenia*» (крепкие узы любви и взаимопонимания). В выражении «*založené na vzájomnej hľbokej láske a láske k Bohu*» (основанное на взаимной глубокой любви и любви к Богу) отражаются ценности, которые служат эталоном оценки супружеской жизни. Языковая фиксация аксиологических представлений, таких как, например, «*láska k Bohu*» (любовь к Богу), формирует понимание нормы в языке словацких католиков. Грамматическая структура этого высказывания выполняет роль диспозиционного средства (термин Ю.Долника), помогая зафиксировать и передать аксиологическое восприятие любви в браке. В данном случае слово «любовь» несет признаки взаимности (глубокая любовь) и духовности (любовь к Богу), что определяет нормы поведения в католическом браке.

Анализ второго стереотипного компонента «**vzájomná/ manželská láska**» (взаимная/ любовь супругов) показывает, что в первом суждении «*manželská láska je tak podobná láske, ktorú Boh dáva ľuďom*» (супружеская любовь так **похожа на любовь, которую Бог дает людям**) используется аксиологический индикатор, связывающий супружескую любовь с любовью Господа. В рамках концепции Ю. Долника [24] предикация ценности создает восприятие супружеской любви как священной и безусловной.

В высказывании «*Bože, daj, nech manželská láska Ľubomíra a Jany je obrazom tvojej lásky v nás*» (Боже, дай, чтобы **супружеская любовь Любомира и Яны была образом Твоей любви в нас**) супружеская любовь предикативно представлена как отражение Божьей любви.

В выражении «láska a manželská jednota na seba nerozlučiteľne viazané...» (любовь и супружеское единство неразрывно связаны...) подчеркивается сакральный характер этих понятий. Словосочетание «супружеская взаимная любовь» выражает значение чего-то, что освящает не «только себя, но и мир».

В следующем примере: «**Manželská láska** vás bude učiť **odpúštať chyby** partnerovi, viedieť za svoje chyby **odprosiť**, naučí vás **urovnávať** s pokojom konflikty, ktoré sa v spoločnom živote vyskytnú» (Супружеская любовь будет учить вас прощать ошибки партнера, уметь просить прощения за свои ошибки и мирно улаживать конфликты, возникающие в совместной жизни), лексическая единица любовь выступает как эталонная величина, на основе которой оцениваются действия супругов: «odpúštať chyby», «odprosiť», «urovnávať konflikty». Таким образом, эти действия оцениваются положительно через их связь с базовой ценностью любви.

Компонент «плодотворная любовь супругов, которая открыта для принятия детей» (plodná manželská láska, ktorá je otvorená prijatiu detí).

Суждение «**prijať deti** ako dar Boží – lebo sú šťastím a radosťou» (принять детей как дар Божий – ведь они приносят счастье и радость) фиксирует христианское представление о детях как благословении от Господа Бога. Ценность детей как дара Божьего актуализируется через лексемы радость и счастье, которые они приносят.

Следующее выражение «**deti sú veľmi silným zjednocujúcim prvkom manželov**» (дети являются очень сильным объединяющим элементом супругов) представляет собой языковую фиксацию устоявшегося аксиологического представления о роли детей в христианском браке. Дети способствует укреплению семейных связей.

Компонент: «христианское воспитание детей, за которое несут ответственность родители» (kresťanská výchova detí, za ktorú sú zodpovední rodičia).

Примеры: Všetci dobre vieme, aké je dôležité, aby sa obaja **rodičia podielali na výchove detí**. Aké je dôležité, aby pred deťmi vyznávali tie isté **životné hodnoty** [33: 99] / Ved' čo môže byť pre rodiča väčšou radosťou, ak nie vlastné, **v duchu Desatora dobre vychované deti?** [33: 99] / Deti sú v ňom **najväčším darom**, pretože prinášajú rodičom **obrovskú radosť**. Treba si však uvedomiť **zodpovednosť za ich výchovu**. Vaša rodina má byť školou, ktorá ich bude učiť, aby žili nielen svojmu telu, ale aj duší [33: 110].

С точки зрения языковой фиксации аксиологических представлений в первом суждении: Všetci dobre vieme, aké je dôležité, aby sa obaja **rodičia podielali na výchove detí**. Aké je dôležité, aby pred deťmi vyznávali tie isté **životné hodnoty** (Все мы знаем, как важно, чтобы оба родителя принимали участие в воспитании детей). Как важно, чтобы

они исповедовали перед своими детьми одни и те же **жизненные ценности**), словосочетание «Všetci dobre vieme...» (Все мы хорошо знаем...) подчеркивает важность участия обоих родителей в процессе воспитания детей. Это аксиологическое представление является ключевым в христианском языковом сообществе католиков. Необходимо также подчеркнуть повторение слов «Aké je dôležité...» (Как важно...), усиливающее аксиологическую значимость христианского воспитания. Это выражение служит диспозиционным средством, передавая и закрепляя нормы ответственного родительства католиков. Аксиологическая реакция заключается в **ожидаемом согласии** этой важности со стороны адресата.

В суждении «Ved' čo môže byť pre rodiča väčšou radosťou, v **duchu Desatora dobre vychované detí?**» (Ведь что может быть радостнее для родителей, чем иметь хорошо воспитанных детей, **в духе Десятисловия?**) аксиологическую функцию идентифицирует «хорошо воспитанных детей» как ценность, вызывающую аксиологическую реакцию радости у родителей. Ценностные представления связывают «хорошее воспитание» с «нормой» и положительными эмоциями. Упоминание Десятисловия наполняет эту ценность конкретным духовным содержанием.

Пятый компонент: «гражданское воспитание детей, которое осуществляют родители» (občianska výchova detí zo strany rodičov), не был обнаружен в корпусе 35 исследуемых текстов.

Сделаем предварительный вывод. Анализ католических проповедей показал наличие таких ключевых аксиологем, как сакральность христианского брака, важность взаимной любви, ценность деторождения и ответственность за христианское воспитание детей. Эти компоненты, будучи вербализованными, становятся частью аксиологической картины мира христианского сообщества католиков Словакии. Результаты анализа показали, что лексическая единица «любовь» служит своего рода аксиологическим центром, вокруг которого выстраивается оценка конкретных поведенческих моделей в католическом браке.

Православные венчальные проповеди. Категориально-текстовой анализ текстов, а именно категорий темы и оценочности, показывает, что духовная тема проповеди эксплицируется через ключевые ценностные установки, среди которых важное место занимает особая Божественная сущность брака, который понимается как связующая нить между земной и вечной жизнью: *вашим браком вечность пришла на землю, вечность вошла в область времени. Потому что вашим браком приблизилось Царство Небесное [17]*.

В православии декларируется понимание любви, которая связана, прежде всего, с трудностями, ожидающими молодых: любовь – это

не только радость и ликование друг о друге. Любовь – это подвиг. Вот о чем нельзя забывать [17]. Идея любви трудной, скорбной является сквозной для православной проповеди: *Трагичность в любви неизбежна. Она отображает в человеческом сознании антиномию Божественного замысла о человеке* [18]. Радость в любви подается не только через отрижение, как в вышеприведенном примере, но и предъявляется эксплицитно, в сильной позиции текста, когда проповедь заканчивается молитвенным обращением к Богу, в сочетании с понятиями благодарности и счастья: *Дай Бог, чтобы эта радость, это чувство благодарности Господу всегда сопровождали вас и далее. Храните взаимную человеческую любовь, которая вас соединила, и Господь дарует вам счастье до конца дней вашей жизни. Храни вас Господь* [18].

Особую роль в православной семье играет терпение, которое связывается с мужеством и мудростью: *Проявите терпение друг друга до конца! Вот это очень важно. Проявите терпение и мужество. Мудрость и терпение друг друга все могут преодолеть* [17].

Характерно позиционирование другоцентризма, семья построена на внимании к другому: *И вот каждый из вас призван теперь в центр своей жизни, на первое место, не себя ставить, а другого: муж – жену, а жена – мужа. И все ваше внимание теперь должно быть направлено не на себя, а на другого* [17]. Другоцентризм предполагает такие ценности, как сострадание, послушание, поддержка, сопереживание: *Вам надо воспитывать в себе теперь чувство сострадания, жалости друг к другу, покрывая любовью недостатки, падения греховные друг друга, которые могут происходить в жизни. Покрывать любовью, прощать взаимно, терпеть друг друга взаимно и являть послушание друг другу. Такое послушание – это значит уметь слушать друг друга, вслушиваться в то, что говорит другой и, вслушиваясь, сопереживать* [17].

В этике другоцентризма переосмыкаются понятия, в светской жизни декларируемые как однозначно положительные, например справедливость: *В едином организме семьи угасает принцип справедливости, в этике супружества справедливость становится искушением*, которое приходится постоянно преодолевать жертвенностью [18]. Справедливость в православном понимании приводит к негативным последствиям, искаляет христианское понимание любви: *На справедливости строится «хищная» любовь, которая ищет «своего». Она ищет не принадлежать другому, а обладать другим* [18].

Женская эмоциональность трактуется в венчальных проповедях как антиценность, способная разрушить брак: Эмоциональное влияние жены бывает не только чрезвычайно сильным, но и разрушительным. Как всякая страсть, эмоциональная активность может перерости в пожар – неуправляемую стихию, оставляющую за собою пепел [18].

Идея главенства трансформируется в послушание всех членов семьи, и мужа, и жены, Богу, при этом формулируется особая роль мужа: *В трезвой власти мужа жена должна находить сдерживающее начало своей пламенности. В этом смысл заповеди апостола: «Жена да убоится своего мужа» (Еф. 5, 33). ... В христианской семье муж и жена имеют одно хотение и одну волю. Выразителем единой воли семьи является муж [18].*

Анализ православных венчальных проповедей показывает опору на прототекст Священного Писания и Священного Предания, которые всегда задают аксиологический идеал.: «*Друг друга тяготы носите и так исполните закон Христов» (Гал. 6, 2). Если каждый из вас выполнит эту заповедь, то вы будете счастливы [18]. Задача супругов не в том, чтобы получать «своё» от другого. «Любовь не ищет своего» (I Кор. 13, 5) [18]. Нравственная задача супружества в том, чтобы подарить себя другому без оглядки и сожаления. «Блаженнее давать, нежели принимать» – сохранило церковное предание незаписанные слова Христа [18].*

Православные проповеди литературоцентричны, они опираются не только на прототекст Священного Писания. Священнослужители приводят в качестве иллюстраций к аргументам примеры из текстов классической русской литературы: злорадную любовь изображает Лермонтов в «Маскараде». Когда печаль слезой невольной / Промчится по глазам твоим, / Мне видеть и понять не больно, Что ты несчастлива с другим [18]. Отметим, что тексты русской классической литературы служат как примером антиценостей, так и выступают основанием аргумента, опираясь на который проповедник приводит слушателей к православному пониманию ключевых понятий брака: Иван Сергеевич Тургенев, заканчивая повествование о горестной судьбе Евгения Базарова, написал о той, в которую был безнадёжно влюблён этот отрицавший любовь нигилист, что она вышла замуж не по любви, но по убеждению, что живут они с мужем в большом ладу друг с другом и доживутся, пожалуй, до любви... В этих словах за лёгкой насмешливой иронией скрывается мысль удивительной глубины, которая самому писателю, может быть, и в голову не приходила: любовь – не то, с чего начинается брак; любовь – это то, чем он завершается здесь, на земле, то, что не даёт супругам умереть, что делает мужа и жену причастниками Жизни Вечной. То есть, другими словами, до любви надо дотерпеться, дострадаться, или – «дожиться», как говорит автор «Отцов и детей» [5].

Таким образом, в православных венчальных проповедях транслируется аксиологема Бог, отмечается тяжесть брака и необходимость неукоснительно нести крест до конца жизни. Выделяются семейные

роли: власть мужа и послушание жены. Формируется отличное от светского содержание понятий «любовь», «справедливость».

Заключение

Две ведущих конфессии христианства, католицизм и православие, как показывает материал, транслируя аксиологический идеал, опираются на прототексты Священного Писания, Священного Предания. Бог является центральной аксиологемой венчальных проповедей обеих конфессий. Католические проповеди, как и православные, на первое место ставят божественную природу брака, его роль в достижении цели христианской жизни. В католических проповедях важное место занимает воспитание детей, в православных делается акцент на роли мужа и жены в браке, подчёркивается роль послушания, самопожертвования. По-разному упаковывается аксиологема любви. Если в католических проповедях делается акцент только на радостной любви, то в православии, помимо счастья и радости, указывается на тяготы, трагичность любви. Причиной различий могут служить такие внешние по отношению к доктринальным факторы, как прерывность/непрерывность христианской традиции. Трагическая история Церкви в России в XX в., семидесятилетний перерыв религиозной традиции обусловили необходимость формирования аксиологического идеала, разъяснение доктринальных положений, усиление акцента на вероучительных истинах, в то время как традиция католической церкви в Словакии не прерывалась, что позволяет священнослужителям акцентировать внимание на более прагматических аспектах.

Литература

1. Августин А. Исповедь. СПб.: Азбука-классика, 2008. 400 с.
2. Баркова Л.А. Духовное видение семьи и материнства в творчестве В.В. Розанова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 1. С. 114–122.
3. Бортников В.И., Бортникова А.В. Категориальная идентификация публицистического начала в ранних очерках Д.Н. Мамина-Сибиряка // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 1. С. 54–66. doi: 10.51762/1FK-2023-28-01-05
4. Вепрева И.Т., Пазио-Влазовская Д. Что могут сообщить брачные объявления о современной женщине (на материале польского и русского языков) // Русин. 2018. Т. 52, № 2. С. 177–192. doi: 10.17223/18572685/52/13
5. Ганьковский С. Слово на венчании. URL: http://www.hram.info/propovedi/prazdnichnye_propovedi/propovedi_novobrachnym/dozhivite_do_lyubvi/ (дата обращения: 05.05.2025).

6. Ицкович Т.В. Жанровая система религиозного стиля. М.: ФЛИНТА, 2021. 400 с.
7. Ицкович Т.В. Сибириада Анатолия Омельчука: текстовые категории и ментально-специфический тип сибиряка / Т.В. Ицкович, Н.А. Купина // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 937–952. doi: 10.15826/gr.2024.3.917
8. Карасик В.И. Языковое преобразование реальности. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2023. 500 с.
9. Келер А.И. Категория адресанта в новоапостольской молитве: категориально-текстовой и аксиологический аспекты // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 1. С. 26–44. doi: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-26-44
10. Крайняк Франтишек. Статус русинского языка в церковной сфере // Русланський літературний язык на Словакії 20 років кодифікації. Пряшівська універзітета в Пряшеві – Інститут русинського языка і культури. 2015. С. 194–199.
11. Купина Н.А. Аксиология и аксиологический лексикон: к определению и интерпретации понятий // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. междунар. науч. конф., Екатеринбург, 27 апреля 2021 г. Екатеринбург: Ажур, 2021. С. 50–52.
12. Леонтьев Д.А. Ценность // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000. 516 с.
13. Лосский Н.О. Цѣнность и бытіе. Богъ и Царство Божіе какъ основа цѣнностей. Париж: YMCA PRESS, 1931. 135 с.
14. Пазио-Влазловская Д., Ицкович Т.В. Супружеские ожидания в религиозном контексте: католические и православные брачные объявления // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9, № 2. С. 702–714. doi: 10.15826/gr.2021.2.604
15. Петров А.В. Пересечение понятий «добро» и «зло» в этике и праве // Наука, общество, человек: Вестник Уральского отделения РАН. 2008. № 3. С. 28–31.
16. Писаревская А.А. Природа Бога в понимании Августина Блаженного // Молодой ученый. 2015. № 15 (95). С. 703–706. URL: <https://moluch.ru/archive/95/21424/> (дата обращения: 05.04.2025).
17. Проповедь на венчании 1. URL: <http://sv-troica.prihod.ru/favouritecat/view/id/1120772> (дата обращения: 05.05.2025).
18. Проповедь на венчании 2. URL: <https://proza.ru/2013/07/19/32> (дата обращения: 05.05.2025).
19. Рождественский А.В. Семья православного христианина. СПб.: Паровая типография Н.В. Гаевского, Васильевский остров, 5 лин., № 54, 1902. 594 с. Репринтное издание; М.: Междунар. изд. центр православной лит., 1994.
20. Рядовых Н.А. Экспликация категории тональности в текстах виртуального жанра // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1, № 4 (4). С. 203–207. doi: 10.21603/2782-4799-2022-1-4-203-207

21. Сюй Ш. Вербальные знаки ценностных предпочтений современной женщины (на материале брачных объявлений) // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 110–120.
22. Троицкий С.В. Христианская философия брака. Клин: Христианская жизнь, 2001. 224 с.
23. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. 840 с.
24. Dolník J. Jazyk – človek – kultúra. Bratislava: Kalligram, 2010. 224 S.
25. Ďurica J. Rodina vo Svätom Písme 1. Trnava: Dobrá kniha, 2017. 238 S.
26. Ferencová M. Fenomén hodnoty // Humanum. Międzynarodowe Studia Społeczno-Humanistyczne. 2009. № 3. S. 433–442. URL: <http://bazekon.icm.edu.pl/bazekon/element/bwmeta1.element.ekon-element-000171333749> (дата обращения: 10.03.2025).
27. Kluckhohn C. Culture and Behaviour: Collected Essays. N.Y., 1962. 402 p.
28. Lumen gentium. Dogmatická konštitúcia o Cirkvi. 1964, URL: <https://www.kbs.sk/obsah/sekcia/h/dokumenty-a-vyhlasenia/p/druhy-vatikansky-koncil/c/lumen-gentium> (дата обращения: 10.03.2025).
29. Mikloško J. Úvod, «Quo vadis, slovenská rodina?». Trnava: Inštitút ochrany práv dieťaťa a rodiny pri FZaSPTU v Trnave, Spoločnosť priateľov detí z detských domovov Úsmev ako dar, Slovenská spoločnosť pre rodinu, 2012.
30. Rodina je prvotná bunka spoločenského života, 2020 // Katechizmus katolíckej cirkvi. Trnava: Spolok sv. Vojtecha. URL: <https://katechizmus.sk/kkc-2207> (дата обращения: 10.03.2025).
31. Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y.: Free Press, 1973. 438 p.
32. Sčítanie obyvateľov, domov a bytov 2021. Demografia a sociálne štatistiky. jún 2023. Bratislava: Štatistický úrad Slovenskej republiky. URL: <https://slovak.statistics.sk/wps/portal/ext/Databases/datacube!/ut/p/z/0/04> (дата обращения: 10.03.2025).
33. Stanček L. Sobášne Homílie. Spišská Kapitula – Spišské Podhradie: «Kňazský seminár biskupa Jána Vojtaššáka», 2003. 116 s.

References

1. Augustine of Hippo. (2008) *Ispoved'* [The Confession]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
2. Barkova, L.A. (2016). Dukhovnoe videnie sem'i i materinstva v tvorchestve V.V. Rozanova [Spiritual Vision of the Family and Motherhood in the Works by V.V. Rozanov]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya.* 1. pp. 114–122.
3. Bortnikov, V.I. & Bortnikova, A.V. (2023) Kategorial'naya identifikatsiya publitsisticheskogo nachala v rannikh ocherkakh D.N. Mamina-Sibiryaka

[Categorical Identification of the Publicistic Element in the Early Sketches of D.N. Mamin-Sibiryak]. *Filologicheskiy klass.* 28(1). pp. 54–66. doi: 10.51762/1FK-2023-28-01-05

4. Vepreva, I.T. & Pazio-Vlazlovskaya, D. (2018) What Dating Site Adverts Can Tell About a Modern Woman (On Material of Polish and Russian Languages. *Rusin.* 52(2). pp. 177–192 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/52/13

5. Gankovskiy, S. (s.n.) *Slovo na venchanii* [A Word at the Wedding]. [Online] Available from: http://www.hram.info/propovedi/prazdnichnye_propovedi/propovedi_novobrachnym/dozhivite_do_lyubvi/ (Accessed: 5th May 2025).

6. Itskovich, T.V. (2021) *Zhanrovaya sistema religioznogo stilya* [The genre system of religious style]. Moscow: Flinta.

7. Itskovich, T.V. & Kupina, N.A. (2024) Sibiriana Anatoliya Omel'chuka: tekstovye kategorii i mental'no-spetsificheskiy tip sibiryaka [Anatoly Omelchuk's Siberiana: Text categories and the mental-specific type of Siberian]. *Quaestio Rossica.* 12(3). pp. 937–952. doi: 10.15826/qr.2024.3.917.

8. Karasik, V.I. (2023) *Yazykovoe preobrazovanie real'nosti* [Linguistic Transformation of Reality]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute.

9. Keler, A.I. (2024). Kategoriya adresanta v novoapostol'skoy molitve: kategorial'no-tekstovoy i aksiologicheskiy aspekty [The Addressee's category in the New Apostolic Prayer: categorical-textual and axiological aspects]. *Nauchnyy dialog.* 13(1). pp. 26–44. doi: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-26-44

10. Krajinjak, F. (2015) Status rusin'skogo yazyka v tser'kovniy sferei [The status of the Rusin language in the church sphere]. In: *Rusin'skyy literaturnyy yazyk na Slovakiy 20 rokiv kodifikatsii* [The Ruthenian Literary Language in Slovakia: 20 Years After Codification]. Prešov: University of Prešov – Institute of Ruthenian Language and Culture. pp. 194–199.

11. Kupina, N.A. (2021) Aksiologiya i aksiologicheskiy leksikon: k opredeleniyu i interpretatsii ponyatiy [Axiology and the Axiological Lexicon: Towards the Definition and Interpretation of Concepts]. *Aksiologicheskie aspekty sovremennoy filologicheskikh issledovanii* [Axiological Aspects of Modern Philological Research]. Proc. of the Conference. Ekaterinburg, April 27, 2021. Ekaterinburg: Azhur. pp. 50–52.

12. Leontiev, D.A. (2000). *Tsennost'* [Value]. In: *Chelovek. Filosofsko-entsiklopedicheskiy slovar'* [Man. Philosophical and Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka.

13. Losskiy, N.O. (1931) *Tsennost' i bytie. Bog" i Tsarstvo Bozhie kak" osnova tsennostey* [Value and Being. God and the Kingdom of God as the Basis of Values]. Paris: YMCA PRESS.

14. Pazio-Włazłowska, D. & Itskovich, T.V. (2021) Supruzheskie ozhidaniya v religioznom kontekste: katolicheskie i pravoslavnye brachnye ob'yavleniya [Marital Expectations in a Religious Context: Catholic and Orthodox Marriage Announcements]. *Quaestio Rossica.* 9(2). pp. 702–714. doi: 10.15826/qr.2021.2.604

15. Petrov, A.V. (2008) Peresechenie ponyatiy "dobro" i "zlo" v etike i prave [The intersection of the concepts of "good" and "evil" in ethics and law]. *Nauka, obshchestvo, chelovek: Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN.* 3. pp. 28–31.
16. Pisarevskaya, A.A. (2015) Priroda Boga v ponimanii Avgustina Blazhennogo [The nature of God in the understanding of St. Augustine]. *Molodoy uchenyy.* 15(95). pp. 703–706. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/95/21424/> (Accessed: 5th April 2025).
17. The Parish of the Holy Trinity Church in the City of Kirishi. (n.d.) *Propoved' na venchanii 1* [Sermon at the wedding 1]. [Online] Available from: <http://sv-troica.prihod.ru/favouritecat/view/id/1120772> (Accessed: 5th May 2025).
18. Proza.ru. (n.d.) *Propoved' na venchanii 2* [Sermon at the wedding 2]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2013/07/19/32> (Accessed: 5th May 2025).
19. Rozhdestvenskiy, A.V. (1902) *Sem'ya pravoslavnogo khristianina* [The Family of an Orthodox Christian]. St. Petersburg: N.V. Gaevskiy.
20. Ryadovykh, N.A. (2022) Eksplikatsiya kategorii tonal'nosti v tekstakh virtual'nogo zhanra [Explication of the category of tonality in virtual genre texts]. *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti.* 1(4(4)). pp. 203–207. doi: 10.21603/2782-4799-2022-1-4-203-207
21. Syui, Sh. (2016) Verbal'nye znaki tsennostnykh predpochteniy sovremennoy zhenshchiny (na materiale brachnykh ob'yavleniy) [Verbal Signs of Value Preferences of a Modern Woman (Based on the Material of Marriage Ads)]. *Nauchnyy dialog.* 11(59). pp. 110–120.
22. Troitskiy, S.V. (2001) *Khristianskaya filosofiya braka* [Christian Philosophy of Marriage]. Klin: Khristianskaya zhizn'.
23. Illichev, L.F. et al. (eds) (1989). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
24. Dolník, J. (2010) *Jazyk – človek – kultúra*. Bratislava: Kalligram.
25. Ďurica, J. (2017) *Rodina vo Svätom Písmе 1*. Trnava: Dobrá kniha.
26. Ferencová, M. (2009) Fenomén hodnoty. *Humanum. Międzynarodowe Studia Społeczno-Humanistyczne.* 3. pp. 433–442. [Online] Available from: <http://bazekon.icm.edu.pl/bazekon/element/bwmeta1.element.ekon-element-000171333749> (Accessed: 10th March 2025).
27. Kluckhohn, S. (1962) *Culture and Behaviour: Collected Essays*. New York: [s.n.]
28. Slovakia. (1964) *Lumen gentium. Dogmatická konštitúcia o Cirkvi*. [Online] Available from: <https://www.kbs.sk/obsah/sekcia/h/dokumenty-a-vyhlasenia/p/druhy-vatikansky-koncil/c/lumen-gentium> (Accessed: 10th March 2025).
29. Mikloško, J. (2012) *Úvod, "Quo vadis, slovenská rodina?"* Trnava: Trnava: Inštitút ochrany práv dieťaťa a rodiny pri FZaSPTU v Trnave, Spoločnosť priateľov detí z detských domovov Úsmev ako dar, Slovenská spoločnosť pre rodinu.
30. Slovakia. (2020) Rodina je prvotná bunka spoločenského života. In: *Katechizmus katolíckej cirkvi*. Trnava: Spolok sv. Vojtecha [Online] Available from: <https://katechizmus.sk/kkc-2207> (Accessed: 10th March 2025).

31. Rokeach, M. (1973) *The Nature of Human Values*. New York: Free Press.
32. Slovakia. (2021) *Sčítanie obyvateľov, domov a bytov 2021. Demografia a sociálne štatistiky*. jún 2023. Bratislava: Štatistický úrad Slovenskej republiky. [Online] Available from: <https://slovak.statistics.sk/wps/portal/ext/Databases/datacube/?ut/p/z0/04> (Accessed: 10th March 2025).
33. Stanček, L. (2003) *Sobášne Homílie*. Spišská Kapitula – Spišské Podhradie: Kňazský seminár biskupa Jána Vojtaššáka.

Ицкович Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия).

Tatiana V. Itskovich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Russia).

E-mail: tatiana.itckovich@urfu.ru

Петрикова Анна – доцент, кандидат филологических наук, института русистики Прешовского университета г. Прешов, философского факультет (Словакия).

Anna Petrikova – University of Prešov (Slovakia).

E-mail: anna.petrikova@unipo.sk

УДК 811

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/9

Явления лексической интерференции в речи старообрядцев – реэмигрантов из Южной Америки на Дальний Восток России

Н.Г. Архипова

Амурский государственный университет

Россия, 675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21

E-mail: charli71@mail.ru

Авторское резюме

Старообрядцы – реэмигранты из Южной Америки на Дальний Восток России являются потомками старообрядцев часовенного толка, эмигрировавших в первые десятилетия XX в. из России в Китай, а затем в 1940–1950-е гг. переселившихся в Южную Америку. В начале XXI в. начался процесс их возвращения на историческую родину – в Россию, в том числе на Дальний Восток. В настоящее время на территории Амурской области проживают более тридцати старообрядцев-реэмигрантов, с каждым годом их количество увеличивается, что, несомненно, влияет на диалектный ландшафт региона, в связи с чем изучение явлений внешней и внутренней лексической интерференции актуально. Многочисленные передвижения старообрядцев как в метрополии, так и вне её пределов сформировали особую языковую среду, практические не изученную с точки зрения семантического осознания и структурной адаптации, что объясняет новизну поставленной проблемы. Объектом изучения являются адаптированная к системе говора лексика иноязычного происхождения, дальневосточные регионализмы, лексемы современного русского литературного языка, являющиеся синонимами-дублетами диалектных слов говора старообрядцев. Материал получен методом сплошной выборки из аудиозаписей диалектной речи, рукописей старообрядцев, книги писателя-старообрядца Д.Т. Зайцева «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева». Выделяются типы носителей говора в зависимости от особенностей их языковой компетенции; описываются наиболее типичные лексико-семантические группы, включающие в свой состав лексику, появившуюся в говоре в результате интерференции. Иноязычная лексика охарактеризована с точки зрения семантической и грамматической адаптации. Данные социолингвистических наблю-

дений показывают, что старообрядцы владеют среднерусской диалектной формой русского языка, сложившейся на северорусской основе; они обучались русской грамоте в домашней среде; их письмо преимущественно фонетическое. Языковая компетенция старообрядцев-реэмигрантов обусловлена многими факторами, в том числе принадлежностью к определенному поколению и стране исхода; включенной в социально-экономические отношения с государством и его гражданами; интенсивностью миграции внутри Южной и Северной Америки; индивидуальными особенностями языковой личности и другими факторами. Выделены лексико-семантические группы, в которых зафиксирована лексика иноязычного происхождения. Внутренняя интерференция представлена лексикой современного русского литературного языка и дальневосточными регионализмами, прежде всего единицами предметной семантики, функционирующими в разговорном дискурсе и денотативно соотнесёнными с наименованиями человека, болезней и болезненных состояний, пищевых продуктов и блюд, фруктов и овощей, наименованиями бытовой утвари и орудий труда и т.д.

Ключевые слова: старообрядцы, реэмигранты, Южная Америка, говор, интерференция, лексика, заимствования

Lexical interference in the speech of Old Believers-re-emigrants from South America to the Far East of Russia

Nina G. Arkhipova

Amur State University

21 Ignatievskoye Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russia

E-mail: charli71@mail.ru

Abstract

The Old Believers – re-emigrants from South America to the Far East of Russia are descendants of Old Believers of the Chasovennyi type who emigrated in the first decades of the 20th century from Russia to China and then moved to South America in the 1940s – 1950s. These communities began returning to their historical homeland, including the Far East, in the early 21st century. Currently, over thirty such Old Believer re-emigrants reside in the Amur Region, a number that increases annually, which is altering the region's dialectal landscape, making the study of external and internal lexical

interference particularly relevant. The group's complex migration history, spanning both within and beyond the metropolis, has fostered a unique linguistic environment which remains largely unexamined in terms of semantic awareness and structural adaptation, a gap that underscores the novelty of this research. The study focuses on vocabulary of foreign origin that has been integrated into the speakers' linguistic system, Far Eastern regionalisms, and lexical units from modern Standard Russian that serve as synonyms for dialectal terms. Data were collected through continuous sampling from audio recordings of conversations with Old Believers, their manuscripts, and the book *The Story about the Life of Danila Terentyevich Zaitsev* by the Old Believer writer Danila T. Zaitsev. The paper identifies types of local accents depending on the specifics of speakers' linguistic competence and describes the most typical lexical-semantic groups exhibiting language interference. Borrowed vocabulary is analyzed in terms of its semantic and grammatical adaptation. Sociolinguistic observations indicate that the Old Believers speak a Middle Russian dialectal form of the language, which developed on a Northern Russian basis. They were taught Russian literacy in a home environment, resulting in a predominantly phonetic writing system. The linguistic competence of Old Believer re-emigrants is influenced by multiple factors, including generational cohort, country of origin, level of engagement in socio-economic relations with the state and its citizens, the intensity of migration within the Americas, and individual linguistic profiles. The study highlights specific lexical-semantic groups where foreign-origin vocabulary is recorded. Intralingual interference is evident from Modern Standard Russian and Far Eastern regionalisms, primarily affecting the subject-oriented semantics of conversational discourse. This includes vocabulary related to personalities, diseases and medical conditions, food products and dishes, fruits and vegetables, household utensils, and tools.

Keywords: Old Believers, re-emigrants, South America, dialect, interference, vocabulary, borrowings

Введение

Старообрядцы – реэмигранты из Южной Америки на Дальний Восток России представляют собой уникальную этноконфессиональную группу с особым языком, духовной и материальной культурой. Многочисленные их передвижения как в метрополии, так и вне её пределов сформировали уникальную среду, практические не изученную с точки зрения истории, языка и культуры, что объясняет научный интерес к заявленной теме.

Актуальность изучения явлений лексической интерференции в речи старообрядцев, родившихся или долгое время проживших в

Южной Америке, а позднее вернувшихся на свою историческую родину, в Россию, обусловлена необходимостью понять, какие явления происходят в языках замкнутых этносов в условиях постоянной миграции, в том числе в инокультурном окружении.

Старообрядцы зарубежья считают себя исконно русским населением, выполняющим особую миссию сохранить для потомков историю России, родной язык, «оставить потомству веру, культуру и всё само наилучшее», «сохранить чистоту душевною и телесною»; «сохранить свою родину и быть русским» [14]. На протяжении многих десятилетий они испытывали социально-культурное и языковое влияние со стороны принимающих стран и народов, что не могло не отразиться на формировании особой языковой картины мира, сформировать особый исторический путь, особый язык.

Все материалы для проведённого исследования получены автором во время экспедиций к старообрядцам, вернувшимся в Амурскую область из зарубежья: составлен опросник; проведены беседы с информантами (Фёдор Савельевич К. (1940 г. р.), Агрипина Ан.-Ег. (1985 г. р.), Гликерия К. (1997 г. р.), Ия Р. (2003 г. р.), Агния Р. (1999 г. р.), Трифена Р. (1991 г. р.)), проживающими в с. Новгородка Свободненского р-на и с. Волково Благовещенского р-на; изучена рукопись Фёдора Савельевича К., датированная 2022 г. и повествующая об истории и генеалогии рода Килиных-Реутовых; получены аудио-, видео- и фотоматериалы, демонстрирующие факты языковой и культурной интерференции. Восполнен фактологический пробел об эмиграции старообрядцев в Китай из Амурской области. На примере рода Фёдора Савельевича К. выявлены конкретные места проживания старообрядцев к Китаю и Южной Америке, путь возвращения в Амурскую область по территории России.

Цель исследования – выявить факты лексической интерференции, доказывающие подвижность диалектной системы говоров старообрядцев, обусловленную культурным и языковым контактированием.

Интерференция как «случаи отклонения от норм каждого языка, происходящие в речи билингвов в результате их знакомства с более чем одним языком», является результатом языкового контакта, под которым понимается «личевое общение между двумя языковыми коллективами» [11: 22]. Иными словами, «интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка» [12: 197].

Объектом изучения является адаптированная к системе говора лексика иноязычного происхождения (167 слов), дальневосточные регионализмы (23 слова), лексемы современного русского литера-

турного языка, являющиеся синонимами-дублетами диалектных слов говора старообрядцев (17 слов). Материал получен методом сплошной выборки из аудиозаписей бесед со старообрядцами [22], рукописей, созданных старообрядцами [22], книги писателя-старообрядца Д.Т. Зайцева «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» [14].

Выделяются типы носителей говора в зависимости от особенностей их языковой компетенции; описываются наиболее типичные лексико-семантические группы, включающие в свой состав лексику, появившуюся в говоре в результате интерференции. Иноязычная лексика охарактеризована с точки зрения семантической и грамматической адаптации.

Тематическая классификация собранного материала, выявление семантики и сферы употребления лексических единиц разных групп позволяет сделать выводы о динамических процессах, происходящих в говорах старообрядцев-реэмигрантов. Заимствованные единицы сопровождаются эквивалентами русского языка, даются комментарии при формальном или семантическом расхождении в структуре лексического значения.

Источниками верификации материала послужили двуязычные испанско-русский, португальско-русский, англо-русский словари [1; 9; 10], а также Словарь русских народных говоров [20].

Основные методы исследования – общенаучные методы анализа и интерпретации, методы полевого сбора материала (опрос, интервьюирование, включенное наблюдение), методы социолингвистического анализа, в том числе анкетирование, методы собственно лингвистического анализа (тематическая классификация, словарная выборка и др.).

Исторический путь старообрядцев Амурской области

Население Амурской области сложилось к первым десятилетиям XX в. в результате движения сложных миграционных потоков как из Центральной России, Сибири, Забайкалья, так и из Беларуси, Украины, Польши, Румынии и др.

В научных источниках конца XIX – начала XX в. практически не фиксируют конфессиональный статус переселенцев на Дальний Восток Российской империи. В географо-статистических изданиях [15], Погодных ведомостях [18; 19] обычно употребляется слово «раскольники», называющее не только старообрядцев, но и молокан, духоборов и представителей других конфессиональных групп в противопоставление православному христианству, что значительно осложняет историю изучения вопроса.

Прибывать в Амурскую область старообрядцы начали с 50–60-х гг. XIX в. На них была возложена миссия сельскохозяйственного освоения обширных левобережных приамурских территорий. Позднее по приглашению губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского старообрядцы переселялись на Дальний Восток преимущественно для обслуживания почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой [17; 21].

Первые поселенцы – беспоповцы (семейские, поморцы, часовенные, кержаки) и «австрийцы» [13].

В конце XIX – начале XX в. начинается переселение старообрядцев на восток России из Австрии, Румынии, Болгарии, Турции [16: 15–28]. В период с 1907 по 1912 г. наблюдается резкое увеличение количества старообрядцев в Амурской области за счёт липован – русских старообрядцев, вернувшихся в Россию из Румынии и компактно поселившихся в Свободненском районе (с. Климоутцы) [21: 293].

Старообрядческие поселения Амурской области образовывались главным образом с 1858 по 1912 г. несколькими путями: переселением из других регионов, внутренней миграцией и созданием временных поселений для выполнения различного рода хозяйственных работ (пасеки, пчельники, выселки, заимки и др.); путём выделения наделов женатым сыновьям.

В инородной религиозной и культурной среде старообрядцы различных толков и согласий всегда стремились поддерживать связи на общинном и семейном уровнях, что в условиях Амурской области часто приводило к нивелировке разногласий между сторонниками старообрядческих течений, а осознание себя семейскими, поморцами, кержаками и подобным группам носило скорее региональный, чем религиозный характер.

В первые десятилетия XX в. стал очевиден приход советской власти на Дальний Восток, что повлекло за собой интенсивную эмиграцию старообрядцев в соседний Китай. В г. Харбине и его окрестностях образовалось несколько старообрядческих поселений [2–4].

В 1919–1920 гг. из-за Гражданской войны, охватившей Амурскую область, многие старообрядцы переселялись г. Хабаровск, а позже – в Приморье, Никольск-Уссурийский, а затем – в г. Харбин [23: 8]. Часть старообрядческих семей из Приморья, спасаясь от коллективизации и репрессий, эмигрировали в Трехречье и Маньчжурию и недалеко от г. Харбина основала деревни Романовку, Коломбо, Чипигу (Масаловку), Медяны и др. [1: 212].

В исторических источниках нет описания фактов прямого переселения старообрядцев из Амурской области в Китай, однако есть свидетельства о том, что отдельные семьи амурских семейских в

30-е гг. присоединялись к казачьим отрядам, переходили русско-китайскую границу и уже на территории Китая подселялись в русские приграничные села, а также русские поселения в близи г. Харбина [5; 6].

Во второй половине 1940-х – 1960-е гг. старообрядцам пришлось уехать из Китая в Австралию и Южную Америку, откуда впоследствии часть из них эмигрировала в Канаду и США. Однако был и обратный путь – в Советский Союз. Как отмечает Ю.В. Аргудяева, «с приходом в Маньчжурию в 1945 г. Красной Армии часть мужчин из старообрядческих деревень увезли в СССР и подвергли репрессиям. Оставшиеся семьи расселились в разных местах Маньчжурии; в 1950–1960-е гг. некоторые из них вернулись в Советский Союз, но большинство уехали в Австралию и Бразилию, откуда позднее перебрались в США и Канаду» [1: 214]. В настоящее время наблюдается процесс возвращения в Амурскую область старообрядцев часовенных («харбинцев») из Бразилии, Уругвая, Чили и других стран Южной Америки [5].

Таким образом, в своеобразных geopolитических условиях Дальнего Востока процесс формирования старообрядчества прошел несколько этапов, что повлияло на религиозное, духовное и культурное своеобразие этой группы населения.

Характеристика старообрядческой общины

Русские старообрядцы Южной Америки – это потомки старообрядцев, во второй половине 1940-х – 1950-е гг. эмигрировавших в Уругвай, Бразилию, Боливию из Китая, ранее вынужденно переселившихся под Харбин и Синьцзян из Советской России. В начале XXI в. начался процесс возвращения главным образом их третьего поколения на историческую родину – в Россию, в том числе на Дальний Восток.

В Амурскую область старообрядцы-реэмигранты начали прибывать в 2016 г. из Уругвая: в это время община насчитывала 16 человек. К 2024 г. численность старообрядцев увеличилась на 9 человек за счёт естественного прироста и переезда новых членов общины из Бразилии и Чили. В настоящее время община насчитывает более 25 человек. В перспективе предвидится массовый переезд старообрядцев из Южной Америки на Дальний Восток России, что, несомненно, будет влиять на диалектный ландшафт региона.

Предки информантов в 1930-е гг. эмигрировали из Приамурья под китайский Харбин, а затем в 1949 г. перебрались в Южную Америку, в Бразилию в штат Парана, район Понта-Гросса и поселились около фазенд Санта-Крус и Полмейро. Затем переехали в д. Офир в Уругвае. Именно здесь, по мнению информантов, находится «корень» старообрядческих колоний Северной и Южной Америки [22].

Родиной предков старообрядцев-реэмигрантов Амурской области является деревня Кутора в Томской губернии Российской империи, здесь они жили до 1890 г. В течение 3 лет «кочевали» в Амурскую область и обосновались на заимке на реке Бурея. В 1930 г. переехали в Хабаровский край (деревня Берёзовка), затем в Приморский край (д. Дерсу). В январе 1933 г. эмигрировали в Китай (д. Чипигу (январь 1933 г.), д. Сытохэзу (1937 г.)). В 1960 г. переехали в Бразилию, в 1966 г. – в Уругвай. «Кочевали» по странам Южной Америки. В 2008 г. вернулись в Россию: в г. Белгород (2008–2009 гг.), с. Дерсу Приморского края (2009–2016 гг.), с. Новгородка Амурской области (2016–2025 гг.). В феврале и мае 2025 г. старейшины рода Фёдор Савельевич К. и Татьяна Ивановна М. переехали на реку Енисей в Дубченский старообрядческий беспоповский скит Томской области.

Многочисленные передвижения второго–пятого поколений старообрядцев как в Южной Америке, так и по территории России сформировали особую языковую картину мира, особую языковую компетенцию. Старообрядцы зарубежья идентифицируют себя как русские, утверждая сохранение ими языка, культуры, веры: «Мы оказались по ту сторону истории, что сохранили говор чисто русский, испоконной язык неисковерканый, за границей сохранили все качества, драгоценны для жизни, это клад телесный и духовный» [14].

Характер языковой компетенции старообрядцев-реэмигрантов обусловлен не только миграцией, но и другими факторами, что будет рассмотрено далее.

Языковая компетенция старообрядцев-реэмигрантов

Языковая компетенция старообрядцев-реэмигрантов обусловлена многими факторами [8: 44]:

1. Принадлежность к поколению. В настоящее время в Амурской области проживают старообрядцы зарубежья второго–пятого поколений в возрасте от 18 до 75 лет. Шестое поколение – дети, рождённые в России.

Старообрядцы второго поколения владеют разговорными формами китайского и английского языков, уругвайским вариантом испанского языка. В их русской диалектной речи отмечаются заимствования из всех названных языков. Старообрядцы последующих поколений не владеют китайским языком. Для детей диалектная форма русского языка является единственной формой вербальной коммуникации.

2. Принадлежность к стране исхода. Русский язык выходцев из Уругвая в меньшей степени, чем русский язык реэмигрантов из других стран Южной Америки, подвержен интерференции. Это обусловлено

многочисленностью членов общины, компактным проживанием в пределах 2–3 больших поселений, наличием многопоколенных семей, функционированием «домашних» школ, отдалённостью от школ с обучением на уругвайском варианте испанского языка, наличием авторитетных глав религиозных соборов и другими факторами.

Выходцы же из Бразилии в совершенстве владеют бразильским вариантом португальского языка. Многие обучались в бразильских начальных школах. В их речи наблюдается как свободное «переключение» с одного языка на другой, так и наличие в русской речи большого числа заимствований из бразильского варианта португальского языка на уровнях «усвоения» и «укоренения».

3. Включенность в социально-экономические отношения с государством и его гражданами. Выходцы из Уругвая в Южной Америке были заняты главным образом сельскохозяйственным производством в рамках личного хозяйства, мало контактировали с государственными органами и местными жителями.

Для многих выходцев из Бразилии третьего и четвертого поколений эмигрантов португальский вариант бразильского языка является основным языком делового общения: они активно вступают в контакты как с представителями государства, так и с местными жителями, нанимают работников-бразильцев, выходят замуж за бразильцев и женятся на бразильянках. В разговорах по телефону с родственниками, оставшимися в Бразилии, с детьми в своей семье они пользуются бразильским вариантом португальского языка. Иногда старообрядцы не могут по-русски выразить свои мысли.

4. Интенсивность миграции внутри Южной и Северной Америки. Было отмечено, что активность миграции внутри континента напрямую обуславливает активность проникновения иноязычной лексики в говор: чем чаще старообрядцы переезжают с места на место, тем большее количество иноязычных слов проникает в их русскую речь.

5. Индивидуальные особенности языковой личности. Семейные традиции, авторитет родителей, понимание идеи о необходимости и престижности родного языка, а также индивидуальные особенности личности формируют отношение к языку страны проживания, что, несомненно, позволяет выделить нетипичные случаи сформированности языковых компетенций старообрядцев в рамках общих тенденций владения языком.

В целом, в речевой практике старообрядцев существует не менее четырёх языков. Информанты в разной степени владеют бразильским вариантом португальского языка, английским и диалектным вариантом русского языка, понимают по-испански и по-китайски, что свидетельствует об активных контактах старообрядцев с народами, для которых данные языки являются родными.

В настоящее время в Амурской области старообрядцы-реэмигранты, обладающие разными языковыми компетенциями, проживают очень компактно в пределах одного села, их говор находится в стадии формирования, и вопрос о системности интерферированной лексики в их речи остаётся открытым в связи с неоднородностью их языковых компетенций.

Далее рассмотрим явления внешней и внутренней лексической интерференции в говоре старообрядцев-реэмигрантов, факты стилистической дифференциации заимствованных слов, деривационные связи и особенности функционирования.

Явления лексической интерференции

Лексическая интерференция в говорах старообрядцев проявляется в составе многих лексико-семантических групп, включающих помимо общерусских и диалектных слов лексику, заимствованную из языков Южной и Северной Америки [8].

Было выделено несколько лексико-семантических групп, в которых заимствованная лексика представлена наиболее широко:

1. Наименования человека:

А. Наименования человека по возрасту: *бебка, бебечка* [исп. *bebé*] «маленький ребёнок, ребёночек».

Б. Наименования человека по стране проживания, национальности, владению языками Южной Америки: *боливьюха/боливьянка* [исп. *boliviana*] – «боливийка»; *боливьянец, мн. ч. боливьянцы* [исп. *boliviano*] – «боливиец»; *бразильян/бразильянин, мн. ч. бразильяны* [исп. *brasileño*] – «бразилец»; *мексикан/мексиканин, мн. ч. мексиканы* [исп. *mexicano*] – «мексиканец»; *гринга* [исп. *gringo*] – «иностраник, не говорящий по-испански (по-португальски)»; *чиленец* [исп. *chileno*] – «чилиец», *чиленка* [исп. *chilena*] – «чилийка».

В. Наименования человека по роду деятельности: *агрикультор* [исп. *agricultor*] – «земледелец, крестьянин, фермер»; *директора* [исп. *directora*] – «женщина – директор школы»; *префейто* [порт. *prefeito*] – «мэр»; *продуктор* [исп. *productor*] – «производитель овощей и фруктов»; *профессор* [исп. *profesor*] – «учитель»; *стансёр* [исп. *estanciero*] – «фермер, землевладелец»; *съентифик* [исп. *científico*] – «ученый».

Г. Наименования человека по его качествам: *стратега* [исп. *estratega*] – «стратег»; *идиот* [порт. *idiota*] – «человек, совершающий неразумные поступки»; *интеллигента* [порт. *inteligente*] – «умный, развитый, образованный человек».

Отметим, что в подгруппе «Семья и духовные родственники» заимствования не обнаружены. Однако вместо слова *семья* может употреб-

бляться лексема *фамилия* [исп. *familia*] – «семья»; двоюродный брат (диалектное *братан*) и двоюродная сестра (диалектное *сеструха/сестренница*) могут называться *примо* и *прима* [исп. *primo*] – «кузен».

Д. Имена и прозвища [7: 94–95].

В последние годы при выборе имени наблюдается тенденция к поиску испанского или португальского соответствия русскому: *Доминика* (*Домна*), *Дамиан* (*Демьян*) и др.: «У меня три сестры: Прасковья, Доминика, Синклитикя, брат Кирилл, сын Дамиан» [22].

Наблюдается замена крестильного имени португальским или испанским вариантом: *Афонсо* (Афанасий), *Даниэль* (Данила), *Дамиао* (Демьян), *Абрао* (Абрам). Обычно таким именем старообрядцы представляются коренным жителям стран Южной Америки: соседям, чиновникам и представителям власти, под этим именем учатся в школе, это имя сами старообрядцы указывают в социальных сетях: «Ай, Даниель–Даниель, сос инкреиблे»; «Вышла дочь, узнала, что я самый и есть Даниель – мня весь Уругвай знал как хорошего рыбака»; «Я родитель Андрияна, Даниель Зайцев, приятно с вами познакомиться» [14]. От иноязычного имени возможно образование дериватов с испанскими (португальскими) словообразовательными формантами: «–Даниелито, женатой, нет?» [14].

При произнесении иноязычного соответствия русскому имени наблюдается фонетическая интерференция с испанским или португальским языками, а также отмечается стремление произнести это имя в соответствии с грамматической нормой иностранного языка. Например, отсутствует редукция; у имен, оканчивающихся на -о, не отмечена система склонения: «Мы только гостили у Афонсо»; «В школе он себя Дамиао называл» [22].

Так появляются широкие ряды антропонимов, включающие разнородные по происхождению компоненты, например: *Афанасий* – *Афония* – *Афонсо*; *Даниил* – *Данил* – *Данила* – *Данька* – *Дашка* – *Даниэль*.

Важно отметить, что двуязычие (полиязычие) старообрядцев в настоящее время охватывает всю антропонимическую систему. При этом мотивировки антропонимов даются носителями диалекта как на русском, так и на бразильском варианте португальского (уругвайском варианте испанского) языков, при этом возможно склонение антропонимов: «У нас Грипку больше зовут Льёрой. Всё белое: глаза, брови, ресницы, а Сиклетку – Пекенитой ([порт. *loira*] «блондинка»; порт. [реquenita] «малышка»)» [22].

2. Наименования животных: *дого* [исп. *dogo*] – «дог»; *гусан* [исп. *gusano*] – «червяк»; *траир* [порт. *trairo*] – «название рыбы траир»; *патка* [исп. *pata*] – «вид домашней утки»; *раса* [исп. *raza*] – «порода животных».

3. Наименования болезней и болезненных состояний: *тюмор* [исп. *tumor*] – «опухоль»; *канцер* [исп. *cáncer*] – «рак»; *невмония* [исп. *pneumonía*] – «пневмония»; *иктус* [исп. *ictus*] – «инфаркт».

4. Наименования частных владений с землей: *лома* [исп. *lote*] – «участок земли»; *чакра* [порт. *chakra*] – «участок земли с домом»; *фазенда* [порт. *fazenda*] – «ферма».

5. Наименования машин и техники: *машинерия* [исп. *maquinaria* «техника»] – «сельскохозяйственная техника»; *мота* [исп. *moto*] – «мотоцикл»; *фригорифико* [исп. *frigorífico*] – «холодильник, рефрижератор»; *камион* [исп. *camión*] – «грузовик»; *сембадора* [исп. *sembradora*] – «сеялка»; *косесадора* [исп. *cosechadora*] – «комбайн».

6. Наименования растений: *копаделейте* [порт. *copo de leite* «стакан молока, калла»] – «калла»; *мандариха* [исп. *manzanilla*] – «ромашка»; *ува* [исп. *uvas*] – «виноград»; *копаденёва* (исп. *copo de neva* «стакан снега») – «спирея»; *фижон* [порт. *feijão*] – «фасоль», *салада* [порт. *salada*] – «салат», *абобора* [порт. *abóbora*] – «тыква», *пимента* [порт. *pimentão*] – «перец», *темера* [порт. *tâmara*] – «финик», *каки* [порт. *caqui*] – «хурма», *фига* [порт. *figo*] – «инжир». Многие наименования растений, цветов, плодов являются экзотизмами, отражающими природу Южной Америки: *мате* [исп. *mate*] – «растение пабуб парагвайский»; *пиньон* [порт. *pitão*] – «плод растения пиния»; *манджиока* [порт. *mandioca*] – «растение маниока» и др.

7. Наименования ткани: *панома* [англ. *panama*] – «искусственный шелк»; *сэнтэтик* [англ. *synthetics*] – «любая синтетическая ткань»; *найл* [англ. *nylon*] – «нейлон»; *джардже* [англ. *jarget*] – «креп-жоржет»; *торгал* [англ. *torgal*] – «разновидность хлопковой ткани типа рубашечной с ярким рисунком».

Помимо заимствований из языков Южной и Северной Америки можно выделить немногочисленную группу слов, источниками которой являются славянские языки: польский и украинский. На проникновение в говор старообрядцев слов именно из этих языков указывают сведения о контактах старообрядцев с поляками и украинцами в Южной Америке [22]. К этой группе относятся наименования блюд: *вареники*, *пироги*, *бигос*, *фляги*, *голонка* и др.

Например, в говорах старообрядцев слова *вареники* и *пироги* обозначают «отварные изделия из пресного теста с начинкой из творога». Однако слово *пироги* обозначает изделия, идущие на продажу, а *вареники* – изделия, употребляемые дома. Начинка для *вареников* и *пирогов* состоит из творога, картофельного пюре и мягкого сыра. Во всех других случаях аналогичные блюда, но с начинкой из других продуктов в говорах старообрядцев называются *пельменями*.

Как объясняют информанты, раньше их старшие родственники не употребляли слов *вареники* и *пироги*. Данные лексемы были заимство-

ваны в 60-е гг. XX в. из украинского и польского языков у украинцев и поляков, переселившихся в Южную Америку в середине 20-х гг. XX в.

У занимавшихся производством продуктов питания и торговлей ими украинцев – эмигрантов из западных областей Украины отварные изделия из пресного теста с начинкой из творога, картофельного пюре и сыра назывались *пироги*. Пирогами называли вареники и эмигранты-поляки. В речи другой группы украинцев, переселившейся из Восточной Украины, употреблялось слово *вареники*. Познакомившись с блюдом, старообрядцы закрепили в речевой практике оба слова, получивших в говорах семантическую дифференциацию [22].

Наполнение лексико-семантических групп, включающих иноязычную лексику, представлено главным образом стилистически нейтральными или разговорными словами предметной семантики. Однако значительный пласт заимствованной лексики составляют слова книжного стиля, относящиеся к сфере официально-делового дискурса, что можно объяснить необходимостью вступать в деловые отношения с иностранным государством и его гражданами и отсутствием лексических эквивалентов в диалектном языке старообрядцев.

Назовём деривационные, семантические и парадигматические особенности заимствованной лексики книжного стиля:

1. Представленность разными частями речи: *абилитировать* – *абилитированный* (*абилитировать* – глагол [исп. *habilitar*] «получить официальное разрешение на использование чего-либо, оформить»; *абилитированной* – прилагательное [исп. *habilitar*] «имеющий официальное разрешение»); *конфликт* – *конфликтивной* (*конфликт* – существительное [исп. *conflict*] «конфликт, спор, недоразумение»; *конфликтивной* – прилагательное [исп. *conflictivo*] «конфликтный»).

2. Изменение структуры лексического значения заимствованного слова, следствием чего является развитие новых парадигматических отношений в говорах старообрядцев: *мирский* [диал. «не принадлежащий старообрядческой общине»]; *мирские* (о людях), *мирская посуда*, *мирская еда* – *поганый* [диал. со словами предметной семантики «не принадлежащий старообрядческой общине»]: *поганое полотенце*, *поганая посуда*, *поганый котелок* – *публичной* [исп. *publico*], «общественный, не принадлежащий старообрядческой общине»: *публичная дорога* – «общая дорога, не ведущая в деревню старообрядцев», *публичные машины* – «машины, не принадлежащие жителям старообрядческой деревни».

3. Многочисленность слов официально-делового дискурса, что позволяет выделить лексико-семантическую группу «Бизнес и деловые отношения»: *агенда* [исп. *agenda*] – «записная книжка, ежедневник, план работы»; *компромисс* [исп. *compromiso*] – «договоренность, договор, обязательство»: *заключить компромисс*; *приват* [исп. *privado* «частный»] –

«частная собственность»; *резерва* [исп. *reserva*] – «резерв»; *резумен* [исп. *resumen*] – «резюме»; *сайбер-кафе* [исп. *cibercafe*] – «интернет-кафе»; *туризма* [исп. *turismo*] – «туризм»; *ферия* [исп. *feria*] – «ярмарка».

Большая часть такой лексики используется в производственных областях, связанных с сельским хозяйством: *агрикультор* [исп. *agricultor*] – «земледелец, крестьянин, фермер»; *продуктор* [исп. *productor*] – «производитель овощей и фруктов»; *стансёр* [исп. *estanciero*] – «фермер, землевладелец»; *машинерия* [исп. *maquinaria* «техника»] – «сельскохозяйственная техника»; *фригорифико* [исп. *frigorifico*] – «холодильник, рефрижератор»; *камион* [исп. *camión*] – «грузовик»; *сембадора* [исп. *sembradora*] – «сеялка»; *косесадора* [исп. *cosechadora*] – «комбайн».

Лексическая интерференция проявляется в заимствовании иноязычных лексем, не имеющих исконных эквивалентов: *агента, лота, чакра, фазенда, огар, панкарта* и др.

Деривационные связи иноязычной по происхождению лексики имеют свою специфику. Словообразование в основном гибридное: часть слова (чаще всего это корень) из одного из языков Южной Америки, а словообразовательный и формообразовательный элементы – русские: *публичной* [исп. *publico*]: публич-н-ой; *абилитированной* [исп. *habilitar*]: абилитир-ова-нн-ой, *абилитировать*: абилитир-ова-ть; *конфликтивной* [исп. *conflictivo*]: конфликтив-н-ой.

Однако бывают исключения, влияющие на грамматические признаки заимствованного слова при его адаптации в русском языке. Так, слово *коммунизм* в русском литературном языке является существительным мужского рода, а в говорах старообрядцев под влиянием лексемы уругвайского варианта испанского языка *comunismo* и с учетом качественной редукции имеет форму женского рода *коммунизма*. Аналогичными примерами могут выступать слова *резерва* [исп. *reserva*] – «резерв»; *туризма* [исп. *turismo*] – «туризм».

Особенности функционирования и формы существования иноязычных слов в говорах старообрядцев – реэмигрантов чрезвычайно разнообразны. Можно говорить о начальном проникновении в говор таких слов, адаптации, усвоении и укоренении.

Об усвоении и укоренении иноязычной лексики в говоре старообрядцев-реэмигрантов свидетельствуют следующие факты:

1) слово имеет свободную сочетаемость: *публичная посуда, публичная дорога, публичные машины*;

2) развитые семантические парадигмы, например синонимические: *рефрижератор* [англ. *refrigerator*] – *желадерия* [порт. *geladeira*] – *фригорифика* [исп. *frigorifico*], «холодильник»;

3) развитые грамматические парадигмы: слово начинает склоняться, спрягаться, образовывать степени сравнения и под.: *В Macane*

в ребятах всегда хотел быть лидером, за это получил прозвище *Префейто* – глава. Старикам он не покорялся и всегда с ними спорил. Как-то раз деда Даниила вынудил, и он ему сказал: «Недаром тебя и прозвали Префейтом» [порт. *prefeito*] – «мэр» [14];

4) характерное для говора произношение: *коммунизма*, *конфликтной*, *публичной*, *ботаника*, *Доминика*, *спонсырь*, *супервайзырь*;

5) развитые деривационные отношения: *газолин* – *газолинка* – *газолиновый*; *фижон* – *фижоновый*; *пиньон* – *пиньевый* – *пиньоновый*;

6) слово не имеет зафиксированных в говоре синонимов-дублетов;

7) не осознается носителями говора как заимствованное;

8) фиксируется в речи большинства;

9) обладает высокой частотностью употребления.

На территории России говоры старообрядцев испытывают влияние со стороны литературного языка и местных региолектов. Так, были отмечены полные синонимы с более частотным употреблением в речи литературной или региолектной лексемы: *тятя* – *пана* (лит.), *фижон* – *фасоль* (лит.), *камион* – *грузовик* (лит.), *мамонька* – *свекровь* (лит.); *тятенька* – *свёкр* (лит.); *кафетерия* («кафе») – *чебанька* (регион. «кафе китайской кухни»); *круглый хлеб* – *булка хлеба* (регион.) и др. Предполагается усиление данной тенденции и вытеснение из речевой практики заимствованной из языков Южной Америки лексики, главным образом предметной семантики.

Заключение

Таким образом, наличие заимствованной лексики в говорах старообрядцев – реэмигрантов из Южной Америки на Дальний Восток России свидетельствует о языковых, культурных, экономических контактах старообрядцев с носителями иностранных языков.

Иноязычная лексика в разной степени активности функционирует в говорах старообрядцев-реэмигрантов независимо от поколения и страны исхода в различных тематических и лексико-семантических группах. Фиксируется начальное проникновение в говор таких слов, адаптация, усвоение и укоренение. Наблюдается активное проникновение в говор иноязычных антропонимов.

Заимствованная лексика стилистически дифференцирована. В настоящее время можно говорить о обиходно-бытовой и официально-деловой сферах речи старообрядцев-реэмигрантов с использованием слов иноязычного происхождения.

Не всегда можно точно определить форму и языковой статус заимствованного слова, однако признаки адаптации данной лексики к системе говора позволяют утверждать, что со временем её часть

может укорениться в адаптированной форме, а часть исчезнет с устраниением необходимости отражения действительности Южной Америки и под влиянием русского литературного языка и региолектов в метрополии.

Литература

1. Англо-русский словарь. Ок. 35000 слов / сост. В.Д. Аракин и др. Стер. изд. М.: Воскресенье, 1993. 605 с.
2. Аргудяева Ю.В. Старообрядцы в Приамурье и Приморье // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие. Иркутск, 2005. С. 204–215.
3. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток, 2008. 254 с.
4. Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток: Дальнаука, 2013. 427 с.
5. Архипова Н.Г. Динамические процессы в лексике говоров старообрядцев Амурской области // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2015. С. 158–166. doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-158-166
6. Архипова Н.Г. Старообрядцы Амурской Области: история особенности языкового существования // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 14. Благовещенск, 2017. С. 52–56.
7. Архипова Н.Г. Антропонимы в речевой практике старообрядцев Южной Америки // Ономастика Поволжья: материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля. Оренбург: Оренбург. книга, 2021. С. 90–95.
8. Архипова Н.Г., Куроедова М.А. Иноязычная лексика в говорах старообрядцев-реэмигрантов из Южной Америки на Дальний Восток России // Казанская наука. Казань: Рашин Сайз, 2022. № 9. С. 43–45.
9. Большой испанско-русский словарь = Gran diccionario español-ruso Gran diccionario español-ruso / под ред. Б.П. Нарумова. М.: Русский язык–Медиа, 2004. 828 с.
10. Большой португальско-русский словарь / сост. Е.Н. Феерштейн, С.М. Старец. М.: Живой язык, 2016. 936 с.
11. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. и comment. Ю.А. Жлуктенко. Киев: Вища шк., 1979. 263 с.
12. Виноградов В.А. Интерференция. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
13. Дальневосточный старообрядец. Харбин, 1935. 24 с.

14. Зайцев Д.Т. Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева – «Альпина Диджитал» (Zayicev_D._Povest_I_Jitie_Danilyi_Te.a4.pdf). 2015. URL: <https://avidreaders.ru/book/povest-i-zhitie-danily-terentevicha-zayceva/> (дата обращения: 20.05.2025).
15. Кириллов А.В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ней областей. Благовещенск, 1894. 465 с.
16. Лобанов В.Ф. Возвращение старообрядцев (1990–1913 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 1994. № 2. С. 15–28.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Владивосток, 1904. Вып. 76: Приморская область. Тетр. 2.
18. Погодные ведомости состояния и учёта сектантов в Амурской области. 1900–1902 гг. Благовещенск, 1903.
19. Погодные ведомости состояния и учёта сектантов в Амурской области. 1903–1905 гг. Благовещенск, 1906.
20. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1965. Вып. 1–51.
21. Старообрядцы-переселенцы // Церковь. 1912. № 12.
22. Фоноархив «Говоры старообрядцев Южной Америки». Дневники №№ 1–23 // Фонды Лаборатории региональной лингвистики. Благовещенск, 2001–2025.
23. Шведов В.Г. Расселение староверов на юге Дальнего Востока в XIX – начале XXI веков // Успехи современного естествознания. 2019. № 7. С. 146–153.

References

1. Arakin, V.D. et al. (eds) (1993) *Anglo-russkiy slovar'* [English-Russian Dictionary]. Moscow: Voskresen'e.
2. Argudyaeva, Yu.V. (2005) *Staroobryadtsy v Priamur'e i Primor'e* [Old Believers in the Amur region and Primorye]. In: Dulov, A.V. et al. (eds) *Konfessii narodov Sibiri v XVII – nachale XXv.: razvitiye i vzaimodeystvie* [Confessions of the Peoples of Siberia in the 17th – Early 20th Centuries: Development and Interaction]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 204–215.
3. Argudyaeva, Yu.V. (2008) *Russkie staroobryadtsy v Man'chzhurii* [Russian Old Believers in Manchuria]. Vladivostok: RAS.
4. Argudyaeva, Yu.V. & Khisamutdinov, A.A. (2013) *Iz Rossii cherez Aziyu v Ameriku: russkie staroobryadtsy* [From Russia through Asia to America: Russian Old Believers]. Vladivostok: Dal'nauka.
5. Arkhipova, N.G. (2015) *Dinamicheskie protsessy v leksike govorov staroobryadtsev Amurskoy oblasti* [Dynamic processes in the vocabulary of the Old Believers' dialects of the Amur region]. *Staroobryadchestvo: istoriya i*

sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye syvazi [Old Believers: History and Modernity, Local Traditions, Russian and Foreign Ties]. Proc. of the Conference. Ulan-Ude. pp. 158–166. doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-158-166

6. Arkhipova, N.G. (2017) *Staroobryadtsy Amurskoy Oblasti: istoriya osobennosti yazykovogo sushchestvovaniya* [Old Believers of the Amur Region: History and peculiarities of linguistic existence]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskiy al'manakh.* 14. pp. 52–56.

7. Arkhipova, N.G. (2021) *Antropomimy v rechevoy praktike staroobryadtsev Yuzhnay Ameriki* [Anthroponyms in the speech practice of Old Believers in South America]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga Region]. Proc. of the 11th International Conference. Orenburg: Orenburgskaya kniga. pp. 90–95.

8. Arkhipova, N.G. & Kuroedova, M.A. (2022) *Inoyazychnaya leksika v govorakh staroobryadtsev-reemigrantov iz Yuzhnay Ameriki na Dal'niy Vostok Rossii* [Foreign vocabulary in the dialects of Old Believers-reemigrants from South America to the Far East of Russia]. *Kazanskaya nauka.* 9. pp. 43–45.

9. Narumov, B.P. (ed.) (2004) *Bol'shoy ispansko-russkiy slovar'* [Large Spanish-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy jazyk. Media.

10. Feershtein, E.N. & Starets, S.M. (eds) (2016) *Bol'shoy portugalsko-russkiy slovar'* [Large Portuguese-Russian Dictionary]. Moscow: Zhivoy jazyk.

11. Weinreich, U. (1979) *Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts: the state and problems of research]. Translated from English by Yu.A. Zhuktenko. Kiev: Vishcha shk.

12. Vinogradov, V.A. (1990) *Interferentsiya* [Interference]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.

13. Anon. (1935) *Dal'nevostochnyy staroobryadets* [The Far Eastern Old Believer]. Harbin: [s.n.].

14. Zaytsev, D.T. (2015) *Povest'i zhitie Danily Terent'evicha Zaytseva* [The Story and Life of Danila Terentyevich Zaitsev]. [Online] Available from: <https://avidreaders.ru/book/povest-i-zhitie-danily-terentevicha-zayceva/> (Accessed: 20th May 2025).

15. Kirillov, A.V. (1894) *Geografichesko-statisticheskiy slovar' Amurskoy i Primorskoy oblastey s vklucheniem nekotorykh punktov sopredel'nykh s ney oblastey* [Geographical-Statistical Dictionary of the Amur and Primorye Regions, Including Some Points of Adjacent Regions]. Blagoveshchensk: [s.n.].

16. Lobanov, V.F. (1994) *Vozvrashchenie staroobryadtsev (1990–1913 gg.)* [The Return of the Old Believers (1990–1913)]. *Rossiya i ATR.* 2. pp. 15–28.

17. Russian Empire. (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Russian Empire in 1897]. Vol. 76. Vladivostok: [s.n.].

18. Russian Empire. (1903) *Pogodnye vedomosti sostoyaniya i ucheta sektantov v Amurskoy oblasti. 1900–1902 gg.* [Annual Records on the Status and Registration of Sectarians in the Amur Region. 1900–1902]. Blagoveshchensk: [s.n.].

19. Russian Empire. (1906) *Pogodnye vedomosti sostoyaniya i ucheta sektantov v Amurskoy oblasti. 1900–1902 gg.* [Annual Records on the Status and Registration of Sectarians in the Amur Region. 1903–1905]. Blagoveschensk: [s.n.].
20. Filin, F.P. (ed.) (1965-) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. St. Petersburg: Nauka.
21. Anon. (1912) *Staroobryadtsy-pereselentsy* [Old Believer Settlers]. *Tserkov'*. 12.
22. Funds of the Laboratory of Regional Linguistics "Amur State University." (2001–2025) *Fonoarkhiv "Govory staroobryadtsev Yuzhnay Ameriki"* [Phonographic Archive "Dialects of Old Believers in South America"]. Diaries №№ 1–23. Blagoveschensk.
23. Shvedov, V.G. (2019) *Rasselenie staroverov na yuge Dal'nego Vostoka v XIX – nachale XXI vekov* [Settlement of Old Believers in the southern far east in the 19th – early 21st centuries]. *Uspekhi sovremennoego estestvoznaniya*. 7. pp. 146–153.

Архипова Нина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского государственного университета, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета (Россия).

Nina G. Arhipova – Amur State University (Russia).

E-mail: charli71@mail.ru

УДК 81.373.211.1+811.161

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/10

Украинское наследие в ойконимии Центрального Черноземья России

С.А. Попов

Воронежский государственный университет
Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: spo@bk.ru

Авторское резюме

Детально анализируется влияние украинской топонимической традиции на формирование современной карты населённых пунктов Центрального Черноземья России, включая такие регионы, как Белгородская, Воронежская и Курская области. Лингвистическому анализу подверглись все существующие в настоящее время ойконимы указанных субъектов Российской Федерации, включенные в Государственный каталог географических названий, а также ойконимы, исчезнувшие в результате реорганизации населённых пунктов (в форме слияния, присоединения, выделения, разделения), их упразднения и переименования, входящие в формируемый автором «Топонимический мартиолог Центрального федерального округа России». Рассматриваются исторические аспекты возникновения названий городов, посёлков, сёл, хуторов и деревень; показана связь региональной топонимии с процессом расселения малороссов (украинцев) на протяжении нескольких столетий; демонстрируется значимость сохранения культурной памяти региона. Собранный ойкономический материал распределён по трём языковым уровням (фонетический, лексический, словообразовательный) и некоторым лексико-семантическим группам (антропоойконимы, основы которых содержат украинскую нарицательную лексику, обозначающую род занятий человека, прозвища, данные их носителям по внешнему виду, характеру, ассоциациям с животным и растительным миром; ойконимы, в основу которых положены названия орудий производства, род занятий населения; геогенные ойконимы, в основе которых содержатся различные признаки географических объектов, природных условий местности, этнотопонимы). Сделан вывод, что многовековые языковые контакты двух родственных восточнославянских народов привели к появлению украинских ойконимов в Центральном Черноземье России и сделали их частью русской национальной культуры.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, топонимы, ойконимы, Центральное Черноземье, лингвокраеведение, русский язык, украинский язык

Ukrainian heritage in the oikonymy of Russia's Central Chernozem Region

Sergey A. Popov

Voronezh State University

1 University Square, Voronezh, 394018, Russia

E-mail: spo@bk.ru

Abstract

This study provides a detailed analysis of the influence of the Ukrainian toponymic tradition on the formation of the modern settlement map in Russia's Central Black Earth Region, encompassing the Belgorod, Voronezh, and Kursk oblasts. The linguistic analysis covers all currently existing oikonyms within these federal subjects, as listed in the State Catalogue of Geographical Names, as well as obsolete oikonyms that have disappeared due to settlement reorganization—such as mergers, consolidations, divisions, and abolitions—drawn from the author's ongoing compilation, *The Toponymic Martyrology of the Central Federal District of Russia*. The research examines the historical origins of the names of cities, towns, villages, and hamlets. It demonstrates the connection between regional toponymy and the centuries-long settlement process of Little Russians (Ukrainians), thereby highlighting the importance of preserving the region's cultural memory. The collected oikonomic material is categorized according to three linguistic levels—phonetic, lexical, and word-formational—and further classified into several lexico-semantic groups. These groups include: anthropoikonyms derived from Ukrainian common nouns denoting occupations, or from nicknames based on physical appearance, character, or associations with the animal or plant world; oikonyms based on the names of tools of production or local industries; geogenic oikonyms reflecting specific features of geographical objects and the natural conditions of the area; ethnotoponyms. In conclusion, the centuries-long linguistic contacts between these two related East Slavic peoples led to the integration of Ukrainian oikonyms into the Central Black Earth Region, making them an integral part of Russia's national cultural heritage.

Keywords: onomastics, toponymics, toponyms, oikonyms, Central Chernozem region, linguistic regional studies, Russian language, Ukrainian language

Введение. Постановка проблемы

Историческое изучение топонимов играет важную роль в понимании особенностей заселения территории, миграционных потоков и взаимодействия разных народов. Приграничный Центрально-Чернозёмный регион России традиционно известен своей многонациональностью и полиглоссией, особенно благодаря массовому переселению малороссов (украинцев) на указанные земли в течение XVII–XIX вв. Эти процессы оставили заметный след в топонимическом ландшафте макрорегиона, и данная работа направлена на выявление и систематизацию такого влияния.

Современный топонимикон Центрального Черноземья Российской Федерации, сформировавшийся на протяжении нескольких веков, многогранен как по времени появления, так и по языковому происхождению (помимо славянских – иранские, тюркские и финно-угорские языки), словообразованию и лексическому значению. В исследуемом российском макрорегионе находится ряд населённых пунктов, компактно заселённых потомками малороссийских (украинских) переселенцев, сохранивших национальную самобытность (фольклор, диалекты и говоры (региолект), фамилии, географические названия и др.).

Актуальность исследования определяется тем, что украинская языковая составляющая в современной ойконимии приграничных регионов Центрального Черноземья России ярко демонстрирует тесное взаимодействие двух близких этносов, особенности переселения и хозяйственного освоения указанной территории. Изучение данной проблематики помогает глубже понять природу этнокультурных связей русских и украинцев, закономерности языкового и этнокультурного заимствования и адаптационных процессов. Этому также способствуют активизация региональных топонимических исследований в Российской Федерации и других славянских странах, развитие лингвокраеведения, равноценная важность ономастических данных южнорусских и украинских говоров на территории Центрального Черноземья.

Основная цель работы заключается в исследовании массивного пласта существующих и исчезнувших ойконимов Центрально-Чернозёмного региона России (более пяти тысяч единиц) и выявлении среди них наименований населённых пунктов украинского происхождения, что позволит проиллюстрировать историю заселения и хозяйственного освоения макрорегиона яркими топонимическими примерами.

Основой эмпирического материала послужили существующие в настоящее время ойконимы Белгородской, Воронежской и Курской

областей, включённые в Государственный каталог географических названий¹ и его реестры по субъектам Российской Федерации², а также ойконимы, исчезнувшие в результате реорганизации населённых пунктов (в форме слияния, присоединения, выделения, разделения), их упразднения и переименования, входящие в формируемый автором «Топонимический мартиролог Центрального федерального округа России»³.

Из истории малороссийской (украинской) колонизации Центрального Черноземья России

История миграции малороссов (украинцев) на территорию современной России уходит корнями в далёкое прошлое. С начала XVII в. и вплоть до XX в. многочисленные волны переселенцев из Малороссии (Украины) обживали новые российские земли, активно участвуя в сельскохозяйственном освоении и развитии инфраструктуры, что сопровождалось перенесением культурных и языковых традиций, в т. ч. и ойконимов. Таким образом, «в результате ассимиляции языка, культуры, самосознания, экономических связей двух наиболее многочисленных народов региона и сформировалось единое геоэтно-культурное пространство региона» [20: 98].

Исследователь и организатор диалектологической фиксации народных говоров курско-белгородского региона Г.В.Денисевич утверждал, что «история украинских поселений и говоров с украинской основой имеет важное значение как для этнографической, так и для лингвистической характеристики края. Написание такой истории – дело трудное, так как очень скучны письменные источники» [3: 93]. Тем не менее подобного рода научные исследования очень важны для наших современников и потомков.

Как отмечал воронежский профессор-историк В.П. Загоровский, «по сравнению с другими русскими землями, входившими после образования централизованного государства в пределы государственной территории России, Центральное Черноземье имело одну весьма существенную особенность: здесь на рубеже XV и XVI столетий практически (за исключением крайней западной части современной Курской области) не имелось постоянного населения, не существовало городов и сёл. Это был запустевший в результате монголо-татарского нашествия и установления длительного монголо-татарского ига край» [8: 5]. За указанной местностью в научном мире закрепилось название «Дикое поле» («Поле»).

В дальнейшем «значительная часть освоенной территории Поля была заселена черкасами – казаками слободских украинских пол-

ков: Сумского, Ахтырского, Изюмского, Харьковского, Острогожского. Мотивы, которые вынудили украинских казаков переселиться на юго-восток, под покровительство московского царя, заключаются в усилении гнёта польско-литовской шляхты Речи Посполитой, с одной стороны, турками Османской империи – с другой» [24: 139].

В XVII–XVIII вв. на территории современных Харьковской, Сумской (до р. Сейм) областей Украины, части Донецкой Народной Республики (до р. Бахмутка), Луганской Народной Республики (до р. Айдар), а также Воронежской (правобережье Дона от с. Коротояк до г. Богучар и на левом берегу Дона до р. Толучеевка), Белгородской и Курской областей России сложилась историческая область Российского государства *Слободская Украина* (*Слобожанщина*) (далее – С.У.). «В XVI в. русское правительство организовало на территории С.У. сторожевую службу, которую несли служилые и охочие люди из донских и запорожских казаков. Со 2-й пол. XVI в. (особенно в 1630-х гг.) заселялась украинскими казаками и крестьянами, бежавшими от гнёта польских магнатов с территории правобережной Украины, находившейся в составе Речи Посполитой. Переселенцы селились слободами (отсюда название “С.У.”) и назывались “слободскими казаками”, ими основан г. Острогожск. С севера С.У. заселялась русскими служилыми людьми и беглыми крестьянами, в XVII в. освоение дополнилось и целенаправленной государственной колонизацией. Соседство с Диким полем обусловило строительство на территории С.У. участков засечных черт, в частности Белгородской черты, что имело решающее значение для колонизации. Массовое заселение С.У. происходило в 1650–1680-е гг. После вхождения С.У. в состав Московского государства (1667 г.) русское правительство в оборонительных целях сохраняло за казаками часть прав и принцип казацкой военно-территориальной организации – полковой строй. В 1650-х гг. в числе других был сформирован Острогожский черкасский полк. В конце XVII в. население С.У. составляло ок. 100 тыс. чел., в 1732 г. – ок. 400 тыс. чел., в 1770-х гг. – свыше 570 тыс. чел. В 1765 г. на территории С.У. образована Слободско-Украинская губерния, в 1835 г. переименованная в Харьковскую губернию» [13: 422].

Как отмечает молодой воронежский исследователь В.М. Брезгунова, «на переселение черкас в Россию в XVII в. влияло несколько сложных, многосоставных факторов. Прежде всего это было обострение политической обстановки в Речи Посполитой, проявлявшееся в народных восстаниях и, как обратной реакции, жестоком их подавлении со стороны правительства. Немаловажное влияние оказывала и проблема безопасности украинских земель с юга. Также одной из причин была проводимая Россией политика, так как государство было

заинтересовано в заселении и защите своих южных окраин и поэтому всячески стремилось материально поддержать переселенцев, хотя при этом старалось не привлекать излишнее внимание крупными переселениями и избегать обострения отношений с Речью Посполитой из-за обстановки на границе» [1: 21–22]. По её наблюдениям, «с точки зрения социальной дифференциации, в Россию переселялись представители самых разных сословий: крестьяне, мещане, казаки, духовенство, мелкая шляхта. Определить их общее количество и количественное соотношение отдельных групп не представляется возможным, так как, с одной стороны, архивные материалы сохранились не полностью, а с другой – не все переселения нашли отражение в официальных документах» [1: 14].

В середине XVII в. была построена Белгородская черта – укреплённая линия на юго-западной границе Российского государства на пути вторжения крымских и ногайских татар [8: 3], особенно значение Белгорода возросло с 1658 г., когда «возникло новое географическое понятие “города Белгородского полка” и соответственно сформировалась новая административно-территориальная единица – Белгородский разряд, частично соответствовавший территории современных областей Центрального Черноземья России и частично северо-восточных областей Украины» [2: 80–81].

Гораздо больший размах переселение малороссов (украинцев) в Воронежский край получило в 80–90-х гг. XVII в. и особенно в начале XVIII в., когда на территорию современных Белгородской, Воронежской и Курской областей переселилось значительное количество крестьян-малороссов, которых привлекла в этих местностях возможность мирных сельскохозяйственных и промышленных занятий.

Как отмечает С.А. Филонович, «проживающие на “Слобожанщине” казаки-черкасы, отличающиеся не только говором и бытовой культурой, но и имеющие признаки самостоятельного украинского этноса, образовали крупные зоны компактного расселения украинцев на территории Черноземья. Сегодня это следующие районы (с современным административным названием):

- в Курской области – Обоянский, Беловский, Суджанский, Кореневский, Глушковский, Рыльский, Хомутовский;
- в Белгородской области – Борисовский, Грайворонский, Чернянский, Новооскольский, Волоконовский, Валуйский, Вейделевский, Ровеньковский, Алексеевский, Красногвардейский;
- в Воронежской области – Острогожский, Каменский, Лискинский, Подгоренский, Ольховатский, Россошанский, Кантемировский, Богучарский, Калачеевский, Петропавловский, Воробьевский» [24: 140–141].

По утверждению географов, «следующая волна переселения украинцев, менее интенсивная, была вызвана Столыпинской реформой. Украинцы расселились в это время в основном на юге и юго-востоке Воронежской губернии. В конце XIX века украинцы составляли 36 % населения региона. По переписи 1926 года их численность сократилась до 33 %» [20: 97].

В настоящее время ряд муниципальных районов и городских округов Центрального Черноземья массово или частично населён потомками малороссийских (украинских) переселенцев. Развивающиеся процессы этнокультурной интеграции двух родственных восточнославянских народов – характерная черта этнического развития населения данной территории. Этнические контакты прошлого, вызвавшие взаимодействие национальных языков и культур, их дальнейшее развитие и обогащение, прочно зафиксировались в ономастиконе русско-украинского пограничья России: украинское наследие сохранилось в антропонимии, топонимии и астрономии. Поэтому, как справедливо утверждает основатель и бессменный руководитель Воронежской ономастической школы профессор Г.Ф. Ковалев, «в процессе лингвокраеведческой работы необходимо не забывать, что на нашей территории ономастические данные южнорусских и украинских говоров одинаково важны при изучении региональных особенностей нашего края, а также для воспитания истинного патриотизма, лишенного элементов узколобой великородственности» [10: 245].

Методика и материалы исследования

Сегодня ойкономия Белгородской области досконально исследована И.И. Жиленковой [5; 6], М.В. Федоровой [23], Воронежской области – В.П. Загоровским [7; 9], Г.Ф. Ковалевым [12], С.А. Поповым [17; 18], В.А. Прохоровым [21], Курской области – В.Н. Орловым [14], А.И. Ященко [25].

Современную ойкономию Воронежской области украинского происхождения мы начали исследовать еще в конце XX в. [16] и продолжили в XXI в., уже в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для молодых учёных⁴. В настоящее время мы обращаем особое внимание на исчезнувшие ойкономии, поскольку «общая тенденция исчезновения наименований населённых пунктов в регионе за последние 60 лет не обошла стороной воронежские ойкономии украинского происхождения, которые в настоящее время прекратили своё существование» [19: 386].

Основные причины исчезновения ойкономов в т.ч., и украинского происхождения: реорганизация населённых пунктов (в форме слия-

ния, присоединения, выделения, разделения), их упразднение и переименование. Как мы отмечали ранее, «в ушедших ойконимах отражены особенности исторического развития региона, «законсервированы» следы материальной и духовной культуры, взаимопроникновения культур различных эпох и народов. Комплексный анализ ушедших ойконимов в номинационном, лексико-семантическом, историко-культурном, историко-этнографическом, краеведческом аспектах позволит восстановить лингвокультурологические системы разных временных эпох в разных микроареалах Воронежской области» [19: 385].

Процессы языкового контактирования между украинским и русским языками в топонимии проявляются через заимствования, адаптацию и ассимиляцию языковых элементов. Украинские ойконимы, попадая в russkoyazychnuyu среду, часто подвергались трансформациям, что может быть связано как с фонетическими, так и с морфологическими изменениями. В связи с этим вполне справедливо замечание, сделанное Г.Ф. Ковалевым: «Что касается украинской топонимии в пределах Воронежской области, то нужно сказать, что многие украинские топонимы здесь подаются в официальной (русифицированной) форме. Письменные источники зачастую скрывают истинные формы украинских топонимов. Даже в такой специализированной работе, как монография С.А. Попова “Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин” (Воронеж, 2003) практически нет украинских вариантов ойконимов украиноязычного ареала Воронежской области. Поэтому для восстановления языковой картины каждого топонима или микротопонима необходимо проверять их по произношению местного населения в украиноязычных районах» [11: 9].

Как полагает О.П. Дмитриева, «городская топонимика на сегодняшний день влияния украинизмов почти не ощущает. На селе украинское наследие еще живо, но уже не столь многочисленно. Одна из основных причин кроется в практически полной изоляции, которая способствует ограничению и сужению объема украинской лексики как в бытовой коммуникации, так и в ономастическом аспекте, в частности, потому что вся топонимия на картах и официально-деловых документах выполняется только в русифицированном варианте» [4: 83].

Для полноценного лингвистического анализа ойконимов Центрального Черноземья России украинского происхождения необходимо сопоставить существующие и исчезнувшие названия населённых пунктов, поскольку только в этом случае мы лучше поймём языковую картину мира местного населения, выясним причины номинации им своих поселений, увидим отражение национальных особенностей. В приведённых ниже примерах исчезнувшие ойконимы отмечены знаком «*».

Настоящие примеры для иллюстраций взяты из Государственного каталога географических названий (реестры наименований населённых пунктов по Белгородской (БО), Воронежской (ВО) и Курской (КО) областям) и формируемого С.А. Поповым «Топонимического мартиролога Центрального федерального округа России».

I. Фонетический уровень:

БО: х. Дукмасивка, х. Махотынка, х. Верхняя Гусынка, х. Нижняя Гусынка.

ВО: х. Выткалы* (в документах 1934 г.; в 1960-е гг. – Виткалы), х. Большой Лозовый*, х. Лозовый* (ср.: рус. Лозовой), сл. Галапивка (ср.: рус. Галаповка), х. Гусынка* (ср.: рус. Гусинка, Гусиновка, Гусевка), х. Индычий, х. Кобцивка* (ср.: рус. Кобцовка), х. Козынка* (ср.: рус. Казинка), х. Лежнивка* (ср.: рус. Лежневка), х. Потымок* (ср. рус. Потимок).

II. Лексический уровень:

1. Антропоиконымы, основы которых содержат украинскую нарицательную лексику, обозначающую:

а) род занятых человека:

БО: с. Алейниково, с. Олейники, х. Олейницкий (олейник (алейник – ‘изготовитель растительного масла или торговец им’), с. Ковалёво (коваль – ‘кузнец’), х. Мирошники (мирошник – ‘мельник’), с. Тютюниково (тютюнник – ‘ тот, кто выращивает табак или продает его’), с. Шведуновка (от прозвища шведун, швед (швец) – ‘портной’).

ВО: с. Гармашевка, ст. Гартмашевка (гармаш – ‘артиллерист, пушкарь’), х. Ковалёв, с. Ковалёво, п. Коваленковский, х. Кравцовка, х. Кравцово (кравец – ‘портной’), х. Крамарев, х. Крамаренков (крамар – ‘торговец, лавочник’), х. Лимарев (лимарь – ‘шорник’), х. Мирошников, с. Титаревка (титар – ‘ктитор’); х. Ковалёвский*, х. Крахмалёв* (крахмаль – ‘крахмальщик’);

КО: х. Шевченко, п. Шевченко;

б) прозвища, данные их носителям по внешнему виду, характеру, по ассоциациям с животным и растительным миром:

БО: с. Гарбузово (гарбуз – ‘тыква’).

ВО: с. Дерябкино (дерябка – ‘сойка’), с. Скнаровка (скнара – ‘скупец, скряга’), с. Смаглеевка (смаглий – ‘смуглый’), с. Юнаково (юнак – ‘юноша’, ‘молодой человек бравого вида’). х. Бабаково* (бабак – ‘сурок’);

в) ойконимы, образованные от украинских антропонимов:

ВО: х. Васильков* (Василь – ‘Василий’).

2. Ойконимы, в основу которых положены названия орудий производства, род занятий населения:

БО: с. Илек-Кошары (кошара – ‘сарай, загорода для овец’);

ВО: х. Ветряк (ветряк – ‘ветряная мельница’), с. Кошарное, х. Кошарный; х. Кошарный*, х. Попасный*.

КО: д. *Кашара*, д. *Кашарка*.

3. Геогенные ойконимы, в основе которых содержатся различные признаки географических объектов, природных условий местности:

а) названия, связанные с гидрографическими особенностями местности:

БО: с. *Белый Колодезь*, х. *Белый Колодезь*, х. *Жилин Колодезь*, х. *Колодезный*, с. *Неведомый Колодезь*, с. *Теплый Колодезь* (колодезь – ‘колодец, родник’), х. *Белокриничный*, с. *Криничное*, х. *Криничное*, х. *Криничный* (криница – ‘родник, необорудованный источник’);

ВО: х. *Белый Колодезь*, х. *Голубая Криница* х. *Коловертъ* (коловертень – ‘водоворот’), х. *Копани*, х. *Копанки*, с. *Копанице* (копанка, копані – ‘яма, вырытая для сбора воды’, ‘колодец без сруба’); с. *Колодези**, х. *Копани**, х. *Копаный**, п. *Копания** (копанка, копані – ‘яма, вырытая для сбора воды’, ‘колодец без сруба’), с. *Криница**, х. *Кринички**, х. *Криничный**;

КО: с. *Белый Колодезь*, п. *Белый Колодезь*, д. *Берёзово-Колодезь*, д. *Верхнеправоторский Колодезь*, д. *Грязный Колодезь*, с. *Долгий Колодезь*, х. *Колодезек*, д. *Колодезки*, д. *Лисий Колодезь*, с. *Махов Колодезь*, д. *Медведев Колодезь*, д. *Меловой Колодезь*, с. *Общий Колодезь*, д. *Полевой Колодезь*, х. *Резвый Колодезь*, с. *Рогозецкий Колодезь*, с. *Толстый Колодезь*, д. *Томилин Колодезь*, х. *Хмелевой Колодезь*, д. *Хотеж Колодезь*, д. *Черный Колодезь*;

б) названия, отразившие местоположение населённого пункта, географического объекта:

БО: х. *Хрецатый* (хрецатий – ‘крестовидный, крестообразный’);

ВО: с. *Кутки*, х. *Куток* (куток – ‘угол’, ‘окраина поселения’, ‘часть, сторона села’), с. *Хрецатое*; с. *Весёлый Кут**, х. *Красный Кут** (куток – ‘угол’, ‘окраина поселения’, ‘часть, сторона села’), х. *Довжик** (довгий – ‘длинный’);

в) ойконимы, в основе которых содержатся названия растений и животных, встречающихся или встречавшихся в регионе:

БО: с. *Гарбузово*, х. *Зелёный Гай*, х. *Барвинок*.

ВО: х. *Индычий* (индык – ‘индейка’), с. *Лиски* (ліски – ‘орешник’), с. *Осиковка* (осика – ‘осина’), х. *Репяховка* (реп'ях – ‘репейник’), с. *Тхоревка* (тхір – ‘хорёк, хорь’), х. *Чагары* (чагары – ‘лесная поросль, кустарник’). п. *Зелёный Гай** (гай – ‘роща, небольшой листвененный лес’), п. *Курячий** (курячий – ‘куриный’), х. *Тхоревка** (тхір – ‘хорёк, хорь’).

4. Этнотопонимы, в которых отражен этнический состав проживающих или проживавших в данной местности людей. По мнению А.И. Попова, «географические имена, произшедшие от этнических, чаще всего расположены на пограничьях, на стыке разных племенных групп. Там, где встречаются русские и мордва, мордва и татары, русские и удмурты и т.д., всегда много населённых пунктов с названиями,

носящими в первой части соответствующий определитель: *Русская (-ое, -ий), Мордовская (-ое, -ий)* и т. п. Во многих случаях это явление новое, насчитывающее с момента возникновения 200–300 лет, а иногда и менее» [15: 83].

В исследуемом макрорегионе весьма заметно противопоставление ойконимов по линии русское – украинское (черкасское, казачье):

БО: п. Казачок, с. Казачок, п. Казацкая Степь, с. Казацкое, с. Казачье, с. Казачье-Рудченское, с. Казачья Лисица, х. Новоказацкий, с. Ново-казацкое, х. Новочеркасский, с. Русская Березовка, с. Русская Халань, с. Черкасское.

ВО: х. Казачков*, с. Казачок, с. Панская Гвоздёвка* (было названо по украинским казакам-переселенцам, которых в Воронежской губернии раньше называли панами, черкасами; в 1966 г. Панская Гвоздёвка переименована в Гвоздёвку), с. Русская Буйловка, с. Русская Гвоздёвка, с. Русская Журавка, с. Русская Тростянка, с. Украинская Буйловка, с. Хохол-Тростянка (по украинскому населению, хохлам), х. Украинский, с. Хохлацкое* (одно из прежних названий с. Украинская Буйловка), с. Черкасское; с. Черкасская Гвоздёвка* (одно из прежних названий с. Гвоздёвка), с. Черкасская Тростянка* (прежнее название с. Хохол-Тростянка).

КО: д. Казачья Каменка, с. Казачья Локня, х. Новочеркасский, д. Русская Конопелька, с. Русское Поречное, х. Украинка, с. Черкасская Конопелька, с. Черкасское Поречное, х. Черкассы.

III. Словообразовательный уровень представлен отантропонимическими ойконимами с украинскими патронимическими суффиксами *-енко*- (*-енков-*), указывающими на то, что фамилия дана предку данного рода по имени или прозвищу отца. Изначально суффикс имел уменьшительное значение и буквально означал «маленький», «молодой человек», «сын». Позднее он утратил прямое значение и стал употребляться в качестве фамильного компонента, в том числе для обозначения прозвищ и профессий. Зачастую в основе отантропонимических ойконимов также лежит личное имя или прозвище человека – первопоселенца или владельца:

БО: с. Алексеенково, х. Артеменков, х. Бабенков, х. Басенков, х. Бондаренков, п. Быценков, х. Васильченков, п. Геращенково, с. Иващенково, с. Калиниченково, х. Кириченков, х. Кисленко, с. Клименково, с. Луценково, х. Максименково, х. Марченко, х. Остапенко-Второй, х. Остапенко-Первый, с. Савенково, х. Савченко, х. Федоренков, х. Якименков.

ВО: х. Гордиенков*, х. Гордиенков Второй*, х. Гордиенков Первый*, х. Демченков, х. Диденков*, с. Дьяченково, х. Иванченков, х. Иванченков*, х. Ивченково, х. Игуменков*, х. Казменков*, с. Карпенково, х. Кириченков*, с. Кириченково, п. Коваленковский, х. Кравченков*, х. Крамаренков,

п. Кривченково, х. Левченков*, х. Лещенково, х. Марченков*, сл. Марченковка, х. Мищенково*, х. Николенков, п. Новитченко, х. Пашенково, с. Петренково, х. Науменков*, п. Радченский*, х. Романенков, х. Самойленко, х. Самойленков*, х. Сереженков, х. Сидоренков*, х. Стеценков*, с. Стеценково, с. Филиппенково, с. Фисенково, х. Фоменко*, с. Фоменково, х. Шевченко, х. Шевченко*, с. Шевченково; х. Четверенков*, х. Шумейков*.

КО: д. 1-я Малая Долженкова, д. 2-я Малая Долженкова, д. Большое Анненково, с. Большое Долженково, д. Борзенково, с. Долженково, д. Малое Анненково, д. Татаренкова, д. Умеренково, п. Шевченко, х. Шевченко.

Особую группу в приграничной ойконимии Центрального Черноземья составляют названия населённых пунктов, повторяющие украинские географические реалии (ойконимы-мигранты):

БО: с. Дунайка (от р. Дунай), п. Сумовский (от г. Сумы), с. Харьковское (от г. Харьков).

ВО: х. Верхнее Киевское*, х. Верхний Киев (от г. Киев), х. Запорожкин* (от Запорожье), с. Лебединка (от г. Лебедин), х. Новокиевское* (от г. Киев), сл. Новохарьковка, п. Пески-Харьковские (от г. Харьков), с. Полтавка (от г. Полтава).

КО: д. Дунайка, х. Лебедин, п. Светлый Дунай.

К перечню белгородских ойконимов-мигрантов также следует добавить наблюдения Ю.В. Сайненко, обнаружившей в исследуемом материале перенесённые из Украины названия без словообразовательных изменений (п. Викторополь Вейделевского района – от г. Викторополь) и наименования, претерпевшие словообразовательные изменения (х. Конотоповка Валуйского района – от г. Конотоп, п. Сумовский Ракитянского района, х. Сумской Белгородского района – от г. Сумы, х. Ямпольский Борисовского района – от г. Ямполь [22].

Заключение

В результате проведённого исследования мы пришли к выводу, что этническая история русско-украинского пограничья, выраженная взаимодействием национальных языков, ярко отразилась в ойконимии Центрального Черноземья Российской Федерации. Многовековые языковые контакты двух родственных восточнославянских народов привели к прочной фиксации украинских ойконимов в исследуемом русскоязычном макрорегионе и сделали их частью русской национальной культуры. Однако общая тенденция исчезновения наименований населённых пунктов в регионе за последние 60 лет не обошла стороной и ойконимы украинского происхождения, которые в настоящее время прекратили своё существование.

Изучение украинского наследия в ойконимии Центрального Чер-

ноземья позволяет глубже понять механизмы интеграции этнических групп в единую российскую общность. Макрорегион обладает огромным потенциалом для развития туризма, образования и науки, основанным на глубоком уважении к различным национальным культурам. Поддерживая проекты по сохранению памятников материальной и духовной культуры, мы способствуем укреплению национального самосознания и гордости за общее прошлое наших народов.

Примечания

1. ФГБУ «Центр геодезии, картографии и инфраструктуры пространственных данных» выполняет работы по созданию и ведению Государственного каталога географических названий (ГКГН), обеспечивающего регистрацию и учёт наименований географических объектов Российской Федерации, континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации и географических объектов, открытых или выделенных российскими исследователями. ГКГН создан с целью обеспечения единообразного и устойчивого употребления наименований географических объектов, сохранения наименований как составной части исторического и культурного наследия народов Российской Федерации, обеспечения потребностей в официальной информации о наименованиях географических объектов для государственной власти, организаций и граждан, а также для удовлетворения потребностей федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций, средств массовой информации и граждан в официальной информации о наименованиях географических объектов. ГКГН содержит около 800 000 названий географических объектов следующих типов: населённые пункты, моря, острова, озёра, реки, ручьи, болота, горы, перевалы, объекты железнодорожного и водного транспорта, а также другие названия по 450 типам объектов местности антропогенного и природного происхождения. По названию географического объекта доступна такая информация, как история установления и изменения названия, источники установления названия, административная и географическая привязка, местоположение объекта (координаты). Сведения из Госкаталига предоставляются по запросам органов государственной власти и местного самоуправления, организаций и граждан. URL: <https://cgkipd.ru/science/names/index.php> (дата обращения: 04.06.2025).

2. В разделе размещены Реестры наименований географических объектов по каждому субъекту Российской Федерации в алфавитной последовательности наименований всех географических объектов по форме «201», в формате pdf. Реестры наименований населённых пунктов по каждому субъекту

Российской Федерации по административным районам субъектов Российской Федерации по форме «202нп», а также Реестр зарегистрированных в разделе 2 ГКГН наименований географических объектов континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации, географических объектов, открытых или выделенных российскими исследователями в пределах открытого моря и Антарктики, в формате pdf. Реестры содержат информацию о регистрационном номере, наименовании географического объекта, типе объекта, административно-территориальной привязке, географических координатах (широта и долгота), привязке к другим географическим объектам и номенклатуру листа карты масштаба 1:100 000, на котором располагается объект. URL: <https://cgkipd.ru/science/names/reestry-gkgn.php> (дата обращения: 04.06.2025).

3. Работа по составлению «Топонимического martyролога Центрально-го федерального округа Российской Федерации» ведётся С.А. Поповым в рамках выполнения гранта Российского научного фонда № 23-28-01737 «Топонимический martyролог Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект» (<https://rscf.ru/project/23-28-01737/>).

4. Топонимия украинского происхождения в Центральном Черноземье России: Грант Президента РФ для государственной поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук (проект МК-7838.2006.6, руководитель НИР – Попов С.А.), 2006 г.

Литература

1. Брезгунова В.М. Переселение черкас в Россию в XVII веке. Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2025. 219 с.
2. Глазьев В.Н. Города на Юге России в XVII веке: состав и численность населения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 80–85.
3. Денисевич Г.В. К истории образования говоров с украинской основой на курско-белгородской территории // Ученые записки Курского государственного педагогического института (гуманитарный цикл). Вып. IX. Курск, 1959. С. 92–112.
4. Дмитриева О.П. Украинское наследие в топонимии Россосанского района Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2 (ч. 2). С. 80–83.
5. Жиленкова И.И. Региональная топонимика (ойконимия Белгородской области): учеб. пособие к спецкурсу. Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. 112 с.
6. Жиленкова И.И. Топонимы Белгородской области (системный лингвонализ названий населённых пунктов): учеб. пособие по лингвокраеведению. 2-е изд. Белгород: ИД «Белгород», 2012. 124 с.

7. Загоровский В.П. Как возникли названия городов и сел Воронежской области. Воронеж: Центрально-Чернозёмное кн. изд-во, 1966. 111 с.
8. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: Издательство ВГУ, 1969. 303 с.
9. Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973. 136 с.
10. Ковалев Г.Ф. Ономастические этюды: Писатель и имя. Воронеж: ВГПУ, 2002. 275 с.
11. Ковалев Г.Ф. Украинское наследие в ономастике Воронежской области // Социокультурные аспекты профессионального общения. Воронеж: ВГАСУ, 2005. С. 7–10.
12. Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 3 т. Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2023.
13. Макаров В.В. Слободская Украина (Слобожанщина) // Воронежская энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. А.Н. Акиньшин. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2024. Т. 2: М–Я. С. 422.
14. Орлов В.Н. Ойконимы Куршины и прилегающих земель (1719–1999). 4-е изд., испр. и доп. М., 2011. 390 с.
15. Попов А.И. Географические названия (Введение в топонимику). М.; Л.: Наука, 1965. 181 с.
16. Попов С.А. Проблема взаимодействия национальных языков в топонимии пограничной территории (на примере русско-украинского пограничья) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1994. Вып. 20. С. 72–73.
17. Попов С.А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин. Воронеж: Издат. Дом Алейниковых, 2003. 285 с.
18. Попов С.А., Пухова Т.Ф., Грибоедова Е.А. Словарь названий населённых пунктов Воронежской области // Топонимия Воронежского края / науч. ред. Г.Ф. Ковалев. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. С. 7–247.
19. Попов С.А. К этимологии исчезнувших ойконимов Воронежского края украинского происхождения // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. 2021. № 1 (45). С. 383–388.
20. Проскурина Н.В. Русско-украинский симбиоз на территории Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2017. № 4. С. 95–99.
21. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж: Центрально-Чернозёмное кн. изд-во, 1973. 368 с.
22. Сайненко Ю.В. Роль украинизмов в образовании топонимов Белгородской области // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 1 (37). URL: <https://rulb.org/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.40> (дата обращения: 03.06.2025). doi: 10.18454/RULB.2023.37.40

23. Федорова М.В. Контактные и констратные ойконимы Белгородской области // Очерки по исторической лексикологии / под ред. М.В. Федоровой. Белгород: Изд-во БГПУ, 1995. С. 62–70.
24. Филонович С.А. История заселения Центрального Черноземья в зоне русско-украинских контактов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 135–144.
25. Ященко А.И. Топонимика Курской области. Курск, 1958. 76 с.

References

1. Brezgunova, V.M. (2025) *Pereselenie cherkas v Rossiyu v XVII veke* [Migration of Cherkassy to Russia in the 17th Century]. Voronezh: VSU.
2. Glaziev, V.N. (2020) *Goroda na Yuge Rossii v XVII veke: sostav i chislennost' naseleniya* [Cities in Southern Russia in the 17th century: composition and population]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya. Politologiya. Sotsiologiya.* 2. pp. 80–85.
3. Denisevich, G.V. (1959) K istorii obrazovaniya govorov s ukrainskoy osnovoy na kursko-belgorodskoy territorii [On the history of the formation of dialects with a Ukrainian base in the Kursk-Belgorod territory]. *Uch. zapiski Kurskogo gos. ped. in-ta (gumanitarnyy tsikl).* IX. pp. 92–112.
4. Dmitrieva, O.P. (2007) *Ukrainskoe nasledie v toponimii Rossoshanskogo rayona Voronezhskoy oblasti* [Ukrainian heritage in the toponymy of Rossoshansky district of Voronezh region]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya.* 2(2). pp. 80–83.
5. Zhilenkova, I.I. (2001) *Regional'naya toponimika (oikonomiya Belgorodskoy oblasti)* [Regional Toponymy (Oikonomy of the Belgorod Region)]. Belgorod: BelSU.
6. Zhilenkova, I.I. (2012) *Toponimy Belgorodskoy oblasti (sistemnyy lingvoanaliz nazvaniy naseleennykh punktov)* [Toponyms of the Belgorod region (system linguistic analysis of names of settlements)]. 2nd ed. Belgorod: Belgorod.
7. Zagorovskiy, V.P. (1966) *Kak voznikli nazvaniya gorodov i sel Voronezhskoy oblasti* [How did the names of cities and villages in the Voronezh Region come about?]. Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo.
8. Zagorovskiy, V.P. (1969) *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh: VSU.
9. Zagorovskiy, V.P. (1973) *Istoricheskaya toponimika Voronezhskogo kraja* [Historical Toponymy of the Voronezh Region]. Voronezh: VSU.
10. Kovalev, G.F. (2002) *Onomasticheskie etyudy: Pisatel' i imya* [Onomastic Studies: A Writer and a Name]. Voronezh: VSPU.
11. Kovalev, G.F. (2005) *Ukrainskoe nasledie v onomastike Voronezhskoy oblasti* [Ukrainian Heritage in the Onomastics of the Voronezh Region]. In:

- Sotsiokul'turnye aspekty professional'nogo obshcheniya [Sociocultural Aspects of Professional Communication]. Voronezh: VSABU. pp. 7–10.
12. Kovalev, G.F. (2023) *Slovar' mikrotponimov Voronezhskoy oblasti: v 3 t.* [Dictionary of microtoponyms of the Voronezh region: in 3 vols] Voronezh: VSU.
13. Makarov, V.V. (2024) Slobodskaya Ukraina (Slobozhanshchina) [Sloboda Ukraine (Slobozhanshchina)]. In: Akinshin, A.N. (ed.) *Voronezhskaya entsiklopediya* [Voronezh Encyclopedia: In 2 Vols]. Vol. 2. Voronezh: Center for the Spiritual Revival of the Chernozem Region. p. 422.
14. Orlov, V.N. (2011) *Oykonimy Kurshchiny i prilegayushchikh zemel'* (1719–1999) [Oikonyms of Kursk region and adjacent lands (1719–1999)]. 4th ed. Moscow: [s.n.].
15. Popov, A.I. (1965) *Geograficheskie nazvaniya (Vvedenie v toponimu)* [Geographical names (Introduction to toponymy)]. Moscow; Leningrad: Nauka.
16. Popov, S.A. (1994) Problema vzaimodeystviya natsional'nykh yazykov v toponimii pogranichnoy territorii (na primere russko-ukrainskogo pogranich'ya) [The problem of interaction of national languages in the toponomy of the border area (a case study of the Russian-Ukrainian border area)]. *Materialy po russko-slavyanskому yazykoznaniju*. 20. pp. 72–73.
17. Popov, S.A. (2003) *Oykonimiya Voronezhskoy oblasti v sisteme lingvokraevedcheskikh distsiplin* [Oikonyms of the Voronezh region in the system of linguistic disciplines]. Voronezh: Izdatel'skiy Dom Aleynikovykh.
18. Popov, S.A. (2018) *Slovar' nazvaniy naseleennykh punktov Voronezhskoy oblasti* [Dictionary of names of settlements in the Voronezh region]. In: Kovalev, G.F. (ed.) *Toponimiya Voronezhskogo kraja* [Toponymy of the Voronezh Region]. Voronezh: Center for the Spiritual Revival of the Chernozem Region. pp. 7–247.
19. Popov, S.A. (2021) K etimologii ischeznuvshikh oykonimov Voronezhskogo kraja ukrainskogo proiskhozhdeniya [On the etymology of the disappeared Oikonyms of the Voronezh Region of Ukrainian origin]. *Naukoviy visnik Uzhgorods'kogo universitetu. Seriya: Filologiya*. 1(45). pp. 383–388.
20. Proskurina, N.V. (2017) Russko-ukrainskiy simbioz na territorii Voronezhskoy oblasti [Russian-Ukrainian symbiosis in the Voronezh Region]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya. Geoekologiya*. 4. pp. 95–99.
21. Prokhorov, V.A. (1973) *Vsya Voronezhskaya zemlya. Kratkiy istoriko-toponomicheskiy slovar'* [The whole Voronezh land. A short historical and toponymic dictionary]. Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo.
22. Saynenko, Yu.V. (2023) Rol' ukrainizmov v obrazovanii toponimov Belgorodskoy oblasti [The role of Ukrainisms in the formation of toponyms of the Belgorod region]. *Russian Linguistic Bulletin*. 1(37) (in Russian). [Online] Available from: <https://rulb.org/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.40> (Accessed: 3rd June 2025). doi: 10.18454/RULB.2023.37.40

23. Fedorova, M.B. (1995) Kontaknye i konstratnye oykonomiy Belgorodskoy oblasti [Contact and contrast oikonyms of the Belgorod region]. In: Fedorova, M.V. (ed.) *Ocherki po istoricheskoy leksikologii* [Essays on Historical Lexicology]. Belgorod: BSPU. pp. 62–70.
24. Filonovich, S.A. (2019) Iстория заселения Центрального Черноземья в зоне русско-украинских контактов [The history of the settlement of the Central Chernozem region in the zone of Russian-Ukrainian contacts]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1. pp. 135–144.
25. Yashchenko, A.I. (1958) *Toponimika Kurskoy oblasti* [Toponymy of the Kursk region]. Kursk: [s.n.].

Попов Сергей Александрович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики, доцент кафедры издательского дела филологического факультета Воронежского государственного университета (Россия).

Sergey A. Popov – Voronezh State University (Russia).

E-mail: spo@bk.ru

УДК 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/11

Глаголы с семантикой неполноты действия в украинском и русском языках: корпусное исследование

Ю.В. Филь¹, О.С. Алешина²

^{1,2} Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: 2fil@inbox.ru

² E-mail: lesenokbrantova@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена исследованию одного из типов аспектуального значения, выделенного на материале украинских и русских глаголов с приставкой **по-**, выражавших неполноту действия и входящих в круг слов, отражающих мировосприятие носителей славянских языков. В качестве основополагающих использованы теоретические положения славянской аспектологии, функционального словообразования, префиксологии, исследований по описанию языковой картины мира. На предыдущих этапах исследования были выявлены как общие структурно-семантические черты рассматриваемых глаголов в русском и украинском языках, так и их различия, касающиеся частных значений «смягчительных» единиц, продуктивности префиксальных моделей формирования соответствующих значений. В качестве объекта анализа выступают глаголы с приставкой **по-**, которая, наряду с приставками **під-/под-, при-, над-, недо-**, считается продуктивным маркером семантики неполноты, интерпретирующими действие как выполненное не полностью, в течение незначительного времени, с перерывами. Особенностью данного префикса в славянских языках является его многозначность, отсутствие пространственного значения и отвлечённость семантики. На данном этапе предпринято исследование функционирования глаголов со смягчительной семантикой на материале параллельного русско-украинского корпуса Национального корпуса русского языка. Обращение к корпусу позволило сопоставить данные по функционированию «смягчительных» глаголов в русском и украинском языках, выявить последовательную передачу русских глаголов с приставкой **по-** на украинский язык семантически эквивалентными единицами,

случаи отступления от передачи семантики неполноты (даже при наличии аналогичных глаголов в украинском языке), особенно при прерывисто-смягчительном значении. Анализ продемонстрировал зависимость глаголов со значением неполноты от контекста, который одновременно порождает подобные единицы и поддерживает их, конкретизируя их значение, снимая полисемию префикса. Анализ данных подкорпуса художественной и официально-деловой сфер функционирования показал востребованность исследуемых глаголов в художественной сфере и отсутствие – в официально-деловой. Дальнейшее исследование должно определить наличие/отсутствие корреляции между «смягчительным» глаголом и тематической/жанровой/дискурсивной направленностью текста, в котором он употребляется.

Ключевые слова: русский язык, украинский язык, префиксальный глагол, префикс по-, диминутивная семантика, Национальный корпус русского языка

Verbs with semantics of incomplete action in the Ukrainian and Russian languages: A corpus study

Yuliya.V. Fil¹, Olesya. S. Aleshina²

^{1,2} Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: 2fil@inbox.ru

²E-mail: lesenokbrantova@mail.ru

Abstract

This article investigates a specific type of aspectual meaning by analyzing Ukrainian and Russian verbs with the prefix **по-**, which express actional incompleteness. These verbs form part of the lexicon that reflects the worldview of Slavic language speakers. The study is grounded in the theoretical frameworks of Slavic aspectology, functional word formation, prefixology, and research on linguistic worldviews. Previous stages of this research have identified both the shared structural and semantic features of these verbs in Russian and Ukrainian, as well as their differences concerning the specific meanings of “attenuative” units and the productivity of prefixal models for forming the corresponding meanings. The current analysis focuses specifically on verbs with the prefix **по-**. Alongside prefixes like **pid-/pod-**, **pri-**, **nad-**, and **nedo-**, **по-** is a productive marker of incompleteness semantics, interpreting an action as partial,

of short duration, or intermittent. Characteristic of this prefix in Slavic languages are its polysemy, lack of spatial meaning, and semantic abstractness. At the present stage, the study examines the functional patterns of these attenuative verbs using data from the parallel Russian-Ukrainian corpus within the Russian National Corpus. The corpus data enabled a comparison of how these verbs function in both languages, identifying instances where Russian **по-** verbs are consistently translated by semantically equivalent Ukrainian units, as well as cases where the semantics of incompleteness are not rendered in translation – even when cognate verbs exist in Ukrainian – particularly for discontinuous and attenuative meanings. The analysis demonstrates that verbs expressing incompleteness are highly context-dependent. The context not only generates such units but also sustains them, specifying their meaning and resolving the prefix's inherent polysemy. Furthermore, an examination of subcorpora from fiction and official-business domains revealed that these verbs are prevalent in literary texts but absent in formal administrative contexts. A direction for further research is to determine the correlation, if any, between the use of an attenuative verb and the thematic, generic, or discursive orientation of the text in which it appears.

Keywords: Russian language, Ukrainian language, prefix verb, prefix *по-*, diminutive semantics, Russian National Corpus

Данное исследование продолжает описание единиц с семантикой неполноты действия в славянских языках (при этом действие оценивается как выполненное не в полной мере, характеризующееся меньшим, чем обычно, результатом). Актуальность предпринятого исследования заключается в необходимости дополнения типологических изысканий в области грамматики (в широком понимании термина) языка сопоставительными работами, направленными на поиск общих и отличительных черт устройства родственных языков, в данном случае в проявлении функционально-семантической категории аспекта. Несмотря на достижения аспектологии в описании славянского вида и смежных с ним явлений, а также на богатую традицию описания именного диминутивного словообразования, представляется важным дополнительно обратиться к маркерам семантики неполноты действия как, с одной стороны, типичного для славянских языков типа аспектуальных значений, а с другой – особого типа представления носителей данных языков о действии, называемом и одновременно оцениваемом одной словной единицей, созданной по моделям, давно укоренившимся в языке и, по всей видимости, отражающим некий важный «диминутивный фрагмент» картины мира. Подобные единицы, как представляется, входят в «фонд слов, отражающих мировоззрение народа» [2: 3]. Следует отметить, что на

предыдущих этапах исследования были выявлены как общие черты в структуре и семантике глаголов с семантикой неполноты действия в русском и украинском языках, так и различия в их частных значениях, деривационной активности префиксов, выражающих эти значения, продуктивности префиксальных моделей образования соответствующих значений [1]. Сходство рассматриваемых глаголов объясняется сходством префиксов, «связью с их исходной, прежде всего, генетически обусловленной семантикой» [28: 227], в то время как различие глаголов определяется различием в функционировании префиксов в сопоставляемых языках.

Кроме того, предпринятое обращение к русским и украинским «смягчительным» глаголам на материале корпусных данных позволит дополнить данные об особенностях реализации рассматриваемых единиц.

В фокусе внимания данной статьи находятся глаголы с префиксом **по-** в русском и украинском языках как типичные для обоих языков средства выражения количественной аспектуальности и маркирования «диминутивного» фрагмента картины мира.

Цель исследования – на основе корпусных данных выявить особенности функционирования глаголов со значением неполноты действия в украинском и русском языках.

Помимо функционально-семантического анализа глаголов с приставкой **по-**, передающих значение неполноты действия, нами был использован инструментарий корпусного исследования: корпусный поиск, формирование выборки, снятие омонимии, ручная квалификация глаголов с **по-** как маркеров смягчительности, количественный и качественный анализ и интерпретация полученных данных.

В работе мы основываемся на результатах исследований, посвящённых вопросам категории аспекта, славянской префиксации, диминутивной деривации и др.

1. Достижения аспектологии в изучении разных типов аспектуальных значений славянского глагола (А.В. Бондарко, М.Я. Гловинская, Анна А. Зализняк, А.В. Исаченко, Ю.С. Маслов, М.А. Шелякин и др.) показали их многообразие (линейные, качественные, количественные и т. п.), преобладание количественного типа славянского аспекта [11], тех значений, которые связаны с называнием именно количественно оцениваемых параметров действия, к которым относится и рассматриваемый в данной работе смягчительный тип семантики (рус. *чуть-чуть приболеть, немного прихрамывать, пару часов поспать*; укр. *трохи прихворіти, пару годин поспати, потроху пританьзовувати* и т. п.).

2. Исследования особенностей языковой картины мира (А. Вежбицкая, Т.И. Вендина, Анна А. Зализняк, Е.В. Петрухина, З.И. Реза-

нова, А.Д. Шмелев и др.) позволяют сделать вывод о повышенной эмоциональности и оценочности славянских языков, отражающих особенности мировидения их носителей по сравнению с носителями других языков; об использовании богатых словообразовательных возможностей языка для выражения квантитативной (количественной) оценки [3; 4; 10] при интерпретации событий окружающего мира. Это подтверждают многочисленные именные диминутивы и глаголы с семантикой неполноты в славянских языках.

3. Значимыми для нас являются результаты исследований корреляции между семантическими особенностями диминутивных единиц (прежде всего, сочетание дескриптивного и оценочного компонентов) и особенностями их реализации в контексте (А. Вежбицкая, М.Д. Войкова, Е.А. Земская, З.И. Резанова и др.). Выявленная на материале именных единиц обусловленность варьирования компонентов семантики диминутивных единиц под влиянием внутрисловного и внешнего контекстов [5; 17–19], на наш взгляд, может быть характерна и для «смягчительных» глаголов. При этом выражение передаваемых ими смыслов «часто не входит в коммуникативные намерения говорящих, однако влияет на употребление и сочетаемость языковых единиц в речи» [16: 426].

4. Богатые традиции славянской префиксологии (а также аспектологии, теории производной номинации) в описании и систематизации значений славянских префиксов, выявлении их функций (Г.А. Волохина, З.Д. Попова, А.В. Исаченко, М.А. Кронгауз, Н.Б. Лебедева, Е.В. Петрухина, О.М. Соколов, А.Н. Тихонов и др.) приводят к выводу, что приставку следует рассматривать как особое средство, обладающее относительной смысловой самостоятельностью (по сравнению с суффиксом) и особыми функциями в семантическом насыщении глагола и интерпретации обозначаемого им действия.

5. Наблюдения функционально-семантических особенностей приставки **по-** (Г.А. Волохина, З.Д. Попова, А.В. Королькова, М.А. Кронгауз, А. Мустайоки, О. Пуссинен, Л.И. Ройзензон, М.В. Русановский, О.М. Соколов, А.Н. Тихонов, М.В. Черепанов, А.И. Чижик-Полейко, В.В. Титовская и др.) позволяют считать её деривационно активной, а многочисленные глаголы с префиксом **по-** в славянских языках – узуальными образованиями (некоторые из по-единиц, в том числе многоприставочные, не зафиксированы в словарях, но функционируют в речи) и общеславянским явлением. Исследователи отмечают значительную абстрагированность значений префикса, меньшее, чем у других приставок, ограничение на сочетаемость с глагольными основами и другими приставками [13] и, как следствие, склонность к экспансии [14].

Переходя непосредственно к анализу глаголов с семантикой неполноты действия, отметим, что данное значение в сопоставляемых языках передаётся глаголами с префиксами **по-**, **під-/под-**, **при-**, **над-**, **недо-** соответствующей семантики (ослабленная степень действия, ограниченное по времени действие, дополнительное действие, прерывистое действие и т. п.); в другой терминологии – деинтенсивами [12] (подробнее об этом см.: [1; 26]).

Обращение на данном этапе исследования к глаголам с приставкой **по-** объясняется не только тем, что этот префикс – наиболее продуктивное средство выражения деинтенсивной семантики в указанных языках, но и тем, что он, в отличие от других приставок с аналогичной семантикой, маркирует три её типа из четырёх представленных в славянских языках [26].

1. Собственно смягчительное значение (ослабленная степень действия): рус. *погладить* («сгладить некоторое количество чего-л.»), *попудрить* («несколько, слегка напудрить») [22]; укр. *поплескати* («злегка ударит рукою кілька разів по чому-небудь»), *потиснути* («трохи або злегка стиснути щось») [23].

2. Ограничительное значение (осуществление действия некоторое время): рус. *поваляться* («валяться некоторое время»), *поудить* («удить некоторое время») [22]; укр. *повалятися* («валятися, лежати якийсь час»); *похворіти* («хворіти якийсь час») [23].

3. Прерывисто-смягчительное значение (осуществление действия не в полном объёме, время от времени): рус. *позвякивать* («время от времени, слегка звякать»), *посмеиваться* («время от времени, слегка смеяться») [22]; укр. *похрускувати* («хрускати стиха або час від часу»); *похвалювати* («хвалити час від часу») [23].

Количественный анализ словарных данных показывает наличие в русском языке 674 «смягчительных» глаголов с префиксом **по-** (из них 407 единиц с ограничительным значением, 151 – с собственно смягчительным значением и 116 – с прерывисто-смягчительным) [22]; в украинском языке – 403 «смягчительных» глагола с **по-** (из них 276 единиц с ограничительным значением, 67 – с прерывисто-смягчительным значением, 60 – с чисто смягчительным значением) [23].

Особенность данного префикса заключается в его многозначности и при этом «размытости» его семантики в целом, отвлечённости значения. В «Русской грамматике» выделяется 5 значений приставки: 1) совершить действие с незначительной интенсивностью (*поотстать*, *поосмотреться*); 2) совершить многократное, поочерёдное действие многими субъектами, со многими объектами (*померзнуть*, *попадать*); 3) совершить действие в течение некоторого времени (чаще недолгого) (*побеседовать*, *понаблюдать*); 4) начать действие (*побежать*,

погнаться); 5) довести действие до результата (*поблагодарить, построить*); а также 6) (с суффиксом -ива-/ыва-) совершать действие времени от времени и с небольшой интенсивностью (*побаливать, повизгивать*) [7].

Среди глаголов, образованных префиксальным способом, в украинской грамматике: 1) совершить действие с незначительной интенсивностью (*покришити, помазати*); 2) довести действие до результата (*подарувати, поснідати, посіяти*) [21]. В других источниках отмечаются также значения приставки, аналогичные русскому префиксу **по-**: 3) начало движения (*побігти, поїхати*); 4) недлительность действия (*поагітувати, поблудити*); 5) время от времени повторяемое действие (*поблизкувати, покрикувати*); 6) дистрибутивное значение (*побруднити, побожеволити*) [8].

Как видим, приставка **по-**, в отличие от других приставок в славянских языках, не имеет пространственного значения [6: 126]. Отсутствие направленности на какой-либо пространственный предел позволяет ей формировать значения, маркирующие завершённость действия, его фазы, в том числе начало движения, и количественные параметры [26], а также значение общего результата действия, что приводит к потере реального значения приставки и превращению в грамматический аффикс – показатель совершенного вида [8: 263].

Характеризуя глаголы с приставкой **по-** в русских говорах, О.М. Соколов отмечал случаи, когда «значение приставки не осознаётся носителями языка потому, что это значение совпадает с обобщённым лексическим значением глагольной основы, которая поглощает лексическое значение префикса» [24: 11], при этом отмечается своеобразная «мерцательность» смыслов, передаваемых приставкой.

Анализ показывает, что среди глаголов с приставкой **по-** в обоих сопоставляемых языках многочисленны единицы физического действия, движения, состояния, ментально-психической деятельности, местопребывания и т. д. Абстрактность семантики приставки **по-**, отсутствие в ней смысловых компонентов, ограничивающих её сочетаемость, позволяет ей также соединяться практически со всеми пространственными и количественно-временными приставками, достаточно легко образуя многоприставочные глаголы (*понатаскати, повыждати, позакопати, поразведати; позахлюпувати, пооблямувати, попереломлювати, понабивати* и др.). В украинском языке отмечается редупликация приставки, которую В.М. Русановский характеризует как оригинальное явление в системе способов действия украинского языка [21: 117]: *поповозити, поповозитися, попогребти, попослонятися* и т. п. (при этом такие глаголы указывают на «результат інтенсивної і неодноразово виконуваної (ітеративної) дії» [8: 270]

действия, т. е. не проявляют значения неполноты). В отличие от украинского, для русского языка такие глаголы почти не характерны и встречаются в воронежских говорах (*попоужинали, попобило морозом*), что объясняется влиянием украинского языка [27].

Материалом для дальнейшего анализа послужили данные параллельного русско-украинского корпуса Национального корпуса русского языка [15]. Выбор этого источника обусловлен следующими факторами: наличием строгой и единой лингвистической разметки (включая морфологическую и синтаксическую, в том числе возможность поиска слова по префиксальной морфеме) для всего корпуса НКРЯ, что обеспечивает сопоставимость методов поиска и анализа между русским и украинским материалом; репрезентативностью коллекции украинских текстов в рамках параллельного корпуса, включающей тексты нескольких сфер функционирования (художественной, публицистики, учебно-научной, официально-деловой и др.). Последнее даёт возможность исследовать влияние внешних факторов на реализацию семантики неполноты действия (в данном случае дискурсивного фактора, точнее – типа сферы функционирования текста).

Корпусное исследование «смягчительных глаголов» предполагало два этапа с разными задачами.

На первом этапе мы обратились к параллельному русско-украинскому корпусу с языком оригинала русским. В задачи данного этапа входило через сопоставление русских и украинских пар контекстов определить степень структурно-семантической эквивалентности русских «смягчительных» глаголов с приставкой **по-** и их украинских аналогов; установить круг деинтенсивных значений украинских глаголов с приставкой **по-**; выявить особенности контекстов, в которых реализуются единицы с деинтенсивной семантикой.

На запрос глаголов с приставкой **по-** было получено 250 документов, 2 342 вхождения с приставкой **по-**. В анализируемом фрагменте корпуса омонимия (а также полисемия) не снята, поэтому далее проводилась ручная выборка соответствующих контекстов, исключающая повторные контексты, омонимичные формы (совпадение по форме с существительными типа *повести* и т. д.) и контексты с глаголами с префиксом в ином (не смягчительном) значении. В результате было отобрано 200 контекстов с глаголами с семантикой неполноты действия.

Представим результаты анализа.

Прежде чем остановиться на глаголах со смягчительной семантикой, отметим, что префикс **по-** в рассматриваемом материале был отмечен в разных значениях, что подтверждает многозначность префикса и его активность в сопоставляемых языках в целом.

Пока он, раскрыв рот от возмущения, раздумывал: обидеться или

*поблагодарить за помощь, Троль ткнул пальцем в красную кнопку на пульте // Поки він, розкривши рота від обурення, роздумував: образитися чи подякувати за допомогу, Троль ткнув пальцем в червону кнопку на пульті; Міліціонер поглядел на письмо и говорит... // Міліціонер подивився на листа й підтверджив... [15] (префикс **по-** в общерезультативном значении).*

*Макивчук, Ян и Женяка понабивали себе шишки, стукаясь головами... // Маківчук, Ян і Женяка понабивали собі шишки, стукаючись головами, коли розглядали крихітну фотографію примітивних споруд; Разбойники сами друг друга порубили и постреляли // Самі себе постріляли їх порубали... [15] (префикс **по-** в дистрибутивном значении).*

*Нарядился, облиз себя краской и пошел, приблуда, в школу... // Убраєси, розілляв по собі атрамент і пішов, байстрило, до школи... [15] (префикс **по-** в начинательном значении).*

Многоприставочных глаголов с редуплицированным **по-**, функционирующих обычно в разговорной речи, встречающихся в говорах, в рассмотренном материале не отмечено, что легко объясняется особенностью текстового наполнения параллельного корпуса (в него включаются преимущественно публицистические, художественные и научные тексты [15]).

Далее нами проводился сопоставительный анализ полученных пар предложений с целью выявления структурного и семантического сходства (эквивалентности) русских глаголов с **по-** и их украинских аналогов и определения способов передачи семантики неполноты действия в случае отсутствия эквивалентности. Как и русские глаголы с **по-**, аналогичные украинские единицы представлены в корпусе в собственно смягчительном, ограничительном и прерывисто-смягчительном значениях (см. выше типы смягчительной семантики), объединяемых нами в семантику неполноты действия.

Отметим использование глаголов с префиксом **по-** в украинских переводах с сохранением семантики неполноты действия в преобладающем количестве контекстов.

– Возьми с собой Женяку, – вдруг сказал Макивчук. – Пусть **потерпіт**. Все-таки у парня первый выход // – Візьми з собою Женяку, – раптом сказал Маківчук. – Хай **потішиться**. Все-таки у хлопця перший вихід; Дарья (садится в кресло, нога на ногу). Ничего, **потерпи немного**... Я верю в Юрия // Дарина (сдає в фотель, нога на ногу). Нічого, **потерпи трохи**... Я вірю в Юрія; Иногда Винни-Пух любит вечерком во что-нибудь **поиграть**, а иногда, особенно когда папа дома, он больше любит тихонько **посидеть** у огня и **послушать** какую-нибудь интересную сказку // Іноді Вінні-Пух любить увечері у щось **погратись**, а іноді, особливо коли тато вдома, він більше полюбляє тихенько **посидіти** біля

вогню та послухати якусь цікаву казку; – Позвольте мене подумати тільки п'ять минут, – сказала лягушка, – я сейчас вернусь, я наверно придумаю что-нибудь хорошее // – Дозвольте мені подумати тільки п'ять хвилин, – сказала жаба, – я зараз повернуся, я напевне придумаю щось хороше [15].

В украинских предложениях семантика смягчительности и ограничительности не только передаётся аналогичными единицами, но и дополнительно маркируется обстоятельственными словами (как и в русских вариантах) *трохи*, *тільки п'ять хвилин*. Кроме того, при переводе сохраняется общий контекст предложения, располагающий к употреблению соответствующих глаголов: именные диминутивы, наречия с семантикой неполноты, неуверенности, неопределённости (*вечерком во что-нибудь поиграть* – *увечері у щось погратись*, *а иногда тихонько посидеть* – *іноді тихенько посидіти*, *мясца поесть* бы неплохо – *м'ясцем поласувати* непогано було б; ...*неуверенно покачалась в воздухе* – ...*невпевнено похиталася в повітрі* и т. п.). Это подтверждает идею исследователей диминутивов об их приуроченности к определённым типам контекстов [17–19; 25] и открывает перспективу исследования глагольных деинтенсивов в указанном аспекте на материале основных корпусов русского и украинского языков.

Далее отметим, что в украинских предложениях встречаются случаи замены русских единиц с префиксом **по-** на лексически или грамматически эквивалентные формы, сохраняющие семантику неполноты действия, по всей видимости, осознаваемую переводчиками как значимую для обоих языков.

Маківчук подвигався в креслі, устраиваясь поудобнее // Маківчук *посовався* в кріслі, влаштовуючись зручніше; Тролль *похлопал* его по плечу и подтолкнул к внутренним дверям // Троль *поплескав* його по плечу і підштовхнув до внутрішніх дверей; ...я вскочил *покачатися*, а она поплыла // ...я скочив *погойдатись*, а він і поплив; Мать *почесала* в голове толстым указательным пальцем с коротким и грязным ногтем... // Мати *поучхала* в голові товстим указівним пальцем із коротким і брудним нігтем... Женька с трудом разлепил опухшие веки, осторожно *поискал* глазами *покачивающийся* силуэт // Женька насили розліпив опухлі повіки, обережно *пошукав* очима *хиткий* силует [15].

Заметим, что в последнем примере вместо прилагательного *хиткий* («який постійно хитається з боку на бік або згори вниз // досить нестійкий, невпевнений (про ходу, рухи і т. ін.)») потенциально мог бы быть использован глагол *похитуватися* («хитатися злегка або час від часу») [23] или образованное от него причастие. В этом случае замена русского глагола на прилагательное в украинском варианте предложения обусловлена тем, что действительные причастия насто-

ящего времени в украинском языке (в отличие от других восточнославянских языков) используются крайне редко, преимущественно в качестве терминов [29: 526]. Это подтверждается статистикой, представленной в монографии «Словотвір сучасної української мови»: на 1000 употреблений в исследованных художественных текстах причастия составляют лишь около 2,7 % [8: 227].

Анализ материала показал и значительное количество лексических замен русских «смягчительных» глаголов без сохранения семантики неполноты действия, отказ от глагола с приставкой **по-** в пользу глагола с другой префиксальной морфемой (при этом в большинстве случаев соответствующий глагол с приставкой **по-** отмечен в языке).

*Начали выходить нехотя, откашиваясь и постанывая, старые деды: что же за напасть? // Почали виходити повагом, кашляючи та стогнучи, старі діди: що воно за халепа? (ср. укр. постогнувати (а также постогнуючи) со значением «стогнати стиха час від часу» – Хвора жінка важко дихала і стиха постогнувала [23]); Под обутими в целлофановые пакеты валенками похлюпывал губчатый мартовский снег // Під узутими в целофанові пакети валянками хлюпотів губчастий від несподіваної грудневої відлиги сніг (ср. глагол хлюпотіти, напротив, имеет усиленное значение 2. «литься, хлестать» [23]); – Дозвольте, Иван Павлович, картика у вас **половить**, – сказал я безнадежно // Дозвольте, Іване Павловичу, коропця у вас **упіймати**, – сказал я безнадійно (ср. укр. половити – «ловити якийсь час» [23]); Скажи мне, друг, – спросил я армейского хирурга Миколу Дудко, – вот ты **поработал** на фронте полтора **почти** года // Скажи мені, друге, – спітав я армійського хирурга Миколу Дудка, – ось ти **працював** на фронти **півтора** майже року (ср. укр. попрацювати – «працювати якийсь час» [23]); Рвётся и так жалобно-жалобно скрипит: «Пусти, мол, дай **побегать**, дай **потешиться!**! // Рветься і так жалібно-жалібно скавучить: – Пусти, – мовляв, – дай побігать, дай **натішиться!**! (укр. натішитися – «потішитися багато, досхочу»); Горьковатый ветер, прогретый солнцем в кустах полыни, то **повеет** слабо над мажарами, то вновь припадет к земле // Гіркуватий вітрець, прогрітий сонцем у полинових кущах, то **війне** над мажарами, то знов припаде до землі.*

Заключая данную часть анализа, отметим, что переводчики, передавая общее значение глагола, пренебрегают в некоторых случаях приставкой, а следовательно, значением неполноты. При этом отступления от оригинала отмечаются не при воспроизведении общерезультивного, начинательного или дистрибутивного значений глаголов с рассматриваемым префиксом, а именно при передаче незначительной длительности действия, его ослабленной степени

и неполного объёма. Анализ значений исследуемых глаголов даёт возможность утверждать, что чаще других «игнорируется» и не переводится значение прерывистой смягчительности (*поглядывает / видивляється, потрескивают / тріскотять, поблескивает / виблискує* и др.), что говорит о возможно меньшей продуктивности этой модели в украинском языке по сравнению с русским.

В качестве отдельного наблюдения хотелось бы отметить следующее. Как уже говорилось, славянские префиксы многофункциональны и полисемичны, в результате чего нередко возникает эффект «мерцательности» смысла глагольной единицы в целом и приставки в частности, который «снимается», как правило, в конкретном контексте [9: 205; 24: 11–12]. Однако анализ корпусных данных позволил увидеть еще одну особенность префикса **по-**, не раз отмеченную в литературе, – неоднозначность его значений, размытость семантики даже в контексте (как в русском, так и в украинском языке).

И погулять им, бедным, не удастся, и дома родного некогда будет узнать им, и мне не удастся наглядеться на них! // I погуляти їм, бідним, не вдастся, ні в хаті посидіти, і я не встигну на них надивитися! (общерезультативное/ограничительное значение); *Ещё неделю постоять такие морозы – и у меня ни одной дровишки не останется! // Ще тиждень постоять такі морози – і я залишуся без дров!* (общерезультативное / ограничительное значения); ...*она ежеминутно поправляла зеркальце заднего вида, или беспрерывно переключала режимы работы кондиционера... // ...вона щохвилини поправляла дзеркальце заднього виду, коли раз-по-раз перемикала режими кондиціонера...* (общерезультативное/смягчительное/прерывисто-смягчительное значение); ...*плотная двойная открытка с золотым тиснением «Приглашение» вынута позавчера из почтового ящика и неуверенно отложена в сторону – будет еще время подумать... // ...цупка листівка-розгорта з золотим тисненням «Запрошення», вийнята позавчора з поштової скриньки і непевно відкладена набік – буде ще час подумати* (общерезультативное/смягчительное/ограничительное значение) [15].

Охарактеризуем следующий этап исследования. Основной задачей второго этапа было определить наличие возможной корреляции между «смягчительными» украинскими глаголами с приставкой **по-** и сферой функционирования текстов, в которых употребляются эти единицы. Для реализации указанной задачи нами использовались данные параллельного русско-украинского корпуса с языком оригинала украинским. При поиске был задан подкорпус текстов на указанном языке. Для анализа были выбраны тексты художественной и официально-деловой сфер, предположительно противопоставленные по специфике функционирования в них «смягчительных» гла-

голов, рассматриваемых в научной литературе как использующихся преимущественно в разговорной речи, художественных текстах [20; 24]. Отметим, что параллельный корпус объективно ограничен существующими переводами и содержит художественную прозу, публицистические, научные, реже официально-деловые тексты, в то время как тексты бытовой сферы в нём представлены преимущественно письмами XIX в.

Первоначальный поиск выявил значительный массив данных – 591 документ, 101 785 вхождений украинских глаголов с префиксом **по-** в текстах художественной сферы. Для дальнейшего анализа была взята выборка в 2 342 примера с приставкой **по-**. После очистки материала (снятия омонимии, полисемии и т. д.) была сформирована финальная выборка из 1 440 вхождений глаголов с приставкой **по-** в различных значениях.

Ручной анализ выявил 192 вхождения, где глагол выражал семантику неполноты и/или ограниченности действия: *посиділи мовчи / посидели молча, полежав на дивані / полежал на диване, поплакала в подушку / поплакала в подушку, попрацював у саду / поработал в саду* и т. п.

Удельный вес глаголов с семантикой неполноты действия в финальной выборке подкорпуса художественной сферы (с оригиналом на украинском языке) составил 13,3 % ($192 / 1440 \times 100\%$). Соответственно, на глаголы с префиксом **по-** в остальных значениях (общерезультивное, дистрибутивное, начинательное) приходится 86,7 %. Как представляется, данный показатель закономерен и обусловлен как сущностными особенностями художественной сферы функционирования (эмоциональность, экспрессивность, стремление к передаче внутреннего состояния автора, тонких смысловых нюансов и т. д.), так и особенностями самих «смягчительных» глаголов, выполняющих помимо описательной оценочной и игровую функции, являющихся маркерами саморефлексии или рефлексии в отношении обозначаемой ситуации [26]. Глаголы со значением неполноты действия могут служить задачам передачи внутреннего мира автора и его героев, создания эмоционального фона, передачи длительности действия без акцента на его завершённости, его «смягчённости», что соответствует проявлению текстов художественной сферы.

Далее нами был обработан поисковый запрос в подкорпусе текстов на украинском языке официально-деловой сферы употребления.

Первоначальный поиск выявил 4 документа, 461 вхождение украинских глаголов с префиксом **по-**. Как и в подкорпусе художественной сферы, была проведена очистка данных и сформирован финальный массив из 32 вхождений, из них 6 глаголов идентифицировано как содержащие приставку **по-**. Контекстуальный анализ позволил утвер-

ждать, что из 6 единиц ни одного глагола с семантикой неполноты действия не зафиксировано (во всех глаголах **по-** выступает в общерезультативном значении). Таким образом, количество «смягчительных» глаголов в исследованной выборке подкорпуса официально-деловой сферы функционирования (с оригиналами на украинском языке) равно нулю, что можно считать закономерным, учитывая специфику официально-деловой сферы, где использование «смягчительных» глаголов было бы стилистически ошибочным.

Как представляется, обнаруженный контраст полученных показателей (даже с учётом несбалансированности подкорпусов двух сопоставляемых сфер) служит эмпирическим подтверждением тезиса о корреляции между семантическими особенностями «смягчительных» глаголов и стилистической принадлежностью контекста, однако требует дальнейшего детального изучения материалов Корпуса текстів української мови (а для русских единиц – материалов основного корпуса НКРЯ).

Подводя итог, отметим следующее.

1. Качественные данные, полученные на основе материала русско-украинского параллельного корпуса, подтвердили данные словарей и академических грамматик о частотности глаголов с префиксом **по-** в сопоставляемых языках, продуктивности префиксальных моделей с **по-** в смягчительном, ограничительном, реже – прерывисто-смягчительном значении.

2. Сопоставление русских и украинских контекстов с глаголами в значении неполноты действия продемонстрировало последовательную передачу русских единиц с префиксом **по-** на украинский язык полными или частичными эквивалентами с сохранением деинтенсивных смыслов, демонстрирующую актуальность данного типа семантики для сопоставляемых языков, естественность её переноса на другой язык. Сближает сопоставляемые языки и одинаковая вариативность префикса **по-** как в словном, так и во внесловном контекстах (*поиграть на всех инструментах – поиграть пару минут и закончить – поиграть совсем немного* и т. д.). Последняя в данном случае не мешает восприятию переданной информации и при необходимости снимается дополнительным введением в контекст слов-конкретизаторов.

3. Случай отступления от передачи семантики неполноты отмечаются не часто, это происходит и при наличии в украинском языке единиц, аналогичных русским глаголам с префиксом **по-**, однако данные единицы переводчиком не используются, а «смягчительная» семантика не передаётся. Особенно часто это отмечается в отношении русских глаголов в прерывисто-смягчительном значении. Вероятно,

корпусные данные, дающие информацию о реальном функционировании единиц в речи, указывают на различие в реализации данной модели в русском и украинском языках.

4. Обращение к корпусу позволяет частично подтвердить ещё одну отмеченную в научной литературе особенность диминутивных единиц. Как и имена существительные, глаголы с семантикой неполноты подвержены влиянию контекста, который и формирует подобные единицы, и поддерживает их, дублируя их значение, конкретизируя его. Появление глагола с исследуемой семантикой в предложении тем более ожидаемо, чем более «диминутивен» этот контекст. Предполагаем, что дискурсивные и жанровые факторы играют в этом не последнюю роль и требуют дальнейшего изучения.

5. Анализ корпусной выборки глаголов с приставкой **по-** в исследуемом значении подкорпуса художественной и официально-деловой сфер функционирования (с оригинальным текстом на украинском языке) показал, что функционирование данных глаголов детерминировано функционально-стилевыми параметрами: востребовано в художественной сфере и исключено из официально-деловой.

Полученные результаты создают основу для дальнейшего исследования семантики неполноты действия в славянских языках как одного из значимых для носителей славянских языков типов аспектуального значения, определения универсальных закономерностей функционирования (в том числе стилевого распределения) данных глаголов и специфических черт их использования в русском и украинском языках.

Литература

1. Алешина О.С., Мишина В.С., Филь Ю.В. Семантика неполноты действия в русском, украинском и английском языках // Русин. 2024. № 75. С. 212–232. doi: 10.17223/18572685/75/11
2. Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 3–4.
3. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкоznания. 1985. № 3. С. 13–24.
4. Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988. С. 124–143.
5. Воеикова М.Д. Проблемы использования подкорпуса устной разговорной речи (на примере анализа русских диминутивов) // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 353–373.

6. Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. 196 с.
7. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.
8. Жовтобрюх М.А. Словотвір сучасної української літературної мови. Київ: Наукова думка, 1979. 405 с.
9. Загнітко А.П. Теоретична грамматика сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис. Донецьк: БАО, 2011. 992 с.
10. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
11. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 221 с. (*Studia philologica*).
12. Иванович М. Кількісно-інтенсивні роди дії в українській мові // Алманах «Българска украинистика». 2021. С. 107–114.
13. Королева Ю.В. Полипрефиксальные глаголы в русском языке : дис. канд. филол. наук. Томск, 2003. 262 с.
14. Мустайоки А., Пуссинен О. Об экспансии глагольной приставки ПО- в современном русском языке // Инструментарий русистики: корпусные подходы / общ. ред. А. Мустайоки [и др.]. Хельсинки, 2008. С. 247–275.
15. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.06.2025).
16. Петрухина Е.В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Материалы X Конгресса МАПРЯЛ «Русское слово в мировой культуре». Пленарные заседания. СПб., 2003. С. 426–433.
17. Резанова З.И. Именная деминутивная деривация в механизмах выражения оценки // Картины русского мира: Аксиология в языке и тексте. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 194–231.
18. Резанова З.И. Субъективные образы времени в современных славянских языках: диминутивные модели // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 161–173. doi: 10.17223/18137083/60/14
19. Резанова З.И., Шиляев К.С. Национальный корпус русского языка в обучении особенностям использования русских диминутивов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5. С. 634–639.
20. Ройзензон Л.И. Славянская глагольная полипрефиксация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1970. 104 с.
21. Рusanовский В.М. Українська грамматика. Київ: Наукова думка, 1986. 362 с.
22. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 3. 752 с.

23. Словник української мови. URL: <https://slovnyk.ua> (дата обращения: 17.05.2025).
24. Соколов О.М. Морфологически варианты глаголы в системе глагольной лексики старожильческих говоров Томской области : дис....канд. филол. наук. Томск, 1959. 297 с.
25. Филь Ю.В., Резанова З.И. Dáme si pivko nebo čajíček? Жанровые и контекстуальные условия использования диминутивов в русском и чешском языках // Русин. 2018. № 2 (52). С. 193–206. doi: 10.17223/18572685/52/14
26. Филь Ю.В., Конончук И.Я. Семантика смягчительности в старославянском и русском языках (на материале глагольной лексики) // Русин. 2022. № 68. С. 280–298. doi: 10.17223/18572685/68/15
27. Чижик-Полейко А.Н., Титовская В.В. О глаголах с вторичной приставкой // Труды Института / Воронеж. гос. ун-т. 1957. Т. 47. С. 129–147.
28. Шишигин К.А., Лебедева Н.В. Формальные и семантические сходства славянских и германских языков: белорусские, русские и украинские префиксальные глаголы и существительные для немецкоязычных // Русин. 2023. Т. 72. С. 215–232. doi: 10.17223/18572685/72/10
29. Языки мира: Славянские языки / редкол.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005. 656 с.

References

1. Aleshina, O.S., Mishina, V.S. & Fil, Yu.V. (2024) The semantics of incomplete action in Russian, Ukrainian, and English. *Rusin.* 75. pp. 212–232 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/75/11
2. Arutyunova, N.D. (1995) Ot redaktora [Editorial]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz jazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i jazyke* [Logical Analysis of Language. Models of Action]. Moscow: Nauka. pp. 3–6.
3. Arutyunova, N.D. (1985) Ob ob'ekte obshchey otsenki [About the object of the general assessment]. *Voprosy jazykoznaniya.* 3. pp. 13–24 (in Russian).
4. Volf, E.M. (1988) Sub"ektivnaya modal'nost' i semantika propozitsii [Subjective Modality and Semantics of Proposition]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [Pragmatics and Problems of Intensionality]. Moscow: USSR AS. pp. 124–143.
5. Voeykova, M.D. (2009) Problemy ispol'zovaniya podkorpusa ustnoy razgovornoj rechi (na primere analiza russkikh diminutivov) [Problems of Using the Subcorpus of Oral Spoken Speech (on the Example of the Analysis of Russian Diminutives)]. In: Plungyan, V.A. (ed.) *Natsional'nyy korpus russkogo jazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [National Corpus of the Russian Language: 2006–2008. New Results and Prospects]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 353–373.

6. Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian Verb Prefixes: Semantic Structure, System Relations]. Voronezh: VSU.
7. Shvedova, N.Yu. (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian Grammar. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
8. Zhovtobryukh, M.A. (1979) *Slovotvir suchasnoi ukrains'koi literaturnoi movi.* Kyiv: Naukova dumka.
9. Zagnitko, A.P. (2011) *Teoretichna gramatika suchasnoi ukrainskoi movy. Morfolohiya. Syntaksys.* Donetsk: TOV VKF "BAO."
10. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (2005) *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Picture of the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (2000) *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
12. Ivanovich, M. (2021) Kil'kisno-intensivni rodi dii v ukraïns'kij movi. In: *Almanah "B'lgarska ukrainistika".* pp. 107–114.
13. Koroleva, Yu.V. (2003) Poliprefiksal'nye glagoly v russkom yazyke [Multi-prefixal verbs in the Russian language]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
14. Mustayoki, A. & Pussinen, O. (2008) Ob ekspansii glagol'noy pristavki PO-v sovremennom russkom yazyke [On the Expansion of the Verbal Prefix PO- in the Modern Russian Language]. In: Mustayoki, A. (ed.) *Instrumentariy rusistikii: korpusnye podkhody* [Instrumentarium of Russian Studies: Corpus Approaches]. Helsinki: [s.n.]. pp. 247–275.
15. The Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/> (Accessed: 5th June 2025).
16. Petrukhina, E.V. (2003) Dominantnye cherty russkoy yazykovoy kartiny mira (v sravnenii s cheskoy) [Dominant features of the Russian language picture of the world (in comparison with the Czech one)]. *Russkoe slovo v mirovoy kul'ture* [The Russian Word in World Culture]. Proc. of the Tenth Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 426–433.
17. Rezanova, Z.I. (2005) Imennaya deminutivnaya derivatsiya v mekhanizmakh vyrazheniya otsenki [Nominal Diminutive Derivation in Evaluation Expression Mechanisms]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: Aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian World: Axiology in Language and Text]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 194–231.
18. Rezanova, Z.I. (2017) Subjective images of time in modern Slavic languages: diminutive models. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal.* 3. pp. 161–173 (in Russian). doi: 10.17223/18137083/60/14
19. Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ruscorpora in teaching the usage of Russian diminutives. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy.* 5. pp. 634–639 (in Russian).
20. Royzenzon, L.I. (1970) *Slavyanskaya glagol'naya poliprefiksatsiya* [Slavic

- verbal polyprefixation]. Abstract of Philology Dr. Diss. Minsk.
21. Rusanovskiy, V.M. (1986) *Ukrainskaya grammatika* [Ukrainian Grammar]. Kyiv: Naukova dumka.
22. Evgeneva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo jazyka*: v 4 t. [Dictionary of Russian language. In 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Russkiy jazyk.
23. *Slovnik ukrains'koi movi* [Ukrainian Language Dictionary]. [Online] Available from: <https://slovnyk.ua/> (Accessed: 17th May 2025).
24. Sokolov, O.M. (1959) *Morfologicheski variantnye glagoly v sisteme glagol'noy leksiki starozhil'cheskikh govorov Tomskoy oblasti* [Morphologically variant verbs in the system of verbal vocabulary of old-timers of the Tomsk region]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
25. Fil, Yu.V. & Rezanova, Z.I. (2018) Dáme si pivko nebo čajíček? Genre and contextual conditions of diminutives using in Russian and Czech languages. *Rusin.* 2(52). pp. 193–206 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/52/14
26. Fil, Yu.V. & Kononchuk, I.Ya. (2022) The semantics of attenuation in the Old Slavonic and Russian Languages (based on verbal vocabulary). *Rusin.* 68. pp. 280–298 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/68/15
27. Chizhik-Poleiko, A.N. & Titovskaya, V.V. (1957) O glagolakh s vtorichnoy pristavkoj [About verbs with a secondary prefix]. *Tr. In-ta / Voronezh. gos. un-t.* 47. pp. 129–147.
28. Shishigin, K.A. & Lebedeva, N.V. (2023) Formal and Semantic Similarities of the Slavic and Germanic Languages: Belarusian, Russian and Ukrainian Prefix Verbs and Nouns for German Speakers. *Rusin.* 72. pp. 215–232 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/72/10
29. Moldovan, A.M., Skorvid, S.S., Kibrik, A.A. et al. (eds) (2005) *Yazyki mira: Slavyanskie yazyki* [Languages of the World: Slavic Languages]. Moscow: Academia.

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Yulia V. Fil – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru

Алешина Олеся Сергеевна – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Olesya S. Aleshina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: lesenokbrantova@mail.ru

УДК 811.163.4+930.2(497.1)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/12

Иноязычная лексика в балладе Д. Балашевича «Божа по прозвищу Валет»

И.Е. Иванова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1

E-mail: iva53@inbox.ru

Авторское резюме

Произведения сербского поэта и музыканта Д. Балашевича (1953–2021) хорошо известны и любимы на территории всей бывшей Югославии. При этом они связаны с регионом, в котором он родился и прожил всю жизнь, – Воеводиной. Его тексты отличаются точной языковой характеристикой персонажей, в них в основном представлен разговорный стиль речи. Они включают соответствующие лексические средства: разговорную лексику, в том числе жаргонизмы, диалектизмы, просторечные слова. В произведениях Д. Балашевича много заимствований, среди которых обращает на себя внимание значительное число германских, пришедших в сербский из австрийского немецкого языка. Анализируется лексика иноязычного происхождения в балладе Д. Балашевича «Божа по имени Валет» (*Boža zvani Pub*), содержание которой связано с представителями мира азартных игр. Рассматриваются история возникновения, стилистическая принадлежность, особенности функционирования иноязычной лексики, представленной в этом произведении. Предпринята попытка описать стилистические возможности заимствований как средства экспрессии. При этом в работе использованы различные толковые словари сербского языка, интернет-сайты *«Jezikoslovac»*, *«Vukajlja»*, являющийся народным толковым словарём сленга, материалы Википедии и другие интернет-ресурсы, позволяющие понять взгляд носителей языка на ту или иную лексему и особенности её употребления в современном сербском языке. Сделан вывод, что Д. Балашевич использует иноязычные по происхождению слова, в основном известные на всей территории сербского языка, хотя некоторые из них являются регионализмами. Часть лексики, выйдя за пределы Воеводины, приобрела дополнительную, ироничную или иную сниженную стилистическую окраску, часть сохранила некоторые признаки немецко-

го происхождения. Таким образом, исследуемые языковые единицы, будучи связаны с Воеводиной, передают атмосферу этого в прошлом австро-венгерского региона, но не вызывают затруднений в понимании у остальных говорящих на сербском (сербохорватском) языке жителей бывшей Югославии. Иноязычная лексика в балладе «Божа по имени Валет» выполняет экспрессивно-стилистическую функцию, отражая речь определённой социальной группы, создавая атмосферу существования героев произведения.

Ключевые слова: лексика, германизмы, турецким, регионализмы, карточная игра, Воеводина

Foreign lexis in Đorđe Balašević's ballad “Boža Called the Jack”

Irina E. Ivanova

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: iva53@inbox.ru

Abstract

The works of the Serbian poet and musician Đorđe Balašević (1953–2021) are widely known and appreciated throughout the former Yugoslavia. His creative output is deeply connected to Vojvodina, the region of his birth and lifelong residence. Balašević's lyrics are distinguished by their precise linguistic characterization of personages, achieved through a predominant use of colloquial speech. This includes relevant lexical features such as colloquial vocabulary, jargon, dialectisms, and colloquialisms. A prominent feature of Balašević's work is the abundance of loanwords, particularly Germanisms borrowed from Austrian German. This article analyzes the foreign lexicon in Balašević's ballad “Boža Called the Jack” – a narrative centered on characters from the gambling underworld. The study examines the origin, stylistic characteristics, and functional peculiarities of the foreign vocabulary in this work, with a specific focus on describing the stylistic potential of Germanisms as a means of artistic expression. The research methodology relied on multiple Serbian definition dictionaries, the linguistic websites “Jezikoslovac” and “Vukajlja” (a folk explanatory dictionary of slang), Wikipedia, and other online resources that provide insight into the native speakers' perspectives on particular lexical items and their usage in contemporary Serbian. The author concludes

that Balašević uses words of foreign origin, mostly known in the territory of the Serbian language, even if some of them are regionalisms. Certain lexemes, having spread beyond Vojvodina, have acquired additional expressive, ironic, or otherwise reduced stylistic connotations, while others retain traces of their German etymology. Consequently, these linguistic units, while evoking the atmosphere of this formerly Austro-Hungarian region, do not hinder comprehension for other Serbian (or Serbo-Croatian) speakers across the former Yugoslavia. In the ballad “Boža Called the Jack,” the foreign vocabulary performs a distinct expressive and stylistic function: it reflects the speech of a specific social group and constructs the authentic atmosphere of the characters’ world.

Keywords: vocabulary, Germanisms, Turkisms, regionalisms, card games, Vojvodina

В статье рассматриваются иноязычные элементы немецкого и турецкого происхождения как одно из художественных средств, создающих особую атмосферу баллады Д. Балашевича «Божа по прозвищу Валет» (“Boža zvani Pub”) [18].

В современном российском языкоznании заметен интерес к функционированию иноязычных заимствований в художественных текстах [1–2; 12–14; 17]. В большой степени, на наш взгляд, этот интерес вызван тем феноменом, что в какой-то мере функции иноязычной лексики универсальны и поддаются систематизации, но их реализация всегда индивидуальна, уникальна, как уникальны каждый автор, каждое литературное произведение, географические и исторические условия жизни языка.

При анализе галлицизмов в исторических, публицистических и художественных произведениях А.С. Пушкина в эпоху становления современного русского литературного языка исследователь может быть сосредоточен на таких параметрах, как роль автора-билингва в ассимиляции французской лексики, определение преобладающей сферы функционирования французских элементов в русском языке в первой трети XIX в. [2: 83–84].

Близок к предыдущему подход к исследованию грецизмов в поэзии другого литератора начала XIX в.– А.С.Хомякова [12]. Автор диссертации также ставит перед собой задачу выявления тематических групп лексики греческого происхождения в его поэзии, но последующий этап исследования в этом случае – определение стилистических функций слов греческого происхождения в поэтических текстах А.С. Хомякова.

Т.В. Стрекалёва в своей диссертации анализирует стилистические функции галлицизмов в произведениях А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого [13]. Автор работы отмечает объективные и субъективные факторы

использования галлицизмов в художественном тексте. С одной стороны, это отражение социального статуса французского языка, с другой – отношение к нему самого автора произведения. Одно из наблюдений Т.В. Стрекалёвой над языком А.С. Пушкина заключается в том, что поэт использовал галлицизмы прежде всего при создании женских образов, поскольку женщины пушкинской эпохи воспитывались на французской литературе, писали письма на французском языке, употребляли в речи готовые французские клише. Кроме того, знание французского языка было присуще человеку из общества и потому служило характеристикой и при формировании мужских образов. В работе отмечается, что, в отличие от А.С. Пушкина, Л.Н. Толстой демонстрирует негативное отношение к французскому как к «языку искусственно-аффективированных и лакирующих жизнь условно-красивых фраз»¹. Оба писателя периодически используют галлицизмы для создания комического эффекта.

Наиболее важным большинству авторов работ, посвящённых заимствованной лексике в художественных произведениях сербохорватского языкового ареала, представляется выявление заимствованных слов, их распределение по тематическим группам и выяснение степени их освоенности в разные исторические периоды. Так, в статье боснийского лингвиста С. Херакович, посвящённой ориентализмам в рассказе И. Андрича «Путь Али Джерзелеза», названы тематические группы слов турецкого, арабского и персидского происхождения [19].

Сербские исследователи М. Джинджич и Д. Радонич в статье «Роль турцизмов в создании мира рассказов И. Андрича (1925–1941)» пишут о том, что использование турцизмов в рассказах этого писателя способствует погружению читателя в историческое время существования турецкой Боснии, т. е. речь идет о функции передачи местного и исторического колорита [3: 467].

Ту же функцию в отношении заимствований из немецкого языка отмечает Е. Костич-Томович в работе, посвящённой германизмам в романе писателя Джорджа Лебовича, пережившего Вторую мировую войну и Освенцим, детство которого прошло в Воеводине и Загребе. В романе автор изображает Воеводину и северную Хорватию в межвоенный период, используя для этого художественные средства языка, к которым относится и немецкая по происхождению лексика. Функция германизмов и иноязычных включений состоит в том, чтобы продемонстрировать речь городского населения Воеводины и северной Хорватии в период между двумя мировыми войнами [26: 79].

Представляет интерес исследование хорватского лингвиста К. Каталинич, посвящённое драме М. Крлэжи «Господа Глембай» [22]. Автор статьи говорит о функции отражения в языке жизни общества

и психологии составляющих его индивидов, в данном случае австро-хорватского загребского высшего общества, создавшего свою маленькую Вену в окружении прочей Хорватии, «простолюдинов», пользующихся родным хорватским языком. Иноязычные элементы отражают жизненную позицию героев, передают атмосферу их существования, их эмоции и придают вес их высказываниям.

Как видим, исследователи роли иноязычной лексики в художественных текстах выделяют ряд её функций: передачу местного, профессионального и исторического колорита; отражение речи и психологии индивида или социальной группы; создание атмосферы существования героев произведения; стилистическую функцию привнесения в текст экспрессивности. В данном случае мы вслед за А.А. Сеомаровской под экспрессивностью в широком смысле слова понимаем «любое отклонение от нейтрального модуса речи. Выразительно то, что нестандартно, необычно, эмоционально» [12: 79].

В данной статье впервые предпринимается анализ функций заимствованной лексики на материале баллады Д. Балашевича «Божа по прозвищу Валет». Целью работы являются попытки установить, какое место иноязычная лексика баллады занимает в языковом сознании носителей сербского языка. Ставится задача определить, каковы функции заимствованной лексики в этом художественном тексте.

Одной из особенностей лингвистического стиля автора является использование лексических заимствований, пришедших в сербский язык в различные исторические периоды. Говоря о тексте баллады «Божа по прозвищу Валет», мы имеем в виду слова немецкого и турецкого происхождения.

Джордже Балашевич ушёл из жизни в 2021 г. Он родился и прожил жизнь в Нови-Саде, столице Воеводины. Его творчество понятно и близко жителям всей бывшей Югославии, хотя при этом оно пронизано духом Воеводины.

Авторы статьи «Поэтическая функция воеводинской лексики в песнях Джордже Балашевича», перечислив некоторые лексические заимствования из турецкого, немецкого, венгерского языков,ственные его произведениям, связанным с Воеводиной, делают следующий вывод: «Иностранные происхождение этих слов является причиной их особой, исключительной звучности, и потому они очень подходят в качестве языкового стилистического средства для создания стихотворного произведения» [8: 522].

Е. Костић-Томович пишет в статье, посвящённой немецким заимствованиям в сербском языке, что в регионах к северу от Савы и Дуная, которые когда-то находились под властью Габсбургской монархии, влияние немецкого языка, безусловно, является самым сильным, хотя

и там многие германизмы либо полностью вышли из употребления, либо приобрели архаичный оттенок [26: 64–65].

Процесс приобретения заимствованием новой стилистической окраски рассматривается в статье Г. Штрабац и Д. Вуйович на примере регионализма немецкого происхождения **paor** (крестьянин). Авторы отмечают, что в последние несколько лет он всё чаще используется в средствах массовой информации, и предполагают, что конкуренция германизма с более употребительным **seljak** приведёт к приобретению им экспрессивной окраски [16: 197–198].

Для определения истории возникновения, стилистической принадлежности, особенностей функционирования рассматриваемых в статье заимствований использовались данные «Словаря сербского языка» издания Матицы Сербской [11], «Лексикона иностранных слов и выражений» М. Вуяклии [27], «Словаря иностранных слов» Б. Клаича [24], «Словаря сербских говоров Воеводины» [10], «Большого словаря иностранных слов» И. Клайна и М. Шипки [6], «Словаря белградского жаргона» П. Имами [20], сайта *Jezikoslovac*, а также сайта *Vukajlija*, представляющего народный толковый словарь сленга, материалы Википедии и другие интернет-ресурсы.

Среди заимствований, которые мы находим в текстах Д. Балашевича, особую роль играют слова, стилистически окрашенные. Это может быть лексика, сравнительно редко используемая, регионально ограниченная в употреблении, а также слова, хорошо знакомые всем носителям языка, но опознаваемые ими как германизмы. Связь с немецким языком может ощущаться носителями сербского языка вследствие непривычного фонетического облика, иноязычных словообразовательных элементов, неизменяемости слова.

В произведениях Д. Балашевича встречаем терминологию, связанную с карточной игрой. В Сербию игра в карты пришла из-за Дуная, из Австро-Венгрии, вместе с немецкими наименованиями, о чём сообщает журнал «Калдрма» [25]. Ярче всего проявилась эта тематика в балладе «Божа звани Пуб» («Божа по прозвищу Валет»).

В этом произведении мы слышим историю, рассказалую теми, кого автор называет «мутным кругом картежников». Сниженная стилистическая окраска используемой в балладе лексики отражает социальный статус участников беседы. Встречающиеся в балладе персонажи названы пейоративными словами: **mangupi** (прохиндеи), **džambasi** (жулики). Оба существительных турецкого происхождения: **mangup** и **džambas** представлены как в словаре Матицы сербской, так и в словаре жаргонной лексики П. Имами. В песне фигурирует также германизм **švercer** (кон-трабандист, спекулянт). Это существительное представлено в словарях И. Клайна и М. Шипки² и в словаре Матицы сербской. Насыщенность

баллады карточной терминологией и стилистически сниженной лексикой погружает слушателя в полуподпольный мир азартных игр.

Уже в наименовании произведения находим германизм **pub** (от нем. **Bube** – «мальчик», «подросток», «валет»). В словаре Матицы сербской слово присутствует. Словарь Клайна–Шипки даёт следующие его значения: название карты «валет», наряду с синонимом **žandar**, также немецкого происхождения, и жаргонное «полицейский». Интернет-источники приводят для наименования карты «валет» также славянский синоним **dečko**. Кроме объяснений значения слова **pub**, в Интернете отсутствуют примеры употребления этого слова. Регулярно используются его синонимы **žandar** и **dečko**.

Другие германизмы в этой балладе: **špil** – «карточная колода», от нем. **Spiel** с тем же значением. В Интернете встречается славянское наименование для обозначения колоды карт, отсутствующее в этом значении в словаре Матицы сербской, – **svežanj**. Интернет-словари также не отмечают у него такое значение, однако в текстах, связанных с карточной игрой, оно фигурирует, хотя и значительно реже существительного **špil**. В словаре Клайна–Шипки приводится несколько слов с немецким корнем **-špil-**: **špileraj** (игрушка, забава, мелочь), **špilkarta** (игральная карта), **špilman** (шпильман – бродячий музыкант, поэт в средневековой Германии). Существительное **špilkarta** не встречается в Интернете, вместо него употребляется словосочетание **igrača karta**. Слова **špilman** и **špileraj** сайт Jezikoslovac определяет как устаревшие регионализмы.

В балладе «Божа по прозвищу Валет» встречаем и другие германизмы – наименования карточных мастей: **karo**, **pik**, **herc**, **tref**.

Сайт Jezikoslovac и публикация в журнале «НИН» следующим образом описывают происхождение наименований карточных мастей, что подтверждается также словарём Б. Клаича: **karo** – наименование для бубнов. Слово называет масть «бубны» и в немецком, куда пришло из французского языка (фр. **carreau**), в котором имеет значение «квадрат». **Herc** – от немецкого **Herz** – «сердце» и масть «червы». **Tref** – от немецкого **Treff** (трефы), в котором слово является заимствованием из французского языка (фр. **treffle** – «трилистник, клевер»). Во французский язык оно, в свою очередь, пришло из латыни как название растения **trifolium**. Подобная история и у слова **pik**. Оно заимствовано из немецкого, перенявшего французское **pique**, что означает «пика, навершие копья».

Karo, **pik**, **herc**, **tref** определяются словарями как существительные мужского рода, имеют форму множественного числа **karoi**, **pikovi**, **herčevi**, **trefovi**. От них образованы прилагательные **karov**, **pikov**, **herčev**, **trefov** (бубновый, пиковый, червовый, трефовый). Употребляются как

несогласованное приложение: **dama pík, kralj herc...** Иногда встречаются в форме родительного падежа: **Tako je kralj herca predstavljen kao franački kralj Karlo Veliki...** Из однокоренных прилагательных в сербской поисковой системе Krstarica.com удалось обнаружить лишь **píkov** в словосочетании **píkova dama**, что, по-видимому, связано с названием повести А.С. Пушкина и оперы П.И. Чайковского.

Часть названных немецких наименований конкурирует с собственно славянскими. Интернет-издание Vukajlija пишет, что «карточные масти более известны в Сербии как **list, kocka, srce** и **detelina**». **List** – первое значение «лист», в картах означает пики, **kocka** – «кубик», «квадрат» – наименование для бубнов, **srce** – «сердце», называет червы, **detelina** – «клевер» – обозначение трефов. Также Википедия в сербской статье «Игральная карта», комментируя изображения карточных мастей, на первом месте называет собственно сербские синонимы, используя для бубнов заимствованное из французского **romb**.

Интернет не даёт возможности подтвердить более широкое использование славянского по происхождению набора терминов. Встретились примеры только с наименованием масти **srce**. Немецкие названия карточных мастей широко употребляются, однако образованные от них прилагательные практически не используются.

Германизмами являются также встретившиеся в балладе наименования карточных игр **raub** и **ajnc**, отсутствующие в словаре иностранных слов М. Вуяклии. Однако в словаре Клайна–Шипки находим слово **raub** с тремя значениями: «вид карточной игры»; «возглас раздающего при игре в рауб»; «удочка для ловли рыбы на живца». Словарь приводит несколько слов, производных от **raub**. Это существительное **rauber** – «разбойник» и «переплетённое положение рук для поддержки того, кого нужно подсадить». А также глагол **raubovati** со значениями «играть в рауб»; «грабить»; «истощать свой организм»; «в результате небрежного отношения и чрезмерной эксплуатации разрушать что-то (автомобиль и т. п.)»; «эксплуатировать работников с помощью законодательно утверждённых правил».

В результате поиска в Интернете выясняется, что существительное **raub** употребляется в основном, как и у Д. Балашевича, в значении «вид карточной игры». Оно изредка встречается в третьем значении в профессиональных дискуссиях рыболовов. Его производные, кроме глагола **raubovati** в значении «эксплуатировать», найти не удалось.

В литературе, посвящённой истории карт и карточных игр, отмечается влияние традиций, связанных с этой сферой, на интересующий нас регион: «Немецкие стандарты в изображении игральных карт были распространены на территориях, которые когда-то находились под контролем Германии или Австрии: Венгрии, Словении, Словакии, Че-

хии, Хорватии, Румынии, Закарпатья и некоторых частей Польши» [15: 79]. Эта тематика вызывает интерес у жителей названных территорий, где пришедшие из Австро-Венгрии игры популярны и в наше время. У блогеров, производителей и продавцов игральных карт находим описание игральных колод для «рауба», из которых можно узнать, что «рауб» – игра, распространённая в странах Центральной Европы. Для нее существует особый вид карт – венгерские карты (**mađarice**), значительно отличающиеся от стандартной карточной колоды. Эти карты существуют с XVIII в., их выпускали в Австро-Венгрии для продажи по всей империи, но особенно они полюбились в Венгрии, отсюда происходит их название. Дизайн венгерских карт, разработанный в Германии, отличается выраженной декоративностью [23].

Существительное **ajnc** словарь Клейна–Шипки связывает только с карточной игрой. Это название самой игры, а также набранное в ней 21 очко. Словарь указывает на то, что сербское **ajnc** происходит от немецкого **eins** – «один».

Заимствованное из немецкого языка существительное **kibicer** Д. Балашевич употребляет в балладе «Божа по прозвищу Валет» во фразе **kibiceri u transu**, оба члена которого стилистически окрашены. Отсутствие глагола-связки усиливает экспрессию. **Kibicer** – наблюдатель за игрой, болельщик. Словарь Матицы сербской приводит его с пометой «разговорное». Кроме него, в словаре находим глагол **kibicovati** (наблюдать за игрой, болеть, подсказывать). На редкость употребления слова и на его стилистическую окраску указывает то, что в Интернете в основном присутствуют его словарные толкования, строчка из песни Д. Балашевича, название заведения, псевдоним блогера. Интересно, что «Словарь иностранных слов» Н.Г. Комлева дает слово **кибицер** для русского языка также со значением «наблюдатель за игрой, посторонний наблюдатель, предлагающий свои советы, болельщик» как заимствованное из идиша [7]. Употребление этого слова в русском тексте придавало бы произведению определённый стилистический оттенок. Точно так же эта лексема создаёт дополнительный нюанс, связанный с её немецким происхождением и воеводинскими корнями.

Однако она встречается и в общелитературном языке, в политических текстах, создавая вместе с другими выразительными средствами ироничную окраску: Za to vreme razni svetski i domaći znalci i ostali **kibiceri** te partije, licitiraju da li tu neko blefira... В одном предложении сосредоточено несколько заимствований с экспрессивной окраской: **kibiceri**, **licitiraju**, **blefira**.

В тексте баллады встречаем прилагательное **švalerski**. Прилагательное образовано от существительного **švaler**, представленного в словаре Jezikoslovac как региональное и экспрессивное со значением

«любовник, бабник». По происхождению это французское **chevalier** (конник, рыцарь, кавалер), заимствованное австрийским немецким языком, из которого оно пришло в сербский. Слово широко употребляется в сербском языке как ироничное сленговое. Имеет развитое словообразовательное гнездо: **švaleracija, švalerisati, švalerka, švalerski, švalerstvo, švalerčina**. Каждый его член является сленговой лексемой с ироничной окраской. Они широко употребляются в шутках, анекдотах, юмористических рассказах.

В балладе «Божа по прозвищу Валет» использованы фразеологизмы, включающие немецкие и турецкие по происхождению слова: **ostati tropa, terati maler, hladan kao špricer, džaba vam / džaba vam bilo, terati inat**. Эти выражения относятся к сниженной лексике, на что указывают примеры их употребления на сайте Jezikoslovac, на котором отсутствуют лишь слово **inat** и сочетания с ним.

Ostati tropa означает «проиграть, продуться, остаться на бобах»: Mnogi su mangupi **ostali tropa**. Словарь Клейна–Шипки даёт значение существительного **tropa** (от немецкого **Tropf** – «глупец») – «проигравший». Словарь Матицы сербской определяет его как наречие, заимствованное из итальянского языка, существующее в составе фразеологизма **biti tropa** – «проиграться в карты», «испытать финансовый крах». Неопределённый частеречный статус этого слова, отсутствие в «Словаре иностранных слов» М. Вуяклии и наличие в «Словаре сербских говоров Воеводины» может свидетельствовать о его региональном характере. Тем не менее **tropa** известно и за пределами Воеводины какой-то части носителей языка, пользующихся жаргонной лексикой, лексикой азартных игр, так как словарь сленга *Vukajlja* также приводит эту лексему.

Существительное **maler** – от немецкого **Malheur** (неприятность, неудача, беда). Словарь Матицы сербской дает существительное **maler** со значением «неприятность» и приводит фразеологизмы: **prati me maler, bije me maler** (меня преследуют напасти), **zadesio ga maler** (с ним случилась неприятность). В том же словаре присутствуют слова, образованные от германизма **maler**: **malerisati** – «доставить кому-то неприятность, подложить свинью»; **malerozan** – «невезучий, злополучный». Сайт Jezikoslovac определяет **maler, malerozan** как регионализмы. Обе лексемы встречаются при поиске в Интернете: для описания спортивных неудач, например, в заголовке статьи «**Malerozan**: Kurtoa opet povređen», в ироничном нике в чате: **Diki_malerozan_Maler**.

Существительное **maler** часто встречаем в словосочетании **maler tera**: «**Ako vas tera maler...**», «**Ako vas je poterao maler**». Д. Балашевич обыгрывает этот фразеологизм, у него не «**maler tera Božu**», а «**Boža tera maler**».

Выражение **Hladan kao špricer** очень популярно в сербохорватском языке, подобно тому, насколько популярен сам шпритцер – прохла-

дительный напиток из вина с газированной водой. В словаре Матицы сербской слово **špricer** присутствует. Историю напитка шпритцер подробно излагает хорватская версия Википедии. Из неё читатель узнаёт, что слово **spritzer**, образованное от глагола **spritzen** (брьзгать), пришло из австрийского немецкого, в котором обозначает смесь вина, обычно белого, с содовой водой. Употребление шпритцера было настолько широко распространено в Австро-Венгрии, что и сегодня он популярен на бывших австро-венгерских территориях: в Австрии, Венгрии, Северной Италии (Венето и Триесте), Румынии, Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Воеводине, Чехии, Словакии, в отдельных областях Украины и Польши.

Обыгравая ироничный фразеологизм **hladan je k'o špricer**, который используется для характеристики неотразимого и знающего себе цену мужчины, словарь *Vukajlija* определяет слово **špricer** как единицу измерения холодности, самообладания и сдержанности. Струочка из баллады именно так характеризует её героя: *uvek 'ladan k'o spricer, uvek opasno tih.*

Турцизмы **džaba** и **inat** относятся к разговорной общеупотребительной лексике.

Одно из значений наречия **džaba** – «напрасно, впустую». Его приводят словарь Матицы сербской, словарь иностранных слов М. Вуяклии, словари Клайна – Шипки, Б. Клаича, а также сайт *Vukajlija*. Последний даёт пример, из которого можно понять следующее значение выражения **džaba nekome**: *Koliko god se trudio džaba ti je* (сколько ни старайся, не поможет). Именно в этом значении словосочетание использовано у Д. Балашевича: *Džaba vam novci, moji sinovci, Džaba vam bilo dobre volje, I pogledi čvrsti i lepljivi prsti, Ja ipak varam malo bolje*. В связи со словом **džaba** исследователь турецкой лексики в сербском языке М. Джинджич пишет, что писатели с целью придания стилистической окраски, несмотря на наличие в языке собственно сербского слова, выбирают турцизм [4: 152].

Все перечисленные словари содержат также турцизм **inat**. Это понятие считается одним из определяющих сербский национальный характер. Оно встречается в большинстве эссе писателя, журналиста и культуролога Момо Капора в сборнике «Путеводитель по сербскому менталитету» [21]. Исследование филолога М. Елисавичич, посвященное М. Капору, носит название «*Inat i kajmak u zemlji čuda (stereotipi u knjizi Vodič kroz srpski mentalitet Mome Kaprora)*» [5]. Словарь Матицы сербской даёт следующее толкование этого слова: «намеренно вызывающее поведение; поступки, вызванные желанием перечить; упрямство, каприз». Один из сербских авторов сайта «Моя Сербия» объясняет этот феномен так: «Во-первых, **inat** – это “назло” (*uraditi*

nekome **u inat**). Во-вторых, это “наперекор”. В-третьих, – “из принципа”. Купить билет и назло кондуктору пойти пешком – это и есть сербский “инат”, бессмысленный и беспощадный» [9]. Всё это свидетельствует о распространённости самого явления и лексемы **inat**, а также о её экспрессивной окраске. Посвящённые ей публикации носят шутливо-ироничный характер. В составе словосочетания с глаголом **terati** она приводится в словаре Матицы сербской как пример значения глагола «упорно придерживаться принятой позиции». Это выражениеходим в балладе Д. Балашевича: *Treb'o je biti veterinar, al je ter'o neki inat Pa je živeo od kocke ceo vek.*

Баллада Д. Балашевича буквально насыщена заимствованиями. В основном автор использует слова, известные на территории сербского (сербохорватского) языка, даже если некоторые из них являются регионализмами. Часть слов, выйдя за пределы Воеводины, приобрела дополнительную, экспрессивную стилистическую окраску. Германизмы сохранили и некоторые признаки немецкого происхождения. Это сочетания согласных **šp**, в **špil, špricer, jnc** в **ajnc**, зияние **au** в **raub**. Это немецкие словообразовательные элементы в рассматриваемых словах и в соотносимых с ними дериватах: суффиксы **-er-, -raj-** в **kibicer, švaler, švercer, maler, špileraj**. Ощущение не до конца освещенного слова может вызывать у носителей сербского языка также употребление существительных – названий карточных мастей – в функции несогласованного приложения вместо прилагательного: **kralj karo, dama tref** вместо **karov kralj, trefova dama**.

Перечисленные германизмы, будучи связанными с Воеводиной, передают атмосферу этого в прошлом австро-венгерского региона, тем не менее выражаемые ими нюансы в балладе Д. Балашевича понятны говорящим на сербском (сербохорватском) языке жителям бывшей Югославии.

Для описания обстановки, в которой рассказывают байки картёжники, не принадлежащие к высшим слоям общества, которых автор называет «мутным кругом», использованы жаргонизмы, экспрессивная лексика, фразеологические сочетания, включающие германизмы и турцизмы.

Таким образом, иноязычная лексика в балладе «Божа по имени Валет» прежде всего выполняет экспрессивно-стилистическую функцию: отражает речь определённой социальной группы, создаёт атмосферу существования героев произведения, передаёт местный колорит, связь с историческим прошлым региона.

Примечания

1. Виноградов В.В. О языке Толстого (цит. по: [13]).
2. Далее в тексте статьи «Большой словарь иностранных слов» И. Клайна и М. Шипки обозначается как словарь Клайн–Шипки.

Литература

1. Абдуллина Л.Р., Агеева А.В. Галлицизмы как средство создания средневековой картины мира в современном русскоязычном фэнтези // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11, № 1. С. 74–78.
2. Гордеева Л.П. «Мне галлицизмы будут милы...»: тематическая классификация галлицизмов на материале творчества А.С. Пушкина // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153, кн. 6. С. 83–94.
3. Ђинђић М., Радоњић Д. Улога турцизама у обликовању света Андрићевих приповедака (1925–1941) // Ivo Andrić – književnik i diplomata u sjeni dvaju svjetskih ratova (1925–1941). 2012. Knj. 5. Grac: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, Beograd: Beogradska knjiga. S. 461–468.
4. Ђинђић М.С. Турцизми у савременом српском књижевном језику (семантичко-деривациона анализа): докторска дисертација. Београд, 2013. 569 с.
5. Јелисавчић М.С. Инат и кајмак у земљи чуда (стереотипи у књизи Водич кроз српски менталитет Моме Капора) // Филолог – часопис за језик, књижевност и културу. 2022. № 25. С. 355–371.
6. Клајн И., Шипка М. Велики речник страних речи и израза. Београд: Издавачка кућа Прометеј, 2006. 1644 с.
7. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 672 с.
8. Лазић Коник И., Драгић Ј. Поетска функција војвођанске лексике у песмама Ђорђа Балашевића // Лингвистичке свеске 9. Говор Новог Сада. Нови Сад: КриМел, Будисава, 2011. С. 515–526.
9. Моя Сербия. URL: <https://www.srbija.ru/mat/lang/9847-id> (дата обращения: 30.05.2025).
10. Речник српских говора Војводине / уред. Д. Петровић. Нови Сад: Матица српска – Тиски цвет, 2000–2010. Т. 10. 202 с.
11. Речник српскога језика / уред. М. Николић. Нови Сад: Матица српска, 2011. 1561 с.
12. Сеомаровская А.А. Лексика греческого происхождения в поэтических текстах А.С.Хомякова: лингвокультурологический аспект: дис.... канд. филол. наук. М., 2022. 158 с.
13. Стрекалёва Т.В. Галлицизмы и франкоязычные включения в современном русском языке и их стилистические особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008. 18 с.

14. Цымбалюк А.А. Лексические заимствования как инструмент реконструкции действительности в творчестве нового В. Пелевина // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 5 (108). С. 409–412.
15. Шенс А.О., Хадуева Ф.М., Кузнецова Н., Пронина А.А. Играющее средневековье. М.: АСТ, 2021. 240 с.
16. Штрабац Г., Вујовић Д. Између дијалекта, меснога и стандардног језика: лексички дублети и синоними // Лингвистичке свеске 9. Говор Новог Сада. Свеска 2: Морфосинтаксичке, лексичке и прагматичке особине. Нови Сад: КриМел, Будисава. 2011. С. 192–209.
17. Шумакова А.Н. Функционирование англицизмов во французской литературе // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 179–187.
18. Balašević Đ. Boža zvani Pub // Tekstovi.net – galerija muzičkih tekstova. URL: <https://tekstovi.net/2,128,4024.html> (дата обращения: 30.05.2025).
19. Heraković S. Orijentalizmi u pripoveci «Put Alije Džerzeleza»: kolilo su prisutni u današnjem govoru Doca kod Travnika // Austrougarski period u životu i djelu Iva Andrića. Knj. 4. Grac: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, Beograd: Beogradska knjiga, 2011. S. 557–563.
20. Imamī P. Beogradski frajerski rečnik. Beograd: NNK International, 2002. 432 c.
21. Kapor M. Vodič kroz srpski mentalitet. Beograd: Knjigakomerc, 2017.
22. Katalinić K. Stilska funkcija stranih jezičkih elemenata u Krlezinoj drami Gospoda Glembajevi i njezinom mađarskom prijevodu // Kolo. 2003. № 3. URL: <https://www.matica.hr/kolo/291/stilska-funkcija-stranih-jezicnih-elemenata-u-krlezinoj-drami-gospoda-glembajevi-i-njezinom-maarskom-prijevodu-20047/> (дата обращения: 30.05.2025).
23. Kartaške igre sa mađaricama. Pet sjajnih načina za zabavu. URL: <https://onlinekazinosrbija.rs/kartaske-igre-sa-madaricama/> (дата обращения: 30.05.2025).
24. Klajić B. Rječnik stranih riječi i izraza. Zagreb: Nakladni zavod, 1980. 1456 s.
25. Kockanje kartama došlo je u Beograd «od preko Dunava» // Kaldrma. URL: <https://kaldrma.rs/kockanje-kartama-doslo-je-u-beograd-od-preko-dunava/> (дата обращения: 30.05.2025).
26. Kostić-Tomović J. Germanizmi u savremenom srpskom jeziku, u germanoslavističkoj literaturi i u romanu Semper idem Đorđa Lebovića // Komunikacija i kultura online. 2017. Vol. 8. S. 48–87.
27. Vujačklija M. Leksikon stranih reči i izraza. Beograd: Prosveta. 1980. 1051 s.

References

1. Abdullina, L.R. & Ageeva, A.V. (2014) *Gallitsizmy kak sredstvo sozdaniya srednevekovoy kartiny mira v sovremenном russkoyazychnom fentezi* [Gallicisms as a means of creating a medieval picture of the world in modern Russian-language fantasy]. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Lingvistika."* 11(1). pp. 74–78.
2. Gordeeva, L.P. (2011) “Mne gallitsizmy budut mily...”: tematicheskaya klassifikatsiya gallitsizmov na materiale tvorchestva A.S. Pushkina [“Gallicianisms will be dear to me...”: thematic classification of Gallicisms based on the works of A.S. Pushkin]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta.* 153. 6. pp. 83–94.
3. Đindjić, M. & Radonjić, D. (2012) Uloga turcizama u oblikovanju sveta Andrijevih pripovedaka (1925–1941). In: *Ivo Andrić – književnik i diplomata u sjeni dvaju svjetskih ratova (1925–1941)*. Vol. 5. Grac: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, Beograd: Beogradska knjiga. pp.461–468.
4. Đindjić, M.S. (2013) *Turcizmi u savremenom srpskom književnom jeziku (semantičko-derivaciona analiza)*. Doktoral diss. Beograd.
5. Jelisavčić, M.S. (2022) Inat i kajmak u zemlji čuda (stereotipi u knjizi Vodič kroz srpski mentalitet Mome Kapora). *Filolog – časopis za jezik, književnost i kulturu.* 25. pp. 355–371.
6. Klajn, I. & Šipka, M. (2006) *Veliki rečnik stranih reči i izraza*. Belgrade: Prometej Publishing House.
7. Komlev, N.G. (2000) *Slovar' inostrannyykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow: EKSMO-Press.
8. Lazić Konik, I. & Dražić, J. (2011) Poetska funkcija vojvođanske leksike u pesmama Đorđa Balaševića. In: *Lingvičke sveske*. Vol. 9. Novi Sad: Budisava: KriMel. pp. 515–526.
9. Serbia. (n.d.) *Moya Srbija* [My Serbia]. [Online] Available from: <https://www.srbija.ru/mat/lang/9847-id> (Accessed: 30 th May 2025).
10. Petrović, D (ed.) (2000–2010) *Rečnik srpskih govora Vojvodine*. Vol. 10. Novi Sad: Matica srpska – Tiski cvet.
11. Nikolić, M. (ed.) (2011) *Rečnik srpskoga jezika*. Novi Sad: Matica srpska (In Serbian).
12. Seomarovskaya, A.A. (2022) *Leksika grecheskogo proiskhozhdeniya v poeticheskikh tekstakh A.S. Khomyakova: lingvokulturologicheskiy aspect* [Lexis of Greek origin in the poetic texts of A.S. Khomyakov: A linguocultural aspect]. Philology Cand. Diss. Moscow.
13. Strekaleva, T.V. (2008) *Gallitsizmy i frankoyazychnye vklyucheniya v sovremennom russkom yazyke i ikh stilisticheskie osobennosti* [Gallicisms and French-language inclusions in modern Russian and their stylistic features]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
14. Tsymbalyuk, A.A. (2024) Leksicheskie zaimstvovaniya kak instrument rekonstruktsii deystvitel'nosti v tvorchestve novogo V. Pelevina [Lexical

borrowings as a tool for reconstructing reality in the works of the new V. Pelevin]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 5(108). pp. 409–412.

15. Sheps, A.O., Khadueva, F.M., Kuznetsova, N. et al. (2021) *Igrayushchhee srednevekove* [Playful Middle Ages]. Moscow: AST.

16. Štrbac, G. & Vujović, D. (2011) Između dijalekta, mesnog govora i standardnog jezika: leksički dubleti i sinonimi. *Lingvističke sveske*. 9(2). pp. 192–209.

17. Shumakova, A.N. (2019) Funktsionirovanie anglitsizmov vo frantsuzskoy literature [The Functioning of Anglicisms in French Literature]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 3(819). pp. 179–187.

18. Balašević, Đ. (n.d.) *Boža zvani Pub*. [Online] Available from: <https://tekstovi.net/2,128,4024.html> (Accessed: 30th May 2025).

19. Heraković, S. (2011) Orientalizmi u pripoveci "Put Alije Džerzeleza": koliko su prisutni u današnjem govoru Doca kod Travnika. In: *Austrougarski period u životu i djelu Iva Andrića*. Vol. 4. Grac: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, Beograd: Beogradska knjiga. pp. 557–563.

20. Imami, P. (2002) *Beogradski frajerski rečnik*. Belgrade: NNK International.

21. Kapor, M. (2017) *Vodič kroz srpski mentalitet*. Belgrade: Knjigakomerc.

22. Katalinić, K. (2003) Stilska funkcija stranih jezičkih elemenata u Krležinoj drami Gospoda Glemabajevi i njezinom mađarskom prijevodu. *Kolo*. 3. [Online] Available from: <https://www.matica.hr/kolo/291/stilska-funkcija-stranih-jezicnih-elemenata-u-krlezinoj-drami-gospoda-glembajevi-i-njezinom-maarskom-prijevodu-20047/> (Accessed: 30th May 2025).

23. Serbia. (n.d.) *Kartaške igre sa mađaricama. Pet sjajnih načina za zabavu*. [Online] Available from: <https://onlinekazinosrbija.rs/kartaske-igre-sa-madaricama/> (Accessed: 30th May 2025).

24. Klajić, B. (1980) *Rječnik stranih riječi i izraza*. Zagreb: Publishing house. (In Serbo-Croatian).

25. Serbia. (n.d.) *Kockanje kartama došlo je u Beograd "od preko Dunava."* [Online] Available from: <https://kaldrma.rs/kockanje-kartama-doslo-je-u-beograd-od-preko-dunava/> (Accessed: 30th May 2025).

26. Kostić-Tomović, J. (2017) Germanizmi u savremenom srpskom jeziku, u germanoslavističkoj literaturi i u romanu Semper idem Đorđa Lebovića. *Komunikacija i kultura online*. 8. pp. 48–87.

27. Vujaklija, M. (1980) *Leksikon stranih reči i izraza*. Belgrade: Education.

Иванова Ирина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия).

Irina E. Ivanova – Lomonosov Moscow State University (Russia)

E-mail: iva53@inbox.ru

УДК 81-114.4+811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/13

Славянский культурный код в региональной картине мира (на материале анализа объектов стрит-арта г. Томска)

А.В. Курьянович

Томский государственный педагогический университет

Россия, 634061, г. Томск, ул. Киевская, 60

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Авторское резюме

Славяноведение сегодня активно использует теоретико-методологическую основу когнитивно-дискурсивной лингвистики, в связи с чем научный интерес вызывает изучение славянского культурного кода как составляющей современной национальной картины мира, в том числе на уровне её регионального фрагмента. Аксиологическая составляющая мифологических представлений как прооснова общеславянской картины мира отражается в формально-содержательном наполнении графических знаков-символов, маркирующих общеславянский культурный код. В пространстве современного регионального города эти знаки встречаются, в частности, в виде различных арт-объектов: граффити, муралов и пр. Исследование выполнено на материале графических славянских знаков-символов, объективированных в семиосфере города Томска в виде объектов стрит-арта. Элементы уличных арт-ансамблей соотносятся с компонентами, цветовой гаммой, композиционным построением традиционного славянского орнамента и определяются как знаки, которые символизируют культурные смыслы, свойственные славянской картине мира. Результаты опроса носителей разных языков показали, что славянский культурный код сегодня в основных своих чертах распознаётся на фоне прочей концептуальной информации представителями различных лингвокультурных сообществ. Информантами предлагаются интересные варианты интерпретации ценностных смыслов, структурирующих общеславянскую картину мира, что свидетельствует об особой значимости славянской темы в картине мира исконных носителей современного русского языка, билингвальных и вторичных языковых личностей.

Ключевые слова: картина мира славянских народов, славянский культурный код, графический знак-символ, славянский орнамент, региональная картина мира, город Томск, стрит-арт

The Slavic cultural code in the regional worldview (based on an analysis of street art objects in Tomsk)

Anna V. Kurjanovich

Tomsk State Pedagogical University
60 Kievskaya ul., Tomsk, 634061, Russia
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Abstract

Contemporary Slavic studies increasingly employ the theoretical and methodological framework of cognitive-discursive linguistics; therefore, the investigation of the Slavic cultural code as a component of the contemporary national worldview, including at the level of its regional manifestations, is of significant scholarly interest. The axiological component of mythological representations, which form the foundation of the common Slavic worldview, is reflected in the formal and substantive features of graphic signs-symbols marking this shared cultural code. Within the space of the modern regional city, these signs manifest in various art forms, such as graffiti, murals, tags, etc. This study analyzes graphic Slavic signs and symbols materialized in the semiosphere of the city of Tomsk through street art objects. Elements of these street art ensembles are shown to correlate with the components, colors, and compositional structures of traditional Slavic ornaments and are defined as signs that symbolize cultural meanings inherent in the Slavic worldview. The results of the survey among native speakers of different languages show that the Slavic cultural code today remains identifiable in its essential features against other conceptual information, even for representatives of diverse linguistic and cultural communities. Informants provided insightful interpretations of the core values structuring the common Slavic worldview, which suggests the enduring significance of Slavic themes for contemporary Russian native speakers, as well as for bilingual and secondary linguistic personalities.

Keywords: worldview of Slavic peoples, Slavic cultural code, graphic sign-symbol, Slavic ornament, regional worldview, Tomsk, street art

Введение

Современную лингвистику принято считать полипарадигмальной (Е.С. Кубрякова), что определяет статус осуществляемых исследований как междисциплинарных. Славяноведение сегодня предполагает опору на теоретические положения и методологические основания, разработанные в том числе в рамках таких научных областей, как когнитивно-дискурсивная лингвистика, лингвокультурология, регионалистика, визуальная семиотика. Сказанное определяет актуальность изучения культурного кода, воплощённого в картине мира славянских народов, в аспекте отражения обозначенной проблематики в сознании современных представителей различных культур и языков – исконных носителей русского языка, билингвальных и вторичных языковых личностей.

Культурный код определяется в качестве «ключа» к пониманию глубинных культурных явлений, стереотипов поведения и ценностей, детерминированных этнокультурой, основные функции которого – «связать знак со значением, перевести и интерпретировать мир номинаций в мир смыслов» [10: 125]. Славянский культурный код – система представлений о ценностях, традициях, обычаях, символах, верованиях славянских народов, интегрированная в их картину мира. Это своеобразная матрица коллективной памяти, которая передаётся от поколения к поколению посредством фольклорных произведений, мифологии, образцов литературы и искусства, ритуалов, религиозных верований и предметов повседневного быта. Заключённая в данных артефактах культурная информация транслирует представления славян о мире, природе и человеческой жизни, отражает их идеалы и устремления. Воплощённый в картинах мира славянских народов культурный код во многом является для них общим, несмотря на разность национальных характеров, исторических путей развития, а также на то, что системы духовно-нравственных ценностей у славян отнюдь не являются совершенно идентичными. Причина этого – в «единых духовных истоках», включая пережитый опыт язычества, который определил появление «обширного пласта архетипических воззрений в “коллективном бессознательном”» современных славян [12: 51–52]. Учёными подчёркивается ключевая роль в формировании славянской культуры верований и религиозных убеждений, особенно языческих, существовавших на древнем этапе славянской цивилизации, глубоко укоренённых в народной жизни и сопровождающих особыми обрядами и ритуалами.

Орнаментальные знаки как маркёры славянского культурного кода

В числе традиционных воззрений славян отмечается сакрализация природных явлений и стихий: их почитание через обереги, символические знаки в виде узоров и орнаментов. *Графические символические знаки* – визуальные элементы, транслирующие определённое значение или смысл в виде изображения, иконки, пиктограммы или абстрактной формы. Содержание этих единиц насыщено «орнаментальной символикой, отражающей языческое миропонимание» [26: 108]. Встречаются они в образцах вышивки на одежде и головных уборах, резьбы по дереву, в элементах декора пространства и интерьера жилищ, украшениях и архитектуре. Эти знаки заключают в себе глубокий смысл и передают духовные идеи предков, связанные с поклонением солнцу, природе, воде, огню, роду, а также служат средством защиты от злых сил: «Графическая символика древности, включающая в себя архаичные знаки-символы – графемы, идеограммы и руны, геометрические, зоо- и антропоморфные символы, представляет собой в совокупности целостную знаковую систему, передающую мифологические и религиозные представления наших далёких предков» [26: 103].

История изучения роли графических знаков-символов в осмыслении славянского культурного кода обширна. В частности, учёными активно анализируются *орнаментальные формы* – разновидность графических знаков-символов, представленных, в отличие от узоров, в упорядоченной последовательности. Отмечается, что в процессе сакрализации древние славяне наделяли орнамент функцией «овеществлённого заговора» [20]. Особенно востребован был геометрический орнамент, каждый элемент которого приобретал концептуальную сущность. Так, *ромб* у славян выступал знаком удачи, успешной охоты, сытости, изобилия; *круг* почитался как символ совершенства, солнца, плодородия и брака; *треугольник* передавал идею гармонии, троичности; *квадрат* имел смысл упорядоченности и равновесия; *прямые, волнистые, спиралевидные и зигзаговые линии* символизировали бесконечность жизни, движение, развитие; *точка* воспринималась сознанием древних славян как «глаз неба» и «сгусток энергии» (см., например, об этом: [6; 14; 25; 28]). Растительный и анималистический орнаменты, например, с изображением *Древа жизни* или *Птицы Сирин*, также активно использовались славянами. Особое значение придавалось выбору цвета. Каждый цвет обладал символичным значением: *красный* олицетворял огонь, кровь, *чёрный* – землю, вечность, *белый* – свет, святость, чистоту.

В таблице 1 приведена информация о некоторых славянских символических знаках. Сведения систематизированы и обобщены с опорой на данные открытых интернет-источников [23; 30].

Общая характеристика некоторых общеславянских графических знаков-символов

Название знака	Варианты графического изображения знака	Символичное значение знака
Зигзаг Мары		Знак жизни, воды и моря, Мары – покровительницы сна (чёрной змеи)
Крест Мары		Знак огня, счастья и любви, защиты от злых духов
Мартыня		Знак урожая и плодородия
Огненный крест		Знак грома, счастья, привлекает счастье, энергию, огонь, гром, ветер, солнце
Лунный крест		Знак плодородия, жизни
Уж		Знак мудрости, знаний, острого ума и находчивости
Юмис		Знак достатка и положительной энергии
Дубок, дерево солнца		Знак защиты рода, домашнего очага и огня
Солнце		Знак вечного движения, силы жизни
Ян		Знак гармонии и цикличности природы

Название знака	Варианты графического изображения знака	Символичное значение знака
Усиньш		Знак удачи для путников
Метёлочка счастья, иголочка		Знак всемирного дерева
Небо		Знак божественного света, неба
Звезда		Знак победы света над тьмой

Содержательное наполнение, технология создания и функциональные свойства графических знаков-символов в картинах мира разных славянских народов имеют общую основу. При этом с опорой на имеющиеся научные источники, например [1; 20], можно выделить черты, определяющие самобытность формы и содержания, а следовательно, и трактовки знаков-символов в каждой из славянских лингвокультур. Так, украинские орнаменты часто включают изображения растений, особенно маков, хмеля и подсолнечника, которые являются символами плодородия, и отличаются яркой цветовой палитрой. В создании древнерусских узоров используется ограниченное количество цветов. Болгарский орнамент отличается элементами астрономической и солнечной символики. Польский может включать более сложные и детализированные геометрические фигуры. Чешские и словацкие орнаменты также в основном представляют собой геометрические узоры, но ярких контрастных цветов и с применением комбинированных техник исполнения. В данном исследовании рассматриваемые графические знаки-символы интерпретируются с опорой на представления о мире, характерные для общеславянского культурного кода.

Исторический процесс обуславливает динамику культурного кода и его «неизбежную адаптацию к постоянно меняющимся социокультурным условиям» [8: 30]. Языческие культурные коды «должны были утратить часть своих сакральных значений и приобрести новые социокультурные коннотации, предположительно антропоцентричного характера» [8: 30]. В связи с этим интересным видится анализ форм

и средств интеграции отдельных элементов славянского культурного кода в региональную картину мира, а также изучение особенностей рецепции современных носителей разных языков в отношении тех объектов городского ландшафта, в которых отражены славянские культурные концептуальные смыслы.

Объекты стрит-арта – составляющие семиосферы регионального города и средства объективации региональной картины мира

Важной составляющей картины мира современного носителя языка выступает фрагмент, связанный с существованием концептуального знания в сознании представителей конкретного регионального сообщества в виде *региональной картины мира*. В основе понятия лежит представление о мире, сформированное под влиянием регионального контекста в «социальных практиках адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов» [18: 38]. Структурно-содержательное наполнение региональной картины мира обусловлено комплексным действием ряда факторов, включая специфику городской архитектоники и инфраструктуры, деятельности социальных институтов и общественных организаций, климата и природного ландшафта, степень удалённости от центра, совокупную характеристику населения (возрастную, гендерную, этническую, социокультурную, профессиональную).

В рамках данной статьи анализируется вариант региональной картины мира, который связан с осмысливанием образа Томска – одного из старейших городов Сибири, расположенного на реке Томь с момента своего основания в 1604 г. В Томске проживают представители многочисленных этносов, делая город местом средоточия языков, религий, культур. Именно в Томске был открыт первый университет в Сибири. Город славится архитектурой, в которой сочетаются стили разных эпох, включая деревянные и каменные постройки. Сегодня Томск известен как крупный научно-образовательный центр, в университетах которого обучаются студенты из разных стран мира. «Базовый миф Томска – миф об особом цивилизационном статусе в Сибири в течение более чем 400-летней его истории. <...> Прямой импликацией образов “умного города”, “студенческого города” является его позиционирование как города-космополита, города, открытого культурам и языкам, города, вбирающего и интегрирующего инокультурные сообщества» [17: 20]. «Образ города» находит отражение в сознании современных носителей разных языков и культур – исконных, билингвальных и вторичных языковых личностей,

так или иначе связывающих себя с Томском. В их речемыслительной деятельности присутствуют фрагменты, отражающие оригинальную интерпретацию единиц региональной картины мира – «знаков, символов, стереотипов и иных моделей, презентирующих культурные аксиологические смыслы» [9: 38].

Единицы региональной картины мира объективируются в элементах городского пространства, которые в совокупности создают урбансемиосферу – самобытный и неповторимый «текст города», который «формируется не только семиотикой архитектуры, но и знаками городского ландшафта, парками, садовыми ансамблями, совокупностью малых архитектурных форм в их семиотической функции» [17: 23]. В отличие от линейного речевого произведения, текст города как семиотический феномен является многомерным, интегрированным в пространство и сам его создающим, имеет дискурсивную природу: постоянно трансформируется, развивается, рождая новые варианты функционирования и интерпретации.

В городском пространстве Томска присутствуют объекты, которые транслируют черты образа современного Томска, проявляющиеся сквозь призму исторического контекста, включая эпоху становления и раннего развития славянской цивилизации. Подобные объекты урбансемиосферы можно рассматривать в качестве связующего звена между соответствующими фрагментами современной региональной и древнеславянской картины мира. В числе подобных маркёров можно назвать объекты городского пространства разной знаковой природы (верbalные, цветовые, тактильные, аудиовизуальные, архитектурные и пр.), передающие различные значения и культурные смыслы. Весомой составляющей городского пространства является *стрит-арт* – образцы уличного искусства, представляющие самостоятельное направление современной живописи, для которых «пространство города выступает одновременно и порождающей средой, и экзистенциальным контекстом» [13: 122]. Объекты городского искусства относятся к наиболее ярким достопримечательностям, участвующим в создании неповторимого облика города [21: 156]. По своим типологическим характеристикам арт-объекты относятся к разным жанрам уличного искусства и представляют собой *рисунки, граффити, надписи, трафареты, стикеры, муралы, постеры, плакаты, инсталляции* [5]. Функциональные свойства объектов стрит-арта определяются их способностью выражать содержание субкультур, идентифицировать принадлежность к региональному сообществу, украшать городское пространство и наполнять его эстетическим и концептуальным смыслом. Основой для создания арт-объекта является «свобода выражения и креативность автора», а базовой функцией становится «эмоциональный отклик зрителей» [22: 24].

Таким образом, целью исследования является анализ элементов славянского культурного кода, воплощённых в символических знаках славянского орнамента с точки зрения интеграции этих элементов в региональную картину мира в виде компонентов содержания объектов стрит-арта г. Томска и рецепции в отношении них со стороны современных представителей разных лингвокультур. Методологической базой исследования выступают научное описание, интроспективное наблюдение, дискурсивный, лингвосемиотический, лингвоконцептуальный анализ, опрос в форме онлайн-анкетирования.

Ретрансляция славянского культурного кода в семиосфере Томска: интроспективный концептуальный анализ объектов стрит-арта

Как показали результаты наблюдений, в городском пространстве Томска присутствует немалое количество арт-объектов, которые содержат элементы графических знаков-символов, маркирующих славянский культурный код. Приведём примеры образцов стрит-арта, располагающихся в различных локациях городского публичного пространства, при создании которых были использованы элементы славянских орнаментов.

Пример 1. Дом, расположенный на перекрёстке улиц Пирогова, 6 и Советская, 89, стал объектом внимания общественности. В рамках реставрационного проекта «Дом за рубль» осуществлена его арт-консервация: деревянные щиты, закрывающие оконные проёмы, украсили рисунки в славянском стиле. Как отмечается в заметке, опубликованной на портале «Вести-Томск», «в рисунках отражены традиции вышивки разных народов. Так, на стороне дома, которая “смотрит” на проспект Ленина, можно увидеть восточные мотивы вышивки. Фасад, выходящий на Пирогова, украсили северные орнаменты. Дворовый фасад посвящён западным славянам: его украсили рисунки чешской, польской, словацкой, болгарской и моравской вышивки. Окна, выходящие на Советскую улицу, расписаны по мотивам белорусской, украинской вышивки и вышивки южных регионов России. [...] Дом построен в 1916 году. Он представляет из себя классический для дореволюционного Томска деревянный многоквартирный дом на кирпичном основании. [...] Сегодн я данный дом входит в число объектов фоновой исторической застройки» [4]. Фотографии арт-ансамбля «**Славянские орнаменты**» представлены на рис. 1.

Рис. 1. Арт-ансамбль «Славянские орнаменты»
(фотографии взяты из открытого интернет-ресурса [4])

Все фрагменты арт-ансамбля, содержащие графические знаки-символы значимых для картин мира разных славянских народов концептуальных смыслов, выполнены в традиционной манере, характерной для общеславянского культурного кода.

Арт-объект имеет чёрно-красно-белую цветовую гамму. Тёмные тона преобладают, что означает устремлённость символического образа к миру живых и тенденцию к доминированию материальных образов: точка – как «зерно, брошенное в землю», прямоугольник – «участок земли под пашню», солярные знаки, воплощающие образ солнца – источника жизни. Светлые тона привносят в содержание идею устремлённости духа ввысь.

В арт-объекте преимущественно используются геометрические и растительные орнаменты. Значительная часть знаков имеет общую тему, связанную с выражением аксиологически значимого для славянской картины мира смысла – «плодородие земли». У древних славян универсальным символом плодородия и деторождения считался ромб, он воплощал женскую природу и был тесно связан с образом Матери-Прародительницы, воспринимаемой также как Мать-Природа. Геометрическая форма ромба ассоциировалась с идеей четырёхкратности времени и пространства: четыре стороны света, четыре времени года, четыре стихии, четыре стены (верх–низ–право–лево), четыре угла у жилища-сруба, четыре жерди огораживают загон-хлев. С другой стороны, идея кратности рождала в сознании древних славян представление о цикличности: восход–зенит–закат солнца, рождение–зрелость–старость человека, увядание осенью и расцвет весной природы. Не изменение, не исчезновение, а повторение являлось определяющим мотивом сознания и поведения древних земледельцев: славяне представляли «круговорот времён года в виде непрерывной борьбы и поочерёдной победы светлых и тёмных сил природы» [7: 106].

Присутствующие в структуре арта образы цветов (рис. 2) привносят в содержание смыслы, связанные с миром Яви, – проявленной жизни.

Цветок в картине мира всех славянских народов – символ земной жизни, красоты, плодородия. Цветы традиционно ассоциировались с весной, возрождением природы и обновлением. Они играли важную роль в ритуалах, праздниках и верованиях, связанных с земледелием и циклом сезонов. Одним из наиболее значимых символов является цветок папоротника, связанный с мифом о том, что в ночь на Ивана Купалу цветок папоротника зацветает, даря обладателю счастье и удачу. Этот цветок символизирует тайные знания и мистические силы.

В числе ключевых образов рассматриваемого стрит-арта – образы Берегини и Древа жизни (рис. 3).

Рис. 2. Цветочный орнамент в составе арт-ансамбля «Славянские орнаменты»
(фотографии взяты из открытого интернет-ресурса [4])

Рис. 3. Фрагменты арт-ансамбля «Славянские орнаменты»
(фотографии взяты из открытого интернет-ресурса [4])

Образ Берегини – женщины с поднятыми или опущенными руками – в славянской мифологии олицетворяет материнскую силу, защиту, плодородие и гармонию. Считалось, что символ Берегини защищает от сглаза и злых духов, помогает женщинам в беременности и родах, приносит в дом гармонию и любовь, усиливает связь с предками и природными силами [24: 31]. Имеющий различные варианты графического представления, образ мирового дерева олицетворяет универсальную концепцию мира, синтез неба, земли и воды. Основное значение символа дерева жизни у славян – защита дома и семьи. Считалось, что он аккумулирует положительную энергию, опыт и мудрость предков. Дерево как символ несет двойную нагрузку. С одной стороны, образ передаёт идею разделения мира на Правь (мир богов), Явь (мир людей) и Навь (потусторонний мир, мир злых сил и/или мёртвых). С другой стороны, отражает веру древних славян в существование взаимосвязи всего в мире, преемственности поколений, жизни рода: дерево «выступает в функции универсального медиатора, посредством которого человек попадает в мир людей и покидает его, перемещаясь на небо, в потусторонний мир» [24: 133].

Отметим, что славянские знаки-символы, входящие в арт-объект, гармонично коррелируют с архитектурой постройки, составные части которой представляют собой те же символические знаки, но в деревянном исполнении. Таков, например, солярный знак в чердачной части здания под самой крышей (рис. 4).

Рис. 4. Взаимосвязь идеи арт-ансамбля с элементами деревянной архитектуры (фотографии взяты из открытого интернет-ресурса [2])

Пример 2. Арт-объект «*Любая традиція живёт интерпретацией*» располагается на подпорной стене дома по адресу ул. Бакунина, 2, вдоль бульжной мостовой, ведущей к исторической достопримечательности Томска – Воскресенской горе, месту основания города в 1604 г. Мурал создан в рамках фестиваля уличного искусства Street Vision (рис. 5). Со слов автора, Миши Мaska, ему «хотелось сделать какой-то аутентичный сюжет для Томска, который бы подходил и городу в целом, и конкретной локации» [31]. «Первый музей славянской мифологии, который находится поблизости, – тоже уникальное место, хотелось сделать отсылку и к нему. В принципе, вся тема моей росписи подходит Томску по своему характеру. Естественно, я готовился, читал о городе, общался с томичами – так постепенно у меня родился этот сюжет. Наличник для меня – это вообще символ Томска, и деревянное зодчество – это то, ради чего многие приезжают в город. Поэтому я не мог обойти данную тему, использовал её в работе. Конь – это отсылка к томскому гербу» [31].

В художественной форме автор воплощает идею культурной связи поколений, делая отсылку к историческим корням. Автор уверен: в культурном коде современного Томска особое место занимают древнеславянские смыслы, содержание которых служит основой для возникновения современных аутентичных сюжетов и получает в них развитие.

Верbalная часть мурала представляет высказывание французского герменевтика Поля Рикёра. Мысль известного философа о том, что интерпретация устоявшихся норм и правил позволяет сохранять их культурно-историческое значение и концептуальный смысл для людей, живущих в разные эпохи и при разных условиях, созвучна представлениям автора граффити: «Зачастую то, что я делаю, выглядит

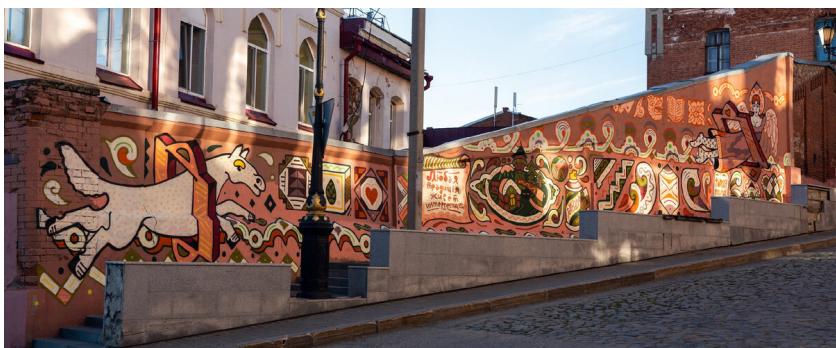

Рис. 5. Мурал «Любая традиція живёт интерпретацией» (фотографии взяты из открытого интернет-ресурса [16])

немного наивно. <...> Я отношусь к своему творчеству больше как к концепции, к идее, сейчас это работа с наследием народного творчества. В какой-то момент я понял, что мне нравится рисовать такие формы, такие сочетания цветов, а вокруг все начали говорить, что у меня какой-то новый русский стиль. <...> Мои граффити часто имеют своеобразный ленточный узор, который присутствует в различных народных росписях. Нередко этот узор содержит серию образов, и порой прохожие, когда идут мимо моей работы, начинают с ходу рассказывать какую-то историю. Это потрясающе! У меня в голове больше цвета, линии, формы, а сюжетную составляющую я прописываю заранее»» [31].

Авторский приём стилизации под старину в виде использования буквы і («и десятиричного») – элемента дреформенной алфавитной графики – также «работает» на реализацию авторской идеи (рис. 6).

На основе кириллицы построены алфавиты русского, белорусского, украинского, русинского, болгарского, сербского, македонского народов. За прошедшие века много раз менялись и уточнялись буквенный состав и графика кириллического письма, алфавитов на основе кириллицы. Однако идея о том, что кириллическая азбука как элемент славянской графической культуры и памятник славянской письменности является органичной составляющей славянской культурной идентичности, не вызывает сомнения.

Иллюстративная часть мурала включает ряд ярких, колоритных образов, выполненных в контрастных, сочных тонах. Таковы образы коня, деревянных наличников, птицы Сирин. Так, птица Сирин – бес-

Рис. 6. Фрагмент мурала «Любая традиція живёт интерпретацией» (фотографии взяты из открытого интернет-ресурса [31])

тиарный образ славянской мифологии [3] – обычно изображается как красавица с лицом женщины и телом птицы (рис. 7).

Рис. 7. Образ птицы Сирин: фрагмент мурала

«Любая традиція живёт интерпретацией»

(фотографии взяты из открытого интернет-ресурса [31])

Сирин считается символом счастья, радости и вдохновения, а также часто ассоциируется с музыкой и задушевными песнями. Согласно славянским мифам, Сирин приносит людям счастье и является предвестником удачи.

В структуре анализируемого арт-объекта присутствует целый ряд графических знаковых элементов, имевших символическое значение в древнеславянской картине мира. Композиционная структура арта подчинена выражению замысла автора – представить систему мироустройства древних славян в совокупности трёх миров: Нави, Яви, Прави.

Внизу изображение содержит элементы, связанные с Навью – «нижним» миром, миром духов, которым правит Мара (Морена) [24: 291]. Знаками, обозначающими принадлежность этому миру, в частности, являются различные линии – прямая, волнистая, зигзагообразная и пр. В одном из вариантов трактовок они интерпретируются как знаки, символизирующие водную стихию. Горизонтальная ломаная линия со звеньями одинаковой величины – так называемый зигзаг Мары ($\wedge\wedge\wedge$) – в представлении древних славян воплощала идею земных

вод (рек, озёр) как крови Земли и называлась водами Мары. Вода в славянской картине мира наделялась разнообразными функциями: очищала душу, лечила раны, была посредником между Небом и Землёй, питала всё живое на Земле. Вода для древних славян воспринималась как хранительница жизни, первоначало. Знак, называемый в славянской мифологии «уж» (), символизировал мудрость. Комплекс элементов из прямых и точек () обозначал плодородие земли, олицетворял земные блага, достаток.

Мир *Яви*, по мнению древних славян, – мир, данный человеку в ощущениях. Это мир людей и живых существ. В структуре анализируемого арт-объекта знаком, олицетворяющим этот мир в картине мира славян, является круг, производные от него и его содержащие геометрические фигуры, а также знаковое пространство внутри круга с различным содержательным наполнением (). Символика круга ассоциировалась в сознании древних славян с идеей цикличности времени и передавала их представления о различных формах структурирования пространства (своё–чужое и пр.). Все солярные символы объединяет смысл «жизненная сила, тепло и свет». Солнце – важнейший элемент картины мира славян, символизирующий жизненную энергию и плодородие. Знак «капля» (знак Рода) () считался у славян сильным универсальным оберегом и был посвящён богу Чуру. Владелец оберега был защищён от наведения на него порчи, сглаза, проклятий и заговоров («Чур меня!»). Петлевой узор () почитался как символный знак плодородия.

Мир богов *Правь* был связан с устремлённостью в небо, потребностью в защите высших сил. На это указывают такие элементы арт-объекта, как линии, символизирующие движение к небу (, концентрированные дуги ()). В цветовой гамме присутствуют традиционные для славянской философии символические оттенки – красный, белый, чёрный. Автор использует также жёлтый (чаще всего связывался с образом солнца, представлениями о богатстве, урожае) и зелёный (олицетворяет мир, гармонию, новую жизнь) цвета.

Приведённый выше анализ арт-объектов, функционирующих в городском пространстве Томска, позволяет судить о том, что знаковые элементы, маркирующие славянский культурный код, устойчиво присутствуют в региональной семиосфере. Эти знаки являются средствами формирования концептуальных смыслов в сознании современных носителей языков. Образцы уличного искусства в целом «могут выглядеть как угодно, выполняться какими угодно материалами», однако для них «большим критерием стало закладывание смысла/посыла в работу» [15: 69]. Создатели арт-объектов также размышляют о концептуальном ресурсе создаваемых ими произведений. Так, автор

мурала на стене по ул. Бакунина Міша Маск замечает: «Я работаю с цветом, композицией. Собираю всяческие интерпретации. Считаю, что это очень интересно, когда человек находит что-то своё. В этом вообще весь смысл искусства – сыницировать в голове человека какую-то фантазию. Мне очень нравится, когда люди рассказывают, что они там видят, какие у них в голове рождаются смыслы. <...> Смыслы зрителя находит сам» [31].

Отражение славянского культурного кода в рецепции современных представителей разных лингвокультур (на материале онлайн-опроса)

С целью выявления специфики рецепции элементов славянского культурного кода, присутствующего в содержании арт-объектов се-миосферы Томска, в сознании носителей разных языков при помощи онлайн-площадки Yandex Forms 21–23.04.2025 г. проведен опрос в форме анкетирования [19].

В опросе приняли участие 39 человек: исконные жители Томска, здесь родившиеся и проживающие (9 человек, что составляет 23,1 % от общего числа опрошенных); приехавшие в Томск и проживающие в нём долгое время (10 человек, или 25,6 %); находящиеся в Томске в период обучения в вузе (18 человек, или 46,2 %); прибывшие в Томск в качестве гостя на непродолжительное время (2 человека, или 5,1 %). Среди информантов зафиксировано 32 носителя русского языка как родного и 7 носителей, для которых русский язык является неродным или иностранным, включая 4 билингвов (носителей белорусского, украинского, таджикского и казахского языков как родных), долгое время проживающих в Томске и владеющих русским языком на уровне продвинутых пользователей, а также одну японку и одного китайца, владеющих русским языком как иностранным на уровне В1 и проживающих в Томске около 2 лет.

Разноаспектность статусной характеристики информантов позволила получить содержательно полный и верифицированный срез данных о том, насколько узнаваемы знаки славянского культурного кода сегодня и какова специфика интерпретации этих знаков современными представителями разных лингвокультурных сообществ.

Информантам была предложена следующая *анкета*:

1. Укажите, к какой категории лиц вы относитесь:
 - а) родились и проживаете в Томске;
 - б) приехали в Томск и проживаете в нём долгое время;
 - в) находитесь в Томске в период обучения в вузе;
 - г) приехали в Томск в качестве гостя на непродолжительное время.

2. Укажите статус русского языка для вас:

а) для меня русский язык является родным;

б) для меня русский язык является неродным или иностранным.

3. Какие ценности, по вашему мнению, составляют славянский культурный код (*можно выбрать несколько вариантов ответа*):

а) семья и брак;

б) коллективизм;

в) дружба;

г) гостеприимство;

д) поклонение природе и связь с ней;

е) духовность и вера;

ж) трудолюбие;

з) связь с предками, историческая память;

и) доброжелательность, открытость, готовность помочь;

к) честь, мужество, справедливость;

л) патриотизм.

4. Какие средства выражения славянского культурного кода вам наиболее известны (*можно выбрать несколько вариантов ответа*):

а) язычество, мифология;

б) православие;

в) фольклор, народные сказания;

г) традиции, обряды, праздники;

д) народные ремёсла и искусство, включая славянские узоры и орнамент.

5. Согласны ли вы с утверждением: «Объекты современного стрит-арта могут содержать знаковые славянские элементы и символизировать ценности славянского культурного кода»?

а) да;

б) нет.

6. Выберите из предложенных образцов томского уличного искусства арт-объект, в изображении которого, по Вашему мнению, присутствуют знаковые славянские элементы:

а)

в)

б)

г)

7. На основании каких аргументов вами был сделан выбор ответа на вопрос № 6 (*можно выбрать несколько вариантов ответа*):

- а) цветовая гамма;
- б) форма и составляющие её элементы;
- в) композиция.

8. На фотографии представлен арт-объект городского пространства Томска, основу изображения которого составляет национальный узор одного из славянских народов. О каком славянском народе, по вашему мнению, идёт речь?

- а) русские;
- б) белорусы;
- в) украинцы;
- г) поляки;
- д) чехи.

9. Каково, по вашему мнению, символическое значение знака в виде геометрической фигуры «круг», используемого в создании славянских орнаментов (*можно выбрать несколько вариантов ответа*):

- а) солнце;
- б) бесконечность;
- в) цикличность;
- г) плодородие;
- д) благополучие.

10. На фотографии объекта, созданного в рамках проекта «Арт-консервация» в Томске, в числе прочих размещено изображение славянской богини Макошь – покровительницы земли, плодородия и женской судьбы. На основании каких аргументов делается вывод о функциональной нагрузке этого мифологического образа? (Можно выбрать несколько вариантов ответа.)

- а) Содержание изображения и составляющих её элементов;
- б) имеющиеся знания о славянской мифологии;
- в) звукобуквенный облик слова, называющего имя славянского божества.

Результаты анкетирования

Всего получено 668 реакций (ряд вопросов предполагал множественность выбора ответов).

Количественный срез поступивших ответов, касающийся определения аксиологических доминант общеславянского культурного кода (вопрос № 3), продемонстрировал осмысление информантами связи с предками, исторической памяти в качестве ключевой ценности коллективного мировоззрения славян. Этот вариант выбран 31 человеком, или 15,3 % от общего числа поступивших на этот вопрос ответов (202 ответа). Отметим, что такой вариант характерен для подавляющего большинства информантов – носителей славянских языков (русского, украинского, белорусского). 6 иностранцев из 7 не выбрали данную черту славянской ментальности в качестве приоритетной, поставив на первое место семью и брак/дружбу (по 2 ответа), связь с природой / духовность, веру (по одному ответу).

В целом представление об иерархии славянских ценностей, полученное на основании рецепции современных представителей разных лингвокультур, отражает инфографика от Yandex Forms, представленная на рис. 8.

3. Какие ценности, по Вашему мнению, составляют славянский культурный код (можно выбрать несколько вариантов ответа):
202 ответа

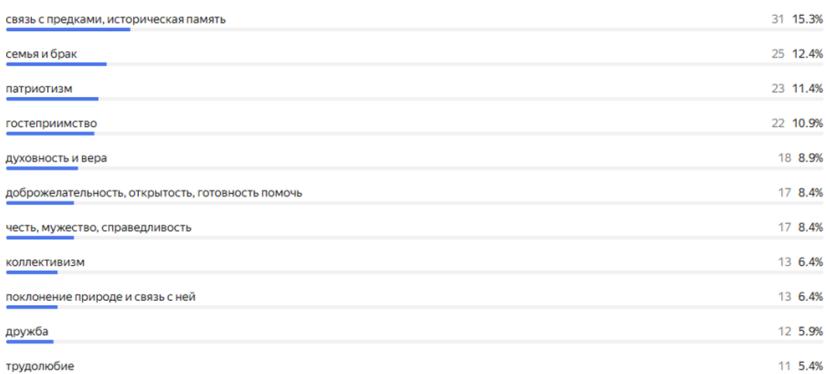

Рис. 8. Качественный анализ ответов информантов на вопрос № 3

В наибольшей степени, судя по ответам информантов, им известны такие средства выражения славянского культурного кода, как фольклорные тексты. Действительно, эти источники позволяют народам сохранять свою идентичность, несмотря на изменения во времени и пространстве. Фольклор воспитывает чувство общности, поддерживает связь с историей и природой, а также продолжает вдохновлять современных художников, писателей и исследователей, способствуя устойчивому развитию культурной самобытности. В перечне других средств презентации культурных смыслов, характерных для общеславянской картины мира, 33 информанта (26,2 % от общего числа опрошенных) отметили традиции, обряды, праздники, 26 информантов (20,6 %) – народные ремёсла и искусство, включая славянские узоры и орнамент, 16 информантов (12,7 %) – язычество, мифологию, столько же указали православие. При этом из числа современных средств объективизации культурных представлений, характерных для картины мира славян, объекты стрит-арта к подобным единицам причисляет подавляющее большинство реципиентов – 34 человека (87,2 %).

Вопрос № 6 ориентирован на выявление у информантов знаний о графическом способе нанесения традиционных славянских знаков-символов. Вниманию участников опроса предложено 4 фотографии с изображениями исторических построек, включённых в городскую

программу реставрации «Дом за рубль». Фотографии взяты из открытого интернет-источника [4]. В рамках проекта «Арт-консервация» окна домов украшены ансамблями с изображениями символьных знаковых композиций в духе следования национальным орнаментальным традициям. Каждой фотографии соответствует определённый вариант ответа.

Вариант ответа «а» представлен фотографией дома, расположенного по ул. Р. Люксембург, 72б, в непосредственной близости от здания Томской хоральной синагоги, старейшей в Сибири. В основе арт-ансамбля лежат еврейские мотивы, которые распознаются по предметам еврейской культуры. На арте изображены *менора, кипа, маца, шофар* и пр. Все они имеют символическое значение. Так, *менора* представляет собой семисвечник, олицетворяющий свет, божественное присутствие и народ Израиля. Фиолетовый цвет в еврейской росписи и символике ассоциируется с достопочтенностью, богатством и духовной властью. В иудаизме фиолетовый (или пурпурный) был дорогим и редким красителем – пурпуром, изготовленным из морских моллюсков, который использовался в царских одеяниях и священных тканях. Поэтому этот цвет символизировал божественность, величие, святость и духовное богатство. В арт-консервации принимали участие члены Еврейской общины г. Томска.

Вариант «б» демонстрирует изображение дома по ул. Татарская, 20. Постройка включена в реестр объектов культурного наследия регионального значения. Арт-объект содержит графические элементы татарского орнамента и ключевой образ татарской культуры – летящего коня. Цветовая палитра разнообразная. Мотивы арта связаны с идеей защиты, силы, благополучия, плодородия, природного начала. Например, змееподобный узор символизирует охрану от зла. Татарская роспись характеризуется сложной симметрией, балансировкой элементов и гармонией линий. В композициях используются повторяющиеся мотивы, создающие ощущение целостности и передающие идею бесконечности бытия.

Славянский узор запечатлён в арт-ансамбле, располагающемся в окнах дома на перекрёстке улиц Пирогова и Советской (вариант ответа «в»). Постройка представляет типичный для дореволюционного Томска образец деревянного многоквартирного доходного дома на кирпичном основании. Организаторами арт-консервации выступили сотрудники Первого музея славянской мифологии и Автономия белорусов Томской области. Славянские узоры делают узнаваемыми такие их особенности, как повторяющиеся геометрические орнаменты, изображения природных элементов, оберегов и рун, красно-белочёрная цветовая гамма.

Вариант «г» содержит иллюстрацию, на которой показан дом, стоящий на ул. Н. Островского, 7. Его окна украшают селькупские и хантыйские орнаменты, символизирующие дом, человека, природу. Арт-ансамбль содержит изображения духов-оберегов, амулетов и охранных символов в виде солнца, звёзд, реки, животных (чаще всего оленей), птиц, которые символизируют связь с природой и охотничьи-рыболовные традиции коренных народов Севера. Среди оттенков доминируют чёрный и белый. Арт-консервация проведена совместно с межэтнической ассоциацией «Ильсат» («Душа»), объединяющей коренные малочисленные этносы Томской области.

Как показывают результаты опроса, 24 человека (61,5 % от общего числа опрошенных) выбрали правильный вариант ответа («в»). 7 человек (или 17,9 %) ошиблись и отдали свой голос в пользу варианта «б» (татарская культура). 6 информантов (15,4 %) также ошибочно выделили как верный вариант «г» (культура коренных народов Севера). 2 человека (5,1 %) предпочли вариант ответа «а» (еврейская роспись) и оказались неправы. По мнению подавляющего большинства опрошенных (57 реакций, что составляет 86,4 % от общего числа ответов на вопрос № 7), определить национальную принадлежность орнамента им помогли форма и составляющие её элементы, а также цветовая гамма узоров.

Вопрос № 8 сопровождается иллюстрацией, на которой с разных фокусов изображена бытовая постройка, расположенная по адресу ул. Беринга, 4/1 и ставшая объектом стрит-арта в рамках реализации краеведческого проекта «Сибириада». По словам автора К. Черенкова, «будка была залита полностью в белый, а поверх нанесен традиционный белорусский узор с природными мотивами. Посвятили этот проект Карскому Ефиму Федоровичу, учёному, белорусоведу» [11]. На принадлежность орнамента белорусской национальной традиции указали 24 информанта (63,2 % от общего числа принявших участие в опросе). Ошибочно орнамент определён как традиционный русский 9 информантами (23,7 %). 2 человека узор отнесли к украинскому (5,3 % соответственно). Один информант (2,6 %) определил его как чешский. Отметим, что из реципиентов-иностраницев только один человек безошибочно определил данный орнамент как традиционный белорусский. 5 носителей иностранных языков выбрали вариант «русский», один иностранец вообще не предоставил ответа. Такие результаты свидетельствуют о том, что в сознании иностранцев орнаментальные узоры как элементы графического знакового кода не дифференцируются в зависимости от их принадлежности к культуре различных славянских народов. В числе исконных носителей русского языка чуть больше трети от общего контингента информантов

(14 человек) также ответили ошибочно, что, с одной стороны, демонстрирует близость славянских, особенно восточнославянских, культур, с другой – отражает наличие определённой лакуны в знании этого вопроса у современных представителей русской лингвокультуры.

В качестве ответов на вопрос № 9 информантам представлены 5 вариантов интерпретации геометрической фигуры круг как одного из ключевых знаков славянского орнамента. Большинство информантов (33 человека, или 40,2 %), включая 6 иностранцев, выбрали вариант «Солнце». Действительно, круг, изображающий солнце, символизирует энергию, жизненную силу и плодородие, является олицетворением постоянства и бесконечности, поскольку не имеет начала и конца. В славянских обрядах и оберегах круги использовались для привлечения солнечной энергии и защиты от тьмы и злых сил. Во времена праздников, связанных с солнцестоянием и урожаем, существовали круговые ритуалы и танцы, символизирующие движение солнца по небосводу и его циклы. В славянском искусстве встречается изображение солнца в виде круга с радиальными лучами, что, в представлении древних славян, служило оберегом от тёмных сил и инструментом привлечения благополучия.

Вопрос № 10 посвящён выявлению уровня знакомства информантов с пантеоном славянских богов: способны ли опрашиваемые правильно соотнести имя божества с той функциональной нагрузкой, которую приписывали ему древние славяне.

В числе ключевых богов, выделяемых в мифологической картине мира славян, можно отметить *Даждьбога* – бога солнца и света, хозяина урожая, символизирующего жизнь и энергию; *Рода* – покровителя семьи, домашнего очага; *Стрибога* – бога ветра, воздуха и погоды; *Сварога* – начала, олицетворяющего небо, огонь, кузнечество и ремёсла; *Велеса* – покровителя скота, богатства, магии, торговли и музыкального искусства; *Морану* – богиню смерти, холода; *Макошь* – богиню земли, плодородия и женской судьбы, покровительницу женщин и домашних дел; *Перуна* – бога грома и молний, защитника народа и справедливости, олицетворяющего мужественное и сильное начало.

Материалом для ответа на вопрос выступило изображение арт-ансамбля, размещенного в окнах старинного деревянного дома, расположенного на пл. Соляной, 9. Это здание является бывшей усадьбой томского мещанина А.И. Селезнёва и датируется концом XIX в.

При определении роли того или иного божества в картине мира славян в сознании субъекта восприятия «срабатывает» опора на некоторые данные. Судя по результатам опроса, значимыми для 29 информантов стали факторы «содержания изображения и составляющих элементов» и «имеющихся знаний о славянской мифологии»

(эти варианты ответа отмечены 58 раз, что составило 76,4 % от общего количества ответов на этот вопрос). Стоит согласиться с мнениями информантов. Так, к примеру, Макошь в подавляющем большинстве случаев изображается в виде женщины, с венком или платком на голове, что подчёркивает женскую природу силы матери-земли. Иногда, как в рассматриваемом случае, Макошь изображается с прядкой или нитями, что символизирует судьбу и время.

Фактор «звукобуквенного облика слова, называющего имя славянского божества», оказался важным для 18 опрошенных (23,7 %). В качестве комментария отметим, что называющая богиню Макошь лексема, согласно одной из многочисленных научных версий относительно её этимологии, восходит к праславянскому корню *такъ-*, означающему «матерь» или «земля». Имя собственное «Макошь» встречается в древних письменных памятниках, например в древнеславянских летописях и обрядах. В древнерусском и древнеславянском языках слово использовалось как имя богини, что свидетельствует о его сакральном и культовом значении. Аналогичные имена богинь в разных славянских народах подтверждают культовую роль Макоши. Со словом связано также множество топонимов, появление которых непосредственным образом свидетельствует о культе богини в представлении славян. О разных версиях трактовки символического образа богини Макоши и этимологии имени собственного, её называющего, см. в [29].

Добавим, что пост, посвящённый рассматриваемому арт-проекту, был опубликован в социальной сети «ВКонтакте» на странице сообщества «Томские.Ру» и собрал большое количество комментариев. Из их содержания можно сделать вывод о том, что современным носителям языка видится ценным факт присутствия в городской семиосфере подобных культурных смыслов, позволяющих судить о приверженности потомков древних славян историческим корням: «*Виталий Круг. Приятно видеть, что не забывают славянских богов и традиции*», «*Константин Печурин. Тенденция, однако!*» [27].

Заключение

В целом проведённый анализ показал наличие в современной региональной картине мира устойчивых компонентов, связанных с осмыслиением элементов славянского культурного кода, и необходимость дальнейшего изучения форм и средств его интеграции с характерными для сегодняшнего дня концептуальными данными.

Перспективы исследования связаны с рассмотрением интегрированных в региональную картину мира универсальных, общеславян-

ских, и национально обусловленных культурных смыслов с учётом их взаимодействия и форм объективации в рамках диахронного и синхронного функционирования. Новый вектор анализа заявленной проблемы связан также с дальнейшим расширением эмпирической базы исследования и вовлечением в него в качестве субъектов восприятия и рецепции концептуальной информации большего в качественно-количественном отношении контингента представителей разных лингвокультурных сообществ.

Литература

1. Амбров А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // Советская археология. 1965. № 3. С. 14–27.
2. Андрюхова А. Арт-консервация: рисунки разных народов украсили заколоченные окна 6 домов Томска // VTOMSKE.RU. Городской интернет-портал. 11.09.2022. URL: <https://vtomske.ru/news/193844-art-konservaciya-risunki-raznyh-narodov-ukrasili-zakolochennye-okna-6-domov-tomskaya?ysclid=m9jsnx3pfl210179471> (дата обращения: 16.05.2025).
3. Белова О.В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М.: Индрик, 1999. 320 с.
4. Вдохнуть жизнь: окна заброшенных домов в Томске украсили рисунки в национальных стилях. Фоторепортаж. По материалам гида-экскурсовода Ю.Степанова//Вести-Томск.Городской интернет-портал.14.10.2022.URL:<https://dzen.ru/a/Y0jx4dxptxhnEAQ?ysclid=m9ji6gbzgq5462525> (дата обращения: 16.05.2025).
5. Витюк Е.Ю. Городская среда как арт-объект // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 43–48.
6. Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.
7. Денисенко Е.Н. Своеобразие славянской мифopoэтической картины мира // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2013. № 10. С. 102–107.
8. Заврумов З.А., Страусов В.Н., Моногарова А.Г. Славянские языческие коды в современной русской лингвокультуре // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2022. Вып. 1 (57). С. 28–42. doi: 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-28-42
9. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
10. Изотова Н.Н. Культурный код: семиотический аспект // Культура и цивилизация. 2020. № 10 (1A). С. 122–127. doi: 10.34670/AR.2020.47.1.016
11. Краеведческий проект «Сибириада» г. Томск. Официальная группа // ВКонтакте. Социальная сеть. 20.02.2025. URL: https://vk.com/wall-197558660_394 (дата обращения: 16.05.2025).

12. Кузнецова Е.В. Культурный код восточных славян: особенности формирования и проявления (на примерах из белорусской и русской культур) // Искусство и культура. 2023. № 2 (50). С. 51–55.
13. Курьянович А.В., Ван С. Культурный код современного регионального города: опыт дискурсивного описания (на материале объектов стрит-арта г. Томска) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 3 (41). С. 117–137.
14. Мазанова Е.А. Орнаменты и узоры на одежде древних славян // История и обществознание. 2018. Вып. XV. С. 139–143.
15. Мурина Л.Р. Искусство и город: как томские художники работают с городским пространством // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2020. № 5. С. 68–77.
16. Пять интересных граффити в центре города // Дзен. Российская блог-платформа. 28.09.2021. URL: <https://dzen.ru/a/YVLQW0cxk2VSrXHX?ysclid=m9mc9rodtb507684456> (дата обращения: 16.05.2025).
17. Резанова З.И. Семиотическая презентация национально-культурной идентичности в тексте города // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 3 (7). С. 19–26.
18. Резанова З.И., Ермоленкина Л.И., Костяшина Е.А. Картины русского мира: городские дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. 159 с.
19. Результаты опроса в форме онлайн-анкетирования. URL: <https://forms.yandex.ru/cloud/6805b5ba068ff0350103170f/> (дата обращения: 16.05.2025).
20. Рыбаков Б.А. Происхождение и семантика ромбического орнамента // Сборник трудов Научно-исследовательского института художественной промышленности. Вып. 5: Музей народного искусства и художественные промыслы. М.: Изобразительное искусство, 1972. С. 127–134.
21. Санатова С.В. Разновидности арт-объектов и их использование в городской среде // Искусствоведение и дизайн в современном мире: традиции и перспективы. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. С. 153–157.
22. Сес Н.А., Щирова А.Н. Арт-объект как специфичная художественная форма // Успехи современного естествознания. 2012. № 5. С. 23–24.
23. Славянская лавка. URL: www.slavyarmarka.ru (дата обращения: 16.05.2025).
24. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд. / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
25. Стор И.Н. Символ, орнамент и знак в истории культуры. М.: Рос. гос. ун-т им. А.Н. Косыгина, 2018. 141 с.
26. Стор И.Н., Коржуева А.Р. Истоки знаковых графических систем на одежде и предметах быта // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2017. № 4-2. С. 101–120.

27. Томские.ру. Городское сообщество // ВКонтакте. 10.06.2022. URL: https://vk.com/wall-26762265_763669?ysclid=m9pqhi86r3261742065&z=photo-26762265_457360750%2F335f2a853c9d550b46 (дата обращения: 16.05.2025).
28. Тресиддер Д. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
29. Тюняев А. Макошь – славянская богиня вселенской судьбы. Этимология имени // RUKUKLA.RU: авторский проект. URL: <https://www.rukukla.ru/article/9g9/mak1.htm> (дата обращения: 16.05.2025).
30. Ярмарка мастеров. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/2063589-blog-slavyanskie-simvoly-uzory-i-ih-znachenie> (дата обращения: 16.05.2025).
31. Street Vision: выход в город. Как художники из разных городов создавали муралы в Томске // Томский обзор. Городской интернет-портал. 17.06.2021. URL: <https://obzor.city/article/660471---street-vision-vyход-v-gorod.-hudozhniki-iz-raznyh-gorodov-sozdali-muraly-v-tomske-?ysclid=m9mbkgdz2h359123900> (дата обращения: 16.05.2025).

References

1. Ambroz, A.K. (1965) *Rannezemledel'cheskiy kul'tovy simvol* ("romb s kryuchkami") [Early agricultural cult symbol ("rhombus with hooks")]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 14–27.
2. Andryukhova, A. (2022) *Art-konservatsiya: risunki raznykh narodov ukrasili zakolochennye okna 6 domov Tomska* [Art conservation: Drawings of different nations decorated boarded-up windows of 6 houses in Tomsk]. 11th September. [Online] Available from: <https://vtomske.ru/news/193844-art-konservaciya-risunki-raznyh-narodov-ukrasili-zakolochennye-okna-6-domov-tomska?ysclid=m9jsnx3pf1210179471> (Accessed: 16th May 2025).
3. Belova, O.V. (1999) *Slavyanskiy bestiariy. Slovar' nazvaniy i simvoliki* [Slavic Bestiary. Dictionary of Names and Symbols]. Moscow: Indrik.
4. Vesti-Tomsk. (2022) *Vdokhnut'zhizn': okna zabroshennykh domov v Tomske ukrasili risunki v natsional'nykh stilyakh*. Fotoreportazh. Po materialam gida-ekskurovoda Yu. Stepanova [Breathe life into the abandoned houses in Tomsk: Windows of abandoned houses were decorated with drawings in national styles. A photo reportage. Based on materials from the tour guide Yu. Stepanov]. 14th October. [Online] Available from: <https://dzen.ru/a/Y0jx4dxptxhnEABq?ysclid=m9ji6gbzgq5462525> (Accessed: 16th May 2025).
5. Vityuk, E.Yu. (2012) Urban environment as an art object. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 364. pp. 43–48 (in Russian).
6. Golan, A. (1993) *Mif i simvol* [Myth and Symbol]. Moscow: Russlit.

7. Denisenko, E.N. (2013) Svoeobrazie slavyanskoy mifopoeticheskoy kartiny mira [The uniqueness of the Slavic mythopoetic picture of the world]. *Vestnik Voronezhskogo instituta vysokikh tekhnologiy*. 10. pp. 102–107.
8. Zavrumov, Z.A., Strausov, V.N. & Monogarova, A.G. (2022) Slavyanskie yazycheskie kody v sovremennoy russkoy lingvokul'ture [Slavic pagan codes in contemporary Russian linguoculture]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*. 1(57). pp. 28–42. doi: 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-28-42
9. Zamyatin, D.N. (2006) *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and Space: Modeling of Geographical Images]. Moscow: Znak.
10. Izotova, N.N. (2020) Kul'turnyy kod: semioticheskiy aspect [Cultural code: semiotic aspect]. *Kul'tura i tsivilizatsiya – Culture and Civilization*. 10(1A). pp. 122–127. doi: 10.34670/AR.2020.47.1.016
11. Local history project “SibirIada” Tomsk. 20th February 2025. [Online] Available from: https://vk.com/wall-197558660_394 (Accessed: 16th May 2025).
12. Kuznetsova, E.V. (2023) Kul'turnyy kod vostochnykh slavyan: osobennosti formirovaniya i proyavleniya (na primerakh iz belorusskoy i russkoy kul'tur) [The cultural code of the Eastern Slavs: Features of the formation and manifestation (a case study of Belarusian and Russian cultures)]. *Iskusstvo i kul'tura*. 2(50). pp. 51–55.
13. Kuryanovich, A.V. & Van, S. (2024) Cultural code of a modern regional city: An experience of discourse description (based on street art objects in Tomsk). *PRAXĒMA. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Problems of Visual Semiotics*. 3(41). pp. 117–137 (in Russian). doi: 10.23951/2312-7899-2024-3-117-137
14. Mazanova, E.A. (2018) Ornamenty i uzory na odezhde drevnikh slavyan [Ornaments and patterns on the clothes of the ancient Slavs]. *Istoriya i obshchestvoznanie*. XV. pp. 139–143.
15. Murina, L.R. (2020) Iskusstvo i gorod: kak tomskie khudozhniki rabotayut s gorodskim prostranstvom [Art and the City: How Tomsk Artists Work with Urban Space]. *Izobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka – Fine Art of the Urals, Siberia and the Far East*. 5. pp. 68–77.
16. Dzen.ru. (2021) *Pyat' interesnykh graffiti v tsentre goroda* [Five interesting graffiti in the city center]. 28th September. [Online] Available from: <https://dzen.ru/a/YVLQW0cxk2VSrXHX?ysclid=m9mc9rodtb507684456> (Accessed: 16th May 2025).
17. Rezanova, Z.I. (2012) Semiotic representation of national-cultural identity in the city text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 3. pp. 19–26 (in Russian).
18. Rezanova, Z.I., Ermolenkina, L.I. & Kostyashina, E.A. (2019) *Kartiny russkogo mira: gorodskie diskursy* [Pictures of the Russian World: Urban Discourses]. Tomsk: Tomsk State University.

19. Yandex.ru. (n.d.) *Rezul'taty oprosa v forme onlayn-anketirovaniya* [Results of the survey in the form of an online questionnaire]. [Online] Available from: <https://forms.yandex.ru/cloud/6805b5ba068ff0350103170f/> (Accessed: 16th May 2025).
20. Rybakov, B.A. (1972) *Proiskhozhdenie i semantika rombicheskogo ornamenta* [Origin and semantics of rhombic ornament]. In: *Sbornik trudov Nauchno-issledovatel'skogo instituta khudozhestvennoy promyshlennosti* [Collected Works of the Research Institute of Art Industry]. Vol. 5. Moscow: Fine Art.
21. Sanatova, S.V. (2022) *Raznovidnosti art-ob"ektov i ikh ispol'zovanie v gorodskoy srede* [Types of art objects and their use in the urban environment]. *Iskusstvovedeniye i dizayn v sovremenном mire: traditsii i perspektivy* [Art criticism and design in the modern world: traditions and prospects]. Proc. of the Conference. Tambov: Derzhavinskiy.
22. Ses, N.A. & Shchirova, A.N. (2012) *Art-ob"ekt kak spetsifichnaya khudozhestvennaya forma* [Art object as a specific artistic form]. *Uspekhi sovremennoy yestestvoznaniya*. 5. pp. 23–24.
23. *Slavyanskaya lavka* [Slavic shop]. [Online] Available from: www.slavyarmarka.ru (Accessed: 16th May 2025).
24. Tolstaya, S.M. (ed.) (2002) *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic Mythology. Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
25. Stor, I.N. (2018) *Simvol, ornament i znak v istorii kul'tury* [Symbol, Ornament, and Sign in the History of Culture]. Moscow: A.N. Kosygin Russian State University named.
26. Stor, I.N. & Korzhueva, A.R. (2017) *Istoki znakovikh graficheskikh sistem na odezhde i predmetakh byta* [The origins of iconic graphic systems on clothing and household items]. *Dekorativnoye iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik RGKHPU im. S.G. Stroganova*. 4(2). pp. 101–120.
27. Tomskie.ru. (n.d.) *Gorodskoe soobshchestvo* [City Community]. 10th June 2022. [Online] Available from: https://vk.com/wall-26762265_763669?ysclid=m9pqhi86r3261742065&z=photo-26762265_457360750%2F335f2a853c9d550b46 (Accessed: 16th May 2025).
28. Tresidder, D. (1999) *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow: FAIR-PRESS.
29. Tyunyaev, A. (n.d.) *Makosh' – slavyanskaya boginya vselenskoy sud'by. Etimologiya imeni* [Makosh – Slavic goddess of universal destiny. The etymology of the name]. [Online] Available from: <https://www.rukukla.ru/article/9g9/mak1.htm> (Accessed: 16th May 2025).
30. *Yarmarka masterov* [Crafts Fair]. [Online] Available from: <https://www.livemaster.ru/topic/2063589-blog-slavyanskie-simvoly-uzory-i-ih-znachenie> (Accessed: 16th May 2025).

31. Plotnikov, D. (2021) *Street Vision: vkhod v gorod. Kak khudozhniki iz raznykh gorodov sozdavali muraly v Tomske* [Street Vision: Going out into the city. How artists from different cities created murals in Tomsk]. 17th June. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/660471---street-vision-vyhod-v-gorod.-khudozhniki-iz-raznyh-gorodov-sozdali-muraly-v-tomske-?ysclid=m9mbkgdz2h359123900> (Accessed: 16th May 2025).

Курьянович Анна Владимировна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета (Россия).

Anna V. Kurjanovich – Tomsk State Pedagogical University (Russia).
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

УДК 81'25

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/14

Проблемы цифровой межкультурной коммуникации на славянских языках

Л.Б. Карпенко

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королёва
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34
E-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается проблема межязыковой цифровой коммуникации в Интернете, предметом исследования является качество цифрового межславянского перевода. Анализируется качество цифровых текстов, переведенных со славянских языков на русский. Выявляются типы ошибок, создающих коммуникативные проблемы в цифровом переводе, и объясняются причины переводческих неудач. Для оценки качества цифрового перевода использован комплексный сопоставительный системно-функциональный подход, который включает: сопоставительный анализ оригинальных инославянских и русских переводных текстов; интерпретацию переводческих неудач с учетом системных характеристик славянских языков и языка-посредника – английского. К анализу цифрового перевода привлечен цифровой перевод материала славянских языков, выявлена зависимость результатов перевода от влияния английского языка как языка-посредника, на котором созданы программы цифрового перевода. Тексты переводились с болгарского, польского, чешского и других славянских языков. В результате сопоставительного анализа текстов, переведенных со славянских языков на русский, установлено, что коммуникативные неудачи наблюдаются на всех языковых уровнях: лексико-семантическом, словообразовательном, грамматическом, а также на уровне ценностно-модальной оценки ситуации. Также сделана оценка качества цифрового перевода, систематизация переводческих ошибок, выявлены лингвистические причины нарушений в цифровом переводе и определены социокультурные последствия искажения информации в цифровом переводе в различных сферах. Указывается, что совершенствование моделей цифрового перевода со славянских языков требует большего внимания к их

лексико-семантической, деривационной и грамматической спецификах, особенностям национальных реалий и культур.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, славянские языки, цифровой перевод, язык-посредник, коммуникативные ошибки

Problems of digital intercultural communication in Slavic languages

Liudmila B. Karpenko

Samara National Research University

named after Academician S.P. Korolev

34 Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russia

E-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru

Abstract

This study addresses the problem of interlingual digital communication on the Internet, with the focus on the quality of automated interlanguage translation. The primary aim is to investigate the quality of digitally translated texts from various Slavic languages into Russian. The research objectives are to identify the types of errors that cause communicative breakdowns and to explain the underlying reasons for these translation failures. To assess translation quality, a comprehensive comparative systemic-functional approach was employed. This methodology involves a comparative analysis of original Slavic-language texts and their Russian translations, alongside an interpretation of translation failures that considers the systemic features of both the source Slavic languages and the intermediary language – English. The novelty of this research stems from its inclusion of multiple Slavic languages in the analysis of digital translation, revealing how translation outcomes are influenced by English, the language in which most digital translation systems are engineered. The corpus for analysis consisted of texts translated from Bulgarian, Polish, Czech, and other Slavic languages. The comparative analysis established that communicative failures occur at all linguistic levels: lexico-semantic, derivational, and grammatical, as well as at the level of evaluative and modal framing of situations. The practical significance of the study lies in assessing the quality of digital translation, systematising translation errors, identifying the linguistic causes of digital translation failures, and determining the

socio-cultural consequences of information distortion in digital translation in various domains. The findings indicate that improving digital translation models for Slavic languages requires greater attention to their unique lexico-semantic, derivational, and grammatical specifics, as well as to the peculiarities of national realities and cultures.

Keywords: intercultural communication, Slavic languages, digital translation, intermediary language, communicative errors

Введение. Постановка проблемы

Межкультурная цифровая коммуникация – это глобальное культурно-языковое взаимодействие с использованием электронных средств, наблюдаемое в современном мире. Масштабному росту электронной коммуникации, резко увеличившемуся в последние годы, способствует развитие сетевых интернет-платформ и систем искусственного перевода. По данным Statista.com, специализирующейся на рыночных данных [17], лидером среди социальных сетей является Facebook (с марта 2022 г. запрещена в Российской Федерации) и владеющая ею компания, основанная в 2004 г. М. Цукербергом с партнерами. Аудитория этой социальной сети постоянно растет: в период пандемии, на конец второго квартала 2020 г., она увеличилась на 11 % по сравнению с 2019 г. и составила треть населения планеты – около 2,6 млрд пользователей; в 2025 г. у неё 3,07 млрд активных пользователей. Facebook значительно опережает такие социальные платформы, как YouTube, WhatsApp, Instagram, Tiktok, Telegram; её доля в общем числе пользователей социальных сетей составляет почти 60 %. Сеть размещает посты аудитории на отдельных страницах, содержит сайты и десятки тысяч приложений онлайн и т. д. Тексты этих ресурсов, переведенные в цифровой формат на разных языках, представляют репрезентативный материал для изучения проблемы качества цифрового перевода. Ранее Facebook использовала систему перевода Google Translate, в 2020 г. компания заявила о разработке системы M2M-100, которая способна переводить с одного языка на другой напрямую, не используя английский в качестве промежуточного. Наше исследование показывает, что межславянские переводы периода 2015–2021 гг. осуществлены на основе англоязычной базовой программы.

Несмотря на рост межкультурного цифрового взаимодействия, задачей теории коммуникационного менеджмента остается совершенствование и систем переводов, и переводных текстов на разных языках мира. В начале эпохи компьютеризации лингвистические

модели перевода текста ограничивались семантикой изолированных предложений [13; 15]. Сегодня мы наблюдаем растущую интеграцию теоретических разработок, направленных на улучшение цифрового перевода. В связи с проблемами перевода возрождается интерес к изучению дискурса в традициях гештальт-теории, основанной на работах Ф. Бартлетта [10] и теории коммуникативного акта Р.О. Якобсона [7]. Центральное место в таких исследованиях занимают проблемы моделирования знаний о мире, понимания смысла [11]. В последние десятилетия в коммуникационных науках бурно развиваются методы анализа цифровых текстов [12: 297]. Существующий опыт оценки цифрового перевода в основном связан с анализом качества технических и деловых текстов. Выделяют два основных направления оценки цифрового перевода: на основе автоматической обработки текста и на основе лингвистического анализа. Автоматическая оценка основана на методе N-грамм, предложенном М. Нагао и С. Мори; она, по мнению исследователей, не дает адекватного результата, поскольку является формализованной и не показывает уровень восприятия семантики текста. М. Нагао исследовал также принципы оценки цифрового перевода на основе лингвистического анализа, предложил шкалу, которая ранжирует качество перевода с учетом точности грамматических, стилистических и лексических особенностей оригинала [18]. Изучением цифровой интернет-коммуникации занимались российские исследователи Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова [3], И.В. Переходько, Д.А. Мячин [5] и др. Проведенный Д.А. Мячиным и И.В. Переходько автоматизированный анализ технических текстов сайтов автомобильной компании Citroën и французского интернет-провайдера Orange с помощью программы METEOR выявил проблемы цифрового перевода, связанные с семантикой, грамматикой, стилистикой и словоупотреблением. Установлено, что наибольшие проблемы в цифровом переводе связаны с семантикой [5: 95], поскольку недостаточно разработаны семантические базы данных; лексические ошибки чаще всего связаны с переводом специализированной лексики. Общий вывод о качестве цифрового перевода передает, скорее, разочарование в возможностях электронных средств переводить содержание конкретной ситуации. Утверждается, что программное обеспечение для цифрового перевода должно совершенствоваться на основе глобальных баз данных, предварительно переведенных переводчиками, а не машиной (концепция «Example based translation» М. Нагао [6: 68–69], которая перекликается с популярной в последнее время концепцией «Translation Memory» или «Sentence Memory»). Для этого, считают авторы, необходимо сгенерировать большой массив тематически близких текстов и их

билингвы (исходные тексты и их переводы), которые затем будут введены в сверхмощный многопроцессорный компьютер. До сих пор недостаточно внимания уделялось выяснению причин неспособности цифрового переводчика правильно воспринять и передать смысл оригинала. Одним из пробелов в исследованиях качества цифрового перевода, на наш взгляд, является отсутствие подробного лингвистического анализа, проведенного на конкретных языках, влияния системных различий между языком-посредником, на котором основаны программы перевода, и языками, с которых и на которые осуществляется перевод [2: 235–236]. В литературе отмечена роль английского языка [8: 2242], жестко закодированного в вычислительном лингвистическом мышлении [9]. Однако проблемой остается отсутствие конкретных разработок на материале отдельных языков.

Методика и материалы исследования

В статье анализируются тексты на славянских языках и их переводы на русский язык. Поскольку глобальным языком-посредником для программ цифрового перевода является английский, исследуется зависимость качества перевода от влияния различий между славянскими языками и английским языком.

Новизна исследования обусловлена привлечением к анализу качества цифрового перевода материала славянских языков, выявлением зависимости результатов от влияния английского языка.

Цель работы – исследовать качество цифровых текстов, переведенных со славянских языков на русский.

Задачи исследования:

- рассмотреть опыт изучения качества цифрового перевода;
- собрать корпус материала цифровых переводных текстов на славянских языках;
- провести сравнительный семантико-контекстуальный анализ славянских оригинальных текстов и их переводов на русский язык;
- выявить области адекватного перевода и переводческих неудач;
- систематизировать типы ошибок, создающих коммуникативные проблемы;
- исследовать зависимость качества перевода от влияния различий между тремя языковыми системами: славянским исходным языком, английским и русским языком перевода текста.

Для выявления такой зависимости с целью оценки качества цифрового перевода нами был разработан комплексный поэтапный сопоставительный системно-функциональный подход к исследованию оригинального и переводного текстов, включающий следующие этапы анализа:

- 1) сопоставительный семантико-контекстуальный анализ оригинальных инославянских и русских переводных текстов;
- 2) сплошная выборка ошибок цифрового перевода;
- 3) установление причин ошибок путем соотнесения системных лексико-грамматических и словообразовательных характеристик сопоставляемых языков;
- 4) классификация и количественная характеристика выборки.

Источником материала послужили тексты переводов с болгарского, польского, чешского и других славянских языков, опубликованные на страницах Facebook в период 2015–2021 гг. и частично 2022 г. [14], а также переводы фрагментов художественной литературы (сатирических романов А. Константинова «Бай Ганьо» [4] и Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» [16]), выполненные посредством электронных программ. Корпус сплошной выборки из материалов, опубликованных Facebook, составляет более 500 текстовых фрагментов с множественными ошибками (в среднем 1 на 5 слов); частичной выборке подвергнуты тексты на чешском и болгарском языках длиной по 50 000 слов и их цифровые переводы на русский язык.

Практическая значимость исследования заключается в оценке качества цифрового перевода, систематизации коммуникативных ошибок перевода, в выявлении лингвистических причин нарушений.

Анализ результатов исследования

Цифровой перевод – это вид коммуникации, основанной на использовании цифровых информационно-коммуникационных средств. При естественной, т. н. «ручной» ретрансляции, переводчик, работая в пространстве двух языков, принимает во внимание все типы семиотических отношений между знаками исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ); большое значение для качества перевода имеет жизненный опыт переводчика. Цифровой перевод отличается от естественного, он создается на базе информации, заложенной в программы переводящей системы. Лексические единицы, значения слов, идиом, модели славянского словообразования, грамматические значения не распознаются, если они не заключены в программы переводящей системы. Но осмыщенное восприятие текста возможно только в том случае, если компоненты события и социальные параметры ситуации переданы правильно, поскольку тексты воспринимаются в рамках социокультурного контекста [1: 159–160].

В данной работе внимание сосредоточено на основных причинах, вызывающих ошибки межславянского цифрового перевода. Среди таких причин в качестве главных выделяем отсутствие фоновых

знаний у электронного переводчика, влияние языка-посредника, нарушение знаковой целостности переводимого текста.

Отсутствие фоновых знаний у электронного переводчика

Системы перевода не способны учитывать экстралингвистические параметры ситуации, и данный фактор оказывается на большинстве ошибок перевода. Например, перевод программой Facebook болгарского словосочетания *копринена кърпичка* («шелковая салфетка») выражением *шелковая дворняжка*: *Това е копринена кърпичка с размери 30 × 27 см.* – *Это шелковая дворняжка размером 30 × 27 см* (Страница Хр. Темельского. 2020). В сообщении речь идет о символической салфетке, посвященной дате освящения храма св. Александра Невского в Софии и выполненной в 1924 г. по эскизу художника Н. Кръстева. Причина появления данной ошибки – отсутствие у цифровой программы информации о том, может ли в данном контексте упоминаться дворняжка; она не знает, что не бывает шелковых квадратных дворняжек и не способна оценить корректность перевода. По той же причине в другом случае программа Facebook преобразовала *розовобузи* в *розовоглазые*, поскольку не обладает человеческим опытом и не знает, что не бывает розовоглазых девушек: *<...> пасторални картички на розовобузи девойки – <...> пасторальные картинки розовоглазых девушек* (Страница Старая София. 2019).

Влияние языка-посредника

Билингвальный цифровой перевод организуется как последовательность трех операций: анализ структуры предложения ИЯ, преобразование её в структуру ПЯ, оформление финального предложения на ПЯ. Анализ типичных ошибок цифрового перевода со славянских языков на русский свидетельствует о том, что программная система при переводе работает не с двумя, а с тремя языками; в программном обеспечении используется язык-посредник – английский язык. Об этом свидетельствует:

- присутствие в переводах отдельных английских лексем;
- ошибки использования вместо славянских англоязычных производящих основ (*олдскульный стоматолог* «давнишний школьный стоматолог» – от англ. *old school* – «старая школа»; *вербалическая азбука* вместо *глаголическая азбука* – от англ. *verb* – «глагол»);
- ошибки перевода слов с опорой на семантическую структуру английских лексем. Так, во фрагменте из стихотворения болгарского поэта конца XIX в. П. Иванова *Тъйси редеше бедната майка,/от тежка*

мъка хвана я дрямка, / **главица сложи**, заспа си мирно, слово ѹ беше това подирно <...> выражение главица сложи – «склонила, положила голову», переведено на русский словосочетанием *надела голову* в соответствии со значением английского глагола *to put*, который содержит значения и «положить», и «надеть»: *От тяжелого горя ее застал сон, надела голову, он спокойно уснул* (Страница П. Петкова. 2021);

– ошибки перевода славянских лексем с опорой на облик английских слов. В приведенном ранее примере появление слова *дворняжка* при переводе болгарского *кърличка* – «платочек», в сообщении о памятной салфетке можно объяснить только одним – сходством болгарского корня *кърп-* с английским *court* «двор». В другом примере из-за сходства болгарского *кисна* с английским *to kiss* – «целовать», выражение *Киснем тук из кафенетата* <...> (А. Константинов. Бай Ганьо) (**«Киснем** мы здесь в кафе») переведено фразой **Мы целуемся здесь в кафе** <...>;

– ошибки переводов, отражающие особенности грамматической системы английского языка, о чем речь пойдёт далее.

Очевидно, что для двойного перехода с одного языка на другой, при котором программа поэтапно анализирует компоненты высказываний, преобразуя их в соответствии с лексико-грамматическими особенностями переводящего языка, после чего синтезирует окончательный вариант, система перевода должна быть обеспечена не только многочисленными алгоритмами грамматических эквивалентов, аналогами устойчивых структурных единиц, но и достаточным корпусом лексических и фразеологических соответствий.

При многократной перекодировке возрастают число коммуникативных потерь на всех лингвосемиотических уровнях – семантическом, синтаксическом и pragmaticеском. В итоге переведенный текст «собирает» ошибки, возникшие на разных этапах перекодирования, как в следующем примере перевода фрагмента из романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», переданного с чешского языка на русский программой DeepL:

Voběsil se na kšandě, – řekl Švejk, čistě si tvrdý klobouk. A ta kšanda nebyla ani jeho. Tu si vypůjčil od profousa, že prý mu padají kalhoty <...> Profousa za to degradovali a dali mu šest měsíců. Ale von si je nevodseděl. Utek do Švejcar a dneska tam dělá kazatele ňáký církve <...> Já si představuju, že se pan arcivéoda Ferdinand také v tom Sarajevu zmejlil v tom člověkovi, co ho střelil. Viděl nějakého pána a myslil si: To je nějakej pořádnej člověk, když mně volá slávu. A zatím ho ten pán bouch. Dal mu jednu nebo několik?

Он повесился на скобе, – сказал Шеви, убирая каску. И подтяжка была не его. Он одолжил ее у профса, сказав, что брюки спадают <...> Профуса понизили в должности и дали шесть месяцев. Но он их не отработал.

Он сбежал в *Свейкар* и сегодня служит там проповедником в церкви.... Я представляю, что эрцгерцог Фердинанд тоже **был принят за человека**, который стрелял в него в Сараево. Он увидел джентльмена и подумал: *Вот настоящий мужчина, называющий меня славой. И вот джентльмен его ударил. Он дал ему один или несколько?*

Представленный перевод нельзя признать качественным, поскольку он содержит и лексические, и грамматические ошибки денотативного характера, разрушающие целостность содержания переводимого текста. В данной статье внимание сосредоточено именно на таких грамматических и лексических ошибках, но масштаб проблемы более значим: наблюдаются искажения и фонетического, и графического, и морфемного облика слов, и ошибки ценностно-модальной оценки ситуации. Искажен может быть полностью смысл фразы: *<...> извадете всички думи, в които има носовки, ятова гласна и ерове, и определете фонетичната стойност на старобългарските наследници. – <...> вынуть все слова, в которых есть недостатки, гласные и эпохи, и определить фонетическую ценность старых болгарских наследников* (Страница Хр. Тодоровой. 2020). Учитывая множественный характер ошибок, можно сказать, что коммуникативные погрешности сопровождают цифровой перевод в преобладающей его части.

Нарушение знаковой целостности переводимого текста

В соответствии с идеями Ч. Пирса и Ч. Морриса принято различать три типа отношений в функционировании знака: 1) семантический, учитывающий отношение знака к денотату, предмету; 2) синтаксический, устанавливающий связи знаков между собой; 3) прагматический, ориентированный на восприятие знаков интерпретатором. Денотативное значение знака – это отраженный в тексте фрагмент реального мира. При неверном переводе ситуация, отраженная в тексте ИЯ, не воспринимается, пазл не складывается, коммуникация нарушается. Коммуникативный акт, по концепции Р. Якобсона, включает адресанта, адресата, сообщение, контекст, код, контакт [7: 319]. Для успешного осуществления коммуникации важно согласованное взаимодействие всех компонентов: адресант должен владеть кодом, а адресат – однозначно воспринимать код и передаваемый контекст. Искажения денотативной целостности описываемой в оригинале предметной ситуации наиболее негативно отражаются на качестве перевода.

С лингвистической стороны денотативные ошибки могут иметь разную природу – и лексико-семантическую, и грамматическую. В примере перевода романа Ярослава Гашека вместо *помочи употреблена лексема скоба*, вместо *чистить* – глагол *убирать*, вместо

отсидеть – глагол отработать, вместо приветствовать использован словосочетание называть славой, вместо застрелить употреблен глагол ударить. Искажены онимы Швейк и Швейцария, а в наибольшей степени нарушает содержание текста грамматическая ошибка: вместо активной глагольной конструкции использован пассивный оборот был принят за человека, преобразующий смысл высказывания в противоположный – Фердинанд представлен не жертвой, а стрелявшим.

Проведенный сопоставительный анализ текстов цифрового перевода и оригиналов позволяет установить типологию ошибок. Цифровые программы неплохо справляются с переводом простых высказываний, содержащих констатацию фактов, указание дат событий, приветственные фразы, поздравления, поскольку такую информацию легко учесть и включить в словарный запас программы. Но более подробная информация обычно вызывает ошибки. Значительную группу составляют примеры с денотативными ошибками в переводе названий учреждений, имен собственных и сокращенных слов. В следующем примере перевода фрагмента из текста «Похождения бравого солдата Швейка» наименование местечка Нусле, квартала Праги, цифровая программа заменила на звучное русское слово носки: *Nedávno taky si hrál jeden pán u nás v Nuslích s revolverem a postřílel celou rodinu i domovníka* – Недавно один джентльмен играл с револьвером **в носках** и застрелил всю семью и сторожа.

Подобный пример из болгарской выборки, где в переводе сокращение слова булевард («бульвар») переведено на русский лексемой бык: Професионална гимназия по облекло «Княгиня Мария Луиза», намираща се на **бул.** Черни връх в София – Принципиальная средняя школа одежды Принцесса Мария Луиса, расположенная **на быке** Черный пик в Софии (Страница Старая София. 2020).

В обоих приведенных примерах наблюдаются ошибки отсутствия фоновых знаний. Искажения текста, ведущие к разрушению смысла, наблюдаются на всех языковых уровнях.

Ошибки цифрового перевода на лексико-семантическом уровне

Чаще всего такие ошибки вызваны тем, что в программе отсутствует соответствующая лексема или неполно отражено значение полисемантичного слова: *На 15 april 1865 г. почива* (след като бил прострелян в театъра) Ейбрахам Линкълн – 15 апреля 1865 **отдыхает** (после расстрела в театре) Авраам Линкольн (Страница Хр. Темельского. 2020).

Семантические погрешности могут быть как денотативными, так и сигнификативными. Денотативные ошибки состоят в использо-

вании слова в значении, не соответствующем контексту. Ср. перевод многозначной болгарской лексемы *закача*, одно из значений которой – «повесить», а в тексте она имеет значение «приставать» (используется при характеристике досадного человека, от которого трудно отделаться):

Затуй ли, че не успял още прага на къщата им да прескочиш, ти ще закачиш първо слугинята, която те посрещне в коридора! – Да потому, что, не успев переступить порог их дома, вы первым делом повесите служанку, встретившуюся вам в коридоре! (А. Константинов. Бай Ганьо).

Показателен также и следующий пример перевода польского текста, в котором слово *zaangażowanie*, производное от глагола *zaangażować*, имеющего значения «принять на работу, нанять» и «втянуть, вовлечь» [19: 740] неправомерно переведено как *помолвка*:

Naukowo rok kończymy wydanym dzięki zaangażowaniu archimandryty Piotra i dyrektora Michałczuka opasły tomiskiem pokonferencyjnym «Wielkie Powroty». – Завершаем учебный год, выданный благодаря помолвке архимандрита Петра и Дыры. Виталия Михальчука знаменитым постконференционным томом «Великие возвращения» (Страница монастыря св. Онуфрия в Яблечне. 2021). Эта грубая ошибка, ущемляющая достоинство служителей Церкви, была впоследствии исправлена, но и новый перевод не передал в точности смысл оригинала, который должен быть выражен следующим образом: В научном плане мы завершаем год публикацией большого постконференционного тома «Великие возвращения» благодаря усилиям архимандрита Петра и директора Виталия Михальчука.

В переводе с чешского лексема *řešeto* («решето») переведена словом *облепиха*, а *prápor* – словом батальон: *Noviny rášou, milostpane, že pan arcivévoda byl jako řešeto. – В газетах пишут, милорд, что эрцгерцог был как облепиха* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka); *Na Konopiště je deset černých práporů. – На Конопиште вывешено десять черных флагов* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka).

Сигнификативные погрешности отмечаются при передаче культурологически маркированной лексики. Ср. перевод пушкинского *Там чудеса: там леший бродит <...>* – *Там гоблин се скита <...>*. Леший в мифологии восточных славян – дух-хозяин леса. В переводе уместна была бы какая-то из болгарских лексем – *вещер, таласъм*, – а не английская *гоблин*, которая не соответствует ни по сигнifikативным коннотациям (гоблины в западноевропейской мифологии – существа, живущие в подземных пещерах), ни по национальной окраске. При переводе габровского юмора неудачна замена слова *ракия* лексемами *виски и бренди*, а слова *крычма* – лексемой *лаб*. Крычма – питейное заведение в Болгарии. Й. Йовков в рассказе «Другоселец» упоминает,

что в корчме *играят се хора и ръченици*. В пабах у западноевропейских народов подают пиво, темпераментные танцы в них не приняты. Таким образом, сигнifikативные ошибки, не изменяя денотативной ситуации, создают потери понятийного характера, размывают национальный колорит.

Грамматические ошибки цифрового перевода

Из материала следует, что программное обеспечение недостаточно настроено на грамматическую специфику славянских языков. Когда не распознаются грамматические категории, которых нет в английском языке, возникают многочисленные нарушения при передаче реального пола, числа действующих лиц и др. Покажем далее наиболее характерные ошибки перевода.

В следующем примере из перевода болгарского рассказа Светославы Домушиевой «Милосердие» наблюдается путаница в согласовании по полу как рассказчика, так и персонажа. Перевод не позволяет понять, является рассказчик мужчиной или женщиной, а персонаж – мальчиком или девочкой, поскольку в русском тексте используются формы глагола и местоимений то мужского, то женского рода: *Бях странichen наблюдател <...> Видях едно момиченце, на не повече от 7-8 годинки. Спря един добре облечен господин и претегна притеснено ръчичка към него. Не чух какво му каза. – Я был странным наблюдателем <...> Увидела маленьку девочку, не больше 7–8 лет. Хорошо одетый джентльмен остановился и протянул ей тревожную руку. Я не слышал, что она ему сказала* (Страница Сильвии. 2020).

Примечательно, что ошибки нарушения рода допускает даже DeepL, позиционируемая как самая точная в мире программа цифрового перевода. Обычно они обусловлены влиянием английского языка, в котором имена не имеют родовых различий, отчасти могут быть обусловлены спецификой рода в болгарском языке, в котором производные имена с оценочными суффиксами относятся к среднему роду. В приведенном примере с существительным *момиченце* (ср. р.) в болгарском тексте использованы местоимения среднего рода *при него, го, му*, омонимичные местоимениям мужского рода, и использование в переводе местоимений мужского рода *к нему, с ним, он, его* отражает влияние болгарского оригинала.

Ошибки в согласовании по роду наблюдаются в переводах со всех славянских языков. См. пример перевода польского текста: *Po co zmieniać na starość poukładane życie? Chyba, że nie jest poukładane. – Зачем менять устроенную жизнь в старости? Если только он не сложен* (Страница Анджея де Лазари. 2015).

Отсутствие в англоязычной переводающей программе различий между местоимениями You единственного и You множественного числа обуславливает частые ошибки в определении числа персонажей. Фразы, выраждающие благодарность всем друзьям, переведены как обращение к одному человеку: *Вие правите всеки мой ден прекрасен, благодаря ви че има! Много ви общам.* – Ты делаешь мой каждый день чудесным, спасибо за то, что ты здесь! Я тебя очень сильно люблю (Страница Сильвии Вартен. 31.03.2021). В исследуемом материале также отмечаются грамматические ошибки, связанные с переводом семантики глагольного вида, наклонений глагола.

На уровне синтаксиса частотны ошибки смешения субъектных, объектных, обстоятельственных значений. Английский язык не имеет падежных форм существительных и прилагательных, в нём более жесткий порядок слов, субъект действия обычно находится в начале предложения, поэтому программа перевода принимает позицию первого члена предложения за позицию субъекта, что может не соответствовать славянскому тексту, как в следующем случае, где в переводе перепутаны субъект и объект: *Вниманието привлича впечатляващата скулптурна група, заличена при последващото надстрояване на сградата.* – Внимание обращает впечатляющую скульптурную группу, потушеннную при последующем строительстве здания (Страница Старая София. 2021).

Развитие аналитизма в болгарском языке привело к грамматикализации ряда пространственных предлогов (на, от, за, с). В переводе можно наблюдать ошибки в передаче смысла, вызванные смешением пространственных и грамматических функций предлогов. В оригинале говорится о помощи русского императора Зографскому монастырю, а в переводе сообщается, что якобы Николай I получил компенсацию от Зографского монастыря для русского правительства: *На 6 март 1837 г. руският император Николай I възстановява на Зографския манастир имотите му в Бесарабия и дава компенсация от руското правительство в размер на 400 000 рубли.* – 6 марта 1837 года российский император Николай I восстанавливает свои имущества в Бессарабии в Зографском монастыре и компенсирует российскому правительству 400000 рублей (Страница Хр. Темельского. 2021). Не воспринятая грамматическая семантика предлогов *на* и *от* стала причиной искажения смысла до противоположного. Такой перевод разрушил смысл сообщения, превратил публикацию в фейковый пост.

Итак, современный уровень цифрового перевода далек от совершенства, теория его остается недостаточно разработанной, но в связи с глобальным ростом активности интернет-публикаций она нуждается в развитии. В межкультурной коммуникации с использованием

электронных средств ошибки восприятия и передачи смысла создают коммуникативные проблемы, имеющие ощутимые последствия, в том числе межкультурные. В частности, последний пример вызвал у читателей реакцию возмущения действиями императора Николая I, обусловленную неправильным переводом.

В литературе преобладает позиция, что проблемы перевода возникают из-за недостаточного корпуса лексем, охватываемых электронными программами, что именно увеличение словаря должно обеспечить качество цифрового перевода. Несколько не оспаривая идею расширения словарных корпусов, считаем, что цифровые программисты должны уделять внимание и специфическим грамматическим системам славянских языков. Именно компоненты грамматической структуры предложения, передаваемые в славянских языках грамматическими формами рода, числа, падежа, одушевленности существительного и согласованных слов, глагольные категории наклонения, вида, времени, переходности, отвечают за воспроизведение смысловой структуры реальной ситуации. Однако именно грамматический аспект недостаточно проработан в программах цифрового перевода для славянских языков. Ошибки перевода выявляют влияние английского языка как посредника в онлайн-системах, в том числе при переводе славянских текстов на русский язык. Ошибки, выявляющие неспособность программы распознать такие распространенные славянские грамматические категории, как род существительных; род, число и степень сравнения прилагательных, связаны с тем, что в английском языке данных грамматических категорий нет. Система цифрового перевода должна не только обладать высоким уровнем владения исходным и целевым языками, учитывать характер коррелирующих языковых систем, но и заключать специфику культурных реалий. Совершенствование цифрового перевода со славянских языков требует большего внимания к лингвистической специфике, особенностям национальных реалий и культур.

Выводы

Исследование показало недостаточное качество цифровых переводов со славянских языков на русский. В них выявлены достаточно часто наблюдаемые коммуникативные ошибки на всех языковых уровнях: лексико-семантическом, словообразовательном, грамматическом. Обнаруженные расхождения между оригинальными текстами на славянских языках и переводами на русский свидетельствуют о зависимости качества перевода от английского языка как языка-посредника. В статье продемонстрированы типы денотативных ошибок при цифровой

передаче характерных грамматических категорий славянских языков. Семиотические эффекты таких грамматических ошибок состоят в разрушении целостности смысла исходного текста. Цифровой перевод в Интернете обладает бесспорными технологическими преимуществами, однако его качество не может не влиять на межкультурную коммуникацию. Очевидна актуальность разработки славянских национальных программ прямого цифрового перевода с учетом специфики языковых систем. Дальнейшие перспективы исследования связаны с изучением семантических потерь в информационных материалах определенных жанров и определением социокультурных последствий искажения информации в цифровом переводе в различных сферах.

Литература

1. *Van Дейк Т.А., Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988. С.153–211.
2. *Карпенко Л.Б.* Цифровая коммуникация и проблемы перевода (на материале болгарских и русских сетевых текстов // Foreign language teaching. 2021. № 48. С. 231–240.
3. *Колокольцева Т.Н., Лутовинова О. В.* Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М.: Флинта, 2018. 328 с.
4. Константинов А. Бай Ганьо. София: Пан «96», 2005. 253 с.
5. Переходъко И.В., Мячин Д.А. Оценка качества компьютерного перевода // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 202. С. 92–96.
6. Убин И.И. Современные средства автоматизации перевода: надежды, разочарования и реальность//Перевод в современном мире. М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы, 2001. С. 60–69.
7. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Избранные труды. М.: Прогресс, 1985. С. 361–368.
8. *Amram A, Ben David A, Tsarfaty R.* Representations and architectures in neural sentiment analysis for morphologically rich languages: Case study from modern Hebrew // Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics, Santa Fe, New Mexico, 20–26 August 2018. P. 2242–2252. URL: <https://aclanthology.org/C18-1190> (дата обращения: 25.01.2023).
9. *Baden Ch. et al.* Three Gaps in Computational Text Analysis. Methods for Social Sciences: A Research Agenda // Communication Methods and Measures. 2021. № 16. P. 1–18. URL: <https://www.researchgate.net> (дата обращения: 30.03.2023).
10. *Bartlett F.C.* Remembering: a Study in Experimental and Social Psychology. London: Cambridge University Press, 1932. 317 p.

11. Bobrow D.G., Collins A. Representation and Understanding: Studies in Cognitive Science. New York: Academic Press, 1976. 427 p.
12. Brady H.E. The challenge of big data and data science // Annual Review of Political Science. 2019. № 22. P. 297–323. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-090216-023229>
13. Clark H.H. Psychology and Language: an Introduction to Psycholinguistics. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1977. 608 p.
14. Facebook: URL: <https://www.facebook.com>
15. Fodor J.A., Bever T.G., Garret M.F. The Psychology of Language. New York: McGraw-Hill, 1974. 537 p.
16. Most popular social networks worldwide as of February 2025, by number of monthly active users. URL: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users/> (дата обращения: 30.03.2025).
17. Nagao M.A. New Method of N-gram Statistics for Large Number of n and Automatic Extraction of Words and Phrases from Large Text Data of Japanese // Proceedings of the 15th International Conference on Computational Linguistics. Kyoto, 1994. Vol. 1. P. 611–615.
18. Stypuła R., Kowaloowa G. Słownik polsko-rosyjski. Warszawa; Moskwa: Wiedza powszechna – Russkij Jazyk, 1975. 839.
19. Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka za svítové války. M.: T8RUGRAM, 2016. 392 p.

References

1. Van Dejk, T.A. & Kinch, V. (1988) Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for Comprehending Coherent Text]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 23. pp. 153–211.
2. Karpenko, L.B. (2021) Tsifrovaya kommunikatsiya i problemy perevoda (na materiale bolgarskikh i russkikh setevykh tekstov [Digital Communication and Translation Problems (on the Material of Bulgarian and Russian Online Texts)]. *Foreign Language Teaching*. 48. pp. 231–240.
3. Kolokoltseva, T.N. & Lutovinova, O.V. (2018) *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet Communication as a New Speech Formation]. Moscow: Flinta.
4. Konstantinov, A. (2005) *Bay Gan'o*. Sofia: Pan “96.”
5. Perekhodko, I.V. & Myachin, D.A. (2017) Otsenka kachestva komp'yuternogo perevoda [Assessing the Quality of Computer-assisted Translation]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 202. pp. 92–96.
6. Ubin, I.I. (2001) Sovremennye sredstva avtomatizatsii perevoda: nadezhdy, razocharovaniya i real'nost [Contemporary Translation Automation Tools: Hopes, Frustrations and Reality]. In: *Perevod v sovremenном mire* [Translation

in the Contemporary World]. Moscow: Vserossiyskiy tsentr perevodov nauchno-tekhnicheskoy literatury. pp. 60–69.

7. Jakobson, R.O. (1985) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Progress. pp. 361–368.

8. Amram, A., Ben David, A. & Tsarfaty, R. (2018) Representations and architectures in neural sentiment analysis for morphologically rich languages: Case study from modern Hebrew. *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics*. Santa Fe, New Mexico, August 20–26, 2018. pp. 2242–2252. [Online] Available from: <https://aclanthology.org/C18-1190> (Accessed: 25th January 2023).

9. Baden, Ch. et al. (2021) Three Gaps in Computational Text Analysis. Methods for Social Sciences: A Research Agenda. *Communication Methods and Measures*. 16. pp. 1–18. [Online] Available from: <https://www.researchgate.net> (Accessed: 30th March 2023).

10. Bartlett, F.C. (1932) *Remembering: a Study in Experimental and Social Psychology*. London: Cambridge: University Press.

11. Bobrow, D.G. & Collins, A. (1976) *Representation and Understanding: Studies in Cognitive Science*. New York: Academic Press.

12. Brady, H.E. (2019) The challenge of big data and data science. *Annual Review of Political Science*. 22. pp. 297–323. doi: 10.1146/annurev-polisci-090216-023229

13. Clark, H.H. (1977) *Psychology and Language: an Introduction to Psycholinguistics*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.

14. Facebook. [Online] Available from: <https://www.facebook.com>

15. Fodor, J.A., Bever, T.G. & Garret, M.F. (1974) *The Psychology of Language*. New York: McGraw-Hill.

16. Statista.com. (2025) *Most popular social networks worldwide as of February 2025, by number of monthly active users*. [Online] Available from: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users/> (Accessed: 30th March 2025).

17. Nagao, M.A. (1994) New Method of N-gram Statistics for Large Number of n and Automatic Extraction of Words and Phrases from Large Text Data of Japanese. *Proceedings of the 15th International Conference on Computational Linguistics*. Vol. 1. Kyoto. pp. 611–615.

18. Stypuła, R. & Kowaloowa, G. (1975) *Słownik polsko-rosyjski* [Polish-Russian Dictionary]. Warszawa-Moskwa: Wiedza powszechna – Russkij Jazyk.

16. Hašek, J. (2016) *Osudy dobrého vojáka Švejka za svítové války*. Moscow: T8RUGRAM.

Карпенко Людмила Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации Самарского национального исследовательского университета (Россия).

Liudmila B. Karpenko – Samara National Research University (Russia).

E-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru

УДК 323.1(47-15)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/15

Компаративный анализ русинского и западнополесского движений в современной этнополитологии

О.Г. Казак

Белорусский государственный экономический университет

Беларусь, 220070, г. Минск, Партизанский пр., 26

E-mail: kazak_og@bseu.by

Авторское резюме

Представлен анализ научных работ, в которых содержатся элементы компаративного анализа двух этнополитических движений в среде славянских народов – русинского движения в Украине и западнополесского движения в Беларуси. Выявлен ряд неточностей, допущенных авторами рассматриваемых исследований, которые можно объяснить недостаточным количеством работ с системным представлением фактографической информации об этнополитических движениях (в особенности данный тезис актуален для историографии западнополесского движения). Чрезмерная политическая ангажированность также является фактором снижения научного потенциала ряда исследований по рассматриваемой проблематике. Только в работе российского политолога А.А. Токарева представлена попытка комплексного анализа русинского и западнополесского движений как сецессионных проектов в постсоветских государствах на основе детального рассмотрения чётко определённого комплекса факторов. Перспективным видится выработка универсальной методологии для оценивания этнополитических движений (включая русинское и западнополеское движения) в славянском культурно-цивилизационном пространстве. Одной из основ такой методологии может стать описанный в статье подход, предложенный чешским антропологом П. Лозовюком, а также упомянутая концепция А.А. Токарева. Потенциальным авторам компаративных исследований рекомендуется обращаться к качественным научным работам, посвящённым природе русинского и западнополесского этнополитических движений, а также продолжить поиск новых источников (в частности архивных документов, в том числе отражающих позиции властных элит и институтов гражданского общества различных государств, оказывавших влияние

на подобного рода движения), способных объяснить малоизученные аспекты анализируемых явлений.

Ключевые слова: русины, полешуки, этнополитология, этнополитическое движение, сепаратизм

Comparative analysis of the Rusin and West Polesian movements in contemporary ethnopolitology

Oleg G. Kazak

26 Partizanskiy pr., Minsk, 220070, Belarus

E-mail: kazak_og@bseu.by

Abstract

This article reviews scholarly works that feature comparative analyses of two Slavic ethnopolitical movements: the Rusin movement in Ukraine and the West Polesian movement in Belarus. The analysis identifies several inaccuracies in the existing literature, which can be attributed to a scarcity of systematic, fact-based studies on these movements – a particular issue within the historiography of the West Polesian case. Furthermore, the scholarly potential of numerous works is diminished by excessive political engagement. To date, only the work of Russian political scientist A.A. Tokarev presents a comprehensive analysis, framing the Rusin and West Polesian movements as secessionist projects within post-Soviet states through a detailed assessment of a clearly defined set of factors. The development of a universal methodology for evaluating ethnopolitical movements (including the Rusin and West Polesian) within the Slavic cultural and civilizational space seems promising. A foundation for such a methodology could integrate the approach of Czech anthropologist P. Lozoviuk, as discussed in this article, with Tokarev's aforementioned framework. Future comparative studies should engage with high-quality research on the nature of these movements and pursue new sources (in particular, archival documents that elucidate the positions of ruling elites and civil society institutions in states that have influenced such movements) that may clarify under-researched aspects of the phenomena.

Keywords: Rusins, Poleshuchs, ethnopolitical science, ethnopolitical movement, secession

В период горбачёвской перестройки в советских республиках (Беларусь и Украина) практически одновременно возникают этнополитические движения, бросившие вызов устоявшейся концепции о трёх восточнославянских народах. Активисты западнopolесского движения во главе с филологом Н.Н. Шеляговичем утверждали, что автохтонное население западной части Брестской области Советской Беларуси является самостоятельным народом (западными полешуками, ятвягами), который в силу своей этнокультурной уникальности вправе претендовать на национально-культурную автономию, а в будущем – на создание суверенного государства. Сторонники русинского движения в Закарпатской области Украины считали, что русины являются отдельным народом, имеющим самобытную культуру и традиции собственной государственности. Несмотря на очевидную схожесть данных этнополитических движений, их комплексный сравнительный анализ до настоящего времени не осуществлялся. Некоторые аспекты формирования активистами западнopolесского и русинского движений собственного исторического нарратива, использовавшегося в качестве аргумента в обосновании своих политических претензий, раскрываются в одном из наших исследований [6]. Об интересе отдельных белорусских учёных (в частности, П.В. Терешковича) к альтернативным этнополитическим движениям шла речь в статье, посвящённой присутствию русинского вопроса в общественно-политическом дискурсе Беларуси в 1990-е гг. [7]. Нами были выявлены и проанализированы иные этнополитологические исследования учёных из России и Украины, которые обращались к характеристике и русинского, и западнopolесского движений.

В коллективной монографии «Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст», изданной в Санкт-Петербурге в 2021 г., западнopolеское движение в Беларуси и русинское движение в Украине рассматриваются в числе 10 наиболее заметных «проблемных случаев, вокруг которых шла концентрация конфликтного потенциала в 1990-х гг.» в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. Авторы утверждают, что сторонники «ятвяжского» проекта требовали культурно-политической автономии для Западного Полесья и конкурировали в регионе с «украинским сепаратистским» движением [1: 16–17]. Данное противопоставление «украинского сепаратистского» и «ятвяжского автономистского» движений выглядит несколько упрощённым. Лидер западнopolесского движения Н.Н. Шелягович в начале своей политической карьеры публично озвучивал идею возможной полной суверенизации региона [14: 7–8]. Наиболее радикальные активисты украинского движения в Беларуси в конце 1980-х – начале 1990-х гг.,

такие как лидер «Украинского общественно-культурного объединения Брестской области» Н.С. Козловский, декларировали присоединение региона к Украине на самых ранних этапах развития движения, позже они лишь требовали от властей официально признать коренное население западных районов Брестчины этническими украинцами и обеспечить реализацию их национально-культурных прав [9]. О русинском движении в Закарпатской области Украины авторы анализируемой монографии упоминают в контексте «локальных регионов Западной Украины со специфичными противоречиями» наряду с «венгеро-славянскими противоречиями в Закарпатье, сложностями в румыно-украинских отношениях в Черновицкой области Украины» [14: 18].

Комплексный подход к анализу попыток сепацессий на постсоветском пространстве применил доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации А.А. Токарев. Автор рассмотрел 20 «сложных» случаев территориального развития после распада СССР, среди которых были западнополесское и русинское движения. Среди факторов, которые оказывали определяющее воздействие на потенциальную сепацессию, учёный называл наличие политической организации у сепаратистов, отдельного этноса, выступающего за сепацессию, собственного языка, отличного от языка «материнского государства», государства-патрона (в том числе находящегося у границ государства-сегмента и населённого тем же этносом), исторического опыта вооружённой борьбы за автономию или сепацессию. Примечательно, что автор признаёт существование русинского этноса и русинского языка, а в отношении западнополесского этноса и языка делает оговорку о том, что «предпринимались попытки искусственного конструирования» последних. А.А. Токарев фиксирует отсутствие государства-патрона у сторонников западнополесского движения и наличие такого фактора в русинском движении. При этом в качестве данного государства названа только Венгрия, которая, по мнению политолога, выступает для русинов «если и не патроном сепацессии, то надёжным защитником в спорных гуманитарных и лингвистических вопросах» [13: 28, 34–36]. На наш взгляд, при анализе данного сюжета следовало обратить внимание на национальную политику других государств, в которых русины признаны отдельным народом и имеют широкие возможности национально-культурного развития (в частности на Словакию). Не ставя под сомнение научный потенциал применённого А.А. Токаревым аналитического подхода, стоит отметить неточности в характеристике западнополесского движения. Политолог со ссылкой

на журналистскую статью называет Н.Н. Шеляговича «белорусским историком» [13: 25], хотя лидер западнополесского движения является филологом. Кристаллизация западнополесского этнополитического движения происходила в развитие лингвистических экспериментов Н.Н. Шеляговича и его сторонников по созданию литературной нормы западнополесского языка на основе региональных диалектов.

В современной украинской этнополитологии обращение к западнополесской проблематике отличается крайней спорадичностью. В 2025 г. в Киеве была опубликована коллективная монография «Символы украинофобии: материалы к справочнику». В реализации проекта принимали участие как структурные подразделения Национальной академии наук Украины (Институт истории Украины, Институт украинской археографии и источниковедения имени М.С. Грушевского), так и некоммерческие организации Украины (Общественный проект «ЛІКБЕЗ. Исторический фронт») и США («Фонд кафедр украиноведения»). Западнополесский вопрос в монографии рассматривается в контексте русинской проблемы в Украине. Активисты русинского движения обвиняются в политическом авантюризме, украинофобии, сепаратизме, само движение рассматривается как искусственный конструкт, лишённый объективных оснований. В книге декларируется популярная в украинской науке точка зрения, согласно которой этнополитические движения, такие как русинское и западнополеское, были инициированы спецслужбами для «торпедирования» процессов суверенизации советских республик. Автор соответствующей главы, украинский историк-геральдист, доктор исторических наук А.Б. Гречило (Львов) отмечает: «Распад Советского Союза сопровождался попытками центральной власти всячески затормозить выход союзных республик из состава СССР. Для этого активно использовались наработанные конфликтологические технологии, цель которых заключалась в разжигании сепаратизма в отдельных регионах и создании политической нестабильности или даже военных конфликтов. Нагорный Карабах, Приднестровье, Абхазия до сих пор являются такими проблемными зонами. В Украине подобные технологии начали применяться не только в Крыму и в других южных и восточных регионах, но и в западных областях. Попытка изобрести в конце 1980-х – начале 1990-х гг. новый «четвёртый восточнославянский народ» на пограничье Украины и Беларуси – ятвягов – оказалась неудачной, хотя её и стремятся представить как «этнокультурное» или «этнополитическое» движение (здесь А.Б. Гречило ссылается на наши работы. – Автор). Полешуки не повелись на такие провокации, и этот проект пришлось вскоре свернуть» [4: 111]. А.Б. Гречило допускает явную неточность, утверждая, что западнополеское движение было

направлено на размывание национального самосознания населения Украины. В движении принимали участие отдельные представители интеллигенции Украины, однако оно было распространено только в Беларуси. Свои требования Н.Н. Шелягович и его единомышленники адресовали институтам власти Советской Беларуси и суверенной Республики Беларусь.

В работе украинского лингвиста Л.О. Белая «“Русинский” сепаратизм: нациестроительство *in vitro*» русинское этнополитическое движение рассматривается преимущественно как результат деятельности внешних сил, незаинтересованных в консолидации украинской нации, и региональных элит Закарпатской области, которые путём подчёркивания этнокультурного своеобразия жителей региона стремятся увеличить собственный политический капитал [2]. Известный российский специалист в области этнополитологии П.В. Осколков привёл работу Л.О. Белая в качестве примера радикально конструктивистской оценки природы национальных движений [12: 126]. Украинский лингвист в своей монографии косвенно затрагивает западнополесский сюжет, но делает это весьма своеобразно. Л.О. Белей ссылается на материал, опубликованный в издании русинов-лемков Польши «Беседа» в 1990 г., и отмечает: «В материале о полесских ятвягах автора “больше всего шокировало”, что в “ятвяжском” языке Украина – это “Русынь”, по его мнению, “это нелогично”» [2: 184]. Действительно, в текстах газеты «Збудінне» (печатный орган Общественно-культурного объединения «Полісьсе») термин «русинский» использовался в значении «украинский», что полностью соответствовало концепции Л.О. Белая о постепенном естественном вытеснении одного этнонима («русин») другим («украинец») на территории современных Галиции и Закарпатья. Однако апелляция к мнению активистов движения, очень схожего по своей природе с критикуемым автором «политическим русинством», выглядит крайне сомнительной и противоречащей внутренней логике.

Таким образом, можно констатировать отсутствие комплексных компартиативных исследований природы русинского и западнополесского этнополитических движений. Редкие попытки сравнения данных феноменов политической реальности постсоветского пространства выглядят не совсем удачными. Украинские учёные склонны трактовать русинское и западнополеское движения исключительно в качестве искусственно сконструированной угрозы процессам украинского нациестроительства. Сравнительные исследования российских специалистов в сфере этнополитики отличаются перспективной методологией, но пестрят фактографическими неточностями, связанными с поверхностным знакомством авторов с особенностями движений. В

то же время имеются качественные (хотя и небесспорные) диссертационные работы, разделы коллективных монографий, научные статьи о русинском движении российских и украинских учёных (например, работы В.И. Веселова [3], Н.И. Кичеры [10], М.П. Зана [5] и др.), в 2023 г. было опубликовано комплексное исследование о западнополесском этнополитическом движении в Беларуси, базирующееся на впервые введённых в научный оборот источниках [8]. В этой связи видится возможной подготовка фундированного сравнительного исследования этнополитических движений, направленных на формирование альтернативных национальных идентичностей у славянских народов. Определённый интерес может представлять работа чешского учёного П. Лозовюка, который предложил методику анализа движений трёх «новых славянских народов» – кашубов Польши, русинов Словакии и мораван Чехии. Данный автор отметил внутреннюю неоднородность каждого из движений (например, антрополог выделил два крыла моравского движения – «национально ориентированные мораване» и «сторонники моравского своеобразия в рамках чешского народа») и выявил степень важности различных компонентов общественной жизни (языковая пропаганда, собственная письменность, декларирование особого статуса группы, подчёркивание элементов самобытной народной культуры, артикуляция групповых требований в сфере политики, акцент на историческом прошлом группы) для каждого из направлений анализируемых движений [11: 373]. Использование подобной методики с опорой на достоверные сведения о русинском и западнополесском движении способно создать условия для лучшего научного осмыслиения этнополитических процессов у восточнославянских народов.

Литература

1. Ачкасов В.А., Абалян А.И., Андреев А.А., Никифоров А.А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2021. 640 с.
2. Белей Л.О. «Русинський» сепаратизм: націєтворення *in vitro*. Київ: Темпора, 2017. 392 с.
3. Веселов В.И. Русины Закарпатской области Украины: институализация и функционирование общественных организаций в 1989–2001 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 188 с.
4. Гречило А. Символи «політичного русинства» // Символи українофобії: матеріали до довідника / науч. ред. А. Гречило. Київ: Юрка Любченка, 2025. С. 111–119.

5. Зан М.П. Украина: этнополитические процессы на национальном и региональном уровне // Этнополитические процессы в современной Европе / под ред. П.В. Осколкова. М.: Институт Европы Российской академии наук, 2022. С. 42–76.

6. Казак О.Г. Интерпретация прошлого как инструмент формирования альтернативных идентичностей восточнославянских народов: русинское и западнopolеское этнополитические движения в позднесоветский период // Новый союз югославян: реалии и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., 24 марта 2023 г. Минск: Колорград, 2023. С. 74–78.

7. Казак О.Г. Русинский вопрос в общественно-политическом дискурсе Беларуси (1990-е гг.) // Русин. 2022. № 69. С. 306–320. doi: 10.17223/18572685/69/17

8. Казак О.Г., Середа А.С. Западнopolеское этнополитическое движение в Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.). Минск: Колорград, 2023. 101 с.

9. Казак О.Г., Середа А.С. Украинский фактор в этнополитических процессах Беларуси: деятельность «Украинского общественно-культурного объединения Брестской области» в 1990-е гг. // История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. ст. Междунар. науч.-практ. школы-конф. молодых учёных, 24–27 октября 2023 г. М.: Ин-т рос. истории РОС. академии наук, 2023. С. 391–398.

10. Кічера Н.І. Русини в етнополітиці країн Центральної та Південно-Східної Європи: дис. ... канд. політ. наук. Чернівці, 2015. 256 с.

11. Лозовюк П. Новые славянские народы: реальность или фикция? // Русский сборник. 2012. Т. XII. С. 368–377.

12. Осколков П.В. Очерки по этнополитологии. М.: Аспект Пресс, 2021. 176 с.

13. Токарев А.А. Как появляются постсоветские сепаратисты: факторы, способствующие и препятствующие выходу // Международная аналитика. 2022. Т. 13, № 4. С. 19–42. doi: 10.46272/2587-8476-2022-13-4-19-42

14. Шэляговіч М. Яцвяжская (палесская) адраджэнне // Беларуская мова і літаратура ў школе. 1989. № 12. С. 6–9.

References

1. Achkasov, V.A., Abalyan, A.I., Andreev, A.A. & Nikiforov, A.A. (2021) *Etnopoliticheskie konflikty i mobilizatsiya v sovremennom mire: postsovetskiy kontekst* [Ethnopolitical conflicts and mobilization in the modern world: post-soviet context]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy.

2. Beley, L.O. (2017) “Rusins’kiy” separatizm: natsietyorennya in vitro [“Rusin” Separatism. The Making of a Nation in Vitro]. Kyiv: Tempora.

3. Veselov, V.I. (2016) *Rusiny Zakarpatskoy oblasti Ukrayny: instituilizatsiya i funktsionirovaniye obshchestvennykh organizatsiy v 1989–2001 gg.* [Rusins of the

Transcarpathian Region of Ukraine: Institutionalization and Functioning of Public Organizations in 1989–2001]. History Cand. Diss. Moscow.

4. Grechylo, A. (2025) Symvoly «politychnogo rusynstva» [Symbols of “political Rusinism”]. In: Grechylo, A. (ed.). *Symvoli ukraïnofobії* [Symbols of Ukrainianophobia]. Kyiv: Yurka Lyubchenka. pp. 111–119.

5. Zan, M.P. (2022) Украина: etnopoliticalske protsessy na natsional'nom i regional'nom urovne [Ukraine: Ethnopolitical Processes at the National and Regional Levels]. In: Oskolkov, P.V. (ed.) *Etnopoliticalske protsessy v sovremennoy Evrope* [Ethnopolitical Processes in Modern Europe]. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. pp. 42–76.

6. Kazak, O.G. (2023) Interpretatsiya proshlogo kak instrument formirovaniya al'ternativnykh identichnostey vostochnoslavjanskikh narodov: rusinskoe i zapadnopolesskoe etnopoliticalske dvizheniya v pozdnesovetskiy period [Retaliation of the past as a tool for the formation of alternative identities of the East Slavic peoples: Rusin and West Polesie ethnopolitical movements in the late Soviet period]. *Novyy soyuz jugoslavyan: realii i perspektivy* [New Union of Yugoslavs: Realities and Prospects]. Proc. of the International Conference, March 24, 2023. Minsk: Colorgrad. pp. 74–78.

7. Kazak, O.G. (2022) The Rusin question in the socio-political discourse of Belarus (1990s). *Rusin*. 69. pp. 306–320 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/69/17

8. Kazak, O.G. & Sereda, A.S. (2023) *Zapadnopolesskoe etnopoliticalske dvizhenie v Belarusi (konets 1980-kh – pervaya polovina 1990-kh gg.)* [West Polesian ethnopolitical movement in Belarus (late 1980s – first half of the 1990s)]. Minsk: Colorgrad.

9. Kazak, O.G. & Sereda, A.S. (2023) Ukrainskiy faktor v etnopoliticalsikh protsessakh Belarusi: deyatel'nost’ “Ukrainskogo obshchestvenno-kul’turnogo ob’edineniya Brestskoy oblasti” v 1990-e gg. [The Ukrainian factor in the ethnopolitical processes of Belarus: The activities of the “Ukrainian public and cultural association of the Brest region” in the 1990s]. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady* [History of Russia from ancient times to the 21st century: Problems, discussions, new views]. Proc. of the International Conference of Young Scholars. October 24–27, 2023. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. pp. 391–398.

10. Kichera, N.I. (2016) *Rusyny v etnopolityci krai’n Central’noi’ ta Pidvidenno-Shidnoi’ Jevropy* [Rusyns in the ethnopolitics of the countries of Central and South-Eastern Europe]. Political Science Cand. Diss. Chernivtsi.

11. Lozovyuk, P. (2012) Novye slavyanskie narody: real’nost’ ili fiktsiya? [New Slavic peoples: reality or fiction?]. *Russkiy sbornik*. 12. pp. 368–377.

12. Oskolkov, P.V. (2021) *Ocherki po etnopolitologii* [Essays on Ethnopolitical Science]. Moscow: Aspekt Press.

13. Tokarev, A.A. (2022) Kak poyavlyayutsya postsovetskie setsessii: faktory, sposobstvuyushchie i prepyatstvuyushchie vykhodu [How Post-Soviet Secessions Occur: Factors Facilitating and Impeding Secession]. *Mezhdunarodnaya analitika*. 13(4). pp. 19–42. doi: 10.46272/2587-8476-2022-13-4-19-42
14. Shelyagovich, M. (1989) Yatsvyazhskae (palesskiae) adradzhenne. *Belaruskaya mova i litaratura ý shkole*. 12. pp. 6–9.

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета (Беларусь).

Oleg G. Kazak – Belarusian State Economic University (Belarus).
E-mail: kazak_og@bseu.by

В році 30. юбілею кодіфікації русинського язика на Словакії навсе одышов і другий із єго кодіфікаторів: Доц. ПгДр. Василь Ябур, к. н. (28.10.1936 – † 1.6.2025)

Мено доцента ПгДр. Василя Ябура, к. н., є добре знаме в наукових кругах нелем на Словакії, але і за єй граніцями. Найбівшов заслугов у русинськім відроднім русі є його робота над кодіфікацієв русинського літературного язика на Словакії, яка була святоно виголошена 27. януара 1995 у Братіславі. Їго научна робота як лінгвісты була вецераз оцінена, напосліди 15.4.2024 Золотов медайлов Пряшівской універзітети.

Василь Ябур ся народив 28 октября 1936 у Стасіні, окрес Снина. В роках 1954–1958 штудовав на Високій школі російского язика і літератури

в Празі комбінацію російский язык – український языку. В році 1969 на Універзітеті Коменського в Братіславі здобыв академічный тітул доктора філозофії (ПгДр.) в одборі російский язык. На тій істій універзітеті здобыв і далши два тітулы: в році 1987 научный тітул „кандідат наук” (CSc.) у научном одборі 73-05-9 Языкоznательство конкретных языковых ґруп – російский языку, а в 1991 році в тім самім одборі научно-педагогічный тітул „доцент” (Доц.).

По скончіню високошкольських штудій в роках 1961–1964 робив на Педагогічнім інштітуті в Кошицах, в роках 1964–1977 на Катедрі російского язика Педагогічной факультеты в Пряшові Універзітети П.Й. Шафаріка в Кошицах (одборный асістент), в роках 1987–1993 на Катедрі русистікы і западной філології Педагогічной факультеты Універзітеты Конштантіна Філозова в Нітрі, в роках 1992–1993 Факультеты

гуманітних наук Високої школи педагогічної в Нітрі (одборний асістент, доцент).

Визначну зміну в єго професіональній кар'єрі приніс рік 1989, по котрім ся зачинать історичний процес третього народного возродження карпатських Русинів у бывшій Чехословакії, пізніше в самостатній Словацькій республіці. Перша і найрепрезентативніша русинська організація на Словакії в контексті свого народно-возродного програму Русинів як єдну із своїх главних задач становила кодіфікацію русинського языка і єго заведжіння до розлічних сфер культурно-сполученського жывота Русинів на Словакії, главно у сфері школства. В інтересі сповніня становленых задач в роках 1993–1994 Русинська оброма здобула штатну дотацію на заложіння і діятельство Інституту русинського языка і культури, котрый поступно ся мав стати частев тогдышній Універзітет П.І. Шафаріка в Кошицях як нове научно-педагогічне робоче місце, респ. Катедра русинського языка і культуры. З обектівных прічин але тот інститут надале зістав єднов із частей Русинської обромы в Пряшові, про котрый веджіння організації глядало професіональных лінгвістів і научных робітників. Доц. ПгДр. Василь Ябур, к. н., ся став в 1994 році другим (по доц. ПгДр. Юрієви Панькови, к. н.) директором того інституту, під веджінём котрого ся завершила приправа найважніших приручників про формалне выголосіння кодіфікації русинського языка на Словакії – правил правопису русинського языка, ортоепічного словника, 5-язычного словника лінгвістічных термінів, учебників про основны школы і под. По скончіню 2-рочній штатной підпоры діятельства інституту, внаслідку чого інститут перестав фунговать, Василь Ябур в роках 1995 – 1996 наступив на місце дідактика про русинський язык на деташованім робочім місці Штатного педагогічного інституту в Пряшові. Выслідком ёго роботы были перши дві визначны концепції, вдяка которым предмет русинській языку і культура ся міг завести до школьской системы Словацької республіки: *Концепція навчання дітей обчанів Словацької республіки русинської народності* (1996), которая акцептовала основны принципы алтернатівного навчання і потребы русинськой громады на Словакії – навчання в материинськім языку, і *Концепція навчання русинського языка як материинского на основных школах із навчанем русинського языка* (1996), которая створила основы про навчання материинського языку у словацьких школах. Выпрацованем методології навчання русинського языка доцент Ябур ся занимав і як научный робітник Інституту про баданя навчання і култур народностей Універзітет Конштантіна Філоzoфа в Нітрі в роках 1997–1999.

Рік 1998 ся про словацьку русиністіку став переломным. В тім році ся на Словакії родить нова і барз визначна етапа про розвиток

високошкольской русиністікі, котра сімбolicно була споєна скоро з паралельним взником самостатної Пряшівської універзітети в Пряшові. Сучастю той етап, а доконця і єй протагоністом ся став якраз доцент Василь Ябур. Зачінаючі тым роком, русиністіка на Пряшівській універзітеті здобула шпеціфічну дотацію од Міністерства школства СР, котров штат дотує русиністіку аж доднесь. Од септембра 1998 аж до року 2016 Василь Ябур активно і неперестанно робив як доцент і науковий працівник на Одділіні русинського языка і культури Інституту народностних штудій і чужих языковів Пряшівської універзітети (1998–2006), пізніше Інституту регіональних і народностних штудій Пряшівської універзітети (2007–2008). Почас того періоду робив над методологієв навчання русинського языка на Пряшівській універзітеті і приправов *Програму проглубленых штудій русинського языка про штудентів Учительства про 1. ступінь основних школ Педагогічної факультети ПУ у Пряшові*, котрий ся реалізовав в роках 2000–2006. Сучасно в тім періоді – по зміні високошкольского закона в році 2002 – зачав з колегами з Одділіні русинського языка і культури Інституту народностных штудій і чужих языковів ПУ приправлювати концепцію історично первого у середній Європі бакаларського учительського штудійного програму Русинський язык і література, про котру ПУ здобула акредитацію в 2005 році. О два роки пізніше робив над приправов *історично первого магістерського штудійного програму Русинський язык і література*, про котрий ПУ здобула акредитацію в році 2009. В тім часі на основі рішіння нового ректора Пряшівської універзітети проф. РНДр. Рене Матловіча, ПгД. і по схвалінню Академічним сенатом ПУ, од 1 марта 2008 на ПУ быв створеный Інститут русинського языка і культури, котрого інтеґралнов частев ся стає і доцент Василь Ябур.

У своїм ціложывотнім научно-педагогічнім діяльтстві доцент Василь Ябур ся занимав проблематіков порівнюючої і функціональної лінгвістікы а од року 1994 главно розроблені нормативных приручників русинського языка. Під ёго веджінём була приправлена і зреалізована **кодифікація русинського літературного языка на Словакії в році 1995**. Наслідно ся став сполуавтором учебників русинського языка про середні школы і високошкольских учебників морфології і сінтаксісу русинського языка, главно але **історично первой по році 1989 Граматіки русинського языка** (2015).

За свою роботу про розвой русиністікы в словацькім і меджінароднім контексті доцент Ябур быв оціненым двома найвишышима оцініннями в русинськім культурно-сполоченьськім жывоті: **Преміёв св. Кірила і Мефодія за розвиток русинського языка** (2007) і **Преміёв Александра Духновіча за вызначне діло про русинський народ**

(2015), котры удзялюе Меджінародны конгрес русиньскага языка і Карпаторусиньскій научны цэнтер в США.

Работа Васіля Ябура была дакілько раз ацінена і на уровні Пряшіўскай універзіты. На пропозіцыю ректора ПУ в Пряшові Др. г. к. Проф. ПгДр. Петра Коні, ПгД., і з ёго рук Василь Ябур дістав **Стрібэрну медайлу Пряшіўскай універзіты за ціложывотну работу і вызначны вклад до науки і освіты ПУ у Пряшові** (2019).

За свій вклад до розвитку русиньскага языка доцент Ябур быў ацінены і на цілоштатній уровні – презідентков Словацкай рэспублікі Зузанов Чапутовов. З ў рук собі перавзяў штатны орден – **Прібінів хрест III. класы за выніятковы заслуги о розвиток Словацкай рэспублікі і за заслуги при кодіфікаціі русиньскага языка на Словакії (2021)**.

Найвысше – і зарівно послідне за жывота – ацінення собі доцент Василь Ябур перавзяў 15 апрыля 2024 з рук ректора Пряшіўскай універзіты на святочнім засіданю Академічнай громады ПУ в Пряшові. **Золоту медайлу Пряшіўскай універзіты Василь Ябур дістав за вызначну научно-педагогічну работу і за рэзвой Інстытуту русиньскага языка і культуры Пряшіўскай універзіты в Пряшові**.

Василь Ябур по собі охабив вызначнэ діло в контексті лінгвістікі, русиньскага языка, культуры,eduкацыі, на котрім можут ставляти ёго наследніцы і далшы ғенерацыі Русинів. В нашых сердцах будзе жыці навсе як скромнычоловік і способнычученый-лінгвіста, кодіфікатор русиньскага языка, який ся не бояв в 90-х роках 20. століття вступіти на неясну путь будованя і рэзвоя основ русиньскага языка і карпаторусиністікі. Мы, сучасницы, съмему за то вдячны.

Вічная ёму памяць і блаженый покой!

Редакчна рада часопису «Русин»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РУСИНЫ

Основан в 2005 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2025. № 80

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)
– 300 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул Миорица 1С, кв. 83.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 25.06.2025.

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 97/1125.

Отпечатано в типографии «Taicom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

